

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

сборник материалов
Всероссийской молодежной научной
школы-конференции с международным участием
(27–29 сентября 2018 г.)

Новосибирск
2018

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2P5)0
А 437

*Сборник утвержден к печати
Ученым советом Института истории СО РАН
Сборник подготовлен и издан
при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-39-10004 мол_2*

Редколлегия:

канд. ист. наук Д.С. Бобров, В.В. Введенский, М.А. Гордеева (*отв. секретарь*),
К.Л. Захарова, канд. ист. наук Т.И. Морозова (*отв. редактор*),
канд. ист. наук К.Г. Муратшина, д-р ист. наук В.Л. Портных,
канд. ист. наук М.А. Семенов, канд. ист. наук В.А. Сердюк,
канд. ист. наук В.А. Слугина, Д.Ю. Хоменко,
канд. ист. наук С.А. Шевченко, И.А. Шипилов

Рецензенты:

д-р ист. наук В.А. Ильиных
д-р ист. наук Н.Н. Родигина
д-р ист. наук В.И. Шипкин

A437 Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием / редкол.: М.А. Гордеева (отв. секр.), Т.И. Морозова (отв. ред.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. – 432 с.

ISBN 978-5-4437-0830-0

Сборник опубликован по результатам Всероссийской молодежной научной школы-конференции с международным участием, проведенной Советом научной молодежи Института истории СО РАН, Новосибирским государственным университетом и научно-образовательным центром «Историческое сибиреведение» 27–29 сентября 2018 г. Включенные в сборник материалы сгруппированы в семь тематических блоков: историография и источниковедение; демографическая история; социально-экономические процессы; взаимоотношения общества и власти; история культуры, науки и образования; военная история и международные отношения; теория и методология истории. Все статьи являются самостоятельными исследованиями и характеризуются научной новизной.

Издание рассчитано на профессиональных историков, преподавателей вузов, соискателей, аспирантов и студентов.

ISBN 978-5-4437-0830-0

© Институт истории СО РАН, 2018

Источниковедение и историография

В.А. Юршина

Тюменский государственный университет

Герменевтический анализ летописных известий о присоединении уделов братьев Ивана III к Москве

Статья посвящена проблеме присоединения уделов Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого к Московскому княжеству во второй половине XV в. Данная тема слабо изучалась исследователями в сравнении с присоединением, например, обширной Новгородской земли или земель давнего противника Москвы – Тверского княжества. Кроме того, в своих исследованиях историки использовали для анализа источников объективистско-позитивистские принципы научного анализа текста, то есть пытались восстановить объективную картину исторической действительности, опираясь на изложенные в источниках сведения. Рассматривая летописные известия сквозь призму здравого смысла, исследователи не могли в полной мере выявить мысли, изначально заложенные авторами летописей. В данной статье предпринята попытка проанализировать процесс присоединения уделов к Москве с точки зрения герменевтики. Герменевтический подход позволяет реконструировать первоначальный смысл текста и выяснить то, как средневековые творцы источников относились к описываемым ими событиям.

Ключевые слова: Иван III, Андрей Углицкий, Борис Волоцкий, герменевтика.

Период правления великого московского князя Ивана III извещен окончательным избавлением от татаро-монгольского ига, созданием первого Судебника, но особенно – объединением русских земель вокруг Москвы в единое государство. Отдельный интерес вызывает присоединение к Московскому княжеству земель, принадлежавших ранее родным братьям Ивана III. Исследование этого эпизода позволит нам рассмотреть политику объединения земель в новом ключе: через призму взаимоотношений Ивана III с его ближайшими родственниками. Кроме того, это один из немногих

аспектов правления Ивана III, который неоднозначно оценивается исследователями.

Как известно, все братья Василия II умерли в младенчестве и не оставили потомства. Таким образом, в правление Василия II вопрос об уделах внутри великокняжеской семьи не вставал. Василий Васильевич оставил пять сыновей, включая Ивана III. Древнерусская традиция, согласно которой каждый сын получал долю отцовского владения, была столь сильна, что Василию II пришлось принять ее во внимание. В завещании Василий II «благословил» старшего сына Ивана III великим княжеством и отдал в ее непосредственное управление около половины территории. Брат Ивана III Юрий стал князем дмитровским, Андрей Большой – князем углицким, Борис – князем волоцким, Андрей Меньшой – князем вологодским. Однако к концу правления Ивана III все уделы, кроме земель Бориса Волоцкого, были присоединены к Московскому княжеству. Каким же образом Ивану Васильевичу удалось преступить «старину» и присоединить уделы? Данная проблема никогда не была предметом отдельного исследования, но рассматривалась в контексте объединительной политики Ивана III. Историки, изучавшие данный период, были приверженцами объективистско-позитивистского подхода, поэтому из работ исследователей мы не можем понять то, как современники Ивана III оценивали его политику. Практически все наши предшественники руководствовались данным подходом и рассматривали летописные известия сквозь призму «здравого смысла».

Однако последние исследования в области древнерусской литературы показали, что летописи по большей части отражают мировоззрение своего создателя, а не объективную реальность¹. Средневековые летописцы отмечали не подлинные, реальные события, а пытались обнаружить в действительности черты высшего для христианского сознания исторического опыта². Поэтому в основе нашего исследования лежит иной принцип познания – герменевтический подход, позволяющий показать источник через

¹ Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 8.

² Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 18.

мировоззрение его автора и раскрыть для настоящего времени изначально заложенный в источнике смысл.

Основным методом данного исследования является центонно-парафразный принцип анализа текста. Летопись – сложное мозаичное произведение. Она состоит из набора инкорпорированных в нее частей других произведений – прямых и опосредованных цитат – центонов и парафразов. Установив источник цитаты, можно определить ее первоначальный контекст, а также выявить роль и смысловую нагрузку заимствованного отрывка в произведении средневекового автора³.

Значительную часть летописания занимают центоны и парафразы из Священного Писания. Восприятие истории в Средние века в значительной мере определялось знакомством с библейскими текстами: события воспринимались как значимые постольку, поскольку они соотносились с сакральными образцами⁴.

Проведем краткий историографический обзор исследуемой проблемы. Начиная с фундаментального труда Н.М. Карамзина историки выделяли следующие ключевые позиции во взаимодействии Ивана III с младшими братьями. Отмечалось, что их взаимоотношения изначально складывались непросто. Однако из четырех братьев Ивана Васильевича наиболее непримиримую позицию по отношению к великому московскому князю занял только один – Андрей Углицкий.

Юрий Васильевич, старший из братьев Ивана III, умер бездетным, оставив свой удел старшему брату. В 1482 г. умер Андрей Вологодский, тоже не оставив потомства. Он сильно задолжал Ивану Васильевичу, и завещанный удел был его оплатой. Оставшиеся в живых братья считали, что Ивану III надлежало поделиться с ними территориями, унаследованными от умерших братьев. Вслед за Н.М. Карамзиным многие историки считали, что вражда между братьями вспыхнула из-за несправедливости великого московского князя при разделе земель. Кроме того, отмечалось неповиновение братьев перед таким значительным событием, как стояние на реке Угре.

³ Данилевский И.Н. Повесть временных лет... С. 30.

⁴ Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. С. 5.

Ключевым моментом стала смерть матери – Марии Ярославны. По мнению Н.С. Борисова, подчеркивающего данный факт⁵, Андрей Углицкий был любимцем матери, и ее жизнь являлась гарантией его безопасности. Однако после смерти матери Иван Васильевич медлил и только через семь лет окончательно усмирил брата. Андрей Углицкий ослушался великого князя и не прислал свою рать на помощь Москве в одном из походов. После этого он был взят под стражу и, несмотря на просьбы митрополита о его освобождении, уморен в тюрьме, а удел его был взят московским князем. Второй же брат мирно скончался в 1494 г., а его удел был присоединен уже сыном Ивана Васильевича – Василием III.

Для историографов XIX – начала XX в. была характерна позиция возвеличивания роли Ивана III в процессе создания единого государства. Поэтому чаще всего историки вообще не замечали в его политике никаких отрицательных черт, делая акцент лишь на положительных характеристиках, заимствованных из источников. Вероятно, иное описание было невозможно в монархическом государстве. Историки объясняли поступок Ивана III по отношению к брату желанием изменить старый ход передачи власти следующему по старшинству брату и не допустить феодальной войны, подобной той, что омрачила его детские годы⁶.

Советские историки также не обошли стороной этот переломный период в истории Русского государства. Однако с 1920-х годов принципиально поменялся взгляд на историю: она стала исследоваться с позиций новой марксистской методологии. Несмотря на иной подход, исследователи продолжали считать Ивана III правым в расправе над непокорным братом. Историки оправдывали великого московского князя, сумевшего понять веление времени. Андрей

⁵ Борисов Н.С. Иван III. М., 2000. С. 595.

⁶ Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. Пг., 1918. С. 418; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. М., 1960. С. 93; Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1988. С. 105; Платонов С.Ф. Сочинения по русской истории. СПб., 1993. Т. 1. С. 570–573; Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., 1996. С. 426–429; Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1999. Т. 6. С. 352.

Углицкий стал необходимой жертвой для создания «государства всея Руси»⁷.

Но некоторые исследователи высказывали неодобрение поступку Ивана III, хотя в целом высоко оценивали политику великого московского князя. Например, Г.В. Вернадский считал, что Иван III наследовал уделы умерших братьев не по праву. Поэтому Андрей и Борис были правы в своей попытке поднять мятеж, но, к сожалению, он не был доведен до конца. Ученый осуждал Ивана Васильевича за то, что он приблизил смерть своего брата⁸.

В постсоветское время появились биографические работы, посвященные Ивану III. Личность великого московского князя начала рассматриваться без знака «плюс» или «минус». В исследованиях он выступал как противоречивый человек с непростой судьбой, совершавший ошибки, однако добившийся значительных результатов в деле создания государства. Авторы стали чаще осуждать поступок Ивана III, приведший к смерти брата, но обычно они оправдывали великого князя. Например, припоминали предательство Андрея накануне прихода Ахмата⁹ или утверждали, что произвол Ивана III по отношению к братьям объяснялся не его личной алчностью, а стремлением к полному единовластию, без которого невозможны были поддержание порядка внутри страны и надежное обеспечение ее внешней безопасности¹⁰.

Итак, отношение исследователей к рассматриваемой нами проблеме менялось на протяжении времени, однако в целом историки, если и не одобряли расправы Ивана III над братом, то пытались оправдать великого князя и пояснить причины его поступка.

Задача нашего исследования – провести анализ летописей с применением герменевтической методологии анализа текста, что-

⁷ Мавродин В.В. Образование единого Русского государства. Л., 1951. С. 115–118; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 875–876; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 56–60.

⁸ Вернадский Г.В. Россия в средние века. М., 1997. С. 208–210.

⁹ Скрынников Р.Г. Иван III. М., 2006. С. 245.

¹⁰ Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света. М., 2004. С. 20–26.

бы понять, как авторы источников относились к поступку великого князя, какой смысл они закладывали в описываемые ими события.

Рассмотрим официальное летописание. Московский летописный свод конца XV в. так сообщает о предательстве братьев накануне стояния на реке Угре: «В лето 6988 г. (1480 г.) братья великого князя, Андрей Большой да князь Борис отступиша от великого князя и поидоша в Углич, а с него во Ржеву. И князь великий посла за ними во Ржеву архиепископа Ростовского Васиана, глаголя им: возвратитесь на свои отчины и яз хочу вас жаловати а даю тебе князю Андрею к твоей отчине Колугу да Олексин. Они же не послушаша князя великого жалованья и владычных речей и опустиша архиепископа к князю великому ни с чем»¹¹.

В этом отрывке великокняжеские братья представлены нам мятежниками, которые безо всяких причин, по выражению летописца, «отступились» от него. Книжник не сообщает нам того, что братья были обижены на Ивана из-за неправильного деления земель после смерти их брата Юрия.

Рассмотрим продолжение этого отрывка: «Того же лета злоименитый царь Ахмат Большой Орды по совету братьев великого князя, князя Андрея и князя Бориса поиде на православное христианство, на Русь, на святые церкви, и все православие пленити и самого великого князя. А слышав, что братья отступили от великого князя, король польский Казимир с царем Ахматом соединился»¹².

Братья великого московского князя совершили грех, натравив на православную Русскую землю инородцев. Причину этого летописец не объясняет, возможно, для того, чтобы выставить братьев в наименее выгодном образе. Обратимся к Священному Писанию, а именно к книге Левита, наиболее точно характеризующей поступок братьев: «Не враждуй на брата твоего в сердце своем; не имей злобы на сынов народа твоего; но возлюби ближнего превыше себя»¹³. Скорее всего, летописец в этом отрывке пытался показать эти библейские истины. Конечно, переход на сторону иноверцев грех, но

¹¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М., 1949. С. 326–327.

¹² Там же.

¹³ Лев. 19:17–18.

еще больший грех – вражда со своим братом. Однако вскоре братья поняли свою ошибку. Как сообщает далее Московский летописный свод конца XV в., они прислали войска на помощь брату против Ахмата, и Иван III простил их и «принял с великой любовью»¹⁴.

Летописец не объясняет причин такой резкой перемены. Исследователи полагали, что поводом для их возвращения была корысть, ведь Иван III обещал им земли. Кроме того, они боялись за себя в случае поражения Ахмата. Литовский великий князь Казимир поддерживал хана Большой Орды лишь на словах, сам же не вмешивался в ход военных действий, поэтому победа великого московского князя была вполне реальна.

Однако можно предположить, что братья раскаялись в своей измене и поняли, что не смогут служить татарам против истинных православных христиан. Чуть дальше в тексте летописи говорится о татарах: «Сам дьявол из их уст глаголил той что древле прельстил Адама и Еву»¹⁵. Татары – слуги дьявола и служить им – значит добровольно обречь себя на адскую жизнь. Братья раскаялись и пришли с помощью к Ивану Васильевичу, который как истинный христианин не держал на них зла и принял обратно с любовью.

Этот рассказ повторяется в Иоасафской¹⁶, Никоновской¹⁷ и Воскресенской¹⁸ летописях. Летописцы не прибавили к истории о попытке предательства родных братьев великого князя ни слова.

Неофициальная Ермолинская летопись ничего не сообщает о предательстве братьев¹⁹. А.А. Шахматов признавал ее ростовским владычным (архиепископским) сводом. Б.М. Клосс датировал летопись концом 1480-х – началом 1490-х годов²⁰. Можно сказать, что составление Ермолинской летописи велось параллельно с работой московского книжника над великокняжеским сводом, однако часто события получали иную интерпретацию и преподносились в другом

¹⁴ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века... С. 328.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Иоасафская летопись. М., 1957. С. 119–123.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб., 1901. С. 197–199.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001. С. 204–206.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 162.

²⁰ Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 180.

ключе. Что касается отсутствия сообщения о предательстве братьев, мы можем сделать вывод, что данный эпизод был специально описан автором официальной летописи, для того чтобы оправдать последующую расправу Ивана III над Андреем Углицким.

Через 12 лет после описанных событий Андрей Большой вновь предал Ивана Васильевича. Обратимся к Московскому летописному своду конца XV в. как к летописи, наиболее приближенной по хронологии к описываемым событиям: «Тое же лета 6999 г. прииде весть к великому князю Ивану Васильевичу, что идут ордынские цари с силой на царя Крымского. Князь великий князю Андрею Васильевичу и князю Борису Васильевичу велел послать воевод своих. И князь Борис Васильевич воеводу своего послал, а князь Андрей Васильевич своего воеводу не послал»²¹.

Андрей Большой, в отличие от Бориса Волоцкого, вновь ослушался своего старшего брата. Между строк летописец обвинял Андрея в братской нелюбви, что, как мы уже выяснили, является грехом. Кроме того, в этом отрывке показано непослушание старшему в роде. Незадолго до этого события скончалась их мать – инокиня Марфа, и Иван Васильевич стал старейшим в семье и должен был почитаться братьями за родителей.

В итоге, как сообщает Московский летописный свод конца XV в., в 7000 г. (1492 г.) великий московский князь заключил брата на казенном дворе в Москве в наказание за его прежние грехи, попытку перейти на сторону врагов Ивана Васильевича – литовского короля Казимира и хана Большой Орды Ахмата. Борис Волоцкий при этом никак не пострадал²².

Московский князь Иван Васильевич оказался удивительно злопамятным. Он припомнил своему брату события 12-летней давности. Конечно, повод был – очередное неповиновение, но наказание казалось слишком жестоким. Исследователи полагали, что Иван III ждал смерти матери для того, чтобы расправиться с братом. Но, судя по всему, летописцы считали не так. Обратим внимание на год заключения Андрея Васильевича в тюрьму. 7000 г. – дата

²¹ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века... С. 332.

²² Там же. С. 333.

предположительного конца света. Возможно, Иван III опасался наказывать своего брата из-за боязни стать грешником, братоубийцей, вторым Каином, которого после апокалипсиса не ждало бы спасение. Конец света не наступил, и Ивану Васильевичу вспомнилось предательство брата накануне решающего сражения с Ахматом, отягощенное недавним неповиновением. Теперь он мог наказать углецкого князя, не опасаясь кары Господней.

Перейдем к более поздней Типографской летописи. Она сообщает нам о продолжении вышеописанного события: «В лето 7002 в месяце ноябре преставился князь Андрей Васильевич, а седе в тюрьме на Москве на казенном дворе 2 года и 47 дней... В лето 7006 велел князь великий Иван Васильевич быть Симеону митрополиту у себя на дворе с архиепископы и с епископы. Князь же великий встав перед отцом своим митрополитом с архиепископы и с епископы. Начатя бить челом пред ними с умилением и с великими слезами, прося у них прощения о своем брате князе Андрее Васильевиче, что своим грехом, несторожею его уморил»²³.

Андрей Большой умер, так и не выйдя на волю. И только спустя четыре года после его смерти Иван Васильевич раскаялся в том, что сам посодествовал смерти брата. Скорее всего, в этом отрывке летописец ссылался на Вторую книгу Царств со схожим сюжетом. Великий царь Давид любил своего сына Авессалома, который неоднократно предавал его, а позднее решил захватить власть над всем Израилем: «Стал вкрадываться в сердца израильтян»²⁴. Он готовил нападение на своего отца, как и Андрей Большой, выступал против своего старшего брата, но заговор Авессалома был раскрыт. Верные слуги Давида казнили его непокорного сына. Однако царь не был доволен этим. Он горько раскаялся в смерти сына: «И пошел царь в горницу над воротами, и плакал, и, когда шел, говорил так: сын мой Авессалом! Кто дал бы мне умереть вместо тебя!»²⁵.

Летописец сравнивал Ивана Васильевича с великим библейским царем Давидом, проводившим политику централизации

²³ ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Рязань, 2000. С. 383.

²⁴ 2 Цар. 15:6.

²⁵ 2 Цар. 18:33.

власти, как и великий московский князь. Давид для мира и народного успокоения вынужден был пожертвовать сыном, а Иван III – братом. Оба раскаялись в своем поступке, но изменить его было уже невозможно. Иван Васильевич был прощен, ибо все его действия совершались для блага богоизбранного народа. Он, как и царь Давид, должен был навечно остаться в памяти как объединитель русских земель в единое централизованное государство. А Андрей Большой – горестная для Ивана III жертва для достижения общенародного благополучия.

Особый интерес вызывает то, что данное сообщение содержится только в Типографской летописи. Официальные летописи конца XV – XVI в. рассказывают лишь о «поимании» Андрея Углицкого и о его смерти. О покаянии великого князя не говорится ни слова. Возможно, летописцы не хотели заострять внимание на этом событии, ведь своим раскаянием Иван III признавал себя виновным в смерти брата. Братоубийство было страшным грехом, в котором летописцы побоялись обвинять великого московского князя. Поэтому авторы летописей предпочли завершить эту историю скупым упоминанием о смерти Андрея Большого в заточении.

Покорный брат Борис Волоцкий мирно умер в 1494 г. В 1513 г. Волоцк был присоединен к Москве. Наследство Василия II полностью оказалось в руках великого московского князя.

В итоге, проанализировав летописи XV–XVI вв., мы можем сделать вывод, что исчерпывающих сведений летописные источники нам не дают, так как в них сохранилась лишь малая часть исторической действительности. Но для проведения герменевтического анализа нам был важен именно ход мыслей летописцев. Мы можем сделать вывод, что средневековые книжники не просто создавали русскую историю – они стремились показать повторяемость исторических событий на примере сравнения современности и библейского прошлого. Поэтому в исследуемом нами фрагменте истории авторы летописей сравнивали великого московского князя с библейским царем Давидом и косвенно давали понять, что Иван III являлся воплощением этого библейского персонажа, создателя единого государства.

В целом, о данном событии летописцы сообщали очень кратко, «неохотно», боясь бросить тень на непогрешимого прежде московского князя, ведь братоубийство было страшным грехом. Однако, по мнению большинства летописцев, Иван III не был завоевателем с точки зрения своих современников. Родной брат Ивана III, Андрей Углицкий, хотел предать родную землю, заключив договор с Казимиром и с ханом Большой Орды Ахматом, и потому был наказан.

У.Е. Головачева

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

**Конфликты о земле в Русском государстве
XV–XVI вв. в историографии: столкновение
частных интересов, социальная борьба или
государственная политика?***

Цель статьи – проанализировать представления российских историков XIX–XX вв. о земельных конфликтах в Русском государстве XV–XVI вв. Сделан вывод о том, что выработка единой концепции конфликта о земле напрямую связана с введением в научный оборот актовых источников, описывающих подобные противостояния. Реконструировано формирование и развитие концепции земельного конфликта. Отмечены дальнейшие пути эволюции представлений историков о конфликте в русском обществе раннего Нового времени.

Ключевые слова: раннее Новое время, государство модерна, Русское государство XV–XVI вв., историография, конфликт.

В современном социально-гуманитарном знании активно идет дискуссия, цель которой – осмыслить различные концепции конфликта, сформировавшиеся в Новое время и ставшие основой для современного представления о толерантности. В рамках дискуссии о конфликте необходимым является обращение к историографии. Представления историков о конфликте на разных этапах развития исторического знания трансформируются и являются отражением уровня конфликтности общества в целом. Таким образом, анализ бытования понятия «конфликт» в исследовательском поле историка представляется крайне актуальным в рамках изучения самого понятия и тех смыслов, которые закладывает в него общество.

Задачей настоящего исследования является изучение характеристик, использовавшихся историками в процессе изучения

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216).

конфликтов о земле в XV–XVI вв. Развитие традиционного общества, основанного на аграрном производстве, сопровождается постоянными земельными конфликтами. Под земельным конфликтом следует понимать противостояние между двумя лицами или корпорациями, возникающее по поводу земельной собственности, ее размеров, границ и владельческих прав на нее. Конкретным предметом изучения в рамках данной статьи являются представления историков о причинах, лежавших в основе земельных конфликтов, мотивах действий субъектов, способах разрешения конфликтных ситуаций, скрытых и явных результатах земельных противостояний.

Конфликты о земле в Русском государстве XV–XVI вв. в случае правового пути их разрешения были зафиксированы в актовых источниках, которые дошли до нас как в подлинниках, так и в списках в составе копийных книг. К настоящему времени известно около 250 актов, которые зафиксировали конфликты о земле (или их следы) в Русском государстве XV–XVI вв. Все эти акты являются результатом деятельности судов на основе обычно-правовой традиции или законодательно зафиксированной процедуры.

Наиболее значимыми в плане сбора и введения в научный оборот письменных источников о конфликтах о земле были секуляризация 1764 г., сформировавшая фонд грамот коллегии экономии (РГАДА. Ф. 281), а так же работа Археографической комиссии в XIX в. в библиотеках и архивах Российской Империи по сбору актов XIII–XVII вв. и монастырских копийных книг, итогом которой стали многотомные издания актового материала¹.

Одним из первых в русской историографии XIX в. внимание на источники, фиксирующие земельные конфликты, обратил И.Д. Беляев². Однако он касался только источниковедческих особенностей

¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. СПб., 1836. Т. 1–4; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841–1842. Т. 1–5; Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1842–1872. Т. 1–12.

² Беляев И.Д. Списки судные и докладные и грамоты правыя и безсудныя в Московском государстве // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1855. Кн. 2. Ч. 1. С. 115–137.

актов и их места в судопроизводственном процессе, не давая характеристику конфликтам, которые они фиксировали.

Деятельность Археографической комиссии по публикации актов XV–XVI вв. стимулировала исследования русской историко-юридической школы XIX в. Основными источниками, на которые опирались представители этого направления, являлись законодательные памятники. Фрагментарное и растянутое во времени введение в научный оборот актовых источников, фиксирующих конфликты о земле, привело к эпизодическому их использованию, когда они играли роль иллюстрации законодательных норм. Ф.М. Дмитриев в магистерской диссертации в подстрочнике проанализировал правые грамоты, опубликованные в «Актах исторических», а в основной текст вынес вывод о том, что в них встречаются имена представителей практически всех сословий, отмечая лишь, что судебный способ разрешения земельных конфликтов «составляет более право княжеских чиновников, чем потребность общества»³. Анализируя Судебник 1497 г., он сделал вывод о том, что для законодателя суды о земле являлись лишь совокупностью частных дел⁴. Наблюдая за развитием подсудности и изменением форм процесса в XVI в. (переход от обвинительной к следственной форме), Ф.М. Дмитриев одним из первых высказал предположение, что суды о земле в XVI в. приобретали особую актуальность для государства, которое таким образом скрыто участвовало в конфликтах. Государство через внедрение следственной формы пыталось поставить под свой контроль любые изменения форм собственности через суд, что было связано с развитием поместной системы и стремлением царской администрации к контролю над земельным фондом⁵. Применительно к истцам в судах о земле XVI в. Ф.М. Дмитриев допускал и негативные коннотации, отмечая «изобретательную риторику монастырей» в челобитных о нарушении владельческих прав, с которых начинались судебные разбирательства земельных конфликтов⁶. Таким

³ Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899. С. 14.

⁴ Там же. С. 170.

⁵ Там же. С. 185–186.

⁶ Там же. С. 189.

образом, уже в середине XIX в. впервые была высказана мысль о том, что государство не только предоставляло судебный механизм разрешения земельных конфликтов XV–XVI вв., но и стремилось к контролю над результатами конфликтов.

Другой представитель русской историко-юридической школы – М.Ф. Владимирский-Буданов, подготовивший «Обзор истории русского права», соглашаясь с Ф.М. Дмитриевым, отмечал, что разрешение конфликтов о землях через суд всегда производилось в интересах государства. Наряду с этим М.Ф. Владимирский-Буданов приводил примеры внесудебных – насильственных – способов разрешения земельных конфликтов на рубеже XIV–XV вв., ссылаясь на житие Дмитрия Прилуцкого, основателя Спасо-Прилуцкого монастыря, которого соседствующие крестьяне просто прогнали при попытке заложить монастырь на общинных землях⁷. Однако для автора в рамках его исследования более актуальным являлось изучение судебного способа разрешения конфликтов, и он продолжал иллюстративно привлекать опубликованные к этому времени акты XV–XVI вв.

Впервые акты как основной источник для изучения земельных конфликтов в Русском государстве XV–XVI вв. использовал Д.М. Мейчик. Он проанализировал судебный способ разрешения земельных конфликтов и пришел к выводу о том, что главной причиной противостояния становились права субъектов конфликта в отношении оспариваемой земли⁸.

С выводами Д.М. Мейчика был согласен и А.С. Лаппо-Данилевский. В исследовании, посвященном дипломатике русского частного акта, он упоминал, что правые грамоты из частных архивов, бывшие результатом судебного способа разрешения конфликтов, отражали факт использования суда в качестве инструмента подтверждения прав собственности на землю⁹.

Начало XX в. – это время проникновения марксизма в историческую науку. С.А. Шумаков, опубликовавший первый обзор фонда грамот коллегии экономии, отмечал, что акты являются важнейшим

⁷ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. СПб.; Киев, 1888. С. 454.

⁸ Мейчик Д.М. Грамоты XIV и XV вв. Московского архива министерства юстиции: их форма, содержание и значение в истории русского права. М., 1883. С. 41–42.

⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. С. 63.

свидетельством развития «междуклассовых отношений»¹⁰. Причинами земельных конфликтов он называл споры между монастырями и прежними владельцами земель о законности их перехода в состав монастырских вотчин¹¹. Автор заключил, что «узкоклассовое московское правительство» было заинтересовано в использовании судебных механизмов разбирательства земельных конфликтов для защиты светских землевладельцев от посягательств на землю со стороны митрополичьей кафедры и монастырей. Таким образом, впервые в историографии трактовка земельных конфликтов приобрела определение не частного конфликта, а классовой борьбы.

Эту мысль развил Н.П. Павлов-Сильванский в своих исследованиях о русском феодализме, подготовленных в 1907–1910 гг. Находясь под значительным влиянием русской историко-юридической школы второй половины XIX в. и марксизма одновременно, он сконцентрировал свое внимание на изучении структур русского феодального общества. Им были привлечены не только законодательные, но и актовые источники, фиксирующие разбирательства конфликтов о земле. Так, рассмотрев пример одного из судов о земле XVI в., он вслед за М.Ф. Владимирским-Будановым обратил внимание на наличие практики внесудебного – насильственного – разрешения земельного конфликта, но уже не при помощи изгнания с земли, а путем «наезда», то есть насильственного захвата спорного земельного участка, сопровождавшегося грабежами и убийствами. Н.П. Павлов-Сильванский обращал внимание на рост тяжб между боярами и монастырями в XVI в., связывая это с формированием сильной царской власти и развитием поместной системы, когда государство являлось своего рода подстрекателем конфликта, пытаясь таким образом поставить под свой контроль обе стороны. Он указал на противостояние мелких и крупных вотчин, незащищенность формировавшегося дворянства перед местными властями и сделал вывод о том, что земельные конфликты являлись не частными конфликтами, а примерами противостояния

¹⁰ Шумаков С. Обзор грамот коллегии экономии. М., 1917. Вып. 4. С. 9.

¹¹ Там же. С. 22.

между различными сословиями русского феодального общества со значительным вмешательством в них государства¹². Выводы о сословной структуре и сословной политике государства, сделанные на основе обращения к земельным конфликтам XV–XVI вв., исследователь вписал в контекст развития феодализма в Европе.

Таким образом, в рамках дореволюционной историографии не было предложено единой концепции конфликта о земле в Русском государстве XV–XVI вв. Исследователи в условиях невысокой доступности источников ограничивались лишь выделением отдельных особенностей русских земельных конфликтов.

Деятельность советских археографов по подготовке и максимально полной публикации актового материала XV–XVI вв. стимулировала использование источников, фиксирующих конфликты о земле, и позволила к середине XX в. сформулировать единую концепцию конфликта о земле с точки зрения формационной теории. Наиболее полно она была изложена Л.В. Черепниным в фундаментальном исследовании русских актов XIV–XV вв. Правым грамотам, фиксирующим судебный механизм разрешения конфликта о земле, в монографии отведена отдельная глава. Автор показал, что для земельных конфликтов XV–XVI вв. была характерна длительная история формирования. Причины конфликтов сформировались в период феодальной войны второй четверти XV в., когда монастыри производили захваты общинных земель, в то время как разрешение этих противостояний пришлось на последнее тридцатилетие XV в. Л.В. Черепнин отмечал, что интенсификация судебной деятельности по земельным спорам в этот период являлась способом легализации произошедших до этого земельных захватов. Противостояние между черносошной общиной и монастырями автор трактовал как классовую борьбу. Им был сделан вывод о шедшей внутриклассовой борьбе как между светскими и церковными феодалами, так и между крупными и мелкими вотчинниками. В этот внутренний конфликт, по мнению Л.В. Черепнина, активно втягивалась и великокняжеская администрация в условиях проведения политики вывода бояр с присоединенных территорий и выде-

¹² Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. Пг., 1924. С. 132–134.

ления им земли на основе поместного права в Подмосковье. К рубежу XV–XVI вв. государство пыталось активно участвовать в борьбе за землю, проводя писцовые описания и фиксируя таким образом владельческие права. Классик советской историографии представлял земельные конфликты XV–XVI вв. запутанным клубком противоречий, в котором были переплетены межклассовая, внутриклассовая борьба и политика государства¹³.

Концепция земельных конфликтов в Русском государстве XV–XVI вв., предложенная Л.В. Черепниным, активно использовалась в 1950-е – 1970-е годы, а исследования историков этого периода дополняли ее, не отрицая классовой борьбы как основы конфликтов о земле.

В работах С.М. Каштанова, посвященных феодальному иммунитету, автор обратил внимание на то, что участники конфликтов о земле действовали в рамках судебной процедуры не как частные лица, а как представители корпорации, к которой они принадлежали. Автор показал внутреннюю сложность земельных конфликтов как проявления классовой борьбы¹⁴. Он обратил внимание на интересную особенность: к периоду с сентября 1502 г. по август 1503 г. относится очень небольшое количество актов, фиксирующих суды о земле, при этом менялся предмет конфликта: стороны заявляли претензии друг к другу не по поводу владельческих прав на землю, а по поводу принадлежности продукта, полученного с этой земли. Как полагал С.М. Каштанов, кратковременные изменения были связаны с дискуссией иосифлян и нестяжателей, в которую был втянут Иван III, и подготовкой церковного собора 1503 г., где впервые должен был обсуждаться вопрос о секуляризации¹⁵. Таким образом, историк отметил неразрывную связь конфликтов о земле с колебаниями политического курса великого князя.

Несколько отличную от Л.В. Черепнина трактовку мотивов субъектов конфликтов о земле предложил Н.Н. Покровский. Если у Л.В. Черепнина крестьянская община лишь пассивно отвечала на

¹³ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Т. 2. С. 232–239.

¹⁴ Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. М., 1967. С. 192.

¹⁵ Там же. С. 189.

попытки крупных земельных собственников легализовать захваты земли, то у Н.Н. Покровского она выступала в качестве активного субъекта конфликта, защищая земли, которые находились у нее в пользовании. Исследователь отметил, что судебные разбирательства земельных конфликтов часто начинались с челобитных черносошных крестьян о нарушении границ земельных участков. Община нередко использовала и внесудебные способы защиты своих прав пользования землей, начиная хозяйственную деятельность на спорной территории¹⁶.

Роли крестьянства в конфликтах о земле посвящены исследования А.Д. Горского. Он выделил три модели борьбы крестьянства за землю: это борьба черносошных крестьян, борьба дворцовых крестьян и борьба владельческих крестьян. В основе участия крестьянства в земельных конфликтах, по мнению историка, лежал мотив защиты земельных участков, которые находились у них в пользовании. Однако владельческие крестьяне одновременно с этим выступали и в качестве защитников интересов своего господина¹⁷. Это обстоятельство дало основание А.Д. Горскому отнести к классовой борьбе участие в земельных конфликтах только дворцовых и черносошных крестьян.

В.Б. Кобрин, не отрицая и не разбирая подробно классовый характер споров о земле, обратился к динамике земельных конфликтов. По мнению историка, одним из факторов, который привел к росту судов о землях во второй половине XV в., стало распространение в первой половине XV в. практики письменной фиксации земельных сделок. Ценность этого наблюдения заключается в том, что впервые была выявлена связь механизмов разрешения конфликтов со степенью развития правового сознания и правовой культуры в обществе¹⁸. Автор сделал вывод о том, что использование насилия как инструмента отстаивания владельческих прав являлось результатом долгого бытования субъектов в конфликтной

¹⁶ Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI вв. Новосибирск, 1973. С. 28–29.

¹⁷ Горский А.Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV – начале XVI вв. М., 1974. С.109.

¹⁸ Кобрин В.Б. Власть и собственность в Средневековой России. М., 1985. С. 163.

ситуации¹⁹. Вслед за своими предшественниками, В.Б. Кобрин вновь акцентировал внимание на том, что в процессе централизации роль государства в земельных конфликтах усиливалась.

В постсоветской и современной историографии, для которой характерен отказ от единой парадигмы и апробация методологических достижений мировой исторической науки с присущей ей междисциплинарностью, тема земельных конфликтов в Русском государстве XV–XVI вв. ушла на второй план. Источники, фиксирующие конфликты о земле, в настоящее время привлекаются для изучения истории государственного управления Русского государства XV–XVI вв., реконструкции управленческого аппарата и его кадрового наполнения. Смена направления исследований выдвинула на первый план вопрос о роли государства в земельных конфликтах. Так, например, Ю.Г. Алексеев изучая процесс формирования дьяческого аппарата в Русском государстве XV–XVI вв., подробно проанализировал деятельность дьяков по разрешению конфликтов о земле в процессе проведения писцовых описаний. Ю.Г. Алексеев на основе анализа судебных конфликтов, разрешенных судьями-писцами, сделал вывод о том, что судебная деятельность писцов в целом была ориентирована на защиту интересов черносошных крестьян²⁰. Именно черносошные земли, по мнению Ю.Г. Алексеева, рассматривались государством в качестве резерва расширения поместного землевладения и государственного фиска²¹.

Подводя итог, отметим, что осмысление земельных конфликтов в Русском государстве XV–XVI вв. было напрямую связано с введением в научный оборот актовых материалов. Именно их фрагментарный ввод не позволил дореволюционным историкам сформулировать единую концепцию конфликта о земле в Русском государстве XV–XVI вв. Для них земельные конфликты были лишь столкновением интересов частных лиц. Историки XIX – начала XX в. видели роль государства в конфликтах в предоставлении механизма разрешения, в то же время отмечая, что иногда проводимая земель-

¹⁹ Кобрин В.Б. Власть и собственность... С. 182–183.

²⁰ Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 136.

²¹ Там же. С. 125–126.

ная политика провоцировала их. Рост источниковой базы и господство формационной теории позволили советским историкам сформулировать концепцию конфликта о земле, который понимался как классовая борьба и вовлекал в свое поле и общество, и государство. В постсоветский период тема земельных конфликтов ушла на второй план, однако в настоящее время намечается новое обращение историков к ней, когда проблема конфликтов о земле в Русском государстве XV–XVI вв. может быть использована в рамках исследований процесса формирования государства модерна в России раннего Нового времени, одним из компонентов которого являлось стремление государства контролировать все подвластные ему земли²².

²² Кивельсон В. Картография царства: земля и ее значение в России XVII века. М., 2012. С. 284.

Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет (Барнаул)

Г.Ф. Миллер о складывании государственной границы России на юге Западной Сибири*

Статья посвящена реконструкции взглядов Г.Ф. Миллера на генерализацию границы России на юге Западной Сибири в контексте административного и дипломатического дискурса первой половины XVIII в. Теоретическую основу исследования составил метод «крупного плана», предполагающий погружение в идейно-смысловой мир ученого или путешественника, в сочетании с элементами герменевтического анализа. Обосновывается эволюционный характер концепции немецкого ученого и раскрывается предложенная им версия планомерного и ненасильственного перехода между речья Оби и Иртыша под контроль российских властей. В построениях Г.Ф. Миллера обозначается сочетание линейного и буферного подходов к определению государственной границы, а также явное несоответствие некоторых авторских положений официальной имперской доктрине.

Ключевые слова: Г.Ф. Миллер, государственная граница, колонизация, Западная Сибирь, Алтай, Кузнецкий уезд.

В отечественных исторических исследованиях последних лет проблематика присоединения, освоения и инкорпорации окраинных территорий в общегосударственное пространство демонстрирует устойчивую тенденцию роста своей актуальности. Вслед за восполнением событийной канвы военно-колониционных сюжетов специалисты начинают акцентировать внимание на реконструкции механизмов реализации государственной политики освоения отдаленных земель. Для приграничных районов ключевым политико-правовым способом воздействия центральной власти на осваиваемую область являлось формирование государственной границы, которая выступала не просто системообразующим условием функционирования социально-политической системы региона, но и единственным рациональным средством «обрамления», осознания осваиваемого про-

* Исследование выполнено при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках реализации проекта № 17-11-22006/ОГН.

странства, а также формирования его территориальной модели. Как следствие, феномен государственной границы находится на стыке собственно географического пространства и «географии власти»¹, или пространства власти – географического и социального пространства, организованного и стратифицированного определенной совокупностью властных технологий².

В классификации российских границ ряд исследователей выделяет в качестве особого типа азиатскую границу³. Формально эта категория может быть определена как южные рубежи России в Средней и Центральной Азии. При более глубоком анализе под азиатской границей следует понимать большую барьерно-буферную зону, обширный территориальный локус, располагавшийся между различными государствами или полугосударственными образованиями⁴. На ранних этапах вызревания имперской суверенности ключевым для государственного освоения участком азиатской границы являлось междуречье Оби и Иртыша, особенно верховья этих двух крупных сибирских рек (Верхнее Обь-Иртышье). Главным геополитическим соперником России в регионе являлось сначала своенравное Джунгарское ханство, а затем мощная Цинская империя. Вследствие этого государственная политика освоения юга Западной Сибири достаточно быстро приобрела военно-колониционный характер и реализовывалась в форме осуществления ряда военных экспедиций с целью строительства острогов и крепостей в стратегически значимых местах⁵. В результате Верхнее Обь-Иртышье как сегмент азиатской

¹ Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 345–347.

² Королев С.А. Бесконечное пространство: гео- и социографические образы власти в России. М., 1997. С. 7.

³ См., например: Королев С.А. Бесконечное пространство... С. 18–19; Замятин Д.Н. Моделирование географических образов. Пространство гуманитарной географии. Смоленск, 1999. С. 156–158; Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // *Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI вв.* Иркутск, 2003. С. 23.

⁴ Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в. Барнаул, 2016. С. 39.

⁵ История Алтая. Алтай в конце XVII – начале XX в. / под ред. В.А. Скубневского. Барнаул, 2018. С. 12–14.

границы России в течение XVIII в. эволюционировало от слабо заселенного лимитрофа к хорошо укрепленному лимесу.

Среди факторов формирования российской государственной границы на юге Западной Сибири следует выделить два фундаментальных обстоятельства. В силу огромного территориального разрыва между центром и осваиваемой окраиной имперские власти осмысливали пространство с серьезным запозданием, а уровень такого осмысления административно-правовых границ, как правило, не соответствовал динамике геостратегической ситуации⁶. При этом политика российской стороны в вопросе государственной границы на протяжении всего XVIII в. отталкивалась от убежденности в отсутствии делимитированной (подробно описанной и нанесенной на карту) границы. Действие обоих факторов привело к возникновению нескольких идейно-смысловых вариантов восприятия российских рубежей в Верхнем Обь-Иртышье. Пестрый набор таких теоретических конструктов следует подразделить на две конвергентные группы: политико-географические и историко-географические.

Политико-географические трактовки границы нашли свое отражение в сознании имперских властей различных уровней, а также лиц, находившихся на государственной службе и привлекавшихся для выполнения административных задач в регионе (руководители экстраординарных экспедиций, геодезисты). Иными словами, формирование этих программ восприятия в той или иной степени связано с административным началом, точнее со стремлением имперской элиты сгенерировать в значительной степени рациональные ментальные установки и заместить ими отсутствовавшие нормативные (легальные) основы формирования российских государственных рубежей. Применительно к XVIII в. следует выделить три парадигмы восприятия границы. Прежде всего, это официально-дипломатическое понимание, сводившееся к обоснованию суверенных прав России на всю территорию Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан. Другой формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной

⁶ *Замятин Д.Н.* Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 36–37.

юрисдикции имперских властных учреждений в регионе (Бикатунская и Верх-Иртышские крепости с прилегавшим к ним районами). Третий, картографический вариант восприятия границы, реализовывался в создании специфической наглядно-графической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с двумя другими аспектами⁷.

Наряду с политико-географическими XVIII столетие ознаменовалось возникновением целого ряда историко-географических трактовок российской границы. Складывание этих ментальных конструктов обусловлено тенденцией осмысления освоенческих процессов в среде научной интеллигенции. Каналом репрезентации сформированных в результате научных изысканий историко-географических образов становились дневники, путевые записи, статьи, монографии как путешественников, посещавших Алтай, так и ученых, занимавшихся разработкой того или иного аспекта региональной проблематики.

Одним из исследователей, побывавших в Западной Сибири и при этом внесших фундаментальный вклад в развитие исторического сибиреведения, являлся Герард Фридрих Миллер, оставивший ярчайший след в историографии XVIII в. Естественно, что вопросам влияния немецкого ученого на развитие российского исторического знания и анализу его во многом уникальных сочинений посвящено огромное количество публикаций⁸. Однако богатство наследия профессора и его знаменитых «портфелей» не позволяет говорить об избыточной изученности всего комплекса материалов, особенно в столь неоднозначном вопросе как формирование государственной границы. Поэтому целью данной публикации является реконструкция взглядов

⁷ Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников... С. 41–42.

⁸ См., например: *Лекарский П.П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 308–430; *Андреев А.И.* Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 57–144; *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 3–55; *Элерт А.Х.* Сибирь и сибирские народы в геополитических проектах академика Г.Ф. Миллера // *Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований.* Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 77–84; *Чернобаев А.А.* Г.Ф. Миллер – выдающийся ученый XVIII в. // *Исторический архив.* 2006. № 1. С. 3–63.

Г.Ф. Миллера на складывание границы Российского государства на юге Западной Сибири в контексте административного и дипломатического дискурса первой половины XVIII в.

Источниковую базу исследования составили ставшие во многом классическими работы историографа «Известие о песошном золоте в Бухарии...» и «Описание Кузнецкого уезда...»⁹, в отдельных случаях сопоставляемые с опубликованными современными историками сюжетами или верифицируемые архивными данными. Архитектура статьи выстроена на основе метода «крупного плана», предполагающего погружение в идейно-смысловой мир ученого или путешественника и рассмотрение исторических явлений его глазами¹⁰, что, в свою очередь, позволяет реконструировать индивидуальную мотивацию и обстоятельства генерации тех или иных авторских суждений (оценок). Реализация соответствующей программы оказывается невозможной без применения элементов герменевтического анализа.

Будучи руководителем «академического отряда» Второй Камчатской экспедиции, Г.Ф. Миллер посетил южные районы Сибири в 1734 г. Маршрут пролегал вверх по течению Иртыша, затем от Усть-Каменогорской крепости к Кольвано-Воскресенскому заводу, в пределах которого путешественник находился с 19 по 23 августа¹¹. После группа направилась в Кузнецк, Томск и другие крупные города региона. Учитывая схему передвижения и склонность немецкого профессора к скрупулезному сбору исторических свидетельств,

⁹ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его состоянии в сентябре 1734 г. // *Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера*. Новосибирск, 1996. С. 17–36; Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г.Ф. *История Сибири*. М., 2005. Т. 3. С. 473–507.

¹⁰ Головнев А.В. Крупный план в антропологии // *Уральский исторический вестник*. 2010. № 4. С. 14.

¹¹ Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX в.: библиографический словарь. Барнаул, 2000. С. 141; Контев А.В. Картографические материалы И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера как источники по истории становления горно-металлургического производства на Алтае // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 39–40.

следует констатировать, что он располагал обстоятельными сведениями (в том числе и архивными) об истории Алтая XVII – первой трети XVIII в.

В своих исследованиях Г.Ф. Миллер обозначил эволюционную картину складывания границы России в Обь-Иртышском междуречье. Стержнем системы построений стала идея естественной границы, то есть восприятие государственных рубежей в привязке к крупным географическим объектам или отождествление с пределами какого-либо региона/субрегиона¹². В качестве первого варианта историком были выбраны Алтайские горы, в качестве второго – Сибирь. Характеризуя пространство Кузнецкого уезда, немецкий профессор истории определил естественной природной преградой, обрамлявшей пределы суверенитета Российского государства на юге Западной Сибири, Алтайскую горную систему, которая непрерывно тянулась цепью от Иртыша до китайско-монгольской границы. В то же время, описывая гидрографическую систему района, Г.Ф. Миллер подметил, что «некоторые реки текут по ту сторону гор (южную сторону Алтайских гор. – Д.Б.) и из-за удаленности... не могут учиты-

¹² Наблюдения Г.Ф. Миллера относительно общего характера пролегания границы России на юге Западной Сибири впоследствии были дополнены участниками академических экспедиций 1768–1774 гг. В частности, И.П. Фальк говорил о существовании «природной границы», ментально проведенной им по алтайским хребтам (без указания каких-либо вершин). Несоответствие фактической и «природной» границ шведский ученый объяснил труднопроходимыми условиями местности, в силу чего «Кольванская и Кузнецкая дистанции проведены более к северу (от Алтайских гор. – Д.Б.)». П.С. Паллас предполагал, что для Верхнего Обь-Иртышья помимо укрепленных линий есть более рационально обоснованный вариант установления государственных рубежей по двум ключевым горным хребтам, последовательно сменявшим друг друга: «Впрочем сие есть начало великаго Алтайскаго хребта гор, общее положение от юго-западной стороны к северо-западу имеющаго, в коем направлении оной простирается до Оби и далее до самого севернаго краю высокаго пространства одинакаго главнаго хребта, полагающаго естественную границу между Российской империею и Зюнгорскими степями... распространяющагося к восточной стороне чрез северную Азию и от Иртыша до Оби заслуживающаго наименование Алтайскаго, от Оби до Енисейска же Саянскаго хребта». (См.: Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российскаго государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 2. С. 206–207; Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею наук, по предложению ее президента. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. СПб., 1824. С. 436).

ваться, разве что будет желание распространить границы Сибири до озера Norr-Saissan (Зайсан. – Д.Б.)»¹³. Таким образом, граница владений России ассоциировалась исследователем с пределами Сибири и не доводилась до Зайсана. Это диссонировало с содержанием не только административного дискурса, базировавшегося на повелении Петра I сибирскому губернатору М.П. Гагарину «построить город у Ямыша озера... и искать далее по той реке (Иртышу. – Д.Б.) вверх, пока лодки пройти могут»¹⁴, но и официальной дипломатической доктрины, определявшей российские владения вплоть до верховий Оби и Иртыша¹⁵. Несмотря на эти обстоятельства, немецкий историограф не высказал сомнений в целесообразности продвижения Российской империи вглубь Средней Азии¹⁶.

Г.Ф. Миллер приступил к рассмотрению этнополитической истории Алтая с того, что констатировал к началу XVIII в. фактическую территориальную принадлежность региона Джунгарскому ханству, а разделительный рубеж между странами определил по устью Оми¹⁷. Парадоксально, что такая оценка полностью сопрягалась с подходами и практиками, активно реализовывавшимися в первой половине XVIII столетия дипломатией ойротского государства¹⁸. Видимо, исследователь находился под влиянием российских делопроизводственных и посольских материалов, в которых в той или иной степени отразились личные ноты джунгарских правителей и послов с указанием на проведение еще в XVII в. делимитации границы по линии Омь – Иня¹⁹. Одним из доказательств этой идеологемы для немецкого уче-

¹³ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции... С. 17.

¹⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 221 об.

¹⁵ Памятники Сибирской истории XVIII в. СПб., 1885. Кн. 2. С. 67; Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII в.). Документы и извлечения. Барнаул, 2006. С. 21.

¹⁶ Элерт А.Х. Сибирь и сибирские народы... С. 78.

¹⁷ Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... С. 473.

¹⁸ Более подробно о позиции джунгарской элиты в приграничном споре см.: Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников... С. 51–53.

¹⁹ РГАДА. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 32–32 об., 42; Ф. 517. Оп. 1. Д. 84. Л. 14; Посольство к джунгарскому хун-тайчи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 гг. // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1887. Т. 10. Вып. 2. С. XXI–XXXII.

ного, очевидно, стало наличие в бассейне Чарыша жилищ автохтонного населения²⁰, которых он насчитал до 270 семей в соответствующем районе²¹.

На это накладывалась идея о планомерном и ненасильственном характере перехода Обь-Иртышья под фактический контроль России. Вслед за основанным на знакомстве с региональной этнополитической конъюнктурой утверждением о том, что верховья Оби к началу XVIII в. принадлежали калмыкам и отошедшим в район их проживания киргизам, Г.Ф. Миллер добавил: «Пока... сами (киргизы, джунгарские кыштымники. – Д.Б.) не очистили поле и не перешли на ту сторону Алтайских гор»²². Более того якобы «русская сторона не прилагала много усилий для присоединения этих мест (междуречья Оби и Иртыша. – Д.Б.)», а интенсификация государственной колонизации форсировала сознательное и добровольное подчинение инородческих волостей имперским властям: «Телеуты, татарская нация, которые тогда под калмыцкой властью жили на реках Алей, Барнаул и Касмола, подчинились большей частью совершенно добровольно»²³. В результате тотальное объясачивание нерусского населения Алтая и установление двоеданничества некоторых волостей, по мнению немецкого ученого, были вызваны, с одной стороны, утвердившимся в сознании коренных жителей стереотипом относительно необходимости подчинения сильным социальным или политическим акторам региона, а с другой – грамотным (постепенным и едва ли заметным) наращиванием давления со стороны российских властей.

В этом контексте критерии принадлежности территории Обь-Иртышья к тому или иному государству усматривались ученым в строительстве инженерных укреплений и активном заселении, освоении края. Рассуждая о функциональном назначении российских крепостей в Прииртышье, Г.Ф. Миллер оказался весьма категоричен и попытался представить откровенно идеалистическую картину: согласно авторской версии сооружение оборонительных объектов

²⁰ Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... С. 473.

²¹ Миллер Г.Ф. Описание Кузнецкого уезда Тобольской провинции... С. 22.

²² Там же. С. 21.

²³ Там же. С. 22.

позволило имперской элите полностью прекратить приграничные споры с джунгарским хунтайджи (хотя на самом деле территориальные разногласия с ойронтами во второй четверти XVIII в. лишь усилились). Более того, по мнению немецкого профессора истории, крепости на Иртыше способствовали не только тотальному очищению степного пространства и предгорий Алтая от чужих народов, но и заселению, хозяйственному освоению района: «Крайняя страна Сибири (Верхнее Прииртышье. – Д.Б.) необходимо крепости требует, дабы тем землю от неприятельских нападений привести в безопасность»²⁴. Вместе с тем сооружение ряда крепостей не сделало бы область автоматически российской, поскольку «пустые страны всегда бывают владением сомнительны и что, напротив того, население и строения в таких странах право владения подтверждают»²⁵.

В целом, несмотря на то, что Г.Ф. Миллер в своих опубликованных исследованиях ставил в центр внимания вопросы историко-географического описания районов или реконструкции обстоятельств сооружения крепостей, ему удалось представить относительно целостную концепцию складывания рубежей России на юге Западной Сибири. Построения гармонично сочетали в себе линейный (восприятие границы в качестве узкой линии) и буферный (обозначение границы в качестве буферной, переходной зоны) подходы к определению государственной границы. При этом одна часть использовавшихся Г.Ф. Миллером идеологием или предложенных им трактовок явлений/процессов соответствовала официальной доктрине российских властей и служила дополнительным фактором легитимации освоенческого процесса, а другая – существенным образом противоречила установившемуся политическому курсу.

²⁴ Миллер Г.Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии... С. 500.

²⁵ Там же.

М.А. Киселев

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Геополитическая конкуренция как фактор развития абсолютизма в России: советская историография*

Статья посвящена анализу специфики осмысления советской историографией воздействия геополитической конкуренции на абсолютизм в России. Показывается, что советские авторы признавали влияние внешнеполитической угрозы на становление и развитие абсолютизма, хотя, за исключением Л.Д. Троцкого, не отводили ей решающего значения. При этом основная часть исследователей предпочитала акцентировать внимание на внутренних факторах, способствовавших формированию абсолютной монархии. Определенное исключение представляли публикации историков С.В. Юшкова и А.Н. Сахарова. Однако их построения не получили значимого развития. Последнее объясняется не прямым политическим вмешательством или идеологическим запретом, а парадигмальными установками, господствовавшими в советской историографии и предполагавшими акцент на поиске внутренних закономерностей развития Российского государства в эпоху Нового времени.

Ключевые слова: советская историческая наука, абсолютизм, геополитическая конкуренция, Л.Д. Троцкий, С.В. Юшков, А.Н. Сахаров.

Советская историческая наука была сложным феноменом, в котором переплетались следование партийным идеологическим установкам и поиск научной истины. Как отмечает Л.А. Сидорова, «политика и идеология занимали в советской исторической науке настолько значительное место, что это обстоятельство на два с лишним десятилетия постсоветской историографии предопределило первенствующий интерес к этой составляющей деятельности советских историков». Однако к настоящему времени все больше становится очевидным, что «политика и идеология далеко не всегда

* Исследование подготовлено в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00083.

и не полностью определяли лицо советской исторической науки»¹. Соответственно, при изучении последнего необходимо учитывать не только влияние политики, а также специфику и направленность исследовательских поисков, их имманентную научную логику, пусть и деформированную идеологическими установками.

В западноевропейских историко-социологических работах XX в. особое внимание уделялось геополитической конкуренции – борьбе соседствовавших стран за контроль над территориями, включавшей как отражение внешних посягательств, так и возможность экспансии вовне, – как фактору, который способствовал рождению современного европейского бюрократического государства, выросшего на основе средневековых абсолютистских режимов. Эта исследовательская проблематика опиралась на подходы, предложенные еще в первой половине XX в. М. Вебером и О. Хинце². Для советских специалистов, которые дебатировали проблемы истории абсолютизма в России, обращение к трудам немарксистских авторов фактически было недоступно в силу идеологических ограничений. В связи с этим представляется интересным рассмотреть, насколько в рамках официально господствовавшего марксистского подхода было возможно заниматься научными поисками, связанными с определением внешней угрозы как фактора становления и развития абсолютной монархии, ее учреждений и политики. Соответственно, в настоящей работе анализируется специфика осмысления влияния геополитической конкуренции на абсолютизм в России в советской историографии.

Проблема воздействия внешнеполитической угрозы на становлении абсолютизма в России стала предметом для дискуссии едва ли не сразу после утверждения советской власти. В 1922 г. Л.Д. Троцкий – «непризнанный классик большевистской историографии» (А.А. Овсянников) – издал книгу «1905». В качестве своеобразного исторического введения в ней был помещен очерк

¹ Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX в. М., 2014. 218 с.; Дубровский А.М. Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М., 2017. 662 с.; Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М., 2017. С. 7.

² Тешке Б. Миф о 1648 г.: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. С. 177–185.

«Социальное развитие России и царизм», где развивались идеи, высказанные Львом Давидовичем еще в 1907 году³. Исходной точкой его рассуждений был постулат, что «основное отличие русского социального развития составляет его медленность и примитивность». Это было связано с «неблагоприятной естественной средой и редкостью населения», обусловившими очень медленный темп экономического развития, который «наложил на всю нашу историю отпечаток крайней отсталости». Однако затем Троцкий, усложняя историческую картину, указал на особенности геополитического положения России: «Трудно сказать, как сложилась бы жизнь русского государства, если бы она протекала изолированно, под влиянием одних только внутренних тенденций. Достаточно того, что этого не было. Русская общественная жизнь находилась – и чем дальше, тем больше – под непрерывным давлением более развитых общественных и государственных отношений Западной Европы. При слабом сравнительно развитии международной торговли решающую роль играли межгосударственные военные отношения. Социальное влияние Европы в первую очередь сказывались ч[е]рез посредство военной техники». Это означало, что «русское государство, возникшее на примитивной экономической основе, столкнулось на своем пути с государственными организациями, которые сложились на более высоком экономическом базисе». Соответственно, «оно должно было обгонять развитие своих собственных экономических отношений, поглощая под давлением извне несоразмерно большую часть жизненных соков нации». Это привело к тому, что «государство... стало расти при чудовищном напряжении хозяйственных сил народа». Указывая на внешнеполитическое давление таких стран, как Литва, Польша и Швеция, Троцкий писал: «Чтобы удержаться против лучше вооруженных врагов, русское государство было вынуждено заводить у себя промышленность и технику, нанимать военных специалистов,... вводить навигационные школы, фабрики, тайных и действительных тайных советников»⁴.

³ Троцкий Н. Наша революция. СПб., [1907]. С. 224–286.

⁴ Троцкий Л.[Д.] 1905. М., [1922]. С. 17–18.

Сравнивая политический строй России с западноевропейским абсолютизмом, государственный деятель отмечал, что «не равновесие экономически-господствующих классов, как на Западе, а их социальная слабость и политическое ничтожество создали из бюрократического самодержавия самодовлеющую организацию. В этом отношении царизм выступал промежуточной формой между европейским абсолютизмом и азиатским деспотизмом – быть может, более близкой к последнему». Получалось, что «полуазиатские социальные условия превратили царизм в самодержавную организацию, европейская техника и европейский капитал вооружили эту организацию всеми средствами европейской великой державы». Одним из результатов такого «вооружения» стал экспорт капитализма, продвигая который, «царизм этим прежде всего укреплял себя». В итоге это привело к тому, что в России «абсолютизм разбил себе голову о капитализм, который он сам так ревностно насаждал»⁵. Итак, по Л.Д. Троцкому, решающим фактором становления и развития не только абсолютизма, а и капитализма в России оказывалось постоянная внешнеполитическая угроза.

Ведущий историк 1920-х годов М.Н. Покровский не согласился с таким подходом и в том же 1922 г. выступил с критикой «„военной“ гипотезы» Л.Д. Троцкого. Он заявил, что военные реформы Российского государства с XVI в. следует объяснять не политическими интересами, а экономическими. Михаил Николаевич до определенной степени все же признавал влияние геополитической конкуренции на специфику развития государственного строя России. Однако он увязывал это не с давлением других акторов, а с нуждами развивавшегося изнутри «торгового капитализма», толкавшего центральную власть на путь экспансии вовне. По М.Н. Покровскому, Россия – это «новая страна, захваченная развитием торгового капитализма», которой «приходилось отбивать себе место на солнышке у более старых, прочно укоренившихся конкурентов. Для этого русскому торговому капиталу пришлось сковать страну железной дис-

⁵ Троцкий Л.[Д.] 1905... С. 21–22.

циплиной и выработать настоящую диктатуру. Воплощением этой диктатуры торгового капитала и было московское самодержавие»⁶.

Л.Д. Троцкий считал необходимым ответить на размышления М.Н. Покровского, который также не остался в долгу. По итогам дискуссии 1922 г. каждый остался при своем мнении⁷. Уже в 1925 г. Михаил Николаевич не преминул воспользоваться политическим поражением Льва Давидовича и обрушился на него с критикой в статье «Троцкизм и „особенности исторического развития России“». В ней историк иронично замечал, что на первый взгляд концепция Л.Д. Троцкого связана с тем, что он, «стоя во главе военного дела Советской России в течение ряда лет, невольно переоценил свою „специальность“, и военная техника у него оказалась (по крайней мере для России) главной пружиной истории». Однако затем М.Н. Покровский сначала указал, что ключевые положения своей теории Троцкий выработал еще до революции 1917 г., после чего прибегнул к идеологическим «антитроцкистским» клише: «Теория русского исторического процесса у Троцкого отнюдь не случайна, но была им выработана, как одно из орудий в его борьбе с ленинизмом... Историческая теория Троцкого есть... одна из составных частей троцкизма»⁸.

Дискуссия Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского в итоге замкнулась на вопросе о предпосылках революции в России 1917 г.: была ли она возможна благодаря недоразвитости России, в связи с чем остро нуждалась в поддержке в виде выплесков в европейских странах, или же она оказалась возможной благодаря тому, что государство находилось на должном уровне развития, что предполагало – в потенциале – наличие базиса для строительства социализма в одной стране. При выборе последней логики закономерности истории России должны были увязываться, в первую очередь, с внутренним развитием, особенно в социально-экономической сфе-

⁶ Покровский М.Н. Правда ли, что в России абсолютизм «существовал наперекор общественному развитию»? (По поводу вступительной главы последней книги тов. Троцкого: «1905») // Красная новь. 1922. № 3. С. 151.

⁷ Краус Т. Своеобразие русского исторического процесса: о дискуссии Л.Д. Троцкого и М.Н. Покровского // Историческая наука России в XX в. М., 1997. С. 200–216.

⁸ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. I. С. 153–154.

ре. Политическое поражение Троцкого ставило крест на возможности развития в Советской России концепции решающего значения геополитической конкуренции для истории Российского государства. Однако это не означало полного исключения из сферы научных поисков соответствующего фактора формирования политики государства. Более того, эта тема оказалась востребована даже И.В. Сталиным в период борьбы с «правым уклоном». В выступлении «Об индустриализации страны и о правом уклоне в ВКП» 19 ноября 1928 г. на пленуме ЦК ВКП(б) он связал необходимость более быстрого темпа развития индустриализации с наличием внешнеполитической опасности, исходившей от капиталистического окружения. И.В. Сталин утверждал: «Технико-экономическая отсталость нашей страны не нами выдумана. Эта отсталость есть вековая отсталость». Обращаясь к истории России, он говорил, что «когда Петр Великий, имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости»⁹.

Несколько позже, уже в 1941 г. Н.Л. Рубинштейн специально указывал, что «первой общей проблемой истории СССР, ставившейся в непосредственной связи с историей Октябрьской революции, была проблема отставания русской истории, превратившаяся в буржуазных и в меньшевистских исторических построениях в теорию неподготовленности России к Октябрьской революции, в прямое отрицание исторической закономерности Октябрьского переворота». Получалось, что утверждение о существенном запаздывании в России прогресса социально-экономической системы вело к серьезному политическому проступку. Однако затем историк заявлял, что хотя «Сталин покончил с теорией абсолютной отсталости», это не отменяло наличия отсталости относительной. Ее элементы хотя «сталкивались и своеобразно переплетались» с новыми явлениями в истории, однако «не останавливали самого процесса исторического развития». В качестве одного из примеров Рубинштейн, отталкиваясь от высказываний И.В. Сталина, при-

⁹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М.; Л., 1930. С. 439.

водил политику Петра I, которая хотя и была дворянской «по своей классовой природе», однако «служила „укреплению национального государства“, то есть спасала Россию от грозившей ей перспективы превращения в колонию или полуконию Швеции»¹⁰.

Наличие суждений такого рода отнюдь не означало, что все советские историки следовали этой логике в дальнейшем. Так, представитель «старой» школы Б.И. Сыромятников, фактически развивая положения своих дореволюционных работ, выступил 27 сентября 1940 г. в Институте права АН СССР с докладом, в котором предложил концепцию существования в России XVI–XVII вв. сословно-представительной монархии, трансформировавшейся в годы реформ Петра I в абсолютную. Он исходил из того, что в основе этого процесса лежали внутренние социально-экономические предпосылки, хотя, характеризуя Россию начала XVIII в., признавал, что она – «не ровесница современной ей [западной] Европе, а значительно отстала от нее по своему общему развитию». Историк писал, что России «грозила опасность обратиться в колонию „европейских“ стран, как стране „варварской“»¹¹. Как следовало из его монографии 1943 г., он связывал это, скорее, с деятельностью «иноземного капитала», нежели с военной угрозой¹².

С.В. Юшков, главный конкурент Б.И. Сыромятникова в советской историко-правовой науке, более внимательно отнесся к влиянию внешней угрозы на развитие политической системы и посвятил ему в 1946 г. концептуальную статью. В ней он утверждал, что «в истории русского государства был целый ряд... моментов, когда переход от одной государственной формы к другой ускорялся благодаря борьбе за независимость, на что советскими историками не было обращено достаточно внимания. Очень часто, объясняя переход от одной государственной формы к другой, наши историки не учитывают внешнеполитической обстановки, не учитывают борьбы рус-

¹⁰ Рубинштейн Л.Н. Русская историография. [М.], 1941. С. 633–634.

¹¹ Сыромятников Б.И. Конспект введения и I главы монографии Б.И. Сыромятникова «Регулярное государство Петра Великого и его идеология». (К докладу 27 сентября 1940 г.). [М.], 1940. С. 8.

¹² Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. I. М.; Л., 1943. С. 149–150.

ского народа за самостоятельное экономическое, политическое и культурное развитие»¹³. Соответственно, Юшков в качестве отдельной темы обозначил «Значение борьбы за независимость в установлении абсолютной монархии в России». Исходя из того, что абсолютизм в России возник в середине XVII в. и окончательно оформился при Петре I, он писал: «Сословно-представительная монархия просуществовала в России всего сто лет, если считать первым Земским собором собор 1550 г.». Вследствие этого историк задавался вопросом: «Чем же был обусловлен в России столь быстрый переход от сословно-представительной монархии к абсолютной?»¹⁴. Не находя достаточных предпосылок в сфере экономики, Серафим Владимирович связал стремительную эволюцию политической системы как с обострением классовых противоречий, так и с борьбой Российского государства за свою независимость: «Именно во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. действительно решался вопрос, быть или не быть Русскому государству, будет ли оно развиваться самостоятельно или превратится в колонию одной из западноевропейских стран, шедших в то время к капитализму». Соответственно, «реформы Петра I... были вызваны не только всем ходом общественно-экономического развития России и дальнейшим обострением классовой борьбы, но и борьбой с внешними врагами»¹⁵. Аналогичные положения историк высказал затем в статье 1950 г. в рамках дискуссии о периодизации истории СССР¹⁶.

Однако если продвигаемая С.В. Юшковым концепция существования в России XVI–XVII вв. сословно-представительной монархии получила поддержку у историков, то его рассуждения о влиянии внешней угрозы на развитие государственной системы не вызвали значимого интереса. Одним из немногих авторов, специально обративших внимание на статью С.В. Юшкова 1946 г., был В.В. Каргалов, опубликовавший в 1967 г. монографию о влиянии

¹³ Юшков С.В. Развитие Русского государства в связи с его борьбой за независимость (до XIX в.) // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук. М., 1946. С. 126.

¹⁴ Там же. С. 149.

¹⁵ Там же. С. 152.

¹⁶ Юшков С.В. К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX в. // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 91–92.

внешнеполитических факторов на развитие Руси в X–XIII веках¹⁷. Советские специалисты 1950-х – начала 1970-х годов предпочитали видеть исключительно внутренние факторы динамики российской государственности и формы правления, хотя на словах они не отрицали значимость геополитической конкуренции. Соответственно, во время дискуссии 1968–1972 гг. об абсолютизме в России основная часть ее участников сосредоточилась на эндогенных предпосылках и обстоятельствах развития политического режима¹⁸.

В связи с этим А.Н. Сахаров в 1971 г. писал, что «одним из существенных факторов образования абсолютизма в России является внешнеполитический фактор. Это признано большинством участников дискуссии. Но одни, согласившись с этим фактом, тем не менее не удостоили его своим вниманием и посвятили свои статьи иным проблемам; другие дали ему слишком одностороннюю, ограниченную оценку»¹⁹. Эту уязвимость сложившихся подходов он видел в том, что исследователи делали акцент на экспансионистской политике Российского государства. По мнению А.Н. Сахарова, внешняя политика «являлась на этапе XVII в. логическим продолжением устранения угрозы национального порабощения страны, ликвидации иноземных нашествий с севера, запада и юга, обеспечения исторически важных для нормального развития страны рубежей»²⁰. Кроме того, историк полагал, что в XVII в. «свои экономические отношения с Россией ее западные партнеры строили на неравноправной основе», что не только несло «угрозу экономическим интересам страны, но и представляло большую опасность для политического суверенитета России»²¹. В итоге Андрей Николаевич пришел к выводу, что военно-политическое давление европейского мира, которое «подкреплялось и колониаль-

¹⁷ Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 32, 146–147.

¹⁸ Agoston M. Дискуссия историков (в 1950–1970-е гг.) о роли абсолютизма в процессе развития европейского общества // Canadian-American Slavic Studies. 2015. Vol. 49. № 4. P. 434–452.

¹⁹ Сахаров А.Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма // История СССР. 1971. № 1. С. 119.

²⁰ Там же. С. 122.

²¹ Там же. С. 124.

ными устремлениями в сфере экономических отношений», имело в России «существенное значение при формировании абсолютизма в течение всего XVII и первой четверти XVIII в.». В области борьбы за государственный суверенитет «укреплялся абсолютизм, используя поддержку всех сословий... и обратив свою усилившуюся власть не только на обеспечение безопасности страны, но и активно используя ее против народа». Также А.Н. Сахаров специально отметил, что «влияние внешнеполитического фактора» имело значение не только для роста политической мощи правительства, но и для развития структуры самой государственной системы. В качестве примера он указал на область дипломатических отношений, где изначально «более ярко, чем в других сферах государственной жизни, проявилась бюрократизация аппарата власти»²².

На излете советской историографии в 1985 г. С.О. Шмидт, Е.В. Гутнова и Т.М. Исламов обратились к проблеме сравнительного анализа развития абсолютизма в странах Западной Европы и России. Во вводных методологических замечаниях они, в том числе подчеркнули влияние геополитической составляющей. Однако, переходя к рассмотрению особенностей абсолютизма в России, утверждение которого они отнесли к первой четверти XVIII в., историки поставили на первое место внутренние предпосылки явления, включая и «невиданный размах классовой борьбы в XVII–XVIII вв.»²³. Впрочем, говоря о России в годы реформ Петра I, ученые отмечали, что в это время «резко возросло значение внешнеполитического фактора, не только оказывавшего существенное влияние на характер внутренней политики, прежде всего, налоговой, но и приведшего к созданию устойчивых представлений о могуществе государства и его монарха»²⁴.

Итак, в советской исторической науке определение геополитической конкуренции как ключевого фактора развития абсолютистского государства в России едва ли было возможно, хотя такая

²² Сахаров А.Н. Исторические факторы образования русского абсолютизма... С. 125.

²³ Шмидт С.О., Гутнова Е.В., Исламов Т.М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 43, 55.

²⁴ Там же. С. 56–57.

попытка и была предпринята Л.Д. Троцким. Тем не менее, ряд историков признавали влияние внешнеполитической опасности на становление российского абсолютизма. Более того, такие исследователи, как С.В. Юшков и А.Н. Сахаров в специальных работах выдвинули ряд концептуальных положений, обозначивших перспективные направления в изучении влияния геополитической конкуренции на динамику политической системы в России. Однако их построения не получили значимого развития, что едва ли возможно объяснить прямым административным вмешательством или идеологическим запретом. Скорее, это могло быть связано с парадигмальными установками историков, предполагавшими, прежде всего, акцент на поиске внутренних закономерностей развития Российского государства в период Нового времени.

Д.С. Васильева

Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург)

**Рабочие танковой промышленности
в годы Великой Отечественной войны:
историографическая ситуация**

В статье представлена характеристика исторической литературы (с середины 1940-х годов до настоящего времени), посвященной материально-бытовому положению работников танкостроительных промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны. Анализ литературы проводился в хронологической последовательности. В центре внимания настоящей статьи оказались вопросы условий труда и отдыха, материально-бытовой обстановки, экономического состояния рабочих, проблемы кадрового состава и распределения рабочей силы на промышленных предприятиях, исследованные в отечественной и зарубежной историографии. В результате анализа литературы была выявлена тенденция к возрастанию количества исследований по заявленной теме, а также динамика увеличения количества публикаций на региональном уровне.

Ключевые слова: историография, танковая промышленность, военная экономика, материально-бытовое положение, работники промышленных предприятий, Великая Отечественная война.

Более 70 лет назад СССР пережил страшную трагедию – Великую Отечественную войну, которая завершилась разгромом фашистской Германии. Цена этой победы была очень высокой как для государства в целом, так и для каждого человека отдельно. Силы, отданные ради победы, не соизмеримы ни с чем. Главный упор коммунистической партии и населения страны делался на развитие и совершенствование материального производства, повышение организационного и научно-технического уровня всех звеньев экономики, прежде всего промышленности, призванной усилить оборонную мощь и военную организацию советского общества.

Одной из отраслей военной промышленности, которая сыграла ключевую роль в этой войне, являлось танкостроение. Но для понимания всей глубины ситуации необходимо рассматривать раз-

витие этой отрасли не только через фиксацию роста количества выпускаемой продукции и оценку ее качества, но и через призму анализа положения работников танковой промышленности: половозрастного состава, материальной базы, жилищно-бытовых условий, уровня образования, условий труда и отдыха.

Цель данной статьи – определить степень изученности материально-бытового положения работников танковой промышленности в исторической литературе.

Первые исследования в этом направлении стали появляться уже во второй половине 1940-х годов. Так, А.Н. Вознесенский посвятил в своей книге отдельный раздел «Организация труда и заработная плата»¹, в котором привел данные о рабочих и служащих военного времени, не разделяя их на представителей отдельных отраслей и не фиксируя специфику их трудовой деятельности.

Результаты своих исследований обобщил в труде «Уральский промышленный район»² экономист К.И. Клименко. В работе представлены статистические данные о промышленном производстве в целом, однако информация о материально-бытовом положении и жизнеобеспечении населения достаточно скудна, ограничена сведениями о местной промышленности и выпуске товаров широкого потребления.

Надо отметить, что публикации второй половины 1940-х годов носили весьма идеологизированный характер, что исключало возможность дать объективную оценку событиям тех лет.

В послевоенный период подробную характеристику народного хозяйства в годы войны дал Г.И. Шигалин³. Он обратил внимание на такие аспекты развития военного производства, как обеспечение рабочей силой, работа транспорта, перестройка промышленности на военный лад, эвакуация и т. д.

Состояние экономики СССР в годы войны изучал Я.Е. Чадаев⁴. Отдельная глава его монографии посвящена организации труда и

¹ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1947. 192 с.

² *Клименко К.И.* Уральский промышленный район. М., 1945. 67 с.

³ *Шигалин Г.И.* Народное хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1960. 276 с.

обеспечению предприятий трудовыми ресурсами, за счет привлечения женщин, молодежи, подростков, пожилых людей. Особое внимание Я.Е. Чадаев обратил на подготовку рабочих кадров для промышленности, подкрепляя информационные результаты статистическими данными.

В это же время в свет вышла монография Г.С. Кравченко «Военная экономика СССР 1941–1945 гг.»⁵. Один из ее разделов посвящен бронетанковой промышленности, где автор представил количественные показатели выпускаемой продукции.

Первой работой, раскрывшей тему перехода заводов на военный лад, затрагивающей различные стороны быта рабочих, развитие стахановского движения и др., стала книга К.М. Слободкина⁶. Основу ее источниковой базы составили мемуары.

В отличие от предыдущего исследователя, М.И. Лихоманов⁷ основное внимание уделил деятельности партийных организаций. Автор доказывал, что они сумели организовать стабильную работу предприятий в первый период войны, боролись за трудовую дисциплину, распространяли стахановское движение среди работников. М.И. Лихоманов заключает, что именно партийные организации боролись за повышение производительности труда на танковых заводах в годы войны. Условия труда и жизни работников предприятий автор не конкретизирует, определяя их как трудные.

В 1940–1960-е годы историки не акцентировали внимание на проблемах материальных и бытовых условий работников. Большая часть исследований была посвящена советской экономике военного времени.

В мае 1971 г. в Москве состоялась Всесоюзная научная конференция «Советский тыл в Великой Отечественной войне». Результаты конференции были опубликованы в сборнике под редакцией

⁴ Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1965. 494 с.

⁵ Кравченко Г.С. Военная экономика СССР 1941–1945 гг. М., 1965. 400 с.

⁶ Слободкин К.М. Танк на постаменте. М., 1968. 144 с.

⁷ Лихоманов М.И. Организаторская работа партии в промышленности в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М., 1969. 222 с.

Н.П. Поспелова⁸. И.В. Юрасов представил доклад «Из истории советского танкостроения», изложив общие тенденции развития танкостроения в СССР в годы войны. Не менее интересны материалы доклада В.Б. Тельпуховского «Некоторые вопросы обеспечения индустрии кадрами». Автор остановился на проблеме пополнения и подготовки квалифицированных рабочих кадров для военного хозяйства, прежде всего для оборонной промышленности.

Во второй половине 1970-х годов вышло фундаментальное издание по истории советской экономики в семи томах под редакцией И.А. Гладкова⁹. Пятый том отведен истории советской экономики накануне и в период Великой Отечественной войны¹⁰. В книге представлен анализ работы основных отраслей промышленности: оборонной промышленности, машиностроения, металлургии, электроэнергетики, топливной, легкой и пищевой промышленности. Исследованию производительных сил было уделено меньше внимания, об условиях жизни рабочих практически ничего не сказано.

В многотомном исследовании по истории Второй мировой войны, вышедшем под руководством министра обороны СССР А.А. Гречко, рассмотрены все основные стороны и процессы войны: ее предыстория, зарождение и развитие, цели воюющих сторон, ход военных действий, партизанское движение, экономическая обстановка в воюющих государствах, уровень технического состояния вооруженных сил, информация о производстве боевой техники в СССР¹¹. Особую роль авторы отвели изучению танковой промышленности. Также в рамках экономической политики предоставлена общая информация о материальном положении населения в годы войны.

А.Ф. Васильев в исследовании, посвященном уральской промышленности, большое внимание уделил решению проблемы

⁸ Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. Общие проблемы. В 2 кн. / под ред. Н.П. Поспелова. М., 1974. 705 с.

⁹ История социалистической экономики СССР: в 7 т. / под ред. И.А. Гладкова. М., 1978.

¹⁰ Советская экономика накануне и в период Великой Отечественной войны. М., 1978. 565 с.

¹¹ История Второй Мировой войны: в 12 т. / под ред. А.А. Гречко и др. М., 1982.

кадров на промышленных предприятиях региона¹². Основной акцент в книге сделан на описании проявления трудового героизма уральскими рабочими.

Нельзя не упомянуть масштабный по своему содержанию труд «История советского рабочего класса» в шести томах под редакцией С.С. Хромова¹³. Коллектив авторов третьего тома (А.В. Митрофанова, Л.Е. Репида, М.С. Зинич, Г.А. Докучаев, Г.А. Куманев, М.К. Козыбаев, В.Н. Земсков, В.Е. Быстров, В.А. Ежов, А.А. Зырина и др.) комплексно осветил ряд аспектов положения рабочего класса накануне войны и в военный период: подготовка рабочих кадров, материально-бытовое положение рабочих, их общественно-политическая деятельность¹⁴.

Только в середине 1980-х годов получают популярность региональные исследования: в это время стал открываться доступ к архивным документам, что способствовало углублению источниковой базы исследований. В ходе изучения и осмысления темы на региональном уровне стали проводиться научно-практические конференции, расширилось предметное поле исследований, что привело к расширению направлений в рамках заданной тематики.

Одной из первых региональных публикаций стала статья Н.П. Шмакова «Из истории создания танковой промышленности на Урале в годы Великой Отечественной войны»¹⁵, в которой автор приводит обширные данные по решению вопроса организации танкового производства.

Продолжением исследований положения работников танковой промышленности стала книга А.А. Антуфьева¹⁶. Автор не конкретизировал количественные и качественные характеристики работни-

¹² Васильев А.Ф. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1982. 280 с.

¹³ История советского рабочего класса: в 6 т. М., 1984.

¹⁴ Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. М., 1960–1965. 575 с.

¹⁵ Шмаков Н.П. Из истории создания танковой промышленности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Социально-экономическое развитие Урала в годы Великой Отечественной войны. Челябинск, 1985. С. 11–23.

¹⁶ Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы войны. Екатеринбург, 1992. 337 с.

ков, но представил общую картину развития уральских предприятий танковой промышленности, отметив, что эта отрасль в годы войны развивалась динамично.

В 1995 г. в рамках научно-практической конференции в Челябинске, посвященной 50-летию Великой Победы, был представлен доклад Г.К. Павленко, в котором автор представил результаты исследования способов, методов и форм подготовки рабочих кадров в условиях Великой Отечественной войны, характерные для танковой промышленности Урала¹⁷.

Впервые в региональной историографии социальную политику на Урале в период войны проанализировала Н.П. Палецких. Историк подробно разбирает вопрос обеспечения населения потребительскими товарами, характеризует источники продовольственного снабжения, а также дает оценку роли подсобных хозяйств промышленных предприятий и учреждений¹⁸.

Во второй половине 1990-х годов появляется работа Н. Симонова о формировании и развитии военно-промышленного комплекса СССР¹⁹. Автор вводит в оборот новый источниковый материал. Особое внимание в этом исследовании уделяется танковой промышленности. Подробно рассматривается вопрос эвакуации мощностей танковой промышленности на территорию Урала. Н. Симонов подчеркивает, что эвакуация сопровождалась многочисленными негативными процессами, высокой степенью дезорганизации, потерей и разграблением оборудования.

В начале 2000-х годов акценты в изучении Великой Отечественной войны сместились в сторону социальной истории. В этом отношении интересна книга об истории Уралвагонзавода, написанная работниками музейного комплекса УВЗ²⁰.

¹⁷ Павленко Г.К. Подготовка квалифицированных рабочих для танковой промышленности (1941–1945 гг.) // 50-летию Победы: тезисы докладов научно-практической конференции. Челябинск, 1995.

¹⁸ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1995. 473 с.

¹⁹ Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е гг. М., 1996. 336 с.

²⁰ Устьянцев С.В., Пислегина А.В., Фахретдинова А.Х. Уралвагонзавод. Екатеринбург, 2001. 240 с.

М.Н. Потемкина анализирует процессы эвакуации населения²¹. Исследователь отмечает, что эвакуация танковых заводов и работников танковой промышленности по сравнению с другими отраслями происходила четко и организовано. Автор выделила основные слои эвакуированного населения, определила степень их материального обеспечения и мотивации к труду.

На основе широкого круга источников А.Ю. Ермолов в своей монографии²² анализирует работу советской танковой промышленности в период Великой Отечественной войны – организацию эвакуации, борьбу за повышение производительности труда, организацию массового производства военной техники, борьбу за качество, освоение нового вооружения, функционирование органов управления отраслью, повседневную жизнь работников танкостроения.

Тема танкостроения, сосредоточенного в годы войны в основном на Урале, в контексте общесоюзных процессов активно исследовалась А.В. Сперанским²³.

В 2010 г. в рамках Международной научной конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, был представлен доклад Н.П. Палецких²⁴, в котором автор обозначил значимые выводы о социально-дифференцирующем характере социальной политики и сложной социальной структуре советского общества военных лет.

²¹ Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002. 265 с.

²² Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. 310 с.

²³ Сперанский А.В. Оружие Урала: с древнейших времен до наших дней // Урал в военной истории России: традиции и современность. Екатеринбург, 2003. С. 124–129; Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней / под ред. А.В. Сперанского. Екатеринбург, 2008. 464 с.; Сперанский А.В. «Танковый корпус – сверх плана»: уникальный подарок уральцев фронту // Военная история как фактор патриотического воспитания. Восьмые уральские военно-исторические чтения. Екатеринбург, 2013. С. 9–17.

²⁴ Палецких Н.П. Актуальные проблемы социальной политики на Урале в период Великой Отечественной войны // Подвиг Урала в исторической памяти поколений: материалы Международной научной конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2010. С. 29–33.

В работе В.В. Запария²⁵ показаны основные моменты становления и развития танковой промышленности в регионе. Охарактеризована роль государственных и отраслевых хозрасчетных органов в деле снабжения кадров танковой промышленности региона продуктами питания, промтоварами. В исследуемый период подробно изучены вопросы нарушения трудовой дисциплины, динамики кадрового состава, систем стимуляции труда.

Развитие и становление танковой промышленности в годы войны активно рассматривается в работах Н.Н. Мельникова²⁶. В одной из последних монографий автор выделил отдельную главу о кадровом составе танковых заводов и материально-бытовом положении работников²⁷.

Интерес к танковой промышленности СССР проявляет зарубежная историография. Ученый из Швеции Л. Самуэльсон в монографии «Красный колосс»²⁸ представил анализ экономического состояния государства и военной подготовки. Работников военных заводов Л. Самуэльсон рассматривает как трудовую единицу, не конкретизируя условия их жизни. Но в последующей работе «Танкоград: секреты русского тыла»²⁹ была предпринята попытка комплексно исследовать рабочий класс, дана характеристика демографических, бытовых, культурных условий существования людей в период преодоления последствий Гражданской войны, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период.

Таким образом, тема материальной базы, жилищно-бытовых условий, условий труда и отдыха присутствовала в историографии

²⁵ Запарий В.В. Танковая промышленность на Урале в 1940-е годы / отв. ред. А.В. Сперанский. Екатеринбург, 2015. 219 с.

²⁶ Мельников Н.Н. Организация производства в экстремальных условиях войны (на примере Уральского танкового завода) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 4. С. 170–178; Он же. Становление и развитие танкового производства на Урале в 1940-е гг. // Уральский исторический вестник. 2015. № 1. С. 36–44 (в соавторстве с В.В. Запарием).

²⁷ Мельников Н.Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 2017. 416 с.

²⁸ Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление советского военно-промышленного комплекса. 1921–1941. М., 2000. 296 с.

²⁹ Самуэльсон Л. Танкоград: секреты русского тыла, 1917–1953 гг. М., 2010. 376 с.

начиная с 1940-х годов. В 1940-е – 1960-е годы главными темами для исследователей были вопросы военной экономики.

В течение 1960-х – 1980-х годов был опубликован ряд региональных работ, посвященных истории отдельных уральских заводов. Произошло смещение внимания авторов в сторону человеческого фактора, и в связи с этим стали освещаться вопросы о различных сторонах быта, материального положения работников, кадрового состава промышленных предприятий. В середине 1990-х – начале 2000-х годов продолжила развиваться региональная уральская историография. На этом этапе значительно возрастает интерес к истории танковой промышленности на Урале как в военный, так и в послевоенный период. С позиции социальной истории делаются попытки охарактеризовать работников танковых заводов.

Следует отметить, что одна из ключевых проблем, которую констатируют исследователи в своих работах, – это вопрос материально-бытового положения работников промышленности в период эвакуации, прежде всего в жилищной сфере, а именно сложность обеспечения работников нормальными жилищными условиями. Следующая проблема, которая также акцентируется в исследовательских трудах, – продовольственное снабжение и состояние здоровья работников, а именно обострение заболеваний авитаминозом, цингой, которые заняли первое место среди других заболеваний, что было вызвано отсутствием ряда продовольственных товаров (или их ограниченным количеством). Еще одной ключевой проблемой рабочих танковой промышленности является организация рабочего времени и отдыха – продолжительный рабочий день и ограниченное количество выходных дней в месяц.

С.О. Егоров

Новосибирский государственный медицинский университет

История в картинках: проблемные вопросы болгарской истории в детском комиксе «Дъга» (1979–1989 гг.)

Статья посвящена анализу изложения болгарской национальной истории в одном из самых популярных детских/подростковых комиксов социалистической эпохи – «Дъга», ранее не попадавшем под пристальное внимание исследователей. Рассматриваются общий характер построения исторического нарратива, используемые художественные приемы. Акцентируется внимание на проблемных точках этого нарратива: преемственность болгарских государственных образований и этнических общностей, оценка периода османского ига, интерпретация фактов участия Болгарии во Второй мировой войне на стороне стран Оси. Делается вывод о выстраивании авторами комикса исторической преемственности от Средневековья до конца XX в., акцентировании внимания на одних темах и умалчивании о других как основных способах выстраивания непротиворечивой картины единой болгарской национальной истории.

Ключевые слова: история Болгарии, комикс, холодная война, идеология, историческая политика.

Комикс становится значимым сегментом массовой культуры США и стран Западной Европы, который начиная с межвоенного периода по своей популярности соперничает, например, с художественной литературой и кинематографом, особенно среди детской и подростковой аудитории. Занимая такое положение, комиксы, опять же наравне с другими видами массового искусства, не избежали участи использования государственными властями в качестве идеологического инструмента, что было актуально в первую очередь для периода холодной войны. Несмотря на то, что доля американских комиксов, издаваемых государством в послевоенный период, была невелика, а большая часть сферы культурного производства действовала по принципам свободного рынка, комиксы, издаваемые в США, находились под определенным влиянием государ-

ственной идеологии¹. В некоторых наиболее популярных сериях комиксов появляются сюжеты о борьбе супергероев с коммунистами, советскими шпионами и тому подобное².

Интересно, что в эпоху холодной войны в СССР фактически не существовало комикса в традиционном его понимании, сформулированном У. Эйсером, как последовательности отдельных панелей (фреймов), где смысловой единицей является отдельная панель, объединяющая изображение и текст³. В СССР, в силу особенностей политического режима, массовая культура находилась под гораздо большим идеологическим контролем, чем в США или западноевропейских странах, и зачастую использовалась в качестве инструмента государственной пропаганды. Сочетание изображения и текста как эффективное средство передачи смысла использовалось советской пропагандой в виде карикатуры, плаката и детской книги⁴, но эти форматы все же довольно далеко отстоят от комикса. Причины этого явления обусловлены как отсутствием русскоязычного комикса как состоявшегося жанра до Октябрьской революции, так и негативным отношением к американскому комиксу литературных авторитетов, например К.И. Чуковского⁵.

Особый интерес в данной ситуации представляет феномен комикса в странах «социалистического лагеря», в особенности в Болгарии, где такая форма массовой культуры не только существовала, но и активно поддерживалась государством. Вероятно, это было связано с существованием в Болгарии развитого производства комиксов до установления там коммунистического режима: «Иллюстрировано четиво», «Чуден свят», «Седмична забава» и другие. Все они прекратили свое существование в 1944 г. с фактическим установле-

¹ *Duncan R., Smith M.J.* The Power of Comics: History, Form and Culture. New York; London: Continuum Int. Publ., 2009. P. 249–252.

² *Albright D.L., Hayton C.J.* O Captain! My Captain! // Captain America and the Struggle of the Superhero: Critical Essays / ed. by R.G. Weiner. Jefferson, 2009. P. 15–17.

³ *Eisner W.* Comics and Sequential Art. Tamarac: Poorhouse Press, 2000. P. 8.

⁴ *Joze A.* *Komiks: comic art in Russia.* Jackson: University Press of Mississippi, 2010. P. 34–56.

⁵ См.: *Павловский А.* «Конструируя несоветское»: как комикс стал несоветским искусством? // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы десятой Международной конференции студентов и аспирантов (22–23 апреля 2016 года, Санкт-Петербург). СПб., 2016. С. 89–96.

нием в стране режима монопольной власти БКП. В послевоенный период началось постепенное восстановление издания комиксов, но уже на базе государственных издательств. Не вызывает сомнений присутствие в болгарских комиксах социалистической эпохи определенного идеологического компонента, в особенности в изложении сюжетов национальной истории: историческая политика, то есть конструирование исторических образов, вообще является одной из важнейших составляющих государственной политической идеологии. «Социалистический» комикс не удостоился специального внимания исследователей, хотя, безусловно, может быть привлечен в качестве корпуса источников по истории культурной и исторической политики Болгарской народной республики.

Одним из самых распространенных и популярных⁶ комиксов социалистической Болгарии являлся комикс «Дъга» («Радуга»), который позиционировался как «серия для детей и подростков» и «рассказы в картинках». Комикс издавался в 1979–1992 гг., но в рамках настоящего исследования интерес представляют выпуски, изданные до 1990 г., когда в Болгарии началась радикальная трансформация политического режима. «Дъга» издавалась государственным издательством «Семптеври», основанном за два года до выхода первого выпуска комикса и специализировавшимся на издании различных иллюстрированных материалов, в том числе политической агитации⁷. Комикс издавался четыре раза в год (периодичность не всегда соблюдалась), размер каждого номера – 64 страницы.

Национальные исторические сюжеты, представленные как в виде эпизодов сюжетных линий, так и отдельных произведений, составляют значительную долю тематики комикса: из 37 номеров, выпущенных за рассматриваемый период, лишь в четырех отсутствовали какие-либо сюжеты, связанные с болгарской историей. Учитывая такой объем материала, стоит выделить несколько проблемных точек нарратива болгарской истории, как они изображаются в комиксе «Дъга», и остановиться на них подробнее. К их

⁶ В период 1979–1989 гг. тираж выпусков колебался в диапазоне 150–170 тыс. экземпляров.

⁷ Българска книга: енциклопедия / сост. А. Гергова. София, 2004. С. 386.

числу можно отнести репрезентацию древней истории Болгарии и связанную с ней проблему государственной и этнической преемственности (одну из наиболее острых при построении исторического нарратива); изображение периода османского завоевания в контексте общего нарратива; интерпретацию событий, связанных с участием болгарского государства в мировых войнах, с идеологической точки зрения. Помимо этого необходимо дать общую характеристику способа «рассказывания» болгарской истории детям и подросткам со страниц анализируемого издания.

Нарратив болгарской национальной истории подается в номерах «Дъга» посредством сюжетов, как одиночных, так и серийных, изложенных в традиционной для комикса форме, а также в виде «страниц истории» – тематических разворотов с текстом и фотографиями либо репродукциями картин, посвященных тому или иному историческому событию или персонажу. Зачастую такие «страницы истории» предваряют близкий по тематике комиксовый сюжет. Подобного рода вставка «Знамена победы 1941–1944»⁸ с фотографиями знамен болгарских партизанских бригад времен Второй мировой войны (до падения прогерманского правительства) предваряет одиночный сюжет «Жив ли Васко?»⁹. Сюжет посвящен заключительному этапу болгарского партизанского движения («9 сентября 1944 г. – первый день свободы»)¹⁰ и повествует об арестованном болгарском партизане, который был спасен приходом советской армии. Иногда такие тематические связи не столь очевидны, но вполне могут задавать прочтения сюжета через призму описанных перед комиксом исторических событий: так, в одном из номеров первый эпизод сюжета «Война босоногих»¹¹, посвященного сопротивлению болгарских подростков немецким солдатам в 1941 г., предваряет «историческая страница» о болгарском ополчении, участвовавшем в Объединении 1885 г. (княжества Болгарии и Восточной Румелии)¹². Можно предположить, что такая постановка отдельных смысловых частей задавала прочтение

⁸ Дъга. 1979. № 1. С. 32.

⁹ Там же. С. 33–40.

¹⁰ Там же. С. 40.

¹¹ Дъга. 1985. № 20. С. 10–17.

¹² Там же. С. 8–9.

сюжета о детском сопротивлении «оккупантам» в качестве продолжения дела болгарского народного ополчения XIX в., боровшегося за объединение народа в границах одного независимого государства.

Если говорить не о выразительных средствах, а о самих принципах построения исторического нарратива, то показательным примером может служить очередная «страница истории» – «Вооружение болгар в веках»¹⁵. Текст этого разворота представляет собой своего рода срез военной истории Болгарии, сопровождаемый фотографиями музейных экспонатов (холодного и огнестрельного оружия болгарской армии разных эпох). Здесь в один ряд ставятся военные победы фракийцев, болгар («протоболгар»), которые «первыми принесли в Европу сабли», и воинов Первого и Второго царств (VII–XIV вв.). Дальнейшая история болгарского государства репрезентируется через упоминания о вооружении гайдуков (партизан эпохи османского ига), ополчения времен Освобождения Болгарии 1878 г., беглого упоминания военных конфликтов до Первой мировой войны, Сентябрьских восстаний 1923 и 1944 гг., партизанского движения времен Второй мировой войны и болгарской армии Отечественной войны (1944–1945 гг.). В общем виде болгарская история предстает как непрерывная череда событий, где различные государственные образования являются, в сущности, одной и той же страной. В этот же ряд включаются события, связанные с национально-освободительной и социальной борьбой, выражающей устремления такого исторического конструкта, как «болгарский народ», восстающего против иноземного или классового угнетения. Здесь можно провести параллели с советским «патриотическим поворотом», хотя и с определенной болгарской спецификой («национальный поворот» в режиме Т. Живкова в 1970-е – 1980-е годы)¹⁴.

Стоит отметить и четкую поляризацию образов болгар и их врагов: византийцев, осман и «фашистов». Для нарративов национальной истории, тем более излагаемых в популярной форме, чет-

¹⁵ Дъга. 1983. № 14. С. 10–11.

¹⁴ Христова Н. Идеологически, идеен, ценностен свят на българите през втората половина на XX век // Изследвания по история на социализма в България. 1944–1989. Т. 2 / сост. Е. Кандиларов. София, 2010. С. 174.

кое противопоставление «своих» и «чужих» по морально-этическим характеристикам является обычным приемом, поэтому здесь можно ограничиться лишь некоторыми примерами: византийцы, изображаемые как «алчные до чужой земли ромеи»¹⁵, противопоставляются болгарам, которые при требовании у византийцев территорий «не искали ничего сверх того, что заслужили»¹⁶; византийские солдаты – недисциплинированные и склонные к предательству, в то время как болгарские верны своим обязательствам¹⁷.

Одной из ключевых проблем выстраивания нарратива национальной истории является вопрос этнической и государственной преемственности: в случае Болгарии это проблема этногенеза болгарского народа (протоболгарское/булгарское и славянское население) и линейности болгарской государственности. В сюжетах, посвященных ранней истории Первого Болгарского царства, можно отметить постоянное объединение «болгар и славян» в контексте их общей истории. В одиночном сюжете «Месть хана Крума»¹⁸ повествуется о битве при Вырбишском проходе в 811 г. войска хана Крума против византийцев. Болгарские и славянские отряды, четко разделяемые современниками, здесь не различаются, все подписи в панелях выполнены шрифтом, стилизованным под старославянский алфавит (кириллический), появившийся через несколько десятилетий после описываемых событий. Этот прием встраивает событие эпохи болгарских ханов в последующую историю, как и заключительная панель сюжета: «Слово хана Крума идет к нам через века»¹⁹. Такой же прием со стилизацией шрифта использовался в другом одиночном сюжете – «Пока есть болгарин, будет помнить!»²⁰, посвященным битве при Ахелое 917 г. царя Симеона с византийцами – событию болгарской истории периода уже после христианизации и, соответственно, появления кириллической письменности.

¹⁵ Дъга. 1979. № 1. С. 8.

¹⁶ Дъга. 1984. № 18. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 5–6.

¹⁸ Дъга. 1980. № 4. С. 14–23.

¹⁹ Там же. С. 23.

²⁰ Дъга. 1979. № 1. С. 3–13.

В серии сюжетов «Елемаг, воин хана Тервела» на протяжении пятнадцати эпизодов (№№ 7–22) излагается история о Елемаге, «сыне славянского князя»²¹ (здесь и далее курсив авторский. – С.Е.), участвующем во всех известных событиях правления Тервела: войнах с византийцами и арабами, борьбе претендентов за престол Византийской империи и т. д. Особенно ярко стремление к объединению протоболгарской и болгарской истории проявляется в эпизодах, связанных с болгарско-византийскими отношениями, например, заключением мирного договора 716 г.: «Это был первый письменный договор, который заключила молодая славяно-болгарская держава с Византией. Он представил болгар перед остальным миром не как варварское сообщество, а как настоящее правовое государство»²².

Можно отметить, что в неявном виде в эту линию болгарской истории встраивается и более древняя фракийская. Помимо некоторых косвенных отсылок к этому периоду (серия «Сокровище фракийцев» в №№ 11–13), интересна серия «Спартак», первый эпизод которой заканчивается «страницей истории» о памятнике вождю восстания рабов: «В начале южной части города Сандански... возвышается памятник Спартаку... Известно, что Спартак был фракийцем и согласно исследованиям ученых *родился в этих местах. Отсюда он начал свой жизненный путь* и стал предводителем первого в истории Римской империи восстания рабов... Памятник – признание бессмертного дела!»²³. В этом пассаже можно увидеть попытку «удревления» болгарской истории, своего рода «присваивание» древней фракийской истории авторами комикса, хотя другие подобные примеры в журнале не присутствуют.

Почти 500-летнее османское иго – один из ключевых эпизодов болгарской национальной истории, без объяснения которого невозможно само построение нарратива этой истории. Упоминания о периоде османского завоевания и оценки его как национальной трагедии в «Дъга» довольно маргинальны. Например, на «странице истории», посвященной истории оружия и национального костюма, чи-

²¹ Дъга. 1981. № 7. С. 14.

²² Дъга. 1984. № 18. С. 7.

²³ Дъга. 1980. № 2. С. 9.

таем следующее: «Жестокие гонения османских властей вынудили болгар отказаться от пышных одежд, костюм стал бледным и невзрачным, а ткани – грубыми»²⁴. При анализе репрезентации этой темы на страницах «Дъга» интересно отметить отсутствие какого-либо стройного и подробного изложения истории «османского» периода, по большому счету она умалчивается: сокрытие тех или иных тем в историческом нарративе не менее важно, чем то, что ясно проговаривается. Единственная связанная с османским завоеванием тема, неоднократно поднимаемая в различных сюжетах и «исторических страницах», – движение гайдуков. Гайдуки (болгарские партизаны времен османского ига) предстают как «надежда и опора болгарского народа»²⁵ и «смелые защитники и мстители, хранившие неугасимую веру и надежду на свободу»²⁶. Некоторое количество одиночных сюжетов («Неуловимый»)²⁷ и «страниц истории» посвящено «апостолам свободы» – руководителям болгарского национально-освободительного движения – и вообще событиям Освобождения. Таким образом, этот большой отрезок истории, характеризовавшийся весьма сложными и неоднозначными отношениями болгарского населения и османских властей, сводится к гиперболизированной теме освободительного движения. Интересно, что и движение гайдуков встраивается авторами в нарратив болгарской истории, провозглашая их преемниками даже не просто средневековых воинов, но войска болгарских ханов в серии «Гайдук Велко»: «Сегодня победили врага, как столетия назад царь Крум уничтожил византийские войска под началом императора Никифора»²⁸.

Единственным примером изложения событий самого османского завоевания является серия «Добромир» (№№ 21–36), сюжет которой разворачивается в 1386 г., накануне падения болгарского государства. Из отличительных особенностей этого сюжета надо отметить более натуралистичное изображение батальных сцен, а также зверств османских солдат. В этой серии впервые при упоминании турок отмечается религиозный аспект войны, подчер-

²⁴ Дъга. 1980. № 5. С. 10.

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Дъга. 1981. № 7. С. 52.

²⁷ Дъга. 1979. № 1. С. 17–23.

²⁸ Дъга. 1982. № 10. С. 62.

кивается их исламский фанатизм: «В это время „правoverные“ воины совершали намаз: „Джихад против неверных в защиту зеленого знамени Пророка – это важнейший долг всякого мусульманина“»²⁹. Такое акцентирование исламской религиозности турок, изображаемых в серии «Добромир» в качестве жестоких врагов болгар, может быть связано с Возродительным процессом – кампанией по болгаризации мусульманского населения в 1984–1989 гг.³⁰ (серия начала выпускаться в 1985 г.).

Последний проблемный вопрос болгарской истории – участие в мировых войнах, и особенно во Второй мировой войне на стороне Третьего рейха против СССР, что должно было получить какое-то объяснение в соответствии с идеологией господствующего социалистического режима. Если события Первой мировой войны не упоминаются в комиксе (за исключением единственного случая в «странице истории» об истории болгарского оружия), то участию Болгарии во Второй мировой посвящено довольно много сюжетов, однако все они обладают определенной спецификой. Можно сказать, что сам факт умалчивается, обходится стороной, затрагиваются в какой-то мере лишь периферийные события. Так, в тех или иных сюжетах изображается «сопротивление» немецкой армии и болгарскому «монархо-фашистскому» режиму подростков в начале войны (1941 г.), как в серии «Война босоногих»³¹. Сюжет «Заговорщица»³² посвящен биографии ремсестки (член «Рабочего союза молодежи») Мати Рубеновой и описывает ее первые шаги в деятельности подпольных коммунистических кружков, далее сразу переходя к ее гибели в бою в составе группы партизан в 1944 г. Большая часть одиночных сюжетов и серий, связанных с Второй мировой войной, посвящена событиям конца войны: участие в боях подростков-партизан в 1943 г. в «Дружине Панко»³³; подвиг молодого партизана Митко Палаузова в

²⁹ Дъга. 1987. № 27. С. 9.

³⁰ Баева И., Калинова Е. Етнически и религиозни общности в следвоенна България // Изследвания по история на социализма в България. 1944–1989. Т. 2 / сост. Е. Кандиларов. София, 2010. С. 538–541.

³¹ Дъга. 1985. № 20. С. 10–17; № 21. С. 46–54.

³² Дъга. 1984. № 16. С. 58–63.

³³ Дъга. 1981. № 6. С. 25–31; № 8. С. 46–52.

1944 г. («Подвиг»³⁴); история о вымышленном партизанине Васко, попавшем в плен в битве с «полицаями» и спасенном от казни приходом советской армии 9 сентября 1944 г. («Жив ли Васко?»³⁵).

Особняком стоит серия «Бессонные ночи» (№№ 15–25, шесть эпизодов), повествующая о борьбе «народной милиции» (органа госбезопасности), образованной в сентябре 1944 г., с оставшимися после падения режима «гитлеровцами» и «контрреволюционерами»³⁶ и ликвидацией «банд реакционеров, которые пытаются вернуть историю назад»³⁷. Таким образом, в «Дъга» охватываются лишь события начала и конца Второй мировой войны, после «Сентябрьской революции» 1944 г. переходящей уже в «Отечественную войну». Находящиеся же за пределами подобного рода мотивов упоминания о Второй мировой войне подаются с позиции СССР: «историческая страница» о Великой отечественной войне³⁸, где речь идет о боевых действиях советской армии; сюжет «Володя Дубинин»³⁹ о юном советском разведчике и так далее.

Можно заключить, что в комиксе «Дъга», предназначенном для детей и подростков и использовавшемся в качестве инструмента государственной пропаганды, болгарская национальная история представлена как непрерывная череда сменяющих друг друга государств, объединенных общим «болгарским народом», который неизменно борется с внешними и внутренними врагами, обладающими более низкими этическими качествами. Такой принцип построения популярного исторического нарратива является довольно обычным. Из особенностей же именно болгарского нарратива, изложенного в рассматриваемом круге источников, можно отметить такие приемы, как гиперболизация определенных явлений того или иного периода (османское иго) или вообще умалчивание тех или иных важных исторических событий (участие во Второй мировой войне на стороне стран Оси).

³⁴ Дъга. 1985. № 20. С. 34–39.

³⁵ Дъга. 1980. № 2. С. 33–40.

³⁶ Дъга. 1984. № 15. С. 9–14.

³⁷ Дъга. 1985. № 19. С. 20–25.

³⁸ Там же. С. 10–11.

³⁹ Дъга. 1984. № 18. С. 26–30.

Демографическая история

А.В. Вишневецкая

*Лаборатория «Международный центр демографических исследований», Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Православное население Екатеринбурга по материалам метрических книг (конец XIX – начало XX в.)

В статье представлены результаты анализа раздела «о браке» метрических книг Екатерининского собора города Екатеринбурга за 1880–1919 гг. Изучение моделей демографического поведения православных прихожан города позволило провести комплексный социально-демографический и статистический анализ. В частности, определено общее количество ритуалов бракосочетания, а также их динамика с 1880 по 1919 г. В результате анализа была установлена сословная принадлежность новобрачных. Показатели среднего возраста вступления в первый брак на территории прихода Екатерининского собора в целом отражают общероссийскую тенденцию. Отмечено, что религиозный фактор оставался решающим при выборе месяца свадьбы у прихожан Екатерининского собора.

Ключевые слова: православный приход, метрические книги, конфессиональная жизнь, бракосочетания, Екатеринбург, конец XIX – начало XX в.

В последние десятилетия в научной среде наблюдается устойчивый тренд к изучению истории религиозных деноминаций¹. Наряду с изучением глобальных процессов исследователей привлекают локальные сюжеты: аспекты конфессиональной жизни представителей различных вероисповеданий в отдельно взятых городах или регионах. В качестве причин этого явления можно назвать не

¹ На ресурсе «КиберЛенинка» поиск статей, связанных с ключевым словом «религиозные деноминации», дает один результат, опубликованный в 1990 г., пять – в 2000 г., 10 – в 2005 г., 54 – в 2010 г. и 63 – в 2016 г.

только интерес к отдельной личности в историческом процессе, но и усовершенствование методов статистического анализа, активное внедрение компьютерных и информационных технологий, позволяющих увидеть отражение макроявлений в частной жизни, оперируя при этом несколькими уровнями данных: индивидуальным, семейным, микросоциальным, локальным и т. д. При этом достаточный объем данных сводит к минимуму вероятность не вполне достоверных выводов о социальной группе на основании сведений об отдельных ее представителях (так называемое антропологическое заблуждение), а также предупреждает экстраполяцию заключений о социуме на область персоналий (экологическое заблуждение).

Религиозный ландшафт дореволюционного Екатеринбурга представляет особый интерес для исследователей. На сравнительно небольшой территории сосуществовали представители различных религиозных деноминаций. Основные ритуалы их жизненного цикла (рождение, бракосочетание и погребение) нашли свое отражение в метрических книгах. Комплексный анализ данного источника позволит изучить социально-демографическую ситуацию в городе. В научный оборот уже введены демографические данные по католикам, лютеранам и иудеям г. Екатеринбурга конца XIX – начала XX века². Однако информация по православным, к которым относилось более 90 % местных жителей, гораздо более объемна, поэтому изучение данных по приходам Русской православной церкви является необходимым и логичным этапом, что обосновывает актуальность данного исследования.

Хронологическими рамками работы является период с 1880 по 1919 г. В качестве нижней границы выбран 1880 г. Корпус источников более раннего времени обладает рядом специфических характе-

² *Главацкая Е.М.* Лютеране Среднего Урала в XVIII – второй половине XIX вв.: институты, расселение, численность // *Известия Уральского университета.* 2015. Т. 139. № 2. С. 112–119; *Главацкая Е.М., Боровик Ю.В., Бобицкий А.В.* Католики Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. по материалам переписей и метрических книг // *Известия Уральского федерального университета.* 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 68–84; *Главацкая Е.М., Заболотных Е.А.* Еврейская религиозная община Екатеринбурга во второй половине XIX – начале XX в.: численность и институты // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки.* 2017. Т. 19. № 4 (169). С. 206–221.

ристик, затрудняющих изучение архивного материала. Вследствие отсутствия некоторых метрических книг за предшествующие годы ухудшается репрезентативность данных и информационный потенциал источника. Верхней границей выступает 1919 г. Октябрьская революция 1917 г. вызвала коренные изменения в социальной жизни населения, в частности, церковь была лишена права регистрации событий жизненного цикла. Согласно Декрету Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния»³, в стране признавались лишь гражданские браки, зарегистрированные по месту жительства в отделе записей браков и рождений при городской местной управе. Этот же орган регистрировал рождения и смерти. Все метрические книги, согласно декрету, предписывалось передать незамедлительно в соответствующие городские, уездные, волостные и земские управы для дальнейшего их хранения. Приход белых (лето 1918 – лето 1919 г.) ненадолго вернул прежнюю практику церковного учета, но лишь до окончательного установления советской власти, после чего начинался новый виток внедрения положений Декрета от 18 декабря 1917 г. В большинстве метрических книг Екатеринбурга записи за осень 1919 г. – последние.

Екатеринбург во второй половине XIX – начале XX в. находился в зоне активной миграции, в том числе крестьянской, поэтому этнографические наблюдения и описания практик, связанных с обрядами жизненного цикла, и представлений сельского населения о родах, крещении, заключении брака важны для изучаемой темы⁴. Брачность в неправославных приходах города получила освещение в ряде исследований⁵.

³ «Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 161–163.

⁴ Приходы и церкви Екатеринбургской епархии. Екатеринбург, 1902. 612 с.

⁵ Заболотных Е.А., Главацкая Е.М. «Книга записи сочетания браков между евреями»: новый источник по истории еврейского сообщества Екатеринбурга в начале XX вв. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2016. С. 347–352; Коркодинова А.В., Главацкая Е.М., Боровик Ю.В. Брачные стратегии лютеран Екатеринбурга по материалам метрических книг церкви св. Петра (1892–1919 годы) // Церковь. Богословие. История. Екатеринбург, 2016. С. 166–173; Коркодинова А.В., Главацкая Е.М. Религиозно-смешанные браки по материалам метрических книг лю-

Истории Екатерининского собора, одного из самых известных в старом Екатеринбурге, было уделено достаточное внимание как в трудах, посвященных всей епархии⁶, так и непосредственно храму⁷. Заложенная одновременно с городом в 1723 г., церковь во имя святой великомученицы Екатерины строилась для его первых жителей и строителей из окрестных деревень. В рамках Екатерининского прихода с момента его основания велись метрические книги – совокупность записей культовой регистрации, которые в виде хронологических записей удостоверяли события крещения (рождения), венчания (брака), погребения (смерти) конкретных лиц. Повсеместное введение унифицированных церковно-приходских регистров (метрических книг) в России началось с указа Петра I в 1722 году⁸. Изучение брачных стратегий поведения прихожан Екатерининского собора г. Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. позволило нам ввести в научный оборот новые исторические источники и проанализировать их с помощью статистических методов. Для реализации указанной цели данные раздела «о браках» метрических книг за 1880–1919 гг. (за исключением книг за 1882 и 1884 гг.) были транскрибированы в базу данных (БД) в программе Microsoft Excel.

Динамика заключения бракосочетаний

К концу XIX – началу XX вв. приход Екатерининского собора насчитывал 4 576 человек, что составляло 12 % от всего сорокатысячного (39 745 человек) православного и единоверческого населения города на 1897 году⁹. На основе статистики и материалов метрических книг Екатерининского собора можно сделать вывод, что в период с 1880 по 1919 гг. в приходе было заключено 2 599 браков.

теранской общины Екатеринбурга за 1886–1919 гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2016. С. 374–378.

⁶ История Екатеринбургской епархии / под ред. Е.М. Главацкой, А.В. Мангиловой, И.Л. Маньковой. Екатеринбург, 2010. 552 с.

⁷ Манькова И.Л. Храм в сердце и памяти. Екатеринбург, 2000. 144 с.

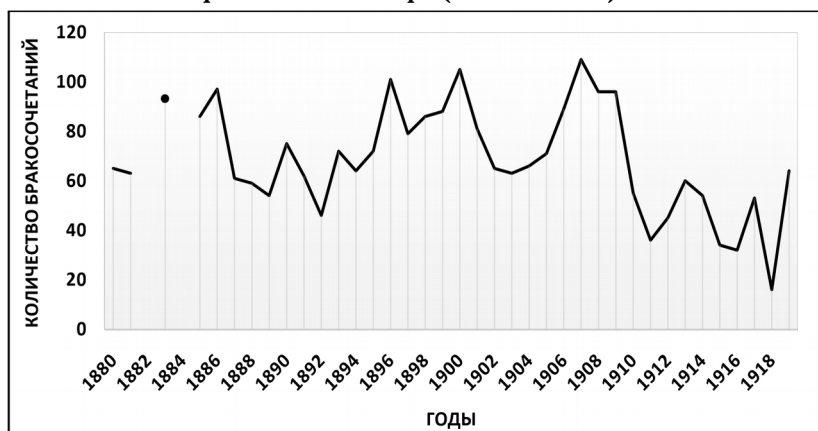
⁸ «Прибавление о правилах причта церковнаго и чина монашескаго (Прибавление к Духовному регламенту)» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830.

⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXI. Пермская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 92.

В среднем в год заключалось 68,8 браков. Динамика проведения ритуалов по годам и их соотношение показывает, что численность Екатерининского прихода в 1908–1909 гг. резко сократилась: это было связано с переходом части прихожан в Вознесенскую церковь. Кроме того, отмечено снижение брачной активности с началом Первой мировой войны (см. рисунок 1).

Рисунок 1

**Динамика заключения бракосочетаний в приходе
Екатерининского собора (1880–1919 гг.)***

* Составлено по: Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 6. Оп. 9. Д. 781, 788, 801, 813, 821, 827, 854, 865, 877, 885, 894, 901, 910, 915; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 20, 28, 34, 44, 52, 62, 78, 101, 123, 130, 145, 190, 213, 263, 294, 314, 340.

К сожалению, введенные в научный оборот данные метрических книг других православных приходов г. Екатеринбурга имеются только с 1901 г. Сравнивая сведения о Екатерининском приходе с Вознесенским и Богоявленским, можно сделать вывод, что брачные стратегии прихожан были похожи: здесь также отмечены довоенные периоды подъема брачной активности, а также связанный с существенным расширением прихода Вознесенской церкви всплеск венчаний. Начиная с 1914 г. количество браков во всех приходах уменьшалось. Минимальные брачные показатели 1918 г. связаны с переходом к записям актов гражданского состояния государственными органами. Приход белых (лето 1918 – лето 1919 гг.) вернул

прежнюю практику церковного учета, но лишь до окончательного установления советской власти (см. рисунок 2).

Рисунок 2

Динамика заключения бракосочетаний в трех православных приходах Екатеринбурга (1901–1919 гг.)*

* Составлено по: ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 781, 788, 801, 813, 821, 827, 854, 865, 877, 885, 894, 901, 910, 915; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 20, 28, 34, 44, 52, 62, 78, 101, 123, 130, 145, 190, 213, 263, 294, 314, 340.

Сословная принадлежность женихов и невест

Изучение сословной принадлежности женихов и невест, венчавшихся в Екатерининском соборе, показало, что состав прихода был смешанным (см. таблицу 1). Приблизительно равные показатели количества мещан и крестьян, которые заключали брак в период с 1880 по 1919 г., свидетельствуют о том, что не только жители города пользовались услугами собора. Заключение брака – один из важнейших ритуалов в жизни человека. Многие крестьяне, как из ближайших деревень, так и из других уездов, приезжали в Екатеринбург, чтобы узаконить брак в одном из крупнейших и наиболее почитаемых соборов важнейшего города Пермской губернии.

Таблица 1

**Сословная принадлежность новобрачных, венчавшихся
в Екатерининском соборе (1880–1919 гг.)***

Сословия	Женихи		Невесты	
	Человек	%	Человек	%
Мещане	1 035	39,8	1 012	38,9
Крестьяне	854	32,9	1 038	39,9
Дворяне	23	0,9	17	0,7
Купцы	12	0,5	31	1,2
Прочие	675	26,0	501	19,3
Всего	2 599	100	2 599	100

*Составлено по: ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 781, 788, 801, 813, 821, 827, 854, 865, 877, 885, 894, 901, 910, 915; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 20, 28, 34, 44, 52, 62, 78, 101, 123, 130, 145, 190, 213, 263, 294, 314, 340.

** К сословию, обозначенному в таблице как «прочие», можно отнести различные гражданские и военные чины (в отношении женихов), принадлежность к семьям военных или чиновников (в отношении невест), а также некоторые виды деятельности новобрачных, не поддающиеся классификации (например, «студент», «дочь священника», «гражданин», «гражданка» и др.). Несмотря на горнозаводскую специфику региона, в метрических книгах Екатерининского собора ни разу не фиксируется категория рабочих. Вероятно, они были распределены между двумя основными условиями – мещанами и крестьянами.

Брачный статус

Как правило, в метрических книгах указывался брачный статус девушек. Так 2 321 (89 %) человек значился «девицами», то есть они выходили замуж в первый раз, а 205 женщин (7,8 %) вступали в брак повторно, как вдовы. В приходе также были отмечены случаи развода. Получившие разрешение расторгнуть первый брак могли заключить повторный. Однако в указанный период лишь четыре женщины, разведясь с прежним супругом, вновь вышли замуж. В 1889 г. 40-летняя «бывшая жена обывателя» Татьяна Ожилова, проживавшая в Каменском заводе, вышла замуж за 30-летнего Евграфа Анфилова. В двух случаях (в 1891 и 1899 гг.) женщины выходили замуж после развода в связи со ссылкой мужа в Сибирь: 33-летняя Ольга Крашенникова – за екатеринбургского мещанина Григория

Бурцева, 48-летняя Фекла Иванова – за чиновника Ивана Ильиных. Также в 1901 г. был отмечен случай, когда разведенная 27-летняя Александра Третьякова вступила в новое супружество с Карлом Штутгартом, мещанином из Екатеринбурга¹⁰. Подобная статистика в отношении женихов не велась, однако нам известен 41 случай, когда был указан брачный статус мужчины. В 14 случаях было отмечено холостое положение жениха, в 22 случаях – вдовство «по первому браку», в одном случае – по третьему, а также четыре случая расторжения прежних брачных уз и новой женитьбы.

Информация метрических книг Екатеринбургского собора показывает, что количество первых браков, как в отношении женщин, так и мужчин, намного превосходило вторые и последующие браки. С 1880 по 1919 г. в первое супружество вступило 2 315 девушек и 2 163 мужчины. Динамика заключения первых браков свидетельствует о том, что демографическая модель поведения у мужчин и женщин была схожей, что нашло свое отражение в приблизительно равных численных показателях. Для большинства прихожан в это время обещание перед алтарем оставаться в браке в трудностях и в радостях было не только словами, но и констатацией наиболее вероятного направления своей семейной жизни.

Средний возраст вступления в первый брак

Исследователь Б.Н. Миронов отмечает, что средний возраст всех русских невест, вступающих в первый брак, в 1867–1910 гг. равнялся 21,4 года, женихов – 24,2 года¹¹. Специфика Екатеринбурга как центра горнодобывающих отраслей и металлургии хоть и оказала значительное влияние на брачную стратегию горожан и жителей близлежащих деревень, но в целом соответствовала общероссийской тенденции: в среднем в приходе Екатеринбургской церкви женщины в первый раз выходили замуж в 21 год, мужчины впервые женились в 25,5 лет. Анализ возрастных характеристик свидетельствует о

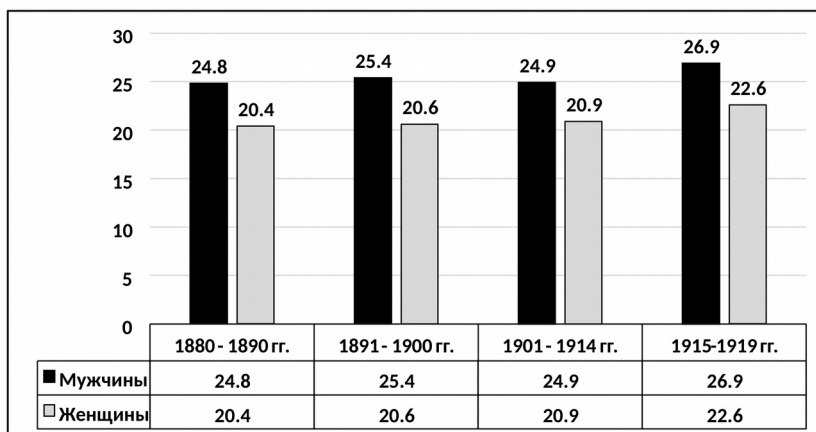
¹⁰ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 6. Оп. 9. Д. 827. Л. 96; Д. 854. Л. 102; Д. 915. Л. 107; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 20. Л. 87.

¹¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 169.

тенденции начала XX в. позднее начинать семейную жизнь. Также отмечено, что с началом Первой мировой войны тренд к снижению количества браков дополнился фактором повышения брачного возраста как у невест, так и у женихов (см. рисунок 3). Данная особенность могла быть обусловлена тем, что мужчины были призваны в армию, а многие пары предпочли отложить свадьбу до окончания войны.

Рисунок 3

**Средний возраст вступления в первый брак у прихожан
Екатерининского собора (1880–1919 гг.)***

* Составлено по: ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 781, 788, 801, 813, 821, 827, 854, 865, 877, 885, 894, 901, 910, 915; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 20, 28, 34, 44, 52, 62, 78, 101, 123, 130, 145, 190, 213, 263, 294, 314, 340.

Самой юной невестой на территории Екатеринбургского прихода была 15-летняя Ольга Земцова, мещанка из Екатеринбурга, вышедшая замуж за 18-летнего Николая Боброва, проживавшего также в Екатеринбурге. Самый ранний возраст вступления в брак мужчин – 17 лет – был зарегистрирован в 1907 г. Крестьянин из Березовского завода Петр Бузин женился на 16-летней крестьянке Анастасии Ждановских. Максимальный возраст вступления в первый брак у женщин был отмечен в 1913 г.: 56-летняя крестьянка Березовского

завода Анна Савиных вышла замуж за 29-летнего Филиппа Демакова, проживавшего в Яранском уезде Вятской губернии. В 1897 г. был зарегистрирован первый брак 64-летнего отставного подполковника Дмитрия Закревского с 30-летней дочерью отставного рядового Антониной Баландиной.

Сезонность браков

В течение года браки распределялись неравномерно. Наибольшее число браков было заключено зимой (январь – февраль) и осенью (сентябрь – октябрь – ноябрь). В процентном соотношении данные выглядят следующим образом (см. таблицу 3).

Таблица 2

Распределение браков в приходе Екатерининского собора по сезонам (1880–1919 гг.)*

	Зима	Весна	Лето	Осень	Всего
Кол-во браков	674	442	634	849	2 599
%	25,9	17	24,4	32,7	100

* Составлено по: ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 781, 788, 801, 813, 821, 827, 854, 865, 877, 885, 894, 901, 910, 915; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 20, 28, 34, 44, 52, 62, 78, 101, 123, 130, 145, 190, 213, 263, 294, 314, 340.

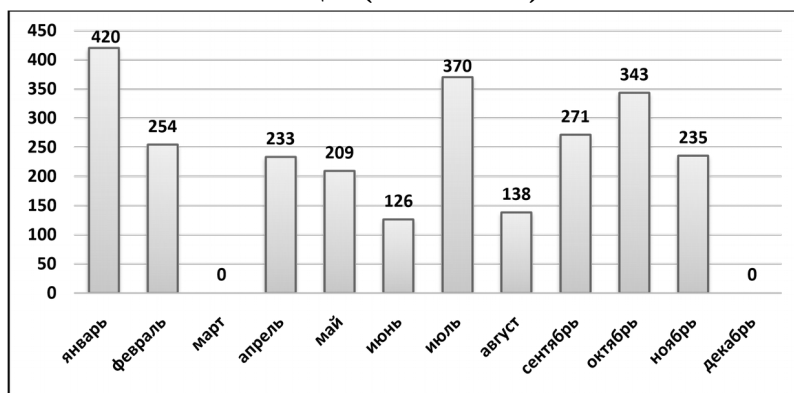
Исследователи выделяют целый комплекс причин данного явления, важнейшей из которых являлся религиозный фактор. Согласно церковным правилам, венчать не разрешалось в течение всех четырех постов (Великий пост, Рождественский, Петров и Успенский), в сырную и пасхальную недели, в святки. Кроме того, в русской православной традиции бракосочетания не совершались накануне постных дней, накануне и в дни Усекновения главы Иоанна Предтечи и Воздвижения Креста Господня, во время двенадцатых, великих и храмовых праздников¹². Также Б.Н. Миронов отмечает, что сезонность браков сложилась и под влиянием условий жизни и оптимальным образом им соответствовала, оказывая влияние на здоровье женщин и детей. Традиция заключать браки зимой была

¹² Голикова С.В. Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX веков: демографические процессы и традиции. Екатеринбург, 2001. С. 17.

глубоко оправданной: по наблюдениям врачей и священников (уместно напомнить, что священники, которые вели метрические записи в приходе, в семинариях получали медицинские знания и могли принять роды в случае необходимости), зимние свадьбы (и соответственно зачатия) в январе – феврале давали самых здоровых детей осеннего рождения¹⁵.

Рисунок 4

Распределение браков в Екатерининском приходе по месяцам (1880–1919 гг.)*

*Составлено по: ГАСО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 781, 788, 801, 813, 821, 827, 854, 865, 877, 885, 894, 901, 910, 915; ГАСО. Ф. 6. Оп. 13. Д. 20, 28, 34, 44, 52, 62, 78, 101, 123, 130, 145, 190, 213, 263, 294, 314, 340.

Экономический фактор, связанный с ритмом сельскохозяйственных работ и аграрным циклом, зачастую не был присущ жителям городов и являлся, скорее, данью традиции. Данные по Екатерининскому приходу подтверждают это. Наибольшее количество браков в Екатерининском приходе было заключено в январе (420), июле (370) и октябре (343). Отсутствие привязки бракосочетаний к аграрному циклу объясняет высокие показатели летних браков. Подобная тенденция отражает специфику Урала как горнозаводского региона. Стоит также отметить, что религиозные требования вовсе не исключали возможность сыграть свадьбу в марте и декаб-

¹⁵Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи... С. 170.

ре, однако в указанный период в эти месяцы не было зафиксировано ни одного венчания (см. рисунок 4).

На основе анализа данных метрических книг Екатеринбургского собора г. Екатеринбурга за 1880–1919 гг. можно предположить, что самый крупный в городе приход насчитывал более 4 500 человек, что составляло приблизительно 12 % от всего сорокатысячного православного населения города. В указанный период в приходе было совершено 2 599 ритуалов бракосочетания. Динамика проведения ритуалов по годам и их соотношение позволяет выделить благоприятные периоды в жизни прихода, связанные с подъемом брачной активности, и неблагоприятные, отмеченные уменьшением количества бракосочетаний из-за перехода части прихожан в Вознесенскую церковь (1908–1909 гг.) и начала Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Количество первобрачных женихов и невест намного превосходило количество тех, кто вступал во вторые и последующие браки, что свидетельствует о высокой роли и ценности института семьи среди православного населения Екатеринбурга в конце XIX – начале XX в. Анализ возрастных характеристик свидетельствует о тенденции начала XX в. позднее начинать семейную жизнь. Также отмечено, что с началом Первой мировой войны тенденция к снижению количества браков дополнилась фактором повышения брачного возраста как у невест, так и у женихов на два года. Наибольшее количество браков в Екатеринбургском приходе было заключено в январе, июле и октябре, что отражало специфику Урала как горнозаводского региона. Отсутствие привязки бракосочетаний к аграрному циклу объясняет высокие показатели летних браков.

Дальнейшее изучение вопроса, привлечение дополнительных источников (метрических книг других церквей Екатеринбурга: метрик, принадлежавших представителям различных деноминаций), а также транскрибирование полученной информации в БД существенно расширит исследовательские возможности, позволит провести комплексный социально-демографический анализ.

Д.С. Бахарев

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

**Младенческая смертность в Пермской
губернии в конце XIX – начале XX в.:
опыт пространственного анализа***

Статья посвящена исследованию важного демографического параметра населения Пермской губернии конца XIX – начала XX в. – младенческой смертности. Для России этого периода был характерен высокий уровень смертности грудных детей, а для Урала – сверхвысокий. В начале XX в. в империи началось снижение этого показателя, на Урале демонстрировавшее рекордные темпы. В статье предпринята попытка на основе опубликованной земской статистики того времени выявить группы населения, ставшие драйвером этого процесса: предположительно, нерусское и заводское население уездов. В качестве метода исследования выступил компаративный графический анализ усредненных коэффициентов младенческой смертности уездов Пермской губернии за 1890-е годы – преддверия старта демографического перехода в России. По итогам исследования сделан вывод о частичном соответствии гипотезы действительности и необходимости привлечения для анализа дополнительных факторов.

Ключевые слова: историческая демография, младенческая смертность, позднимперская Россия, Пермская губерния.

Уровень младенческой смертности в обществе – чрезвычайно важный демографический параметр. Многие исследователи полагают, что его можно использовать, в том числе, для определения общего уровня социально-экономического развития общества, так как для сохранения жизни младенцев обычно прилагаются все возможные усилия¹. Этот показатель, таким образом, содержит

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 16-18-10105, «Этно-религиозная и демографическая динамика в горной Евразии в конце XIX – начале XX в. на примере Урала и Скандинавии».

¹ Бахметова Г.Ш. Коэффициент младенческой смертности // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 204.

довольно высокий познавательный потенциал, что делает его интересным для исследования исторической ситуации. Особую важность он приобретает при изучении общества в эпоху модернизационных перемен: одним из элементов модернизации являлась ее демографическая составляющая, в рамках которой происходило установление контроля над рождаемостью, становление института добровольного брака, а также снижение смертности, в том числе младенческой². Именно таким, стоящим на путях модернизации, обществом была Российская империя конца XIX – начала XX в.

Высокая смертность грудных детей оставалась центральной демографической проблемой Российской империи вплоть до конца ее существования. Россия безусловно лидировала по этому показателю среди европейских государств: если в конце XIX в. скандинавские страны, пионеры в этой области, имели младенческую смертность около 100 ‰, средняя на их фоне Франция – около 160 ‰, то российский коэффициент младенческой смертности (далее – КМС)³ составлял более 250 промилле⁴. Такое положение дел неизменно вызывало беспокойство современников, в первую очередь, ученых-статистиков и земских медиков. Они указывали на колоссальные людские потери, превышавшие любые военные, которые несла страна каждый год в лице сотен тысяч младенцев⁵. Однако в начале XX в. наметилось некоторое улучшение ситуации. Виднейший ученый-демограф того времени, С.А. Новосельский, проанализировав данные за первое десятилетие нового века, с осторожностью говорил о снижении младенческой смертности в России, протекавшем в рамках более масштабного снижения общей смертности населения⁶. Уже современными исследователями это явление было идентифици-

² Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб., 2015. Т. 3. С. 593–603.

³ Коэффициент младенческой смертности – показатель, отражающий количество детей, умерших в возрасте до одного года, на 1 000 новорожденных за один год.

⁴ См.: Куркин П.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938. С. 37–38; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): стат. очерки. М., 1956. С. 194.

⁵ Одним из самых ярких подобных сочинений является труд врачей Д.А. Соколова и В.И. Гребенщикова: Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. 77 с.

ровано как первая попытка эпидемиологического перехода в России, позже прерванная социально-политическими потрясениями, охватившими страну⁷.

Этот феномен не раз рассматривался исследователями в рамках общероссийских комплексных обзоров⁸. При этом работ, посвященных изучению данного процесса в контексте отдельных регионов или населенных пунктов, чрезвычайно мало. Между тем они могли бы пролить свет на локальные, до этого не замеченные нюансы начала демографического перехода в позднеимперской России. Тема становится особенно актуальна, если в качестве объекта выступает административный субъект, в котором смертность грудных детей значительно отличалась от средней по стране. В пределах 50 губерний европейской России КМС имел большую дифференциацию: от белорусских губерний, близких к западноевропейским странам по своим показателям, до уральских с их сверхвысокими цифрами⁹. Именно к числу последних относилась Пермская губерния.

Этот уральский горнозаводской край имел чрезвычайно высокие показатели смертности младенцев, до начала XX в. уверенно занимая первое место в империи с КМС свыше 400 промилле¹⁰. Аномально высокая младенческая смертность в Пермской губернии подробно изучена местными исследователями, в частности С.В. Голиковой¹¹. Замечено, что именно Пермская губерния стала лидером по снижению уровня младенческой смертности в стране за счет своего колоссального резерва для этого снижения. С 1886–1897 по 1908–1910 гг. КМС в России снизился с 274 до 253 ‰, а в Пермской губер-

⁶ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1916. С. 182.

⁷ См.: Исунов В.А. Эпидемиологический переход в России: взгляд историка // Демографическое обозрение. 2016. № 4. С. 82–92.

⁸ См., например: Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47–75.

⁹ См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет... С. 195–196.

¹⁰ Корнилов Г.Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. № 3 (44). 2014. С. 80–84.

¹¹ Голикова С.В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.): источниковедческий и методологический аспекты. Екатеринбург, 2012. 176 с.

нии – с 437 до 320 ‰, то есть уральское снижение составило 117 ‰, в то время как в целом по стране КМС снизился только на 21 ‰. При этом в историографии практически никак не рассмотрен вопрос о дифференциации младенческой смертности внутри губернии, которая, несомненно, существовала: от 309 ‰ в Чердынском уезде до 484 ‰ в Ирбитском¹². Разница существовала и в пределах отдельно взятого уезда, например, Екатеринбургского¹³. Таким образом, целью данного исследования является изучение дифференциации младенческой смертности в Пермской губернии на рубеже XIX–XX в. с использованием уезда в качестве аналитической единицы. Метод заключается в компаративном графическом анализе усредненного КМС¹⁴ в уездах губернии в пределах одного хронологического среза. В силу ограничения источников (наличия данных о смертности младенцев, этническом составе и подразделении по волостям для всех уездов) временные пределы ограничиваются 1890-ми годами, то есть преддверием эпидемиологического перехода в России.

Гипотеза данного исследования состоит в том, что на Урале в конце XIX – начале XX в. существовали определенные группы населения, для которых была характерна пониженная младенческая смертность и которые выступили драйвером последующего ее снижения в начале XX в. Подобный подход иногда применяется исследователями, в частности Б.Н. Миронов на основе религиозной принадлежности и сословного статуса выделял группы населения, которые являлись драйверами модернизации в дореволюционной России¹⁵. Силами дореволюционных и современных исследователей установлено, что в пределах империи из всех этно-религиозных общностей высочайшие показатели младенческой смертности име-

¹² Пояснительный текст к экспонатам Пермского губернского земства к Всероссийской выставке гигиены 1913 г. СПб., 1913. С. 6–7.

¹³ *Бахарев Д.С.* Младенческая смертность в Екатеринбургском уезде в конце XIX века: опыт картографии // Цифровая гуманитаристика: ресурсы, методы, исследования (г. Пермь, 16–18 мая 2017 г.): материалы международной научной конференции. В 2-х частях. Ч. 2. Пермь, 2017. С. 10–12.

¹⁴ Коэффициенты за несколько лет, более объективно отражающие общую картину феномена за счет сглаживания случайных флуктуаций.

¹⁵ *Миронов Б.Н.* Российская революция 1917 года сквозь призму демографической модернизации // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 3. С. 6–58.

ли православные русские, значительно уступали западные христианам (католики и лютеране), иудеи, мусульмане, финно-угорские язычники и даже русские старообрядцы¹⁶. Это было связано, в первую очередь, с низким уровнем санитарно-гигиенической культуры населения и распространенной среди русских крестьян практикой раннего отъема ребенка от груди, что неизбежно влекло ослабление иммунитета и нарушение работы желудочно-кишечного тракта младенца¹⁷. Для учета этого фактора в рамках исследования необходимо, однако, остановиться на каком-то одном признаке – религии или этничности, так как единственный источник, одновременно фиксирующий этно-религиозный состав населения уездов Пермской губернии в этот период, – это данные Всеобщей переписи 1897 г., в которой эти критерии разведены. Для Урала этого периода частым явлением было тождество этничности и религии: поляки-католики, немцы-лютеране, башкиры-мусульмане и т. д. Тем не менее, существовали исключения. В случае выбора религиозной идентичности, а не национальной (православия, а не «русскости»), в число нашей выборки рискует попасть крестившееся довольно многочисленное финно-угорское население, евреи-выкресты и обрусевшие немцы; все эти группы были представлены на Урале. В обратной же ситуации такой «противоречивой» группой может выступить лишь старообрядческое население – русское, но не православное. Отслеживание влияния лишь одной крупной недоучтенной группы населения представляется более легкой задачей, нежели множества менее многочисленных. Это определяет первый выбранный признак – этничность. Соответственно, первая группа населения, для которой в рамках гипотезы была характерна потенциальная сниженная младенческая смертность, – это нерусское население. Второй, по-настоящему уникальной, группой населения являлись жители заводских поселков. Уже в первой половине XIX в. в этих по-

¹⁶См.: Никитенко В.П. Детская смертность в Европейской России за 1893–1896 год: дисс. ... д-ра мед. наук. СПб., 1901. С. 37–38; Соколов Д.А., Гребенников В.И. Смертность в России и борьба с ней... С. 44–51; Glavatskaya E., Borovik Ju., Thorvaldsen G. Urban infant mortality and religion at the end of the nineteenth and in the early twentieth century: the case of Ekaterinburg, Russia // *The History of the Family*. 2017. Vol. 1. P. 1–19.

¹⁷Кваши Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке... С. 47.

селениях сформировалась базовая система благоустройства, включавшая заводскую контору, церковь, госпиталь, богадельню, аптеку. Жители заводских поселков получали бесплатную медицинскую помощь, медикаменты и содержание в заводском госпитале, причем в это время им продолжали выплачивать половину жалованья, а семьи обеспечивались провиантом на прежних условиях¹⁸. После Великих реформ 1860-х годов произошел определенный упадок этой системы, но здесь свою роль начала играть земская медицина, имевшая на Урале особые черты: в отличие от иных губерний в горнозаводском крае в распоряжении земств находилась (или уже существовала в качестве параллельной системы) сеть капитальных заводских медицинских учреждений с профессиональным персоналом¹⁹. Таким образом, согласно гипотезе данного исследования, именно этнически нерусское население и жители заводских волостей вкуче имели более низкий КМС, снижая общий губернский уровень. В ходе проверки гипотезы был составлен график, отражающий КМС за 1890–1900 гг. и суммарную долю населения, исключаящего нерусское и заводское население по уездам Пермской губернии и составляющую своеобразную «группу риска» (см. рисунок 1).

Графический анализ полученных рядов дал неоднозначный результат. Построенные в соответствии с долей так называемого «неблагополучного» – русского незаводского – населения Пермской губернии ряды продемонстрировали неравномерное распределение коэффициентов младенческой смертности. Общее логичное, согласно гипотезе, повышение от 370 ‰ до 486 ‰ перемежается резким подъемом в Кунгурском уезде и спадом в Осинском, Шадринском и Оханском уездах. Последний результат может быть объяснен большой долей старообрядческого населения: все три перечисленных уезда занимали лидирующие позиции по числу старообрядцев в губернии согласно переписи 1897 г. Староверы, будучи этнически русски-

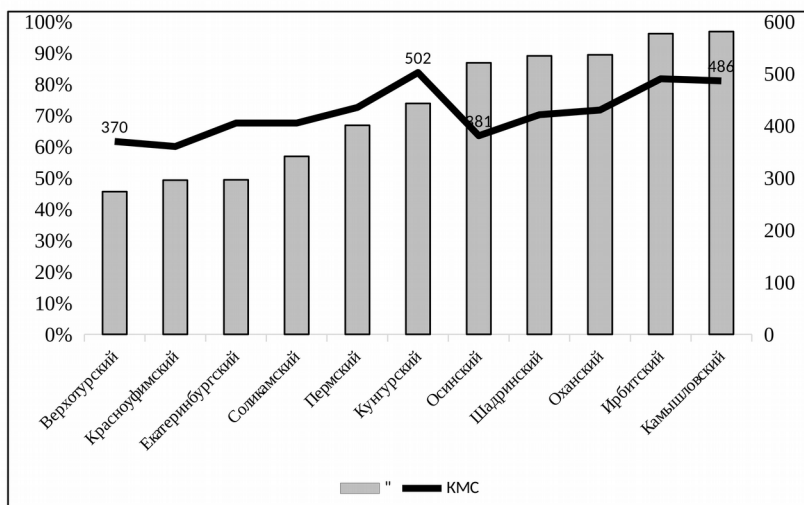
¹⁸ Голикова С.В. Повседневная жизнь горнозаводского населения дореволюционного Урала // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 25.

¹⁹ Шестова Т.Ю. Развитие здравоохранения в Пермской и Вятской губерниях в конце XIX – начале XX веков [Электронный ресурс] // Historia Provinciae. Журнал региональной истории. 2017. Т. 1. № 1. С. 24–39. URL: <http://hpchsu.ru/upload/iblock/ac8/ac8bc50a3dc94afe0ed32a8f700d2cde.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).

ми, формально попадали в первую «неблагоприятную» группу, но де-факто их практики ухода за младенцами, согласно анализу метрических книг Екатеринбургского рубежа веков, давали лучший результат, чем практики православных²⁰. Это объяснение, однако, не работает в случае Кунгурского уезда, для которого также была характерна высокая доля старообрядцев в населении и чьи показатели росли, а не падали.

Рисунок 1

Усредненный КМС уездов Пермской губернии за 1890–1900 гг. и доля населения с повышенным риском младенческой смертности*

* Составлено по: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. Т. 31: Пермская губерния. С. 92–97; Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год: Ч. 2: Екатеринбургский уезд. Пермь, 1906. С. 48–49; Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год: Ч. 3: Ирбитский уезд. Пермь, 1906. С. 39–40; Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год: Ч. 6: Верхотурский уезд. Пермь, 1906. С. 39–40; Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год: Ч. 7: Камышловский уезд. Пермь, 1906. С. 40–41; Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1901 год: Ч. 9: Оханский уезд. Пермь, 1906. С. 39–40; Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год: Ч. 10 и 11: Кунгурский и Красноуфимский уезды. Пермь, 1906. С. 69–70; Движение населения Пермской губернии с 1882 года по 1900 год: Ч. 12: Осинский уезд. Пермь, 1906. С. 39–40.

²⁰ Glavatskaya E., Borovik Ju., Thorvaldsen G. Urban infant mortality and religion... P. 1–19.

Таким образом, можно сделать вывод о частичном подтверждении гипотезы о влиянии состава населения на младенческую смертность. Имевшие большую долю нерусского и заводского населения уезды действительно чаще всего имели меньший КМС. Аномалия пониженной младенческой смертности Осинского, Шадринского и Оханского уездов может быть объяснена высоким процентом старообрядцев, формально входивших в число русских, среди населения губернии. Лишь высочайший в губернии уровень смертности грудных детей, который регистрировался в Кунгурском уезде, нарушает данную концепцию. Как видится, причины этого следует искать в дополнительных, уникальных для уезда факторах – климате, экономике, происхождении населения и др.

Е.Е. Тиникова

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории (Абакан)*

**Динамика численности городского населения
национальных республик Южной Сибири
в 1945–2017 гг. и обусловившие ее факторы***

Статья посвящена проблеме формирования городского населения трех национальных республик Южной Сибири (Хакасии, Тывы и Горного Алтая) в середине XX – начале XXI в. На основе анализа демографических показателей автор исследует динамику численности горожан в условиях интенсивного развития урбанизации. Систематизация и анализ исторических и статистических материалов (в основном это официальные данные переписей населения) по развитию указанных республик позволили выявить особенности динамики численности жителей городских поселений в каждом из национальных субъектов, определить роль основных факторов роста/убыли городского населения: промышленного освоения регионов, государственной политики в области народонаселения, естественного и миграционного прироста. Автор приводит периодизацию развития урбанизационных процессов в Южной Сибири на основе динамики численности ее горожан.

Ключевые слова: численность населения, миграционные процессы, урбанизация, естественный прирост, индустриальное развитие, Южная Сибирь.

Актуальность обращения к особенностям протекания урбанизационных процессов в Хакасии, Тыве и Горном Алтае во второй половине XX – начале XXI в. связана с необходимостью оценки отечественной модели урбанизации, основанной на анализе регионального материала, который отражает специфичность географического расположения страны (ее протяженность) и ее исторического прошлого. Национальные республики Южной Сибири несмотря на территориальную и культурно-историческую близость сегодня являются регионами

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-39-00074 мол_а).

с разным уровнем развития урбанизационных процессов. Так, согласно предложенной Е.А. Ефимовой классификации регионов России по индексу урбанизации, республики Алтай и Тыва относятся к регионам с крайне низким уровнем урбанизации, в то время как Хакасия – к регионам со средним уровнем урбанизации¹.

По классификации урбанизированности регионов России Р. Попова Хакасия относится к регионам второго типа урбанизации (дополнительные очаги урбанизации), характерными чертами которого являются относительно ранняя урбанизация, весьма низкая плотность сельского населения, очень высокая концентрация городского населения, высокая централизация городского населения. Согласно указанной классификации Тыва и Горны Алтай относятся к регионам активной периферийной урбанизации и к крайне слабо урбанизированным малонаселенным регионам соответственно². К характерным чертам урбанизации Тывы Р. Попов относит очень низкую густоту городских населенных пунктов и малое число больших городов. Особенности Горного Алтая названы неразвитость урбанистической структуры и отсутствие больших городов.

В рамках данной статьи автор не планирует рассматривать все аспекты урбанизационного развития национальных республик Южной Сибири, а лишь сосредоточится на анализе изменения численности городского населения на их территории. Вопросы динамики численности городского населения рассматриваемого региона пока не являлись предметом специального обобщающего исследования, однако в целом проблемы демографического развития населения, в том числе и горожан, хорошо изучены в каждой из национальных республик в отдельности³.

¹ Ефимова Е.А. Региональные аспекты урбанизации в России // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 43. С. 5.

² Попов Р. Урбанизированность регионов России во второй половине XX века // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М., 2005. С. 234.

³ Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995. 348 с.; Ивандеева Е.Е. Особенности социально-демографического развития Хакасии во второй половине XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4-4. С. 93–95; Анайбан З.В. Характеристика этнодемографических процессов Тувы в советский период // Новые исследования Тувы. 2011. № 2-3. С. 130–150; Баранцева Н.А. Этносоциальные и этнодемографические процессы на юге Средней Сибири в

В 1945 г. численность населения городских поселений Южной Сибири составила всего 152,2 тыс. человек или 27,7 % от общей численности населения (см. таблицу 1). Сегодня численность горожан трех национальных республик составляет 606,5 тыс. человек (56,3 %). Конечно, рост численности городских жителей в течение 60-летнего периода не был однородным. С одной стороны, динамика численности городского населения имела скачкообразный характер (так, за 1945–1959 гг. количество горожан увеличилось практически вдвое, в 1970–1989 гг. – еще почти в полтора раза), а также разнонаправленный вектор развития (так, в течение 20 лет после распада СССР количество горожан в регионе перманентно снижалось). С другой стороны, в национальных субъектах Южной Сибири скачки роста численности городского населения приходились порой на разные годы (например, в 1945–1959 гг. данный показатель в Тыве вырос почти в восемь раз при неизменности в Горном Алтае), а в постсоветский период Хакасия оказалась единственным из трех регионов, где наблюдался процесс сокращения численности горожан.

В целом, можно выделить три периода развития урбанизационных процессов в Южной Сибири на основе динамики численности ее горожан. Первый период (1945–1959 гг.) сопровождался резким увеличением численности городского населения, что в первую очередь было связано с масштабными преобразованиями в Тыве в первые годы после вхождения в состав Советского Союза. Второй период (1960-е – 1980-е годы) связан с индустриальным освоением региона и неуклонным ростом числа жителей городских поселений, в том числе в результате миграции. Третий период (1990–2017 гг.) характеризуется снижением численности горожан, абсолютное число

конце XIX – конце XX вв. Абакан, 2011. 206 с.; Доржу З.Ю. Социальное и демографическое развитие Тувы (в 90-е годы XX – начале XXI в.) // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2014. Т. 7. № 11. С. 1916–1926; Еремин А.А. Современное демографическое развитие приграничных регионов России (на примере Алтайского края и Республики Алтай) // Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. Курск, 2014. С. 277–285; Соян Ш.Ч. Анализ демографической ситуации в Тыве // География Тувы: образование и наука. Кызыл, 2016. С. 101–104; Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Новосибирск, 2017. 238 с.

которых в 2017 г. не достигло уровня 1989 г., когда осуществлялась последняя Всесоюзная перепись населения.

Таблица 1

**Численность городского населения Южной Сибири
в 1945–2017 гг. (в тыс. человек)***

Годы	Хакасия	Тыва	Алтай	Южная Сибирь
1945	116,0	6,4	29,8	152,2
1959	220,1	50,2	29,8	300,1
1970	264,4	87,0	39,7	391,1
1979	339,7	113,3	47,9	500,9
1989	410,1	145,6	51,6	607,3
2002	386,9	157,3	53,5	597,7
2010	358,2	163,4	56,9	578,5
2017	372,9	173,9	59,7	606,5

* Составлено по: Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Горно-Алтайск, 1982. С. 4; Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: распределение населения по полу, возрасту, источникам средств существования, уровню образования. Абакан, 1991. С. 7; Советская Тува в цифрах. Кызыл, 1991. С. 46; *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995. С. 64; *Макошева А.А., Макошев А.П., Апенешева И.Н.* Население Республики Алтай (системно-структурный анализ). Горно-Алтайск, 2006. С. 25; *Анкудинова Т.В.* История становления и развития Горно-Алтайска в первой половине XX века. Томск, 2007. С. 138; Численность населения Республики Хакасия (итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.). Абакан, 2012. С. 2; Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Кызыл, 2014. С. 41.

В первый период на динамику численности городского населения Южной Сибири оказывали влияние как последствия Великой Отечественной войны, отразившиеся на социально-демографических процессах, так и реформы советской власти, прежде всего в социально-экономической сфере, повлекшие за собой преобразования сельских поселений в городские и миграционную активность населения. Количество горожан за этот период увеличилось почти вдвое (на 197 %): в первую очередь за счет резкого увеличения численности городского населения Тывы почти в восемь раз, в основном в связи с присвоением статуса городских поселений сельским населенным пунктам. Если в начале 1945 г. здесь было лишь одно городское поселение – город Кызыл, то в 1959 г. их стало шесть.

В 1945 г. статус городов получили районные центры Чадан, Шагонар, Туран. Эти поселения, несмотря на свой статус, мало напоминали города. Здесь преобладала одноэтажная деревянная застройка, отсутствовали характерные для городов социально-бытовые удобства, а население, особенно в середине XX в., было занято в основном сельскохозяйственным производством⁴. Эти городские поселения функционировали как административные центры районов. К городским поселениям Тывы также были отнесены два поселка городского типа – Хову-Аксы в 1956 г. (промышленный центр, возникший в связи с созданием комбината «Тувакобальт») и Кызыл-Мажалык в 1959 г. (райцентр Барун-Хемчикского района).

Городское население Хакасии в рассматриваемый период также значительно возросло – на 90 %. Связано это было во многом с образованием 13 новых рабочих поселков⁵. В 1959 г. количество горожан Хакасской автономной области составило 220,1 тыс. человек или 53,6 % от общей численности населения региона, то есть удельный вес городского населения Хакасии значительно превышал общесоюзный показатель (см. таблицу 2).

Совсем иная ситуация сложилась в Республике Алтай: в 1945–1959 гг. численность населения единственного городского поселения – города Горно-Алтайска – оставалась неизменной. До 1948 г. Горно-Алтайск имел название Ойрот-Тура и был переименован в соответствии с Указом президиума Верховного Совета РСФСР от 7 января 1948 г.

В целом в Южной Сибири неуклонный рост доли горожан региона происходил в первую очередь за счет сокращения сельского населения и преобразования сельских населенных пунктов в городские. То есть городское население здесь складывалось в основном за счет сельчан, городские поселения развивались экстенсивным путем.

С конца 1950-х годов в Советском Союзе стала реализовываться программа развития индустриальной базы национальных окраин, в том числе и Сибири, где началось сооружение нефтегазодобы-

⁴ Городское население Тувинской АССР. Опыт социологического исследования / отв. ред. В.И. Бойко. Новосибирск, 1981. С. 20.

⁵ Тиникова Е.Е. Городское население юга Красноярского края (1970–1989 годы). Абакан, 2017. С. 11.

вающего комплекса Западной Сибири, Байкало-Амурской магистрали, Ангаро-Енисейского ТПК. Введение в строй промышленных гигантов стало решающим шагом в процессе урбанизации Сибири: в период с 1959 по 1989 г. удельный вес городского населения Сибири увеличился с 52 до 72 процентов⁶.

Таблица 2

**Численность населения Южной Сибири
в 1945–1959 гг. (в тыс. человек)***

		1945 г.	1959 г.
Хакасия	все население	293,9	411,0
	городское население	116,0	220,1
	доля городского населения, %	39,5	53,6
Тыва	все население	95,4	171,9
	городское население	6,4	50,2
	доля городского населения, %	6,7	29,2
Алтай	все население	105,7	157,2
	городское население	29,8	29,8
	доля городского населения, %	28,2	19,0

* Составлено по: Советская Тува в цифрах... С. 46; Горно-Алтайской автономной области 60 лет. Горно-Алтайск, 1982. С. 4. *Кышпанаков В.А.* Население Хакасии... С. 64.

В этот период сохранялась неравномерность прироста числа городских жителей по национальным регионам Южной Сибири (см. таблицу 3). В Хакасии продолжался ускоренный процесс урбанизации. К концу советского периода в городах проживало две трети населения области. В 1960-е годы увеличение численности городского населения здесь было связано с административно-территориальными преобразованиями населенных пунктов. В 1966 г. поселки Дзержинский и Абаза были преобразованы в города районного подчинения – Сорск и Абазу. Немногом ранее, в 1962 г., села Копьево, Бискамжа и Бельтырский получили статус городских поселений.

⁶ Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 439.

Таблица 3

**Численность населения Южной Сибири
в 1959–1989 гг. (в тыс. человек)***

		1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Хакасия	все население	411,0	443,9	498,4	566,9
	городское население	220,1	264,4	339,7	410,1
	доля городского населения, %	53,6	60,0	68,2	72,3
Тува	все население	171,9	230,9	266,5	309,1
	городское население	50,2	87,0	113,3	145,6
	доля городского населения, %	29,2	37,7	42,5	47,1
Алтай	все население	157,2	168,3	171,8	190,8
	городское население	29,8	39,7	47,9	51,6
	доля городского населения, %	19,0	23,6	27,9	27,0

* Составлено по: Горно-Алтайской автономной области 60 лет... С. 4; Сборник по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г.: распределение населения по полу... С. 7; Советская Тува в цифрах... С. 46; Макошева А.А., Макошев А.П., Апеньшева И.Н. Население Республики Алтай... С. 25.

С начала 1970-х годов наступил новый этап промышленного освоения Хакасии в связи со строительством Саянского ТПК. Бурное экономическое развитие региона повлекло за собой увеличение притока трудовых ресурсов из других районов страны и рост численности городского населения. Самые высокие темпы роста численности населения были характерны для трех промышленных районов: Абаканского, Черногорского и Саяногорского (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Численность населения городов и поселков городского типа
Южной Сибири (тыс. человек)***

Населенные пункты	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Хакасия				
Города				
Абакан	56,4	90,1	128,3	154,1
Черногорск	51,1	60,0	71,4	79,3
Саяногорск	–	–	21,9	50,2
Абаза	11,6	15,2	15,8	17,6
Сорск	11,1	10,6	12,2	15,1
Поселки городского типа				
Аскиз	5,5	4,6	4,5	4,6
Балахчин	2,5	–	–	–
Балыкса	4,9	4,9	4,0	4,0
Бельтырский	4,5	6,3	6,4	7,0
Бирикчуть	11,9	5,1	4,4	4,3
Бискамажа	4,0	3,0	2,0	1,9
Вершина Теи	2,0	6,1	5,4	5,6
Коммунар	7,2	4,7	4,0	3,6
Копьево	5,0	5,2	5,2	5,8
Кызлас	2,4	–	–	–
Майна	4,6	13,7	8,5	6,3
Орджоникидзевский	4,4	2,3	1,6	1,6
Пригорск	–	–	–	1,8
Приисковый	3,1	1,9	1,6	1,6
Сон	5,5	2,4	1,5	1,6
Туйм	9,3	5,1	5,2	5,9
Усть-Абакан	13,5	13,6	14,6	15,8
Шира	10,9	10,1	10,2	10,7
Черемушки	–	–	10,4	11,8
Жемчужный	–	–	2,0	2,3
Тыва				
Города				
Кызыл	34,5	50,2	66,1	83,9
Чадан	4,7	7,6	9,0	10,8
Шагонар	4,2	4,5	5,5	10,1
Туран	5,6	4,5	5,1	6,0
Ак-Довурак	2,2	9,6	13,2	15,2

Поселки городского типа				
Хову-Аксы	2,9	4,6	5,4	6,0
Кызыл-Мажалык	4,9	4,4	5,0	5,0
Алтай				
Города				
Горно-Алтайск	27,5	34,4	40,3	46,4
Поселки городского типа				
Акташ	–	3,5	3,3	3,6
Веселая Сейка	–	1,8	1,7	2,0

* Составлено по: Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу; Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу; Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу; Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0773/index.php>.

В 1960-е – 1980-е годы быстрыми темпами росли города Тывы: почти в 2,5 раза увеличили свою численность Кызыл, Чадан и Шагнар. В 1964 г. статус города получил Ак-Довурак – центр асбестодобывающей промышленности. Высокие темпы развития производства в городе привели и к быстрому увеличению численности горожан: за двадцать лет население города выросло в семь раз. Несмотря на то, что в течение рассматриваемого периода городское население Тывы увеличилось на 290 %, в сравнении с другими районами страны уровень урбанизации региона в этот период значительно отставал от общегосударственного.

Городские поселения Горного Алтая увеличили свое население на 21,8 тыс. человек или на 73 %. Хорошие темпы роста показывал Горно-Алтайск – 8,5 % в год. В целом область в этот период продолжала оставаться слабоурбанизированным регионом, что было обусловлено хозяйственной специализацией региона на отгонно-пастбищном животноводстве и особенностями организации сети населенных пунктов, многие из которых были сезоннообитаемыми⁷.

⁷ Ложкина Н.Н. История социального развития Горного Алтая в 1965–1985 гг. Горно-Алтайск, 2011. С. 101.

Таблица 5

**Численность населения Южной Сибири в 1989–2016 гг.
(в тыс. человек, %)***

		1989 г.	2002 г.	2010 г.	2012 г.
Хакасия	все население	566,9	546,1	532,4	536,8
	городское население	410,1	386,9	358,2	369,4
	доля городского населения, %	72,3	70,8	67,3	68,8
Тыва	все население	309,1	305,5	307,9	315,6
	городское население	145,6	157,3	163,4	170,4
	доля городского населения, %	47,1	51,5	53,1	54,0
Алтай	все население	190,8	202,9	206,2	215,2
	городское население	51,6	53,5	56,9	62,9
	доля городского населения, %	27,0	26,4	27,6	29,2

* Составлено по: Численность населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 308; Численность и размещение населения. Итоги Всероссийской переписи населения в 14 т. М., 2004. Т. 1. С. 211; Сколько нас и каких в Туве: что показала перепись? // Центр Азии. 2012. № 7; Численность населения РФ по муниципальным образованиям на 1 января 2016 г. [Электронный ресурс] // Федеральная службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_111/Main.htm.

Таким образом, активное индустриальное освоение Южной Сибири в 1960-е – 1980-е годы обусловило рост урбанизационных процессов, сопровождавшихся появлением значительной части новых городов и поселков городского типа, а среди них множества монофункциональных, узкоспециализированных центров. Это определило поселковый характер многих городских поселений.

Распад Советского Союза и последовавшие вслед за этим масштабные системные изменения всех сторон жизни российского общества привели к смене приоритетов государства в области внут-

ренной политики, многие программы хозяйственного освоения восточных территорий страны были свернуты, что не могло не сказаться на развитии городских поселений⁸.

Изменилась численность городского населения Южной Сибири (см. таблицу 5). В межпереписной период 1989–2002 гг. она уменьшилась на 9,6 тыс. человек, в следующий межпереписной период 2002–2010 гг. – еще на 19,2 тыс. В последующем, со времени последней Всероссийской переписи населения, наблюдался ее рост: за шесть лет – на 24,2 тыс. человек.

В настоящее время городское население Южной Сибири проживает в одиннадцати городах и восьми поселках городского типа. С момента распада Советского Союза в административно-территориальном устройстве региона произошли значительные изменения: в 2003 г. город Абаза Таштыпского района и город Сорск Усть-Абаканского района Хакасии были отнесены к категории городов республиканского значения, 10 поселков городского типа Южной Сибири приобрели статус сельских населенных пунктов. Однако помимо административно-территориальных преобразований существенным фактором, оказывавшим влияние на динамику численности городского населения, оставалась естественная убыль/прирост населения. Так, например, для Хакасии в этот период была характерна естественная убыль населения, в то время как в Тыве наблюдались противоположные процессы. Отличительной особенностью Тывы была большая разница показателей естественного движения городского и сельского населения. Если в других районах Сибири эти показатели были почти одинаковы, то здесь естественный прирост сельского населения превышал те же показатели городского примерно в полтора раза⁹. Это связано с характерной для традиционного общества тенденцией к многодетности.

Таким образом, миграционный прирост и административные преобразования сельских поселений в городские явились доминирующими источниками динамики численности горожан Южной Си-

⁸ Демографическая история Западной Сибири... С. 226.

⁹ Тиникова Е.Е. Количественные параметры урбанизации в Тыве в XX – начале XXI в. // Роль статистики в современном обществе: Материалы Региональной научно-практической конференции. Кызыл, 2016. С. 176.

бири в советский период. Тенденция смены места жительства сельских жителей, переезд их в города были обусловлены социально-экономическим развитием региона: концентрацией крупного производства в городах, увеличением здесь спроса на рабочую силу, более высоким уровнем социально-бытового обслуживания в городах, более широким товарооборотом городской торговли, более высоким уровнем культурной жизни в городе. В постсоветский период наблюдался обратный процесс смены административно-территориальных статусов городских поселений на сельские и незначительный отток городских жителей в село или за пределы региона в поисках лучшей жизни.

И.В. Копылов

*Сибирский государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева (Красноярск)*

Распределение браков горожан Красноярского края по возрасту жениха и невесты в 1960-е – 1980-е годы как характеристика репродуктивной стратегии

Статья посвящена анализу распределения браков по возрасту жениха и невесты как характеристике существовавших в изучаемом обществе репродуктивных стратегий. В качестве примера используется городское население Красноярского края в период наиболее интенсивного протекания процессов демографического перехода, индустриализации и урбанизации. Подобный анализ проводится впервые. В качестве источниковой базы выступают вводимые в научный оборот отчеты по естественному движению городского населения Красноярского края в 1960-е – 1980-е годы. Сделан вывод, что структура браков по возрасту жениха и невесты очень информативна при анализе репродуктивных стратегий, и, исходя из ее параметров, можно оценить уровень влияния на эти стратегии структурного фактора, общественных институтов, социальных связей и социальных сетей, выявить наиболее востребованные на «брачном рынке» возраста мужчин и женщин, а также возрастные когорты, поиск в которых будущего супруга был наиболее результативным.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, репродуктивные стратегии, городское население, брак, половозрастной состав.

Актуальность изучения репродуктивного поведения не вызывает сомнений. Сегодня даже наиболее развитые страны мира сталкиваются с такими проблемами, как снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства, добровольная бездетность, высокий уровень разводимости, сложности в поиске брачного партнера. В некоторых странах ситуация доходит до того, что молодежь становится пассивна не только в прокреативном и матримониаль-

ном поведении, но даже в сексуальном, самостоятельно отказываясь от поиска партнера для секса¹.

Обозначенные тенденции связаны с современными репродуктивными стратегиями – моделями поведения или деятельности, направленными на удовлетворение потребности в детях. Являясь результатом развития отдельных общественных институтов (семья, брак, образование и так далее) и общества в целом, они несут в себе пережитки предшествующих моделей поведения, в том числе устаревших, а то и архаичных.

Результаты изучения репродуктивных стратегий предшествующих эпох представляют интерес не только для научного сообщества как шаг в сторону осмысления закономерностей в эволюции репродуктивного поведения: проанализировав историческое содержание современных стратегий, можно будет делать выводы о том, что сегодня может способствовать реализации потребности в детях, а что помешать, что вероятнее всего поможет найти и удержать партнера, а что оттолкнет его.

Изначально интерес к репродуктивным стратегиям стали проявлять эволюционные психологи, после зарождения в 1970-х годах социобиологии². Для них репродуктивные стратегии являются проявлением эволюционного механизма приспособления к окружающей среде для выживания и для того чтобы дать многочисленное жизнеспособное потомство. При этом стоит отметить, что четкой дефиниции понятия, адаптированного для социальных и гуманитарных наук, в своих исследованиях психологи не дают.

В отечественной науке понятие «репродуктивная стратегия» в отличие от понятия «репродуктивное поведение» стало применяться ведущими специалистами сравнительно недавно³. Ученые напол-

¹ Проигранные бои на сексуальном фронте [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. 2012. № 521–522. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0521/zacharov02.php> (дата обращения: 19.06.2018).

² Например: *Buss D.M.* Evolutionary psychology: A new paradigm for psychological science // *Psychological Inquiry*. 1995. Vol. 6. № 1. P. 1–30; *Палмер Д.* Секреты поведения Homo Sapiens. Эволюционная психология. СПб., 2006. 205 с.; *Кенрик Д.* Секс, убийство и смысл жизни. СПб., 2012. 224 с.

³ *Вишневатский А.Г.* Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию НОМО SAPIENS [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. Электронный

няют это понятие различным смыслом и используют, прежде всего, в практико-ориентированных исследованиях⁴. Попыток теоретического осмысления понятия «репродуктивная стратегия» и выявления ее базовых характеристик, позволяющих провести типологизацию, предпринималось достаточно мало⁵.

Репродуктивная стратегия является сложным объектом для изучения, имеющим множество аспектов. Данная статья посвящена одному из наиболее значимых – распределению браков по возрасту наиболее активных в репродуктивном плане женихов и невест. Целью нашего исследования является получение ответа на вопрос, что может распределение браков по возрасту вступающих в них мужчин и женщин сказать о господствовавших в изучаемом обществе моделях поведения и деятельности, направленных на поиск и удержание партнера.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить ряд задач. Первой из них является выявление закономерностей изменений в распределении браков по возрасту женихов и невест в течение длительного, исторически единого периода времени. Вторая задача – выявление зависимости (или ее отсутствия) между глобальными и локальными историческими процессами и возрастной структурой браков (в частности взаимосвязь с демографическим переходом и урбанизацией в широком смысле). В рамках решения третьей задачи

научный журнал. 2014. № 1. С. 7–33. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/1825> (дата обращения: 19.06.2018).

⁴ *Беляева М.А.* Кто поможет молодежи в построении личной репродуктивной стратегии? // Мир образования – образование в мире. 2009. № 1 (33). С. 236–243; *Новоселова Е.Н.* Добровольная бездетность как репродуктивная стратегия современного горожанина // Человек и общество: опыт и перспективы социологических исследований. Сборник статей. Мурманск, 2015. С. 88–93; *Самарина Е.Л.* Опыт проведения социологических исследований в техническом вузе (изучение репродуктивных и семейных стратегий российской молодежи) // Информация – коммуникация – общество. СПб., 2016. С. 299–305; и др.

⁵ *Братухин А.Г., Магазева Е.А.* Осознанность как характеристика индивидуальной репродуктивной стратегии // Современный проблемы науки и образования. 2016. № 2. С. 23–26; *Вишневский А.Г.* Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию НОМО SAPIENS... С. 7–3; *Рафикова С.А., Копылов И.В.* Изучение репродуктивного поведения: от метода – к инструменту // Вопросы. Гипотезы. Ответы: наука в XXI в.: коллективная монография. Краснодар, 2017. С. 52–69; и др.

необходимо на конкретном историческом материале выявить, за мужчин какого возраста выходили замуж большинство наиболее активных в репродуктивном плане женщин (18–34 лет).

Решение поставленных задач позволит анализировать репродуктивные стратегии в любом обществе при наличии данных о распределении браков по возрасту жениха и невесты, что в конечном итоге, после накопления эмпирического материала, позволит выявить закономерности в эволюции репродуктивных стратегий отдельного общества, а возможно и человечества в целом. На практическом уровне это станет основой для выявления наиболее оптимального возраста потенциального брачного партнера, выбор которого даст наибольшие шансы на реализацию потребности в детях.

В качестве источниковой базы исследования выступают материалы ставшей доступной исследователям только в 2017 г. описи № 8 фонда территориального органа государственной статистики по Красноярскому краю (Р-1300), содержащей годовые отчеты по естественному движению населения. К сожалению, дела по второй половине 1980-х годов не содержат необходимых данных, поэтому динамические ряды по распределению браков по возрасту жениха и невесты построены лишь до 1985 г. В качестве вспомогательных материалов использованы материалы переписей населения (опубликованные и архивные) и текущая статистика учета населения.

Факторы, обуславливающие репродуктивные стратегии, как и в случае с матримониальным поведением, можно подразделить на три группы: макро-, мезо- и микроуровень⁶. При этом наибольший интерес для историка представляет собой уровень общественных институтов (макроуровень) и уровень социальных связей и социальных сетей (мезоуровень), так как в отличие от мотивов и особенностей отдельных индивидуумов (микроуровень) они подлежат измерению традиционным инструментарием исторической, социологической и демографической наук, позволяют проследить эволюцию репродуктивных стратегий в различные эпохи и тем самым

⁶ Артамонова А.В. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев [Электронный ресурс] // Демографическое обозрение. Электронный научный журнал. С. 108. URL: <https://demreview.hse.ru/article/view/7711/8552> (дата обращения: 19.06.2018).

осуществить типологическое обобщение, что в свою очередь позволит выявить закономерности их развития.

Наряду с фундаментальными общественными институтами, такими как государство, семья, экономический уклад, существенное влияние на репродуктивные стратегии оказывает и структурный фактор, то есть численность и половозрастной состав населения. Очевидно, что если в какой-то местности наблюдается дефицит молодых мужчин (например, в ходе войны), то репродуктивные стратегии проживающих там женщин претерпят существенные изменения.

Структурный фактор оказывает непосредственное влияние на распределение браков по возрасту жениха и невесты, являясь объективным ограничителем в реализации репродуктивной стратегии. Именно с него необходимо начинать анализ распределения браков по возрасту супругов.

С 1959 по 1989 г. в городском населении Красноярского края численность женщин была выше, чем мужчин⁷. Но в репродуктивных возрастах ситуация была иная: в 1959 г. женщин было меньше, чем мужчин в возрастах с 15 до 29 лет, в 1970 г. – с 20 до 39 лет, в 1979 г. – с 20 до 44 лет, в 1989 г. – с 20 до 34 лет (см. таблицу 1). Это свидетельствует о том, что у женщин, в этот период вносивших наибольший вклад в рождаемость (в возрасте от 20 до 29 лет), не было структурных преград в поиске будущего супруга. Естественно, делая этот вывод, необходимо учитывать специфику расселения городского населения: например, в Норильске численность мужчин была существенно выше, чем женщин, в то время как в Красноярске половозрастная структура была сравнительно сбалансированная.

В некоторые периоды разница между численностью мужчин и женщин была существенна: например, в 1959 г. наблюдался существенный «дефицит» потенциальных невест в возрасте 20–29 лет, а в когорте 30–34-летних, напротив, преобладали женщины.

⁷ Здесь и далее данные по половозрастному составу и численности населения приведены по: Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2986. Л. 6–8; Итоги всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 41–43.

Таблица 1

Соотношение мужчин и женщин в репродуктивных возрастах (в %)*

Возраст	Всего лиц данного возраста	1959		1970		1979		1989	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
15–19	100,0	53,7	46,3	50,0	50,0	48,6	51,4	49,3	50,7
20–24	100,0	54,3	45,7	51,4	48,6	50,5	49,5	50,4	49,6
25–29	100,0	53,5	46,5	52,6	47,4	51,7	48,3	51,0	49,0
30–34	100,0	49,1	50,9	52,1	47,9	51,0	49,0	50,4	49,6
35–39	100,0	43,5	56,5	51,2	48,8	51,1	48,9	49,9	50,1
40–44	100,0	44,5	55,4	47,7	52,4	50,3	49,7	49,3	50,7
45–49	100,0	44,4	55,6	41,0	59,0	48,9	51,1	48,8	51,2

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 5. Д. 2986. Л. 6–8; Итоги всесоюзной переписи населения 1989 года по Красноярскому краю. Красноярск, 1990. С. 41–43.

Разница между численностью мужчин и женщин обусловлена объективными биологическими и историческими факторами. Особое значение имели демографические последствия событий первой половины XX в., таких как гражданская и мировые войны. Даже учитывая то, что Красноярский край от них пострадал гораздо меньше европейской части страны, вызванные ими «демографические ямы» отчетливо видны в половозрастной структуре, проявившись в нехватке женихов-ровесников.

В рассматриваемый период постепенно происходило «сглаживание» демографической структуры, что было обусловлено, прежде всего, интенсивной миграцией в ходе индустриализации Красноярского края в годы первой и второй Красноярских десятилеток. В города края ехало активное молодое население, прежде всего холостые молодые мужчины.

Необходимо констатировать, что подавляющее число молодых девушек выходили замуж за своих сверстников (см. таблицу 2). Во многом это объясняется характером существовавших социальных связей и социальных сетей, в которых происходило знакомство и развитие отношений. Учебные заведения, молодежные организации, трудовые коллективы открываемых предприятий концентрировали людей одного возраста, формируя их круг общения.

Таблица 2

Распределение браков по возрасту невесты и жениха (в %)*

Возраст невесты	Возраст жениха						
	Моложе 20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49**
1959							
моложе 20	10,51	67,25	20,08	1,89	0,17	0,07	0,03
20–24	4,50	60,96	27,75	5,18	1,05	0,53	0,01
25–29	0,65	28,51	43,38	20,97	4,98	1,23	0,04
30–34	0,26	6,34	30,25	37,91	16,05	6,80	1,98
1965							
моложе 20	15,05	51,97	31,63	1,15	0,18	0,03	0,00
20–24	4,29	46,87	44,54	3,42	0,72	0,17	0,00
25–29	0,77	27,71	57,38	10,43	2,99	0,54	0,14
30–34	0,23	3,79	35,43	34,98	19,27	4,02	1,44
1970							
моложе 20	17,07	70,81	9,93	2,09	0,09	0,02	0,00
20–24	5,19	70,72	17,41	5,93	0,62	0,12	0,01
25–29	0,53	27,27	36,91	29,51	4,39	1,15	0,24
30–34	0,17	7,15	25,69	43,44	16,34	5,69	1,13

1975							
моложе 20	15,23	75,83	8,46	0,37	0,11	0,00	0,00
20–24	3,74	74,02	19,46	2,02	0,68	0,08	0,00
25–29	0,51	31,54	44,74	13,11	9,05	0,87	0,18
30–34	0,00	7,06	22,97	31,82	29,19	7,17	1,37
1980							
моложе 20	19,17	71,94	8,16	0,69	0,04	0,00	0,00
20–24	4,53	71,07	20,51	3,27	0,48	0,11	0,03
25–29	0,53	31,01	43,53	19,05	3,81	1,84	0,13
30–34	0,17	6,74	28,91	36,82	14,26	10,50	1,66
1985							
моложе 20	20,37	70,38	8,55	0,67	0,00	0,02	0,00
20–24	3,53	70,42	21,45	3,73	0,65	0,13	0,08
25–29	0,47	31,33	43,27	18,19	5,29	0,81	0,47
30–34	0,12	9,30	29,23	34,75	19,53	4,30	1,99

* Составлено по: ГАКК. Р-1300. Оп. 8. Д. 1. Л. 57; Д. 7. Л. 114; Д. 13. Л. 127; Д. 22. Л. 90; Д. 30. Л. 119; Д. 41. Л. 74.

** В таблицу включены наиболее активные в репродуктивном и matrimониальном отношении возраста.

За весь период девушки в возрасте от 18 до 24 лет выходили замуж преимущественно за мужчин в возрасте 20–24 лет. Невесты когорты 25–29 лет «предпочитали» сверстников, а вот внимание женщин в возрасте от 30 до 34 лет было рассредоточено между возрастными когортами 25–29 и 30–34 лет.

С 1959 по 1985 г. в распределении браков по возрасту жениха и невесты произошли следующие изменения: существенно (с 10,51 до 20,37 %) возросла доля браков между девушками моложе 20 и их сверстниками. Основной рост пришелся на 1960-е годы, что во

многим можно объяснить изменениями в порядке призыва на военную службу после принятия закона «О всеобщей воинской обязанности» от 12 октября 1967 г.

Стоит отметить, что мужчины до 20 лет, несмотря на отсутствие достатка и высокого социального статуса, все равно оставались более востребованы как потенциальные женихи, чем сегодня (объяснить это можно только спецификой общественных институтов рассматриваемого периода). В 1959 г. с мужчинами моложе 20 лет было заключено 4,15 % всех браков, в 1970 г. – 7,18 %, в 1980 г. – 7,12 %, в 1985 г. – 5,91 %, а в 2017 г. по всей России всего лишь 1,19 процентов⁸.

Вносящие наибольший вклад в рождаемость девушки 20–24 лет за весь рассматриваемый период выходили замуж преимущественно за своих сверстников или за мужчин в возраст 25–29 лет. При этом в изучаемый период этот «интерес» возрос с 60,96 % в 1959 г. до 70,42 % в 1989 г. Исключением стал 1965 г., когда в силу «демографического эха» Великой Отечественной войны поколение мужчин 20–24 лет было малочисленным, поэтому 44,54 % всех браков в этом возрасте девушки заключали с 25–29-летними, что, как мы видим из таблицы, нехарактерно для этого возраста.

Девушки 25–29 лет также вступали в брак преимущественно со сверстниками, но при этом существенная доля их выходила замуж за более молодых мужчин и за мужчин в возрасте 30–34 лет. За рассматриваемый период доля браков с мужчинами в возрасте 20–24 лет возросла с 28,51 % до 31,33 %, в то время как с более старшими мужчинами (25–29 лет) – снизилась с 20,97 до 18,19 %.

Женщины 30–34 лет выбирали брачных партнеров и среди сверстников, и среди других возрастов, причем приоритет был отдан более молодым. Но с 1959 по 1985 г. доля браков с мужчинами в возрасте 35–39 лет возросла с 16,95 % до 19,53 %.

Полученная картина лишь формально противоречит существующему в общественном сознании и эволюционной психологии мнению, что женщина при выборе брачного партнера ищет наиболее состоятельных и более взрослых мужчин: возможно, такие

⁸ Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2017. М., 2017. С. 54–55.

стремления и желания имели и имеют место быть, но возможность реализовать их, как видно из статистики, есть не всегда. В 1959 г. девушки в возрасте 20–24 лет лишь 6,79 % браков заключали с мужчинами старше 29 лет (в 1985 г. – 4,60 %).

Таким образом, за весь рассмотренный период существенных изменений в структуре браков по возрасту жениха и невесты не произошло, несмотря на то, что на этот период приходится наиболее интенсивная фаза демографического перехода и урбанизации⁹, в результате которой в городах края концентрировалось молодое население и происходила модернизация прокреативного, сексуального и matrimониального поведения, росла разводимость и внебрачная рождаемость. Но женщины, вступавшие в официальный брак, неизменно ориентировались, прежде всего, на ровесников. Имеющиеся колебания объясняются «демографическими волнами» первой половины XX в. и носят конъюнктурный характер.

Подводя итоги, можно отметить высокую информативность распределения браков по возрасту жениха и невесты для изучения репродуктивных стратегий: во-первых, возрастная структура браков находится в прямой зависимости от половозрастной структуры, которая, являясь объективной величиной, не зависящей от личных предпочтений, мотивов и особенностей личности, оказывает существенное влияние на модели поведения и деятельности по поиску партнера (особенно яркий пример – неожиданная «мода» на 25–29-летних мужей в 1965 г. среди девушек в возрасте 20–24 лет).

Во-вторых, возраст супруга при вступлении в зарегистрированный брак является сравнительно устойчивой, не зависящей от внешних причин характеристикой репродуктивной стратегии и в рассматриваемом случае не претерпевшей существенных изменений за 30 лет, сопровождавшихся существенными изменениями в общественном бытии.

⁹ Копылов И.В. Города отвергают своих новоселов: некоторые аспекты урбанизации Красноярского края (1960–1980 гг.) // Региональные аспекты развития Российского общества: проблемы урбанизации и индустриализации. Новосибирск, 2013. С. 349–354; Он же. Модернизация смертности городского населения Красноярского края в 1960–1980-е гг. // Социокультурное освоение Сибири: материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 2–5 декабря 2014. Красноярск, 2014. С. 60–65.

В-третьих, возрастная структура демонстрирует, в рамках какой возрастной когорты поиск потенциального супруга наиболее успешен. В рассматриваемый период наиболее успешным был поиск супруга среди ровесников.

В-четвертых, возрастная структура показывает наиболее востребованный возраст мужчин как критерий выбора будущего супруга. В рассматриваемом случае это были мужчины в возрасте от 20 до 29 лет, которым отдавали предпочтение наиболее активные в репродуктивном плане девушки от 18 до 29 лет.

Общество и власть в мировой истории: проблемы взаимоотношений

И.С. Чернова

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Характерные черты профессиональной деятельности сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в.

Статья посвящена характеристике профессиональной деятельности сотрудников сибирской прессы во второй половине XIX – начале XX в. На основе источников личного происхождения, а также материалов региональной печати были выявлены и проанализированы такие факторы, как отсутствие специализированной профессиональной подготовки; написание текстов, соответствующих именно газетному формату периодики, а не журнальному, что накладывало ограничения на объем и тематику статьи; нерегулярные выплаты гонораров. Сделаны выводы о том, что авторами в сибирских изданиях выступали представители различных профессий; нередко журналисты проживали отдаленно от «центров печати», что не позволяло деятелям прессы делиться опытом с коллегами, а также регулярно публиковаться в изданиях европейской части России; финансовое положение сибирских изданий вынуждало издателей не всегда оплачивать труд журналиста.

Ключевые слова: история сибирской журналистики, сибирские журналисты, профессиональная деятельность, профессия.

В современных исторических, филологических, социологических трудах сюжет о профессии, профессиональном быте все чаще становится предметом осмысления. Специалисты данной области концентрируются на изучении так называемых «закулисных вопросов», скрытых от простых наблюдателей, а именно: профессионального языка, способов взаимоотношений между коллегами, мотивов поведения субъектов различных сообществ, профессиональной идентичности. Исследование приведенных проблем поз-

волит выявить неизвестные ранее аспекты профессиональной деятельности, увидеть в ином ракурсе особенности становления и функционирования профессиональных сообществ. Понятие «профессия» определяется как «деятельность, приносящая доход и требующая особых знаний, навыков и правил поведения»¹.

Весомый вклад в разработку проблемы внесли Е.Р. Ярская-Смирнова, П.В. Романов². Авторами для анализа различных аспектов профессиональных групп был разработан конкретный методологический подход «антропология профессий», который позволяет охарактеризовать различные аспекты становления и функционирования профессионального сообщества, выявлять нормы, стереотипы поведения и повседневные практики, типичные для данной группы³. Следует отметить, что проблема профессиональной деятельности сибирских журналистов не нашла своего отражения в исторической науке, поскольку обычно специалисты обращались к вопросам функционирования местной прессы, правового состояния, а также содержательной наполняемости самих региональных изданий⁴. Исключение составляет исследование С.И. Гольдфарба, где анализируется организация работы сибирской прессы, а также приводится краткая информация о редакторах⁵.

Цель статьи – охарактеризовать профессиональную деятельность сотрудников сибирских периодических изданий второй половины XIX – начала XX в. В качестве источников нами использована

¹ Романов П.В. Антропологические исследования профессий // Антропология профессий / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. Саратов, 2005. С. 13.

² Романов П.В. Антропологические исследования профессий... С. 13–49; Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Социология профессий: аналитические перспективы и методы исследований. М, 2015. 234 с.

³ Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 3.

⁴ Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX в. Иркутск, 1985. 136 с.; Жилыкова Н.В. Журналистика города Томска (XIX – начало XX века): становление и развитие. Томск, 2011. 446 с.; Шевцов В.В. «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.) в социокультурном и информационном пространстве Сибири. Томск, 2012. 414 с.; Жилыкова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания: учебное пособие. Томск, 2015. Т. 1. 292 с.

⁵ Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 2002. 312 с.

ны эго-тексты сибирских журналистов, повествующие об их профессиональной деятельности: редакторов газет «Восточное обозрение», «Сибирская газета» и «Амурский край» – И.И. Попова, А.В. Адрианова, Л.Г. Дейча соответственно, а также сотрудников местной прессы – Ф.Я. Кона, С.П. Швецова, Г.Н. Потанина, П.Н. Лепешинского⁶. Кроме того, мы обратились к сборнику воспоминаний журналистов о «Сибирской газете»⁷, а также к материалам периодики, а именно – статьям авторов, повествующих о тенденциях развития газетного дела. Нами были изучены томская газета «Сибирская газета» (1881–1888 гг.), иркутская «Сибирь» (1873–1887 гг.), а также журнал «Сибирские вопросы» (1905–1913 гг.), который издавался в Санкт-Петербурге и был посвящен изучению сибирских вопросов. К тому же объектом внимания стала антология текстов из печатных изданий Томской губернии⁸.

Особенность региона накладывала отпечаток на профессиональную деятельность журналистов. Для понимания данной специфики приведем фрагмент передовой статьи из газеты «Сибирская жизнь»: «Разбросанность населенных административных и промышленных пунктов затрудняет живой обмен мыслей и взглядов интеллигентных работников, недостаточность самой интеллигенции и отсутствие широкой общественной жизни в связи с грубым взглядом местных темных сил на газетного работника не могут невыгодно не отразиться на ведении газеты»⁹. Приведенная нами цитата свидетельствует о том, что специфика сибирского края суще-

⁶ Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. М., 1924. 360 с.; Лепешинский П.Н. На повороте (от конца 80-х годов к 1905 г.). Л., 1925. 243 с.; Швецов С.П. Омская газета «Степной край» и политическая ссылка. К истории сибирской печати // Северная Азия. 1930. № 1–2. С. 100–118; Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. М., 1936. Т. 1–2. 384 с.; Попов И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск, 1989. 384 с.; Письма Г.Н. Потанина: В 5 т. / Г.Н. Потанин / сост.: А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. Иркутск, 1987–1992; Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: письма Г.Н. Потанину / сост., публ. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. 288 с.

⁷ «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. 200 с.

⁸ Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания / сост. Н.В. Жиликова, В.В. Шевцов, Е.В. Евдокимова. Томск, 2015. Т. 2: Антология. 524 с.

⁹ От редакции // Периодическая печать Томской губернии... С. 137.

ственно влияла на профессиональную деятельность журналистов. Недостаточное число сотрудников местных изданий при отсутствии развитой общественной жизни накладывало отпечаток на функционирование издания, на деятельность редакторов по составлению очередного номера. Территориальная разобщенность представителей печати не способствовала их личному взаимодействию, что сказывалось на поддержании профессиональных связей сообщества, а также затрудняла возможность качественного роста журналистов посредством личного обсуждения журналистских текстов. Возникал ряд трудностей по передаче собственной статьи в печатный орган, а также ее возврату в случае отказа в публикации. Вместе с тем, для сибирских журналистов представляло сложность поддерживать сотрудничество со столичными периодическими изданиями. Не все деятели прессы по причине финансовых возможностей могли посещать столицу. Например, А.В. Адрианов не выезжал из Сибири в Европейскую часть России в течение 23 лет. В случае невозможности лично доставить текст в редакцию журналисты передавали статьи в газеты, журналы посредством переписки, либо через знакомых в профессиональном сообществе. Так, Н.Н. Родигина отмечает, что «посредниками для „определения“ рукописей о Сибири в „Русскую мысль“ выступали Г.А. Мачтет, Г.И. Успенский, К.М. Станюкович»¹⁰.

Исследователь периодической печати Л.С. Любимов отмечает: «В дореволюционной Сибири, как и во всей России, не было журналистского образования. Поэтому формирование журналистских кадров шло за счет отрядов российской интеллигенции, а также за счет ссыльных»¹¹. А.В. Адрианов, редактор «Сибирской газеты», отмечал: «Мне всегда приходится сознавать – недостаток общего образования, пополнить которое становится все меньше возможности»¹². По этой причине авторами в сибирских газетах зачастую

¹⁰ Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 32.

¹¹ Любимов Л.С. Российская журналистика прирастала Сибири // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 10.

¹² Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 104.

выступали учителя, врачи, юристы, чиновники, а также политические ссыльные. Это вынуждало редакционные коллективы привлекать к участию в печати местных жителей, которые были заинтересованы в сотрудничестве с прессой и способны на написание текстов. По замечанию С.И. Гольдфарба, «для многих из них газетная работа становилась чуть ли не единственной возможностью приобщиться к общественной жизни»¹³. Например, Л.С. Любимовым было учтено около семи тысяч лиц, выступавших в прессе в XIX – начале XX в. в качестве журналистов и корреспондентов. Так, с газетой «Восточное обозрение» «сотрудничало около 600 человек. Лишь треть из них были ссыльные, 15 % – учителя, 14 % – медики, 12 % – ученые, свыше 8 % – чиновники, 6 % – инженеры, 4 % – агрономы, 6 % – юристы, 2 % – художники, артисты и музыканты»¹⁴. Редакторы газет, журналов нередко публиковали на страницах своих изданий «призывы к сотрудничеству» всем равнодушным к судьбе родного края и литературному делу. Они были заинтересованы в людях, которые могли регулярно сообщать злободневную информацию о жизни в регионе. Так, журнал «Сибирские вопросы» в 1909 году на первой странице 14-го номера опубликовал следующее сообщение: «Редакция полагает, что все лица и общественные учреждения, кому дорого независимое слово в борьбе за лучшее будущее Сибири, могут оказать существенную поддержку, присылая статьи и корреспонденции на темы, какие в данный момент наиболее интересуют сибирское население»¹⁵. С.И. Гольдфарб отмечал: «В этом была одновременно и слабость, и сила сибирской газеты. С одной стороны, тяга к творчеству, к публицистике, желание искоренить несправедливость и обличить злоупотребления заставляли сибиряков браться за ручку, с другой – непрофессионализм, отсутствие глубины, нередко мелкотемье»¹⁶.

Для более глубокого понимания сути изучаемого вопроса необходимо охарактеризовать численный состав российских журналистов в целом. Для этого обратимся к исследованию А.И. Рейтблата.

¹³ Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири... С. 166.

¹⁴ Любимов Л.С. Российская журналистика прирастала Сибирью... С. 10.

¹⁵ Сибирские вопросы. 1909. № 14. С. 1.

¹⁶ Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири... С. 167.

Он ссылается на М.Е. Салтыкова-Щедрина, который указывал, что в 1863 г. «доступ в литературный цех значительно облегчен». В результате корпус авторов стал быстро расти. Если в 1830 г. в литературной печати выступало примерно 260 авторов, а в 1855 г. — 300, то в 1880 г. — уже 7003 (то есть за первое двадцатипятилетие прирост составил 15 %, за второе — 133 %) ¹⁷.

Региональная пресса во второй половине XIX в. находилась в процессе формирования, поэтому материальная база большинства изданий была нестабильной, что сказывалось на оплате труда сотрудников. В результате сибирские журналисты зачастую работали безвозмездно, «на общественных началах». Следовательно, они были вынуждены подыскивать дополнительный заработок. Примечателен фрагмент из воспоминаний Ф.Я. Кона, сотрудника газеты «Восточное обозрение», который указывал на то, что экономическое положение данного органа печати во время пребывания Феликса Яковлевича в Иркутске было не в состоянии «настолько оплачивать сотрудников, чтобы они могли всецело посвятить себя газете, и все члены редакции вынуждены были заботиться не о добавочном, а об основном заработке, причем работа в редакции была... приработком» ¹⁸. О финансовом положении сибирских изданий и оплате журналистского труда также писал журналист газеты «Степной Край» С.П. Швецов: «Значительную часть литературного материала „Степной Край“ не оплачивал вовсе – это труд всех тех, кто имел достаточный заработок помимо газеты; а к этой категории принадлежали все главные сотрудники газеты и ее редакционный состав, – это был труд по преимуществу безвозмездный» ¹⁹. Безусловно, с развитием прессы на рубеже XIX–XX в., увеличением числа читателей, а значит подписных средств, у редакции были более «развязаны руки» и она могла нанимать журналистов и оплачивать определенную часть работы. В.М. Крутовский, сотрудник «Сибирской газеты», указывал, что «лишь со середины восьмидеся-

¹⁷ *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской истории. М., 2009. С. 252.

¹⁸ *Кон Ф.Я.* За пятьдесят лет. М., 1936. Т. 1–2. С. 371.

¹⁹ *Швецов С.П.* Омская газета «Степной край» и политическая ссылка... С. 114.

тых годов редакции начинают оплачивать труд наиболее нуждающихся из своих сотрудников»²⁰.

Описанные выше реалии профессиональной деятельности сибирских журналистов отражались на количестве сотрудников прессы. В результате нередко наблюдалась нехватка журналистских кадров, что замедляло развитие периодики, поскольку вся деятельность по организации газетного дела порой находилась в руках небольшого штата сотрудников. Например, руководитель издания мог одновременно выполнять функции корректора, секретаря, репортера, корреспондента. Так, редактор «Сибирской газеты» А.В. Адрианов в письме Г.Н. Потанину писал: «Редактирование, писание, корректура, хозяйств[енная] часть, объяснения с начальством и разн[ыми] клиентами – целиком на мне. Прибавьте к этому сложное дело – типографию – которой я управляю, которую завел сам, доставая деньги, принимая заказы и ведь все это дело без всякой помощи, и Вы не удивитесь, если я скажу, что должен работать изо дня в день; в самом буквальн[ом] смысле, не разгибая спины, не менее 18 часов в сутки»²¹. Л.Г. Дейч, редактор газеты «Амурский край», также отмечал: «Мне приходилось проводить в редакции с раннего утра до поздней ночи, чтобы успеть просматривать все получавшиеся в достаточном количестве, как рукописи, так и многочисленные сибирские, а также столичные газеты и журналы, выправлять в большинстве случаев полуграмотные, а то и вовсе безграмотные рукописи, держать все корректуры статей, телеграмм и даже объявлений»²². Подобное положение печати кардинально отличалось от условий существования столичных изданий, где редакции имели регулярный и оплачиваемый штат сотрудников, отвечающих за конкретные функции в издании: репортеры, заведующие отделами по различным направлениям (фельетон, иностранное обозрение, передовые статьи и другие).

²⁰ Крутовский В.М. «...Газета была чистым, идейным органом, проводившим лучшие заветы своего времени» (Вс. Крутовский: опыт исследования сибирской журналистики) // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиликовой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 38.

²¹ Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 56.

²² Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. М., 1924. С. 297.

Данное обстоятельство сказывалось на внутреннем содержании местных газет, которые зачастую наполнялись материалом, написанным одним человеком, что отражалось на количестве подписчиков и заинтересованности читателей в конкретном издании. Например, Н.М. Ядринцев с переносом газеты «Восточное обозрение» в Иркутск столкнулся с проблемой поиска сотрудников, от чего был поглощен газетой «всецело (в ущерб ей потому, что всю газету наполняет произведениями одного своего пера, поэтому и газета плоха – скучна!)»²³.

Другая особенность профессиональной деятельности местных авторов заключалась в том, что в конце XIX в. с развитием сибирской печати в изданиях одновременно сотрудничали представители различных идейных направлений: народники, марксисты, либералы, консерваторы. Это накладывало определенную долю ответственности на редактора и состав редакции, которым приходилось находить некий «баланс» между представителями различных общественных течений. Справедливо замечание С.И. Гольдфарба: «В трех крупных сибирских изданиях „Сибири“, „Восточном обозрении“ и „Сибирской газете“, определяющих и в известной мере формировавших взгляды сибирского общества, бок о бок сотрудничали сибирские областники, народники, марксисты, меньшевики и большевики, эсеры и кадеты. <...> Представители партий и групп несли в Сибирь, обществу и читателю, свои убеждения и, что особенно важно, разносторонние знания»²⁴. П.Н. Лепешинский, сотрудник «Сибирской жизни», отмечал: «Удивительное зрелище представляла в то время эта покладистая газетка («Сибирская жизнь». – И.Ч.): на ряду с фельетонным кувырканьем какого-нибудь томского подражателя такому мастеру этого литературного жанра, как, напр[имер], Дорошевич, шли честные и искренние пробы марксистского пера, мирно уживавшиеся бок о бок с зигзагами либерально-народнической мысли»²⁵. Л.С. Любимов приводит статистику сотрудников, принадлежавших к различным общественно-

²³ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1990. Т. 4 / сост. А.Г. Грумм-Гржимайло, С.Ф. Коваль, Я.Р. Кошелев, Н.Н. Яновский. С. 102.

²⁴ Гольдфарб С.И. Газетное дело в Сибири... С. 175.

²⁵ Лепешинский П.Н. На повороте... С. 72.

политическим направлениям: «Так, в редакциях 21 газеты буржуазные либералы сотрудничали с представителями мелкобуржуазных партий, особенно эсеров. 11 газет выпускались смешанными редакциями, в которых были кадеты, эсеры и сотрудничали представители социал-демократии. В 13 газетах либеральной буржуазии сотрудниками выступали социал-демократы»²⁶.

Немаловажным для местной прессы являлось сотрудничество политических ссыльных. Последние принимали участие в составе редакции издания, а порой занимали пост редактора и оказывали влияние как на содержание издания, так и на подбор авторов. И.И. Попов, редактор газеты «Восточное обозрение», считал, что только при активном участии политических ссыльных в периодической печати Сибири «ему удастся тянуть довольно-таки тяжелый в Сибири газетный воз»²⁷. Политические ссыльные внесли весомый вклад в развитие сибирской периодики. Так, С.П. Швецов отмечал интересный факт: «Наблюдалось чрезвычайно любопытное и крайне характерное для дореволюционной Сибири явление: когда приближалась к „Степному Краю“ политическая ссылка, входили отдельные политические ссыльные в редакцию газеты, газета начинала оживать, приобретать определенную физиономию, становилась влиятельным фактором местной общественной жизни, возрастали ее тираж и значение»²⁸.

Посредством печати политические ссыльные могли заявить о себе, о своих идеях и взглядах, тем самым транслируя их в читающую публику. «Можно сказать, что ни одно западно-сибирское издание, за редким исключением <...> не обходилось без самого деятельного участия в нем политических ссыльных»²⁹.

²⁶ Любимов Л.С. Российская журналистика прирастала Сибирью... С. 10.

²⁷ Кон Ф.Я. За пятьдесят лет... С. 369.

²⁸ Швецов С.П. Омская газета «Степной край» и политическая ссылка... С. 100.

²⁹ Швецов С.П. «Газета велась очень живо, статьи ее отличались литературностью и едкостью» (С.П. Швецов о значении сотрудничества «Сибирской газеты» с политической ссылкой // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и ком-мент. Н.В. Жиликовой; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 85–86.

В Сибири преобладающим типом периодики являлась газета, в отличие от столичных городов, где издавались и различные журналы. Это обстоятельство сказывалось на профессиональной деятельности сибирских журналистов, поскольку им было необходимо подстраиваться под требования издания. Объем текстов, предназначенных для газет, был гораздо меньше, чем для журналов. В связи с этим существовала трудность публикации различных материалов, на что обращала внимание редакция «Сибирской газеты». Автор одной передовой статьи отмечал, что газеты выражают интересы и явления минуты. Журналы, в свою очередь, имеют суммирующее, поучающее и систематизирующее значение, а значит уследить за пульсом текущей жизни в данном формате периодики достаточно сложно. Газета и журнал в одном регионе должны дополнять друг друга. Однако в случае отсутствия какого-либо печатного органа существующее периодическое издание должно вмещать в себя обе функции периодики. Для Сибири таким объединяющим органом являлась газета³⁰. По этой причине в сибирских изданиях приходилось публиковать тексты, повествующие о текущих событиях в регионе, стране, мире вместе с научными, статистическими трудами. Однако такие статьи сокращали объем помещаемых корреспонденций, а также ограничивали количество материалов о русской и иностранной общественной, политической жизни. Автор заключал, что газета никогда не заменит журнала, который соединил бы в себе обширные исследования по изучению страны, региона, вследствие чего он настаивал на издании самостоятельного сибирского журнала³¹. Так, А.В. Адрианов отмечал, что «наш отдел научной хроники слаб до крайности, но вести его постоянно некому»³². Как видим, газета в Сибири печатала различные тексты по жанровой и тематической направленности, что подтверждает статистика С.И. Гольдфарба на примере газеты «Восточное обозрение». Для сравнения автор выбрал два временных интервала: 1) в период редакторства Д.А. Клеменца и 2) в целом за 1892 г. Данные выглядят

³⁰ Томск, 18 сентября // Сибирская газета. 1883. № 38. С. 962.

³¹ Там же.

³² Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»... С. 62.

следующим образом: Народное образование – 7 / 14; Переселенческий вопрос – 7 / 17; Золотопромышленность и горное дело – 5 / 8; Врачебное дело – 5 / 19; Фельетон – 4 / 7; Сельское хозяйство, крестьянский вопрос – 3 / 18; Иностранческий вопрос – 1 / 4; Печать – 0 / 1; Музейное дело – 0 / 2; Фабричный вопрос – 0 / 3; Торговля – 0 / 6 публикаций³⁵. Представленные данные демонстрируют совмещение в сибирской газете различных текстов. Кроме того, это накладывало на редактора и состав редакции определенную ответственность в деле составления номера, который должен был отвечать интересам читателей, соединяя в себе публикацию злободневных материалов и вопросов, требующих научного осмысления.

Таким образом, вопрос о профессиях в современном научном знании все более привлекает исследователей. В данной статье была проанализирована профессиональная деятельность сибирских журналистов, которая имела ряд характерных особенностей. Специфика региона, отдаленность «центров печати» друг от друга не способствовали регулярному взаимодействию внутри профессионального сообщества, а также ограничивали возможность сотрудничества с изданиями Европейской России. Авторами сибирских периодических изданий являлись представители различных профессий, а также общественно-политических направлений. Гонорарный фонд не всегда позволял журналистам оплачивать их труд, что сказывалось на количестве деятелей прессы. Кроме того, им приходилось соблюдать ряд требований к объему и содержанию статей, чтобы опубликовать их на страницах местных газет.

³⁵ Гольдфарб С.И. Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. С. 92.

А.А. Калашников

Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул)

Начало реорганизации структур ведомства бывшего Кабинета на Алтае в контексте ликвидации кабинетского землевладения (декабрь 1917 – январь 1918 г.)*

В статье рассматривается реакция алтайского чиновничества ведомства бывшего Кабинета на начавшуюся в конце 1917 г. реорганизацию управления Алтайским округом. На основе анализа делопроизводственной документации, отложившейся в фондах Государственного архива Алтайского края, автор пришел к выводу, что время с 4 декабря 1917 г. по 19 января 1918 г. стало начальным периодом реорганизации управления Алтайским округом. Характерной особенностью трансформации являлось то, что преобразования на местах были инициированы Алтайским губернским земельным комитетом, происходили без санкции Управления Алтайского округа и при его противодействии. Автор считает, что в рассматриваемый период политика Управления Алтайского округа прошла несколько этапов. Вначале – борьба, связанная с отстаиванием независимости учреждения и непризнанием советской власти в столице. После установления советской власти в Барнауле и начала фактической реорганизации окружного управления на местах – поиск компромисса. Затем, после некоторых уступок со стороны губземкома и опасности дальнейшего продолжения борьбы – вынужденное сотрудничество, ставшее началом официального реформирования всей системы окружного управления.

Ключевые слова: Алтайский округ, Алтайская губерния, Управление Алтайского округа, Л.Л. Маслов, реорганизация Алтайского округа, 1917 г., 1918 г., земельные комитеты, чиновничество.

После отречения Николая II от престола в ходе Февральской революции 1917 г. вопрос о судьбе собственности бывшего монарха встал особенно остро. Важнейшую часть императорского имущества составляли земли, управлявшиеся Кабинетом е.и.в. К началу 1917 г. кабинетское землевладение было представлено двумя крупными

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439.

округами – Алтайским и Нерчинским. В них существовала своя, отличная от общегосударственной, административно-хозяйственная система. На Алтае она включала Управление Алтайского округа с подчиненной ему администрацией лесничеств¹. Согласно постановлению Временного правительства от 27 марта 1917 г. все кабинетские земли передавались в собственность государства. Сохраненные на неопределенное время местные структуры бывшего Кабинета были вынуждены начать преобразование и приспособление своей деятельности к новым условиям².

Алтайское чиновничество ведомства бывшего Кабинета осуществляло самостоятельное ведение хозяйства округа вплоть до июля 1917 г., не внося серьезных изменений в существовавшую хозяйственную систему. 12 июля 1917 г. начал функционировать Алтайский губернский земельный комитет (губземком), созданный для подготовки земельной реформы в только что образованной Алтайской губернии. Приоритет губернских органов над ведомственными окружными структурами делал неизбежным раздел части полномочий Управления Алтайского округа (далее – УАО) с новым учреждением. Рубежом в истории Алтайского округа стала 4-я сессия Алтайского губземкома (декабрь 1917 г.), после которой началась реорганизация управления округом. Она заключалась в подчинении всех звеньев бывшей ведомственной административно-хозяйственной системы в пределах Алтайской губернии земельным комитетам и их управам.

Процесс реорганизации кабинетской системы управления Алтайским округом схематически был рассмотрен С.Е. Поляковым. Автор выделил три этапа преобразований, связав их с существовавшими в стране правительствами (Временное правительство,

¹ Подробнее см.: *Соболева Т.Н.* Управление Алтайского (горного) округа и Змеиногорского края в 1861–1917 гг. // *Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска)*. Барнаул, 2003. С. 256–263. Схема управления округом представлена в издании: *Бабарыкин Б.В., Пережогин А.А.* Справочник личного состава чиновничества Алтая (1747–1917). Барнаул, 2017. С. 266.

² *Афанасьев П.А., Демчик Е.В.* Февральская революция 1917 года и земельная собственность российского монарха: общегосударственное измерение и региональный фактор // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения.* 2017. Т. 22. № 6. С. 83.

краткий период установления советской власти и ее смена «белыми» правительствами в Сибири)³. По нашему мнению, данная периодизация носит слишком обобщенный характер и не отражает всю сложность трансформации бывшей кабинетской системы управления хозяйством Алтайского округа, в целом слабо представленной в историографии. Советские историки оценивали передачу земель и лесов округа земкомам как глубоко демократичный акт, вызвавший «переполох среди буржуазии»⁴, при этом деятельность чиновничества округа была изначально заклеяна «контрреволюционной», а отдельные действия характеризовались как саботаж⁵. Само УАО оценивалось как «одно из самых ненавистных учреждений для трудящихся крестьян алтайской деревни»⁶. Г.П. Жидков обращал внимание на то, что УАО пыталось не подчиниться решению 4-й сессии губземкома⁷. По мнению Н.Ф. Иванцовой, решение о передаче земель и лесов округа в ведение земкомов было принято, сообразуясь с настроениями крестьянства⁸.

Для постсоветской историографии характерна оценка, согласно которой после Февральской революции 1917 г. УАО пыталось всячески приспособиться к новым условиям⁹. С.Е. Поляков, изучавший вопрос ликвидации кабинетского ведомства на Алтае, отмечал безуспешность попыток администрации округа наладить совместную работу с земкомами (в том числе после постановления 4-й сессии) и найти компромиссный вариант выхода из кризисной ситуации¹⁰.

³ Поляков С.Е. Реорганизация кабинетской системы управления на Алтае в 1917–1919 гг. // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2001. С. 249–253.

⁴ Борьба за власть Советов на Алтае. Барнаул, 1957. С. 119; Шелестов Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае. М., 1959. С. 47.

⁵ Борьба за власть Советов на Алтае... С. 121, 141–142.

⁶ Шелестов Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае... С. 60.

⁷ Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 253.

⁸ Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М., 1990. С. 112.

⁹ Тяпкин М.О., Поляков С.Е. Лесоохрана в Алтайском округе в 1908–1919 гг. // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2003. С. 178.

¹⁰ Поляков С.Е. Реорганизация системы управления Алтайским округом в период временного установления советской власти (декабрь 1917 г. – июнь 1918 г.) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 288; Он же. Взаимодействие управления Алтайского округа с Алтай-

Можно видеть, что историки преимущественно констатировали сопротивление алтайского чиновничества бывшего Кабинета реорганизации ведомственного аппарата управления. Но все эти вопросы не получили освещения даже в качестве составной части революционного процесса. Поэтому в данной публикации мы предпринимаем попытку раскрыть и оценить реакцию алтайского чиновничества бывшего Кабинета на начало процесса реорганизации управления Алтайским округом, по сути давшего старт ликвидации самого округа.

В начале декабря 1917 г. состоялась 4-я сессия Алтайского губземкома. На заседании 4 декабря по предложению представителя Барнаульского совдепа И.В. Лаврентьева было принято решение, согласно которому все леса и земли Алтайского округа на основе Декрета о земле передавались в ведение земельных комитетов, при этом всем губернским и уездным управам предписывалось немедленно приступить к практическому проведению в жизнь данного распоряжения, по всем земельным вопросам руководствуясь постановлениями Наркомата земледелия¹¹. Исходя из итогов заседаний предыдущих сессий и сложившихся к декабрю взаимоотношений между губземкомом и УАО, рождение данного постановления вряд ли было неожиданностью для чинов округа. К тому же губземком этим же постановлением от 4 декабря признал власть СНК, несмотря на то, что ни в Барнауле, ни на уровне Алтайской губернии советская власть еще не была установлена. Административное совещание при УАО¹² и Алтайский губисполком (губернская земская управа)¹³ 5 декабря провели заседания по данному вопросу, в

ским губернским земельным комитетом (1917–1918 гг.) // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. Барнаул, 2001. С. 36.

¹¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 229. Оп. 1. Д. 34. Л. 5.

¹² Административное совещание при Управлении Алтайского округа (фактически – при начальнике Алтайского округа) было создано 2 ноября 1917 г. на основании циркуляра Министерства земледелия «для решения административных вопросов по Управлению округа». Состояло из чинов округа по приглашению начальника округа (ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 551. Л. 22 об.).

¹³ Здесь и далее имеется в виду губисполком (не путать с губисполкомом Советов), образованный 10 августа 1917 г. и временно выполнявший функции губернской земской управы. (См.: Отчет о деятельности Алтайского губернского исполнительного

результате которых отозвали своих представителей из губземкома, посчитав принятое им постановление незаконным¹⁴. Административное совещание признало передачу земель и лесов в ведение земкомов не только противозаконной, но и пагубной для хозяйства округа. С этого времени дальнейшее сотрудничество с губземкомом для чинов округа было невозможно.

Губземком рассчитывал полностью подчинить себе УАО, образовав его в свой исполнительный орган. Это видно из содержания одного из первых проектов реорганизации УАО, предложенного на утверждение 4-й сессии губземкома на заседании 8 декабря¹⁵. Согласно предложенному проекту, во главе УАО должна была быть поставлена Алтайская губернская земельная управа, при этом все служащие ведомства, в том числе служащие лесничеств, должны были оставаться на своих местах. Исключение составили только начальник округа и его помощник – эти должности подлежали упразднению. Губземком, осознавая отсутствие энтузиазма со стороны служащих округа в поддержке своей инициативы, решил ввести против них санкции, которые должны были способствовать сохранению порядка в губернском аппарате учреждения и на местах. Уход со службы без уважительной причины или нежелание подчиняться управе могли привести к потере права на пенсию или пособие. Во главе всех лесничеств предполагалось поставить районные земкомы, которые брали бы под контроль ведение земельно-лесного хозяйства на местах и имели бы право временно отстранять от службы всех служащих лесничеств. Предложенный проект реорганизации совершенно не учитывал советы лесничеств, созданные на Алтае во исполнение циркуляра Министерства земледелия в ноябре 1917 г. и

комитета за время с 10 августа 1917 г. по 20 января 1918 г. Барнаул, 1918. 34 с.; Яковлева Н.А. Деятельность Алтайского земского самоуправления в 1917–1919 годах // Местное самоуправление на Алтае. 1747–1919: сборник документов. Барнаул, 2003. С. 436).

¹⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545. Л. 30 об. – 31; Ф. 229. Оп. 1. Д. 34. Л. 11; Ф. 233. Оп. 5. Д. 21. Л. 4–4 об., 7–7 об., 19–19 об.

¹⁵ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 34. Л. 24–26.

включавшие наряду со служащими лесничеств представителей волземкомов и волостных земств¹⁶.

На очередном заседании сессии губземкома 7 декабря стало известно, что УАО намеревалось выдать жалование своим служащим за два месяца вперед. Для блокирования этой попытки члены сессии постановили назначить специального комиссара от земкома, который должен был курировать УАО «для недопущения выдачи впредь никому никаких денег»¹⁷. Однако начальник Алтайского округа Л.Л. Маслов не позволил комиссару исполнить постановление сессии, заявив, что не допустит никакого контроля¹⁸. Губземкому пришлось обращаться за помощью к военно-революционному комитету Барнаульского совдепа. Чиновникам Алтайского округа все же выдали жалование за декабрь, а также пытались выдать квартирные деньги за первую треть 1918 г. Это не являлось попыткой «насолить» революционной демократии, а было скорее проявлением заботы о своих служащих со стороны УАО, которые после готовящихся губземкомом преобразований и установления в Барнауле с 6 на 7 декабря советской власти могли остаться не только без работы, но и без средств существования. Опасения были не напрасны, учитывая содержание рассмотренного выше проекта реорганизации УАО, полностью подчинявшего его губземкому. Не исключено, что пункт об увольнении служащих округа без права на пенсию и пособие за неподчинение земельной управе был поспешно внесен в проект в ответ на предпринятую УАО спешно-демонстративную выдачу жалования.

9 декабря 1917 г. Л.Л. Маслов разослал лесничим округа конфиденциальный циркуляр № 62. В нем он предоставлял право прекращать или временно приостанавливать деятельность лесничества, если «окажется невозможным» ее продолжать, обязательно оформляя это официальным решением совета лесничества¹⁹. В случае прекращения работы лесничий должен был приступить к сдаче всех дел и имущества волостному исполкому (земству) или сельским

¹⁶ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 2. Л. 273–273 об.

¹⁷ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 34. Л. 17.

¹⁸ Там же. Л. 18–18 об.

¹⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4786. Л. 78.

исполкомам. При этом администрация и стража могли покинуть пределы лесничества. По всей видимости, начальник Алтайского округа узнал о содержании проекта реорганизации округа, что побудило его к таким ответным мерам возможного противодействия.

После установления советской власти в Барнауле военно-революционным комитетом Барнаульского совдепа были отправлены телеграммы новым революционным властям – наркому земледелия, в СНК и ЦИК – о текущем положении дел в губернии. В них сообщалось о постановлении 4-й сессии губземкома, о переходе власти в городе совету, а также о том, что «административное совещание бывших чинов округа, не признавая власти Совета народных комиссаров, категорически отказалось проводить [в] жизнь постановление губернского земельного комитета»²⁰. В свою очередь Л.Л. Маслов 13 декабря 1917 г. отправил протест в Главный земельный комитет – орган Временного правительства, еще не ликвидированный СНК. Начальник округа, основываясь на решении совещания служащих УАО от 5 декабря, указал девять пунктов, раскрывавших незаконность и пагубность для окружного хозяйства постановления 4-й сессии Алтайского губземкома²¹. Таким образом, центральные власти (как новые, так и старые) узнали о ситуации в отношении управления земельно-лесным имуществом на Алтае от обеих заинтересованных сторон.

Через несколько недель после обнародования постановления губземкома от 4 декабря уездные земкомы приступили к его выполнению. К примеру, Славгородский уездный земком 20 декабря 1917 г. вынес постановление, согласно которому была организована комиссия, в состав которой вошли по одному представителю от совдепа и уездной земельной управы. Комиссии было поручено взять на учет все имущество, «находящееся в лесных дачах и промыслах с подробным обревизованием всей денежной отчетности»²². Но этот процесс шел с трудом. Губземком в отношении к УАО от 11 января 1918 г. был вынужден констатировать, что «многие лесничие не

²⁰ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 2. Л. 249.

²¹ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 93. Л. 33–34 об.

²² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4687. Л. 47–47 об.

только не идут навстречу... но и явно не подчиняются вплоть до оставления работ в лесничествах»²³. Обострившиеся на почве фактического безвластия аграрные беспорядки губземком ставил в вину УАО, чиновники округа возлагали вину за них на земкомы.

Администрация лесничеств узнала об уже начавшейся реорганизации из циркуляров уездных и обращений местных земкомов. В большинстве своем служащие округа отнеслись к ней негативно. Талицкий лесничий в рапорте в УАО от 16 декабря 1917 г. отметил, что среди населения «в связи с текущими событиями замечается сильное брожение»²⁴. Часть лесничих, считая себя не вправе заниматься структурными изменениями действующей хозяйственной системы без указания непосредственного начальства, заняла выжидательную позицию, обращаясь к УАО за соответствующими инструкциями²⁵. УАО, не давая прямых предписаний всем служащим округа, предложило им следовать циркуляру № 62 от 9 декабря 1917 года²⁶, то есть останавливать работу лесничества в случаях невозможности его нормального функционирования. Однако некоторые лесничие, считая намечаемую организацию «вредной и несостоятельной», собирались воспользоваться данным циркуляром и без дополнительного указания сверху, препятствуя реализации постановления 4-й сессии²⁷. Солоновский лесничий 20 января 1917 г. в своей телеграмме в УАО сообщил о том, что отказался подчиниться инструкции губземкома, а лесничество предпочел сдать Славгородской земельной комиссии²⁸. Союз лесоводов предложил бойкотировать вынужденно освобождавшиеся места лесных служащих, что поддержал совет Нижне-обского лесничества, решивший не подчиняться распоряжениям «большевистского правительства» и продолжать работать в контакте с демократическими организациями²⁹. Совет Аламбайского лесничества постановил прекратить работу лес-

²³ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 93. Л. 37.

²⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4708. Л. 37.

²⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4693. Л. 107.

²⁶ Там же. Л. 108.

²⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4704. Л. 72 об.

²⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4710. Л. 34.

²⁹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 15–15 об.

ничества в случае давления со стороны населения или большевиков, распоряжению губземкома они решили не подчиняться³⁰. Павловский лесничий отказался сдавать лесное хозяйство местному земкому, как ни абсурдно, без соответствующей санкции губземкома³¹.

Нормативной основой реорганизации структур Алтайского округа, помимо постановления 4-й сессии Губземкома от 4 декабря 1917 г., стала разработанная им же «Инструкция временных правил о реорганизации Алтайского округа». Губземком 15 декабря 1917 г. отправил УАО копии протоколов заседаний 4-й сессии и проект инструкции временных правил о передаче всех земель и лесов округа в ведение земкомов. Штамп на документе свидетельствует, что он был получен в УАО уже 16 декабря³². Очевидно, дальнейшее утверждение инструкции губземкомом состоялось без участия УАО. Поэтому 2 января 1918 г. на заседании Административного совещания при УАО его участники отметили, что «где и когда опубликована... инструкция Административному совещанию не известно, и о существовании ее оно узнало по случайно[сти] частным путем»³³. Исходя из того, что проект инструкции, представленный на 4-й сессии губземкома, и инструкция, которую рассматривало совещание, были практически идентичными, чиновники не могли не знать о ее содержании. При детальном разборе инструкции Административное совещание пришло к выводу о необходимости ее изменения.

Чиновники округа посчитали для себя приемлемыми только три пункта из 18, согласно которым УАО ставилось под непосредственный контроль Алтайской губернской земельной управы, а все его служащие, в том числе в лесничествах, оставались на своих местах³⁴. Начальник Алтайского округа в своей служебной записке Алтайской губернской земельной управе от 3 января 1918 г. выразил позицию Административного совещания, которое посчитало, что реорганизация Алтайского округа в соответствии с данной инструкцией незаконна и недопустима. При этом Л.Л. Маслов

³⁰ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4775. Л. 18 об. – 19.

³¹ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 7. Л. 107.

³² ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545. Л. 1.

³³ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4786. Л. 88.

³⁴ Там же. Л. 88–89.

обращал внимание, что служащие УАО желали заняться совместной разработкой новой инструкции для дальнейшей работы вместе с земельными комитетами. Начальник Алтайского округа также отметил, что при ее разработке следует учитывать содержание циркуляра наркома земледелия А.Л. Колегаева от 6 декабря 1917 г., в котором говорилось о необходимости сохранения существовавших местных земельно-лесных организаций³⁵.

4 января 1918 г. губземком разослал телеграммы всем волземкомам и лесничим, в которых сообщал об изменении инструкции в соответствии с циркуляром наркома земледелия: теперь смещение с должности лесных служащих считалось недопустимым³⁶. Конечно, это стало небольшой победой УАО, так как до этого губземком игнорировал содержание данного циркуляра. Данный корректив был вызван опасностью полного развала хозяйства округа, неминуемо последовавшего бы в случае ухода или отстранения от службы оставшихся квалифицированных кадров. Согласно ультимативному требованию председателя губземкома И.В. Лаврентьева к УАО, чиновникам бывшего Кабинета было необходимо выразить свою позицию относительно измененной инструкции временных правил о реорганизации Алтайского округа. Это был своеобразный жест доброй воли по отношению к УАО, дававший ему таким образом шанс «безболезненного» подчинения. Административное совещание постановило, что со стороны УАО препятствия к контролю над лесничествами отсутствовали, «но только в пределах, указанных в циркуляре комиссара Колегаева, стоящего на точке зрения сохранения существующих органов казенных лесов»³⁷. То есть УАО даже спустя более чем месяц действия постановления 4-й сессии Алтайского губземкома все еще отстаивало свои позиции, подкрепленные к тому же от новой власти из центра, пытаясь не остаться безучастным в решении собственной судьбы.

«Борьба с Алтайским губернским земельным комитетом все продолжается», – писал Л.Л. Маслов в донесении в Лесной

³⁵ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545. Л. 38.

³⁶ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4704. Л. 71.

³⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545. Л. 47–47 об.; Ф. 229. Оп. 1. Д. 93. Л. 38–38 об.

департамент от 19 января 1918 года³⁸. Л.Л. Маслов отмечал, что вторая, измененная в начале января, инструкция уже действовала в лесничествах, и служащим приходилось «сдавать свои позиции», подчиняясь инструкции под давлением силы³⁹. Интересным следует считать то, что в случае захвата УАО, по словам Л.Л. Маслова, как служащие УАО, так и служащие лесничеств решили забастовать, а сам Л.Л. Маслов был «вынужден... вступить в переговоры... и пойти на некоторый возможный компромисс»⁴⁰. Там же говорилось, что УАО готово санкционировать создание земельно-лесных советов в лесничествах при условии внесения ряда изменений в инструкцию: выборность председателей земельно-лесных советов; наличие равного кворума из представителей отдаленных и приближенных к лесу волостей; вхождение в состав советов помощников лесничих и письмоводителей; отстранение от службы лесной администрации только с утверждения губернской земельной управы и УАО; назначение администрации лесничеств следовало производить по заключению Административного совещания (в состав которого должны были войти также представители губернской земельной управы); решения, противоречившие правилам лесного хозяйства, было необходимо пересматривать на губернском уровне; все вопросы общего характера надлежало разбирать в постоянном совещании специалистов при УАО⁴¹.

На стороне УАО в январе 1918 г. продолжал стоять губисполком (губернская земская управа), состоявший в значительной степени из чинов округа. Но не все уездные земства были с ним солидарны. Если Бийское уездное земство выступало за упразднение волземкомов, то Кузнецкое вместе с тем еще и за упразднение лесничеств⁴², что вносило существенную разруху в трещавшую по швам систему хозяйства округа.

В январе 1918 г. стартовала 5-я сессия Алтайского губземкома. Основными ее участниками являлись представители советов рабо-

³⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545. Л. 33 об., 53.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 53 об.

⁴¹ Там же. Л. 54–54 об.

⁴² Там же. Л. 53.

чих и солдатских депутатов, советов крестьянских депутатов, а также земкомов. Одним из главных вопросов, поднятых на заседаниях сессии, стали дальнейшие действия по отношению к УАО. Представитель Центрального исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов К.М. Рычков заявил: «Нужно указать этим зарвавшимся господам их место и заставить подчиниться народу»⁴³. Предложение представителя УАО, заведующего лесной частью Г.В. Орлова о необходимости совместной выработки инструкции о реорганизации осталось не услышано. На основании непризнания УАО советской власти, а также игнорирования и «пренебрежительного отношения» к губземкому и его распоряжениям, 5-й сессией Алтайского губземкома в заседании от 19 января было постановлено: «Алтайский округ и прочие учреждения бывшего Кабинета в пределах Алтайской губернии немедленно переходят в полное ведение и распоряжение Алтайского губернского земельного комитета»⁴⁴. Аналогичное решение касалось организаций Переселенческого управления и землеустройства в пределах губернии⁴⁵.

Заслушав постановление 5-й сессии Губземкома, общее собрание служащих УАО 20 января признало его для себя обязательным⁴⁶. Этим же днем Л.Л. Маслов оформил приказ о своей отставке, обосновав свой уход со службы «расстроеным здоровьем»⁴⁷. Такой резкий поворот в позиции окружных чиновников был связан с опасностью «применения революционного воздействия»⁴⁸ со стороны совдепа в случае неподчинения и, по словам сменившего Л.Л. Маслова В.А. Буштедта, отсутствием указаний из центра⁴⁹. Немаловажным фактором стало присутствие на сессии К.М. Рычкова, официального представителя центра, решительно настроенного на искоренение дореволюционных порядков. Также следует отметить, что чиновникам удалось в ходе переговоров удовлетворить часть своих

⁴³ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 37. Л. 89.

⁴⁴ Там же. Л. 92.

⁴⁵ ГААК. Ф. 229. Оп. 1. Д. 90. Л. 3 об. – 4.

⁴⁶ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545. Л. 63.

⁴⁷ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 553. Л. 13.

⁴⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 545. Л. 68.

⁴⁹ Там же. Л. 93.

требований по реорганизации Алтайского округа. Исходя из «финальной» инструкции от 29 января 1918 г., выработанной 5-й сессией губземкома с учетом компромиссного предложения Л.Л. Маслова, УАО хотя и потеряло свою независимость, но чины округа добились расширения состава земельно-лесных советов для служащих лесничеств, выборности должности председателя управы, из инструкции исчезли санкции, касавшиеся служащих округа, покидавших службу. Дальнейшая борьба не имела смысла, единственным выходом в сложившихся обстоятельствах оставалось сотрудничество.

Итак, время с 4 декабря 1917 г. по 19 января 1918 г. стало начальным периодом реорганизации управления Алтайским округом. Его характерной особенностью стало то, что преобразования на местах происходили без санкции УАО, которое вело борьбу за влияние на хозяйство губернии и собственную независимость. Политика УАО менялась, исходя из стоящих перед ним целей и складывавшейся ситуации в губернии. Вначале – борьба, связанная с отстаиванием независимости учреждения и непризнанием советской власти в столице. После установления советской власти в Барнауле и начала фактической реорганизации окружного управления на местах – поиск компромисса. Затем, после некоторых уступок со стороны губземкома и опасности дальнейшего продолжения борьбы – вынужденное сотрудничество. С 20 января, после признания УАО постановления 5-й сессии губземкома, начался следующий период, теперь уже официального реформирования системы управления Алтайским округом.

А.П. Дементьев

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева*

Характеристика левых и правых политических сил в публицистике А.М. Гневушева (1917–1919 гг.)

Статья посвящена анализу взглядов историка и известного сибирского публициста А.М. Гневушева на сущность основных противоборствовавших политических сил во время революции 1917 г. и гражданской войны. Изучение статей Гневушева, опубликованных в различных периодических изданиях, позволяет сделать вывод о его неприятии как крайне левых, так и крайне правых политических движений, которые он критиковал за партийный фанатизм, узкоклассовый подход, антидемократизм. Наиболее неприемлимая критика была направлена в сторону большевиков: в борьбе с ними автор призывал к вооруженному противостоянию. Возможность спасения страны и главных завоеваний революции Гневушев видел в объединении прогрессивных, «государственно мыслящих» элементов, к которым относил умеренных социалистов и либералов, при условии их готовности идти на компромиссы.

Ключевые слова: А.М. Гневушев, левые, правые, большевики, кадеты, революция, гражданская война.

Андрей Михайлович Гневушев (1882–1920) известен, в первую очередь, как специалист по истории средневековой Руси. В 1907 г. он окончил историческое отделение историко-филологического факультета Киевского Императорского университета св. Владимира, а в 1909 г. был рекомендован для подготовки к профессорскому званию. Несколько лет Андрей Михайлович исследовал в московских архивах документы по социально-экономической истории Новгорода XV–XVI вв. Результатом этой работы стала публикация большого количества статей, сборников документов, а также книги «Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве»¹.

¹ *Гневушев А.М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1:

С 1914 по 1919 г. А.М. Гневушев преподавал в красноярских училищах и учительском институте, опубликовал несколько научных работ по истории Сибири: «Сибирские города в смутное время»², «Восстание Пелымских вогулов в 1612 г.»³, «К характеристике вольных сибирских переселенцев XVII-го в.»⁴, «Русские исследования северного морского пути в XVII в.»⁵. Известно, что он работал над научно-популярной книгой «Очерки по истории Сибири. Книга для чтения в школе и дома»; к сожалению, дальнейшая судьба рукописи неизвестна. В сентябре 1919 г. Гневушев переехал во Владивосток, где работал на кафедре русской истории Владивостокского университета. Там Андрей Михайлович заболел тифом, в результате чего скончался в январе 1920 г. Исследования ученого не утратили научной значимости до настоящего времени. Современные историки, изучающие социально-экономические процессы XV–XVII вв., во многих аспектах опираются на выводы, сформулированные Гневушевым.

Февральская революция 1917 г. открыла в историке талант журналиста и публициста. За 1917–1919 гг. он опубликовал не менее семидесяти шести газетных статей, семь отдельных брошюр на актуальные общественно-политические темы. С 6 июля по 14 сентября 1917 г. он занимал пост редактора ежедневной политической и литературной газеты «Наш голос», а с 22 августа 1918 г. до своего отъезда из Красноярска руководил неофициальной частью печатного органа губернского комиссариата Временного Сибирского правительства «Воля Сибири». Во Владивостоке под руководством Андрея Михайловича выходила газета «Новый путь», однако издание просуществовало только два месяца (ноябрь – декабрь 1919 г.) и прекратило выходить в связи с болезнью редактора.

Сельское население Новгородской области по писцовым книгам 1495–1505 гг. 439 с.

² Гневушев А.М. Сибирские города в Смутное время. Киев, 1914. 12 с.

³ Гневушев А.М. Восстание Пелымских вогулов в 1612 г. // Сибирские записки (Красноярск). 1916. № 1. С. 117–121.

⁴ Гневушев А.М. К характеристике вольных сибирских переселенцев XVII в. // Сибирские записки (Красноярск). 1916. № 1. С. 113–123.

⁵ Гневушев А.М. Русские исследования северного морского пути в XVII в. Красноярск, 1919. 14 с.

Тем не менее, политическая деятельность Гневушева остается белым пятном в его биографии. В единственной посвященной Андрею Михайловичу публикации Т.И. Мирошниковой описывается его преподавательская и научная деятельность в Красноярске, личная жизнь⁶. Отдельные упоминания о политических позициях Гневушева содержатся в исследованиях общественно-политической жизни Сибири периода революции 1917 г. и гражданской войны⁷. Между тем, политическое мировоззрение Гневушева вызывает интерес по ряду причин. Во-первых, Гневушев являлся типичным представителем социалистической интеллигенции, выразителем ее идей и взглядов. Он был идейно близок с другими известными публицистами, в частности Е.Е. Колосовым, которого назвал «мой уважаемый товарищ»⁸. Во-вторых, в 1917–1919 гг., придерживаясь социалистической идеологии, Гневушев занимал надпартийную позицию. Деятельность крупных политических партий, как он сам писал в 1918 г., не устраивала его из-за излишнего догматизма и фанатизма⁹. Именно поэтому изучение взглядов Гневушева на два противоборствовавших лагеря революции (левые и правые политические силы) позволяет глубже понять особенности политического мировоззрения социалистической интеллигенции, выявить недостатки концепции «третьего пути» в гражданской войне.

События 1917 г. в Красноярске отличались быстрым распространением большевистского влияния на рабочие профсоюзы, солдат-

⁶ *Мирошникова Т.И.* «Прошу разрешить заниматься в архиве...» // Красноярские архивы. Сборник информационных материалов. Красноярск, 2010. Вып. 5. С. 129–132.

⁷ *Шейнфельд М.Б.* Историография Сибири: конец XIX – начало XX вв. Красноярск, 1973. С. 282; *Шишкин В.И.* К вопросу о судьбе Советов после антибольшевистского переворота в Сибири (конец мая – июль 1918 г.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Барнаул, 2005. С. 296–313; *Шереметьева Д.Л.* Политические взгляды Е.Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917 – январь 1920 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: сборник научных статей. Новосибирск, 2012. С. 37–94; *Шишкин В.И., Шереметьева Д.Л.* Кризис временного Сибирского правительства в сентябре 1918 г.: арьергардная схватка в Красноярске // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2013. № 3. С. 53–61.

⁸ *Гневушев А.М.* Еще заборный листок // Наш голос (Красноярск). 1917. 19 июля.

⁹ *Гневушев А.М.* Партийная и классовая диктатура и дело общенационального возрождения // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 25 августа.

ский гарнизон и, как следствие, на местный Совет рабочих и солдатских депутатов. Быстрее, чем в других городах Сибири, большевики заняли прочные позиции в политической жизни города и в июле 1917 г. победили на выборах в городскую думу. Эти особенности общественно-политической обстановки неизбежно ставили перед А.М. Гневушевым вопросы о сущности левого радикализма, перспективах его распространения для судьбы страны. В результате критика большевизма в 1917 г. стала главной темой его публицистики.

Отношение к большевикам автор выразил в своей первой статье, размещенной в газете «Наш голос» 4 июня 1917 г. В ней Гневушев утверждал, что позиции В.И. Ленина не имели ничего общего с идеями научного социализма и были близки к анархическим. Самые сложные вопросы современности большевики, так же как и анархисты, рассматривали «вне времени и пространства, не считаясь ни с реальным соотношением сил, ни с действительными историческими условиями»¹⁰. Поэтому они обещали массам невозможное в тех условиях быстрое разрешение всех насущных проблем. В свою очередь, успеху «беззастенчивой демагогии» способствовали «народная темнота» и невежество. Таким образом, Гневушев был убежден, что, прикрываясь «популярным знаменем социализма», большевики всячески дискредитировали великую идею справедливого общества, будоражили массы несбыточными лозунгами¹¹. Лидеров местных большевиков – Я.Е. Богграда, Г.С. Вейнбаума, Я.Ф. Дубровинского – Гневушев рассматривал как склонных к уголовщине фанатиков. Так, по его мнению, на практике реализовывалась позиция В.И. Ленина об отсутствии в политической борьбе «бесчестных средств»¹².

Волнения большевистски и анархистски настроенных солдат и рабочих Петрограда в июле 1917 г. Гневушев расценивал как «удар в спину революционной демократии», «предательство и измену делу революции». В условиях, когда русские войска сражались на фронте, всякие выступления в тылу, по его мнению, были бессознательной

¹⁰ Гневушев А.М. На темы дня // Наш голос. 1917. 4 июня.

¹¹ Там же.

¹² Гневушев А.М. «Идейные фанатики» или «уголовные элементы» // Воля Сибири. 1918. 7 июля.

помощью противнику¹³. В контексте данных рассуждений логично звучали со стороны Гневушева обвинения радикалов в провале русского наступления на фронте. По его мнению, именно под большевистским влиянием тыловые части «перестали быть воинскими частями» и стали способны к «буйству и грабежу, но не способны к активному сопротивлению»¹⁴.

Однако автор не был склонен абсолютизировать большевистскую угрозу. Он считал, что деятельность лево-радикалов неизбежно породила реакцию со стороны правых сил, к которым относились все, кто выступал за сохранение капиталистического строя (кадеты, октябристы, монархисты и др.)¹⁵. Уход министров-кадетов из состава Временного правительства в июле 1917 г. Гневушев воспринял как объявление буржуазией, не желавшей идти на компромиссы, открытой борьбы с революционной демократией. Изолировав министров-социалистов, они рассчитывали, по его мнению, вызвать в буржуазных слоях контрреволюционное движение¹⁶. Через месяц Андрей Михайлович констатировал усиление более правых элементов, чем кадеты. В статье «Угроза справа» он писал, что из-за военных неудач и продовольственной разрухи начинало набирать силу черносотенное движение¹⁷.

Спасение революции, ее конструктивное развитие в 1917 г. он видел в изоляции радикально левых и правых элементов, продолжении политики коалиции всех революционно-демократических сил, готовых идти на компромисс. Важную роль в реализации этих принципов должны были сыграть органы местного самоуправления, деятельность которых, по мнению Гневушева, ограничивала бы произвол большевистских Советов¹⁸. Кроме того, в их планомерной работе он видел возможность развития политического сознания масс.

¹³ Гневушев А.М. Удар в спину революционной демократии // Наш голос. 1917. 9 июля.

¹⁴ Гневушев А.М. Большевизм в армии // Наш голос. 1917. 5 августа.

¹⁵ Гневушев А.М. Еще о красноярских дезорганизаторах // Наш голос. 1917. 21 августа.

¹⁶ Гневушев А.М. Партия народной свободы и петроградское восстание // Наш голос. 1917. 14 июля.

¹⁷ Гневушев А.М. Угрозы справа // Наш голос. 1917. 15 августа.

¹⁸ Там же.

Захват власти Советами в октябре – ноябре 1917 г., заключение Брестского мира в марте 1918 г. сформировали у Гневушева убеждение в необходимости вооруженной борьбы с большевиками. В марте он писал, что борьба до полного уничтожения Советской власти «является первым и неотложным долгом всякого социалиста, как и борьба против самодержавия»¹⁹. Для спасения Сибири от последствий «похабного» мира автор считал необходимым создание бое-способной армии и совместные военные действия со странами Антанты против «большевистско-германского засилья»²⁰.

Взгляды Гневушева радикализировались, любые симпатии к большевикам и руководимым ими Советам он считал прямой помощью «врагам революции». Поэтому в марте 1918 г. он обрушился с критикой на эсеров-центристов, обвиняя их в пособничестве большевизму: «„Полуленинство“, боязнь показаться недостаточно „революционными“, взгляд на большевиков, как на „утопистов, но все-таки самых настоящих революционеров“ – все это было очень широко распространено среди социалистов, и все это, с одной стороны, мешало им распознать истинную сущность большевизма, а с другой стороны, заставляло их всякий раз оказывать моральную поддержку большевикам, когда те в ней нуждались»²¹.

Выступление антибольшевистских сил летом 1918 г. и начало полномасштабной гражданской войны в Сибири существенно повлияли на тематику публикаций Гневушева. Окончательному разрыву с эсерами-центристами способствовала дискуссия о судьбе Советов, начавшаяся в июне 1918 г. Андрей Михайлович занял категорическую позицию необходимости запрета их деятельности. Он предостерегал трудящихся от разбрасывания сил на Советы и призывал к их максимальной концентрации в уже имеющихся организациях: профсоюзах, кооперативах²².

¹⁹ Гневушев А.М. Кризис власти и задачи революционной демократии // Наше слово (Красноярск). 1918. 24 марта.

²⁰ Гневушев А.М. Что сулит Сибири Брестский мир // Сибирские записки (Красноярск). 1918. № 2–3. С. 84–85.

²¹ Гневушев А.М. Кризис власти и задачи революционной демократии // Наше слово. 1918. 24 марта.

Политическая ситуация летом 1918 г. в Сибири характеризовалась постепенным усилением политических элементов правой ориентации (кадрового офицерства, верхушки буржуазии и казачества, партии кадетов). Поэтому интерес Гневушева сместился в сторону анализа деятельности этих сил. Летом – осенью 1918 г. он выпустил ряд статей: «Оппозиция справа», «Еще о торгово-промышленном съезде в Омске», «Партийная и классовая диктатура и дело общенационального возрождения», «Два полюса», в которых обвинял представителей буржуазии в нежелании в новых условиях идти на уступки и сотрудничать с умеренными социалистами, стремлении установить диктаторскую власть для достижения своих узкоклассовых интересов. Данную тенденцию он охарактеризовал как «большевизм справа», который в случае своей победы окончательно столкнул бы страну в пропасть, так как «диктатура какого-нибудь одного класса, даже в том случае если этот класс и жизнеспособен, не может вывести страну из создавшегося катастрофического положения»²³. Начав неизбежную борьбу с революционной демократией, власть правых сил, по его убеждению, в конечном итоге реставрировала бы дофевральские порядки²⁴.

Открытому выступлению буржуазии, по его мнению, способствовали отсутствие единого демократического фронта, «разброд и шатания в мыслях» представителей демократического лагеря. Однако историк скептически относился к возможности захвата власти русской буржуазией и ее представителями, так как считал эту силу неспособной вывести страну на путь буржуазно-капиталистического развития. Причины этого Андрей Михайлович видел в «паразитарном» характере буржуазии, которая развивалась «под сенью покровительственной системы и казенных заказов», ее организационной слабости, отсутствии морального авторитета²⁵. В своих статьях он убеждал оппонентов отказаться от партийного фанатизма,

²² Гневушев А.М. Советы рабочих и крестьянских депутатов // Воля Сибири. 1918. 6 июля.

²³ Гневушев А.М. Два полюса // Воля Сибири. 1918. 8 сентября.

²⁴ Там же.

²⁵ Гневушев А.М. Угрозы справа // Наш голос. 1917. 15 августа.

узкоклассовых позиций и «уметь подняться до государственной точки зрения»²⁶.

В разгар гражданской войны Гневушев обратился к историческому осмыслению происходивших событий. Итогом его работы стала выпущенная в 1919 г. брошюра «„Великая разруха Московского государства 1606–1613 гг.“ и „Великая русская революция 1917–19?«²⁷ гг.» (исторические параллели)». Оценивая масштаб общегосударственного кризиса, автор указывал, что страна в 1919 г. находилась только на «первом фазисе своей борьбы за восстановление государственного порядка», рассуждая о перспективах, он утверждал, что «пока нельзя еще представить себе, какие мучительные этапы нам придется пережить, выполняя эту тяжкую и ответственную историческую задачу»²⁸. По его мнению, происходившие в XX в. события по своей масштабности и губительности для страны наиболее уместно было сравнивать с периодом Смутного времени: как и тогда, в период гражданской войны обострилось противостояние государственных и антигосударственных элементов.

Как историк, А.М. Гневушев проводил параллели между главными политическими силами обеих исторических эпох. К антигосударственным элементам периода гражданской войны он относил большевиков, левых эсеров и анархистов; их прототипом периода Смуты определял «партию Болотникова, а в последствии Тушинского вора», то есть казачество и «сплотившуюся вокруг него голытьбу»²⁹. Автор считал, что эти политические силы связывали неприятие существовавшего строя, стойкое желание его полного уничтожения, отсутствие какой-либо позитивной программы развития страны.

На другом фланге антигосударственных сил находилась «аристократически-бюрократическая партия, группировавшаяся вокруг престола». Прообразом данной силы являлась «боярская феодальная партия, с которой самым тесным образом была связана сильно

²⁶ Гневушев А.М. Оппозиция справа // Воля Сибири. 1918. 30 июля.

²⁷ Так в тексте.

²⁸ Гневушев А.М. «Великая разруха Московского государства 1606–1613 гг.» и «Великая русская революция 1917–19? гг.» (исторические параллели). Красноярск, 1919. С. 19.

²⁹ Там же. С. 8.

сплоченная местничеством придворная бюрократия». Ее политическая и социальная программа предполагала возвращение к общественному строю первой половины XV в., «когда великие московские князья правили в значительной степени при помощи своих „подручных князей“»³⁰. Однако если в период Смутного времени данная политическая сила играла заметную роль в развитии событий, то в XX в. с этой «партией» было покончено в первые дни революции 1917 года³¹: в результате наиболее правой силой стала партия кадетов.

Основное место в публикации отводилось анализу большевистских мероприятий в политике, экономике и социальной сфере, доказательству их губительности для страны. Гневушев полагал, что полная неспособность леворадикалов к созидательной и творческой работе отбрасывала страну «примерно лет на 80 от современного развития России, а в отдельных случаях... еще к допетровской эпохе»: фабрики и заводы закрывались, сокращалось производство³². Отказ большевиков от Учредительного собрания и органов местного самоуправления превращал их власть в диктатуру одной политической партии, которая, чтобы удержаться у власти, воскрешала приемы борьбы с оппозицией, практиковавшиеся в царской России³³. Перспективы существования большевистской власти вызывали у Гневушева сомнения: «И как тушинцам не удалось остановить развитие крепостного права... так и ленинцам не разрушить капитализм», – писал он в своей публикации. Итогом деятельности большевиков могла быть только смена господствующей политической элиты³⁴. Как и в период Смутного времени, по мнению Гневушева, над страной нависла опасность утраты национальной самостоятельности. Автор указывал на отчетливый германофильский характер большевистской политики и сравнивал его с зависимостью «Тушинского царя» от поляков³⁵.

³⁰ Гневушев А.М. «Великая разруха Московского государства...»... С. 5.

³¹ Там же. С. 9.

³² Там же.

³³ Гневушев А.М. «Великая разруха Московского государства...»... С. 11.

³⁴ Там же. С. 13.

³⁵ Там же. С. 20.

Проводя исторические параллели с периодом Смутного времени, Андрей Михайлович утверждал, что «московские люди XVII-го века обладали гораздо большим развитием государственного и национального чувства, чем их потомки в XX-м веке»³⁶. По его мнению, момент национальной опасности заставил значительную часть московских бояр-феодалов позабыть на время о своих партийных интересах и «подумать прежде всего о сохранении родины». В то же время произошел раскол среди тушинцев, что способствовало появлению первого ополчения, лидеры которого предприняли попытку освободить Москву от интервентов³⁷. В условиях же гражданской войны «позорный» Брестский мир не вызвал протеста среди большевиков. В итоге автор констатировал, что «Минины XX-го века не похожи на Минины XVII-го», «когда гибла родина, последние шли на полное самопожертвование, а Минины XX-го века в момент крушения государства думают о захвате себе наиболее лакомого куска, оставшегося еще от государства»³⁸. Тем не менее, Гневушев сохранял оптимизм, считая, что эта задача будет выполнена: «нужно только побольше любви к родине и способности подчинить свои частные интересы интересам общенациональным»³⁹.

В качестве единственной прогрессивной силы периода Смутного времени автор выделял рязанское дворянское ополчение с программой создания крепкого, стройного и сильного государства, уничтожения остатков феодального строя, утверждения самодержавной власти, опирающейся на служилый класс. По его мнению, эта программа соответствовала общему ходу развития народной жизни⁴⁰. Но, анализируя современность, автор не мог найти аналог данной силы в гражданской войне, в указанной брошюре эта проблематика не раскрывалась. При этом в своих газетных публикациях Гневушев неоднократно указывал на необходимость объединения всех «государственно мыслящих» элементов. Данный термин историк конкретизировал только в декабре 1919 г. в статье «Единый

³⁶ Гневушев А.М. «Великая разруха Московского государства...»... С. 19.

³⁷ Там же. С. 20.

³⁸ Гневушев А.М. Оппозиция справа...

³⁹ Гневушев А.М. «Великая разруха Московского государства...»... С. 24.

⁴⁰ Там же. С. 7–8.

противобольшевистский фронт в центре России». Он восторженно писал об объединении антибольшевистских организаций – «Союза возрождения России», «Национального центра», «Комитета общественный деятелей» – как примере образования единого фронта по борьбе с большевизмом «во имя национальных и государственных интересов». Данному союзу, объединявшему силы «правых эсеров, меньшевиков-оборонцев, плехановцев, кадетов, националистов, октябристов», Гневушев противопоставил тех, кто стремился проводить узкопартийную программу и в результате вел страну к гибели: большевиков, левых эсеров, эсеров-центристов, меньшевиков-интернационалистов⁴¹.

Таким образом, в публицистических произведениях Гневушева, написанных и опубликованных в 1917–1919 гг., неоднократно констатировалось наличие опасности, которую несли для революции как крайне левые, так и крайне правые политические силы.

Оба течения, по его мнению, отличались реакционностью и антигосударственностью, стремились уничтожить главные завоевания 1917 г.: свободу и демократию. Спасительный для страны «третий путь», по убеждению Андрея Михайловича, представлял собой изоляцию радикальных элементов, продолжение политики коалиции, развитие органов местного самоуправления, восстановление работы Учредительного собрания, отмену Брестского мира, продолжение войны с Германией до победного конца. Наиболее прогрессивными и «государственно мыслящими» силами Гневушев считал умеренных социалистов и либералов, при условии их готовности идти на компромиссы.

Реальность гражданской войны показала весь утопизм убеждений о возможном сотрудничестве идеологически различных политических организаций. Период общенационального консенсуса закончился еще в апреле 1917 г. Это делало все теоретические построения и оптимистические прогнозы Гневушева эфемерными и наивными, особенно в декабре 1919 г., когда Красная армия стремительно наступала по территории Сибири.

⁴¹ Гневушев А.М. Единый противобольшевистский фронт в центре России // Новый путь (Владивосток). 1919. 2 декабря.

К.А. Конев

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Официальные банкеты в контексте публичной политики Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака: презентация образа иностраннных союзников

Стремление заручиться поддержкой стран Антанты и США являлось неотъемлемой составляющей внешней политики антибольшевистских правительств, существовавших на востоке России в годы гражданской войны. Нарратив «о возрождении России», который рассматривается как ключевой элемент идеологии антибольшевистских сил, включал в себя позитивный образ союзников, который формировался в ходе официальной репрезентации власти – с помощью различных торжеств и ритуалов. Опираясь на подход Р.С. Уортмана, автор статьи ставит перед собой цель рассмотреть особенности репрезентации образа союзников в практиках, являвшихся частью сценариев власти антибольшевистских правительств. Предметом рассмотрения в данном исследовании стали официальные банкеты с участием представителей антибольшевистского движения и союзных держав.

Ключевые слова: политический нарратив, символические практики, Временное Всероссийское правительство, Российское правительство А.В. Колчака, союзники, интервенция, банкеты.

В отличие от большевиков, идеология которых была представлена в рамках единого метанарратива, неоднородные по своему политическому составу силы, выступившие против Советской власти на востоке России в середине 1918 г., не выстроили цельной идеологической системы. Вследствие этого необходимо говорить об идеологии антибольшевистского движения на востоке страны как совокупности ряда дискурсов, среди которых следует выделить дис-

курсы ключевых политических группировок: эсеров и социал-демократов, либералов и консерваторов разного толка¹.

Представляется, однако, что в рамках своей информационной и пропагандистской деятельности антибольшевистские правительства и силы, их поддерживавшие, конструировали определенный нарратив, обеспечивавший их легитимацию и представлявший обществу систему позитивных ценностей. Тем немногим, что содержательно объединяло и дискурс власти (в лице последовательно сменявших друг друга Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака), и дискурсы «государственно-мыслящих элементов» (кадетов), «революционной демократии» и правых, была идея восстановления величия и единства России, выраженная в рамках конструкции, которую можно обозначить как нарратив «о возрождении России». Ключевым положительным персонажем данного рассказа выступали антибольшевистские силы, целью которых провозглашалась борьба за «*воссоздание России* в полном ее объеме, в полном ее величии»² (курсив источника. – К.К.).

Исход борьбы антибольшевистских сил против советского правительства во многом зависел от наличия поддержки со стороны иностранных государств, прежде всего стран Антанты и США. В силу этого еще одной важнейшей составляющей «нарратива возрождения» являлся образ иностранных союзников. В рамках правительственной и партийной риторики союзники, с одной стороны, играли роль помощников – силы, которая поможет победить большевиков и возродить Россию, с другой стороны – олицетворяли собой идеи и ценности, к которым, по их собственным словам, стремились антибольшевистские силы. При этом образ союзников формировался не только с помощью информационной деятельности, но и в контексте реализации различных практик официальной репрезентации власти – торжеств, ритуалов, а также использовавшейся при этом символики.

¹ Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск, 2017. С. 50.

² Омск, 15 октября // Русская армия (Омск). 1919. 16 октября.

В настоящее время различные политические символы, являющиеся, по мнению Б.И. Колоницкого, «важными компонентами политической культуры»³, все чаще становятся предметом изучения отечественных исследователей. Так, в рамках изучения переломного для России периода 1917–1922 гг. можно наблюдать интерес к различным элементам революционной и ранней советской политической культуры. Однако политические символы, церемонии и коммеморативные практики антибольшевистского движения изучаются в меньшей степени. В данном случае следует выделить исследования В.В. Журавлева, посвященные особенностям репрезентации верховной власти в лице адмирала А.В. Колчака⁴, титулованиям в организационных структурах антибольшевистских правительств⁵, а также их символике⁶.

Р.С. Уортман в своем исследовании мифов и символов русской монархии отмечает, что основу ее репрезентации составляли два «всеобъемлющих» мифа: европейский и национальный. Для обозначения индивидуальных способов презентации императорского мифа автор использует термин «сценарий власти». Каждый из них представлял собой собственную версию мифа, которую предлагал каждый новый монарх, вступавший на престол, и реализовывался посредством осуществления определенных церемоний, получавших свое значение именно в его контексте⁷.

³ Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 10.

⁴ Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 102–111; Он же. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 г.: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24–35.

⁵ Журавлев В.В. «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 353–388; Журавлев В.В., Симонов Д.Г. К вопросу о титулованиях в организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в период Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2014. Вып. 5. С. 132–142.

⁶ Журавлев В.В. Государственная символика «белой» Сибири [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. Электрон. дан. [Б. м.], 1998–2016. URL: <http://zaimka.ru/zhuravlev-state-symbols/> (дата обращения: 09.04.2018).

Применительно к востоку России периода гражданской войны можно говорить о том, что каждое из антибольшевистских правительств осуществляло свой сценарий власти, в рамках которого происходила репрезентация общего для антибольшевистского движения нарратива «о возрождении единой и великой России».

Целью данной статьи является рассмотрение особенностей формирования образа союзников в ходе поведения официальных банкетов, являвшихся частью сценариев власти двух антибольшевистских правительств – Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака. Источниками для настоящего исследования послужили материалы специальной комиссии по встрече союзных войск в Омске, образованной в октябре 1918 г. согласно постановлению Административного совета⁸, периодическая печать, а также воспоминания очевидцев и участников описываемых событий.

Идеи сильной власти и мощной армии, которые транслировались в рамках информационной деятельности Временного Всероссийского правительства, также сочетались с защитой демократии, которая представала «уже в образе не столько революционном, сколько государственно-национальном»⁹. Реализуемый Временным Всероссийским правительством сценарий предполагал символическую репрезентацию данных идей. Важную роль в укреплении престижа власти должна была сыграть торжественная встреча членов правительства в Екатеринбурге, который по первоначальному замыслу должен был стать столицей. По словам члена Уральского областного правительства, кадета Л.А. Кроля, сыгравшего важную роль в организации мероприятия, встреча готовилась «самая помпезная». «Мы считали необходимым создать для Директории (имеется в виду Временное Всероссийское правительство. – К.К.) с первого момента ее въезда на нашу территорию такую атмосферу, чтобы члены ее сра-

⁷ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 2. С. 24–25.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3952. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.

⁹ Луков Е.В. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 187.

зу почувствовали себя „величеством“ на „своей“ территории и чтобы это почувствовали другие», – вспоминал он впоследствии¹⁰.

После установления режима А.В. Колчака идеи сильного государства, правопорядка и возрождения мощи армии оставались ключевыми для официальной пропаганды, в то время как демократические принципы хотя и провозглашались, вытеснялись все же на второй план. Существенным фактором в рамках нового сценария власти являлся образ Верховного Правителя. Примечательно, что некоторые элементы церемониала, призванные укреплять авторитет новой власти и лично адмирала, впоследствии были истолкованы членами ревтрибунала над колчаковскими министрами как внешние проявления монархической власти¹¹.

Таким образом, сценарии власти антибольшевистских правительств содержали в себе одну и ту же стержневую идею: создание образа сильной власти, стремящейся, прежде всего, к восстановлению правопорядка, но не чуждой демократическим ценностям. Создание такой власти рассматривалось как залог равноправных отношений с союзными странами. Как отмечалось в омском «Сибирском вестнике», большинство сибирских газет «сходятся на том, что помощь союзников нужна, нужен и приход „варягов“ на нашу землю, но настаивают на том, чтобы мы сумели достойно встретить дорогих гостей – чтобы у нас была прекращена гражданская война, была создана единая, сильная Всероссийская власть, с которой одной бы и имели дела наши союзники»¹².

Идея о том, что единое и устойчивое антибольшевистское правительство означает равноправные и выгодные отношения с союзниками, работала и в обратную сторону. Вовлечение союзников в официальные ритуалы и торжества призвано было служить укреплению авторитета власти в глазах общественности. Представители союзного высшего командования, офицеры и солдаты ино-

¹⁰ Крель Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1922. С. 139.

¹¹ Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. и отв. ред. В.И. Шишкин. М., 2003. С. 33–34.

¹² Всероссийская власть, союзники и печать // Сибирский вестник (Омск). 1918. 25 сентября.

странных армий, дипломаты и официальные лица принимали участие в большинстве значимых мероприятий Белой Сибири: смотрах русских войск, поездках адмирала А.В. Колчака на фронт, официальных траурных церемониях, банкетах и молебнах, являвшихся неотъемлемой частью официальных торжеств.

Анализ материалов омской официальной прессы¹³ позволил выявить 130 публикаций, посвященных 101 мероприятию, в которых в период с августа 1918 г. по ноябрь 1919 г. были задействованы союзники в качестве участников или наблюдателей. Данные мероприятия распределяются по 25 городам Урала, Сибири и Дальнего Востока. При этом удалось зафиксировать 22 мероприятия, которые можно охарактеризовать как торжественный обед/завтрак или банкет. Несмотря на то, что в омской прессе не всегда отражались события, происходившие в других городах Сибири, выборка, включившая 101 мероприятие, все же позволяет сказать о достаточно широком вовлечении союзников в различные практики официальной презентации власти.

Праздничные застолья с участием представителей союзных наций являлись неотъемлемой частью всех крупных официальных церемоний. После создания единой антибольшевистской власти банкеты, также как и другие торжества, призваны были укреплять статус Омского правительства своим размахом. Как отмечал И.И. Серебренников, банкет по случаю образования Всероссийского совета министров, состоявшийся 6 ноября 1918 г., отличался «большой роскошью и, нужно думать, стоил немалых денег», что являлось «новшеством в омской практике»¹⁴.

Встреча союзных эшелонов в Омске осенью 1918 г. призвана была символически восстановить единство антибольшевистских сил и союзников, нарушенное Брестским миром. Подготовка мероприятий была возложена на специальную комиссию, которую возглавил директор департамента общих дел МВД П.П. Башилов¹⁵, и включавшую представителей пяти министерств: Внутренних дел,

¹³ Анализу подверглись издававшиеся в Омске «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник».

¹⁴ *Серебренников И.И.* Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003. С. 428.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-3952. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

Иностранных дел, Военного, Снабжения и Путей сообщения¹⁶. Комиссия провела несколько заседаний вплоть до конца ноября 1918 г., в ходе которых были разработаны церемониалы встреч британских, французских и итальянских войск, а также решен ряд организационных вопросов.

В рамках встречи британских и французских эшелонов в Омске осенью 1918 г. торжественные обеды офицеров и солдат должны были сыграть важную роль в установлении единства между русскими и союзными войсками, что находило выражение даже в мелочах. В журнале заседания комиссии по организации встречи французов, в частности, отмечалось, что столы для обеда, рассчитанного на 1 000 человек, необходимо было украсить союзными флажками (русскими, сербскими, французскими и чешскими), а людей рассадить за столом «с таким расчетом, чтобы французский солдат сидел между двумя славянами»¹⁷.

Согласно распоряжению офицеры и нижние чины обедали отдельно: первые – в Гарнизонном Собрании¹⁸, вторые – в помещениях Кадетского корпуса. Такое разделение, возможно, следует рассматривать как символическое отрицание тех порядков, которые были привнесены в армию после известного приказа № 1 в 1917 г. Демонстративный отказ от революционной «демократизации» армии можно истолковать как стремление антибольшевистских сил продемонстрировать союзникам и общественности успехи в деле восстановления мощи армии и укрепления государственного порядка. В рекомендациях по организации мероприятия для офицеров указывалось на необходимость придать обеду «характер товарищеского угощения гостей после длинного утомительного путешествия с участием только офицерской среды»¹⁹, что можно трактовать как меру, направленную на укрепление союзнического единства посредством актуализации офицерской идентичности с присущей ей кастовостью.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-3952. Оп. 1. Д. 1. Л.14.

¹⁷ Там же. Л. 22 об.

¹⁸ Л. 25 об.

¹⁹ Там же. Л. 33 об. – 34.

Рассматривая банкеты как форму коммуникации антибольшевистских сил и союзников, необходимо отметить, что она сочетала в себе одновременно публичный и частный характер. Формат мероприятий предполагал установление неформальных, дружеских связей между русскими и иностранцами. В то же время речи, тосты, те или иные высказывания гостей и хозяев, попадая в прессу, становились достоянием общественности и приобретали характер политических деклараций. Данная двойственность, а также тот факт, что на банкетах зачастую присутствовали представители политических группировок, отстаивавших различные взгляды, служили причиной того, что на некоторых мероприятиях подобного рода случались инциденты, вносящие диссонанс в процесс коммуникации между антибольшевистскими силами и союзниками.

Именно на «обеде с вином» в Челябинске, после завершения второго государственного совещания, прозвучало высказывание генерала А.Н. Гришина-Алмазова о том, что «...союзники нуждаются в Сибири, так как она – ключ к победе союзников, и что Сибирь не нуждается больше в чехах – они могут уходить»²⁰. Рост амбиций генерала и его отход от принципов народовластия стали вызывать опасения союзников, не заинтересованных в срыве процесса создания единой всероссийской власти, отмечает В.И. Шишкин²¹. В данных условиях категоричное заявление А.Н. Гришина-Алмазова оказалось удобным поводом для его удаления из состава военно-политического руководства антибольшевистских сил востока России.

Еще один инцидент произошел в Красноярске во время встречи отряда англичан под командованием Дж. Уорда в октябре 1918 г. По воспоминаниям полковника, состав публики на ужине был весьма пестрым: казачьи атаманы и русские генералы, представители городской думы, земства и других местных общественных организаций, люди в штатском «с мрачными, но возбужденными чертами лица» и «угрюмыми взглядами», местные эсеры, выступившие с «бешеной тирадой». Последовавшая затем попытка некоего каза-

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 127. Л. 5; Шишкин В.И. Генерал А.Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа – сентябрь 1918 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 1. С. 86.

²¹ Шишкин В.И. Генерал А.Н. Гришин-Алмазов... С. 86–87.

чьего офицера заставить оркестр, состоявший из военнопленных немцев и австрийцев, сыграть гимн «Боже, царя храни» «превратила банкет в сцену невообразимого скандала»²².

Красноярские социал-демократы предпочли возложить вину за скандал на военных. «Каким образом высшие и ответственные представители армии допустили на политическом банкете черносотенно-монархическое выступление части офицеров, совершенно непонятно...», – вопрошал автор статьи, помещенной в газете «Дело рабочего»²³. Кадетская печать и военные тем временем заостряли внимание на поведении председателя уездной земской управы И.В. Казанцева. По мнению начальника штаба Красноярского гарнизона, подполковника Ясенского, именно содержание речи И.В. Казанцева и способ ее произнесения, а также «излишне поглощенное количество спиртных напитков» вывели из равновесия как самого оратора, так и некоторых «невыдержанных офицеров», один из которых впоследствии и приказал играть гимн²⁴.

В передовой статье иркутской кадетской газеты «Свободный край», также обратившей внимание на инцидент, признание заслуг и героизма армии сочеталось с призывом воздержаться от политических выступлений, обращенным к офицерам. В то же время, стремясь как бы оправдать поведение участников инцидента, автор статьи отмечал, что причиной проявления монархических чувств являлся «психический надлом», вызванный тяжелой и длительной войной. Интересен также призыв «дать еще одно доказательство государственности русского офицерства в том смысле, что уроки пережитого воспитали и воспитывают защитников родины на образец офицерства западных демократий – Англии и Франции»²⁵. В данном случае, как это часто бывало в кадетской риторике, представители держав Антанты выступили эталоном, на который необходимо было равняться.

Для военных банкеты являлись частью ритуала братания между «возрожденной русской армией» и союзниками, призванного ис-

²² Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. М.; Пг., 1923. С. 64.

²³ Так кончился пир их бедою! // Дело рабочего (Красноярск). 1918. 27 октября.

²⁴ Письмо в редакцию // Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 31 октября.

²⁵ Иркутск, 5 ноября // Свободный край (Иркутск). 1918. 5 ноября.

купить вино России за «позорное», по мнению антибольшевистских сил, братание солдат русской и германской армий в 1917 г. Представители различных политических групп, в свою очередь, стремились добиться лояльности союзников. «Каждая из партий полагает, что союзники окажут помощь именно ей, именно программа и стремления этой, а не какой-либо другой партии встретят сочувствие союзников», – отмечалось в красноярской газете «Воля Сибири»²⁶. Как можно видеть, красноярский банкет вопреки изначальной установке на формирование дружеских отношений русских и англичан, а также демонстрации стремления антибольшевистских сил к совместной с союзниками борьбе, лишь подтолкнул полковника Дж. Уорда к мнению о «глубоком разброде мнений среди моих русских хозяев»²⁷. По воспоминаниям В.М. Зензинова, инциденты с пением гимна «Боже, царя храни» пьяными офицерами случались неоднократно. Союзники, являвшиеся невольными свидетелями таких сцен, по словам политика, впоследствии официально запрашивали омское руководство о том, «как Правительство терпит подобные монархические манифестации»²⁸.

Вместе с тем «героями» банкетных скандалов становились и сами союзники. По воспоминаниям Г.Е. Катанаева, пересказывавшего слова японского капитана, на званом обеде в Иркутске один из старших официальных представителей Британии позволил себе «чрезмерно напиться» и, залезши на стол, попытался произнести речь, но свалился на пол в бесчувственном виде²⁹. Однако примечателен данный случай не скандальным поведением безымянного англичанина, а реакцией на него японцев. Как отмечал Г.Е. Катанаев, капитан рассказывал об этом эпизоде с «ехидным удовольствием». Разногласия между союзными державами, таким образом, проявлялись даже в таких «бытовых» мелочах. Тот факт, что японцы «показательно похихикивали» при неудачах других союзников, отмеченный генералом³⁰,

²⁶ Красноярск, 25 октября // Воля Сибири (Красноярск). 1918. 25 октября.

²⁷ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири... С. 64.

²⁸ Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 115.

²⁹ Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания: воспоминания генерал-лейтенанта Сиб. казачьего войска / отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск, 2005. С. 213.

³⁰ Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания... С. 213.

следует рассматривать как одно из свидетельств борьбы за престиж в рамках символического пространства, происходившей между союзниками. В этой же связи примечателен эпизод, описанный Дж. Уордом и связанный с активными попытками французских представителей не допустить преобладания британских военнослужащих в составе охраны, сопровождавшей адмирала А.В. Колчака на фронт⁵¹.

Мотив единения антибольшевистских сил и союзных наций являлся ключевым в ходе реализации официальных торжеств. Будучи их неотъемлемой частью, банкеты как способ осуществления дружеского общения представителей различных стран становились своеобразным ритуалом застольного братания, с помощью которого «возрожденная русская армия» дистанцировалась от братаний старой армии с немцами в 1917 г. Временное Всероссийское правительство и Российское правительство А.В. Колчака, осуществляя свои сценарии власти, стремились к воплощению нарратива «о возрождении России». В рамках этих сценариев банкеты наряду с другими элементами церемоний и торжеств использовались для формирования позитивных образов сильной власти и союзников, которым отводилась роль помощников и учителей, на опыт которых необходимо ориентироваться.

Вместе с тем, банкеты с участием иностранцев становились иногда местом раздора и внесения непонимания в процесс коммуникации между русскими и союзниками. Это, несомненно, влияло на особенности взаимного восприятия белых и представителей Антанты и США. Несмотря на стремление правительственной и либеральной печати представить союзников в позитивном свете, даже отдельные скандальные эпизоды с их участием, а также появление соответствующих публикаций, в которых действия иностранцев характеризовались как отрицательные, могли внести коррективы в позитивный образ, созданный прессой. Таким образом, можно говорить о том, что образ союзников на всех этапах его формирования характеризовался амбивалентностью.

⁵¹ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири... С. 110.

Т.И. Морозова

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

**Социокультурные и политические характеристики
членов Сибирского областного бюро РКП(б) – Сибирского
бюро ЦК РКП(б) (3 декабря 1919 – 11 мая 1924 г.)***

Статья посвящена динамике социокультурных и политических характеристик партийной элиты Сибири с декабря 1919 по май 1924 г. На основе архивного материала и с учетом достижений отечественной историографии рассмотрены социальное происхождение, национальная принадлежность, уровень образования, революционные заслуги и партийный стаж членов Сибирского областного бюро РКП(б) – Сибирского бюро ЦК РКП(б). Доказано, что социокультурные характеристики никогда не являлись фактором формирования персонального состава руководящего партийного органа Сибири. Первоначально эту роль играли революционные заслуги и стаж пребывания в РКП(б). После введения номенклатурной системы учета и распределения кадров решающее значение приобрели занятие коммунистом той или иной должности и его успешное продвижение по более низким этапам политической иерархии.

Ключевые слова: партийно-советская элита, социокультурные характеристики, политические характеристики, коммунистическая партия, Сибоблбюро РКП(б), Сиббюро ЦК РКП(б).

Элита как специфическая страта любого общества всегда обладает определенным набором социокультурных и политических характеристик. Социальное происхождение, национальная принадлежность, уровень образования, социальное положение, наличие узкопрофессиональных навыков, политические представления и установки властной элиты обуславливают ее сущность и потенциал. Комплексный анализ перечисленных параметров позволяет установить источники формирования элиты и в большинстве случаев объяснить политическое поведение ее представителей.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00100 мол.а.

В России в результате взятия большевиками в октябре 1917 г. государственной власти сформировался особый правящий класс – партийно-советская элита. Заняв руководящие посты в партийном и государственном аппарате разных уровней, она стала главным актором политического процесса, всецело определявшим развитие как Советской России в целом, так и отдельных ее краев и областей.

Складывание партийно-советской элиты Сибири началось с создания здесь в 1919 г. двух областных органов: Сибирского революционного комитета и Сибирского областного бюро РКП(б), преобразованного позднее в Сибирское бюро ЦК РКП(б). Первый руководил советским строительством, второй обеспечивал проведение в жизнь политики коммунистической партии. Почти на всем протяжении первой половины 1920-х годов члены именно этих органов составляли политическую элиту Сибири. Принимая, однако, во внимание доминирующие позиции РКП(б) в советской политической системе, целесообразно начать изучение обозначенной темы с анализа персонального состава Сибоблбюро – Сиббюро ЦК, функционировавшего вплоть до начала мая 1924 г.

Основной массив научных публикаций, посвященных этой партийной структуре, пришелся на 1960-е – 1980-е годы. Советские историки выяснили обстоятельства создания Сибирского областного бюро и повышения его статуса до Сиббюро ЦК РКП(б), обозначили основные направления и результаты его деятельности, констатировали успешное выполнение стоявших перед ним задач¹. Вместе

¹ Казаков А.Я. О времени создания и месте деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) // Вопросы истории КПСС. 1960. № 1. С. 126–133; Спицин Л.М. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в годы гражданской войны // Вопросы истории КПСС. 1961. № 2. С. 97–112; Желвакова А.А. О деятельности Сибирского бюро ЦК РКП(б) в период гражданской войны и иностранной военной интервенции // Труды Омского ветеринарного института. Омск, 1962. Т. XX. С. 3–28; Шиндин А.М. Периодизация истории Сибирского бюро ЦК РКП(б) и особенности его деятельности в отдельные периоды (декабрь 1918 – апрель 1920 гг.) // Из истории Западной Сибири. Новосибирск, 1971. Вып. 64. С. 162–200; Лаврентьев Н.Л. Руководство Сиббюро ЦК РКП(б) строительством партийных органов в Сибири (1920 г.) // Партийное строительство в Сибири. Новосибирск, 1984. С. 16–29; Папков С.А. Сиббюро ЦК РКП(б) – руководитель восстановления промышленности и транспорта Сибири. 1920–1924 гг.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1986. 16 с.; и др.

с тем большинство советских исследователей обошло стороной проблемы компетенции, организационной структуры и кадрового состава Сиббюро. Исключение составляет лишь статья В.П. Мельникова, в которой в первом приближении был рассмотрен круг полномочий этого органа и приведены самые общие сведения о его составе². Но даже в этой публикации пофамильно названы только 11 коммунистов, в разное время являвшихся членами Сиббюро ЦК. Более ценная информация для анализа социокультурных и политических характеристик партийно-советской элиты Сибири содержится в исследованиях, посвященных отдельным ее представителям: С.В. Косиору³, М.М. Лашевичу⁴, И.Н. Смирнову⁵, В.И. Хотимскому⁶, А.А. Ширямову⁷, Б.З. Шумяцкому⁸, Е.М. Ярославскому⁹.

В постсоветской историографии исследовательский интерес к персоналиям, как минимум, сохранился. Анализируя устройство и функционирование аппарата Сиббюро ЦК, В.Н. Гузаров попутно упомянул уже не 11, а 20 членов этого органа¹⁰. Отметим, однако,

² Мельников В.П. Сиббюро ЦК РКП(б) – руководящий орган партийных организаций Сибири в 1919–1924 гг. // Двенадцатая итоговая научная конференция. Новосибирск, 1971. С. 3–24.

³ Мельчин А.И. Станислав Косиор. М., 1964. 79 с.; Гуро И., Андреев А. Горизонты: Повесть о Станиславе Косиоре. М., 1977. 407 с.; 100 лет со дня рождения С.В. Косиора – соратника В.И. Ленина, бывшего секретаря Сибирского [бюро] ЦК РКП(б) // Партийный вестник. Новосибирск, 1989. № 23. С. 22–26.

⁴ Демидов В.В. Председатель Сибревкома: М.М. Лашевич в Сибири // Партийный вестник. Новосибирск, 1989. № 11. С. 25–32.

⁵ Шишкин В.И. «Вполне достоин быть членом РКП» // Советская Сибирь (Новосибирск). 1989. 4 июля; Он же. «Сибирский Ленин» // ЭКО. Общественно-политический и научно-теоретический журнал. Новосибирск, 1989. № 10 (182). С. 119–130; Он же. Председатель сибирского Совнаркома // Сибирские огни. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. Новосибирск, 1990. № 2. С. 122–134.

⁶ Кобзов В.С. В.И. Хотимский: страницы политической биографии // Вестник Челябинского университета. Серия: История. 1991. № 1. С. 58–64.

⁷ Варгин Н.Ф. Александр Ширямов // Люди большевистского подполья Урала и Сибири (1918–1919). М., 1988. С. 138–157.

⁸ Багаев Б.Ф. Борис Шумяцкий. Очерк жизни и деятельности. Красноярск, 1974. 205 с.

⁹ Азалаков В.Т. Емельян Ярославский в Сибири. Иркутск, 1964. 163 с.; Фатеев П.С. Емельян Михайлович Ярославский. М., 1980. 112 с.

¹⁰ Гузаров В.Н. Партийный аппарат Российской коммунистической партии большевиков. 1917–1925 гг. Томск, 2007. С. 174–226.

что трое из них – С.И. Канатчиков, Б.И. Монастырский и Н.Ф. Преображенский – были названы В.Н. Гузаровым ошибочно: на самом деле членами Сиббюро ЦК они никогда не являлись.

Полный список членов Сиббюро ЦК был введен в научный оборот в 2009 году¹¹. Изучив протоколы заседаний и другую делопроизводственную документацию этого партийного органа, В.И. Шишкин не только установил фамилии, имена и отчества всех 27 членов Сиббюро ЦК, но и с точностью до дней указал даты их членства. Ряду членов областного партийного органа посвящены биографические справки, содержащие, как правило, сведения об образовании, партийном стаже, профессиональной и политической деятельности¹².

В результате советскими и российскими историками в научный оборот была введена исходная информация, позволяющая составить представление о численности и персональном составе партийной элиты Сибири с конца 1919 по начало 1924 г. Однако комплексный анализ ее качественного состава, заключающийся в выявлении социокультурных и политических характеристик, до сих пор не осуществлялся. Первая такая попытка предпринята в настоя-

¹¹ Шишкин В.И. Персональный состав высших советских органов власти и управления в Сибири (1919–1930): Сибирское бюро ЦК РКП(б) // Историческая энциклопедия Сибири / глав. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 685–686.

¹² Шишкин В.И. Шумяцкий Борис Захарович // Большая Тюменская энциклопедия / глав. ред. Г.Ф. Шафранов-Куцев. Тюмень, 2004. Т. 3. С. 424; Он же. Косарев Михаил (Владимир) Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 156; Он же. Лашевич (Гаскович) Михаил Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 266; Он же. Смирнов Иван Никитич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 120–121; Он же. Спундз Александр Петрович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 169–170; Он же. Хотимский Валентин Иванович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 450; Он же. Чуцкаев Сергей Егорович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 516–517; Он же. Ширямов Александр Александрович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 533–534; Он же. Шумяцкий Борис Захарович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 551; Он же. Яковлева Варвара Николаевна // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 598; Ноздрин Г.А., Посадков А.Л. Ярославский Емельян Михайлович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 626; Папков С.А. Косиор Станислав Викентьевич // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 157; Тепляков А.Г. Павлуновский Иван Петрович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 571.

шей статье. Источниковую базу исследования составили отложившиеся в центральных и местных архивохранилищах протоколы заседаний Сиббюро, Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б), автобиографии, анкеты, личные листки по учету кадров, характеристики, а также другие делопроизводственные документы, содержащие биографическую информацию о членах Сибирского бюро ЦК¹⁵.

* * *

Встречающееся в источниках упоминание о создании органа под названием «Сибирское бюро ЦК РКП(б)» относится еще к 17 декабря 1918 г. Данное обстоятельство явилось причиной регулярно допускаемых исследователями неточностей и ошибок. Наиболее ярко это проявилось в издании сборника документов «Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.»¹⁴, который на самом деле содержит сведения не об одном, а о двух органах, существовавших в разное время и обладавших разными функциями. Первый осуществлял руководство большевистским подпольем с конца 1918 по осень 1919 г. и дислоцировался исключительно на Урале: в Уфе, Вятке и Челябинске. Поэтому в некоторых опубликованных и архивных документах, а также в научных публикациях его именуют Урало-Сибирским бюро ЦК РКП(б), что, безусловно, в большей степени соответствует действительности.

Второй орган – Сибирское областное бюро РКП(б) – был создан в конце 1919 г. независимо от первого и обладал полномочиями руководящего партийного центра Сибири. Решение о его создании было принято 6 ноября в Челябинске группой руководящих партийно-советских работников Сибири. Перед областным бюро были поставлены задачи создания губернских организаций РКП(б) там, где их еще не было, учета и распределения партийных кадров, учреждения областного издательства и партийной школы, руководства Советами, профсоюзами и кооперацией. В состав Сибоблбюро

¹⁵ За практическую помощь в формировании источниковой базы автор настоящей статьи выражает искреннюю благодарность главному научному сотруднику Института истории СО РАН, д-ру ист. наук, проф. В.И. Шишкину и аспирантке ИИ СО РАН Ю.А. Сафроновой.

¹⁴ Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.: сборник документов. Новосибирск, 1978. 351 с.

были избраны председатель Сибирского революционного комитета и член Реввоенсовета 5-й армии И.Н. Смирнов, член Сибревкома В.М. Косарев, председатель Челябинского губернского областного бюро РКП(б) А.П. Спундэ, военком 5-й стрелковой дивизии 5-й армии И.Н. Стуков, заместитель председателя Челябинского губернского областного бюро В.И. Хотимский. Еще двух человек предполагалось выбрать из числа членов Западно-Сибирского областного исполкома Советов, после чего планировалось направить в ЦК РКП(б) письмо с просьбой санкционировать существование Сибоблбюро и утвердить его персональный состав¹⁵.

Первое заседание Сибоблбюро РКП(б) состоялось 3 декабря 1919 г. уже после его переезда в Омск. Из числа избранных 6 ноября товарищей на заседании присутствовали только трое: В.М. Косарев, И.Н. Смирнов и А.П. Спундэ. Наряду с ними в работе заседания приняли участие бывший секретарь Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б) Д.К. Гончарова, член коллегии Народного комиссариата государственного контроля РСФСР А.К. Пайкес, заместитель наркома продовольствия по Сибири и член Сибревкома М.И. Фрумкин¹⁶.

С докладом по организационному вопросу выступил И.Н. Смирнов, который сообщил, что «сведения о вновь избранном областном бюро, по-видимому, еще не дошли до ЦК». Это предположение основывалось на имевшихся у него сведениях о том, что Центральный комитет учредил так называемую Сибирскую комиссию ЦК в составе В.М. Косарева, И.Н. Смирнова и М.И. Фрумкина. Считая параллельное существование двух аналогичных органов нецелесообразным, И.Н. Смирнов выступил с инициативой «ввести в состав областного бюро тов. Фрумкина и вторично предложить ЦК утвердить его», ликвидировав при этом Сибирскую комиссию¹⁷.

По итогам обсуждения Сибоблбюро приняло решение продолжить функционирование в составе В.М. Косарева, И.Н. Смирнова, А.П. Спундэ, М.И. Фрумкина и В.И. Хотимского¹⁸. Отсутствие в этом ряду И.Н. Стукова, месяцем ранее избранного в состав Сибоблбюро

¹⁵ Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.: сборник документов... С. 241.

¹⁶ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

руководящими работниками Сибири, по всей видимости, имело объективные причины: сочетать службу в 5-й армии, продвигавшейся на восток, с занятием ответственной партийной должности в Омске едва ли было возможно. Поэтому он не явился на заседание 3 декабря и никакого участия в работе областного бюро не принимал.

Таким образом, Сибирское областное бюро РКП(б) было сформировано 3 декабря 1919 г. из пяти человек. Несмотря на малочисленность, состав руководящего партийного органа оказался неоднородным сразу по нескольким параметрам.

По социальному происхождению единственным выходцем из крестьянской семьи был И.Н. Смирнов, хотя самому заниматься крестьянским трудом ему не пришлось. Иван Никитич родился в 1881 г. в Рязанской губернии, но уже с восьмилетнего возраста вместе с матерью жил в Москве. В 1895 г. он окончил там четырехклассное городское училище, после чего поступил работать на железную дорогу, а затем на фабрику¹⁹.

Из рабочей семьи происходил ровесник И.Н. Смирнова – В.М. Косарев: его отец трудился маляром, мать – ткачихой. Будучи старшим из 12 детей, в живых из которых остались только четверо, В.М. Косарев почти все детство был вынужден помогать родителям и потому не получил даже низшего образования. По собственным воспоминаниям Владимира Михайловича, учился в школе он всего «около двух лет с перерывами»²⁰.

Еще одним выходцем из рабочей среды был А.П. Спундэ. Александр Петрович родился в 1892 г. в латышском городе Цесис в семье столяра. Однако, в отличие от В.М. Косарева, А.П. Спундэ окончил в 1907 г. городскую торговую школу в Риге, а также прослушал частные вечерние общеобразовательные курсы²¹, что позволяло ему вполне справедливо оценивать свое образование как среднее²².

М.И. Фрумкин и В.И. Хотимский были, напротив, непролетарского происхождения: Моисей Ильич родился в 1878 г. в г. Гомеле

¹⁹ Шишкин В.И. Председатель сибирского Совнаркома... С. 122.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-539. Оп. 4. Д. 6876. Л. 14.

²¹ Шишкин В.И. Спундэ Александр Петрович... С. 169.

²² ГА РФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 1914. Л. 9.

Могилевской губернии в семье торговца, Валентин Иванович – в 1892 г. в г. Глухове Черниговской губернии в семье учителя. Социальный статус родителей обусловил относительно благоприятные условия для получения образования. М.И. Фрумкин, например, долгое время оставаясь на иждивении родителей, успел получить среднее образование²³. В.И. Хотимский с отличием окончил Александровское коммерческое училище и даже поступил в 1913 г. на экономическое отделение математического факультета Санкт-Петербургского политехнического института, откуда, правда, был исключен в 1914 г. за революционную деятельность²⁴.

Не менее разнообразным первый состав Сибоблбюро РКП(б) оказался по национальному признаку. Так, В.М. Косарев и И.Н. Смирнов были русскими, М.И. Фрумкин и В.И. Хотимский – евреями, А.П. Спундэ – латышом.

Отличия по социальному происхождению, национальности и уровню образования свидетельствуют о том, что, по крайней мере, на начальном этапе существования Сибоблбюро наличие тех или иных социокультурных характеристик не являлось сколько-нибудь существенным условием для включения в его состав.

Объединяло членов Сибоблбюро другое: членство в коммунистической партии и активное участие в революционной работе. Причем если первое являлось очевидным и непререкаемым условием для избрания в состав любого партийного органа, то второе вполне можно рассматривать как характерную особенность Сибирского областного бюро. Все пятеро его членов были опытными революционерами и неоднократно подвергались репрессиям за свою политическую деятельность. Так, член партии с 1898 г., И.Н. Смирнов семь раз был арестован, в общей сложности шесть лет провел в тюрьме и четыре года в ссылке, в том числе восемь месяцев – в Иркутской губернии и полтора года – в Нарымском крае²⁵. Пять с половиной лет находился в Нарымской ссылке член партии с 1898 г. В.М. Косарев. В Енисейской

²³ ГА РФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 2142. Л. 1.

²⁴ Шишкин В.И. Хотимский Валентин Иванович... С. 450.

²⁵ Шишкин В.И. Председатель сибирского Совнаркома... С. 123; Он же. Смирнов Иван Никитич... С. 121.

губернии отбывали наказание М.И. Фрумкин и А.П. Спундэ – большевики с 1898 г. и 1909 г. соответственно.

Самым «молодым» коммунистом из членов Сибоблбюро был В.И. Хотимский, вступивший в РКП(б) только в октябре 1918 г. Однако это не помешало ему принять деятельное участие в революционной борьбе. Член партии социалистов-революционеров с 1913 г., В.И. Хотимский вел пропаганду на московских заводах и участвовал в нелегальных собраниях, за что в 1914 г. был исключен из университета и арестован. Добившись освобождения под залог, он был вынужден покинуть Москву и обосноваться в Екатеринбурге, где после Октябрьской революции стал одним из лидеров левых эсеров²⁶.

Введение бывшего эсера в состав руководящего партийного органа областного уровня выглядит удивительным только на первый взгляд. Вступление социалистов разных течений в РКП(б) в годы гражданской войны было явлением не редким. А поскольку среди них, по справедливому утверждению В.И. Шишкина, «было много грамотных людей, обладавших специальными знаниями и большим опытом организаторской работы», то именно они в конце 1919 – начале 1920 г. стали кадровым резервом большевиков. В условиях недостатка квалифицированных кадров выходцы из социалистических партий «быстро заняли руководящие посты на городском, уездном, губернском и даже на областном уровнях»²⁷. Одним из таких людей, стремительно поднявшихся по партийной лестнице, и стал В.И. Хотимский.

Сформированный таким образом состав Сибоблбюро в дальнейшем неоднократно и довольно часто менялся. Причем кадровые изменения последовали всего через несколько дней после первого заседания. Так, уже 6 декабря 1919 г. Сибоблбюро приняло решение об откомандировании А.П. Спундэ в Красноярск на должность председателя Енисейского губревкома²⁸. Несмотря на то, что официального решения об освобождении А.П. Спундэ от обязанностей члена

²⁶ Кобзов В.С. В.И. Хотимский: страницы политической биографии... С. 59.

²⁷ Шишкин В.И. «Левый дрейф» социалистов Сибири накануне и после разгрома Колчака (конец 1919 – начало 1920 г.) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Новосибирск, 2018. Т. 17. № 8. С. 99.

²⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

Сибоблбюро принято не было, после 11 декабря, когда Александр Петрович в последний раз присутствовал на заседании этого органа, реального участия в его работе он больше не принимал.

В тот же день, 11 декабря 1919 г., Сибоблбюро назначило своим техническим секретарем Д.К. Гончарову, ранее уже занимавшую аналогичную должность в Урало-Сибирском бюро ЦК РКП(б)²⁹. Дора Климентьевна Гончарова (урожденная Гуревич) родилась в 1885 г. в Витебской губернии. Она была еврейкой и происходила из мещан³⁰. В 1904 г. Д.К. Гончарова вступила в большевистскую партию, из-за чего несколько раз подвергалась арестам и почти год провела в Саратовской тюрьме³¹.

В условиях гражданской войны система взаимодействия областного партийного органа с ЦК еще только складывалась, а порядок назначения на партийные должности строго не регламентировался. Поэтому, несмотря на то, что по решению Сибоблбюро в качестве его секретаря Д.К. Гончарова начала работать уже с декабря 1919 г., в члены областного бюро Центральный комитет официально ввел ее только 8 апреля 1920 г.

В этот день в Москве состоялось заседание пленума ЦК РКП(б), который преобразовал Сибирское областное бюро в Сибирское бюро ЦК. Предложение по его персональному составу было внесено И.Н. Смирновым, который на завершившемся тремя днями ранее IX Всероссийском партийном съезде был избран членом ЦК РКП(б). Приняв представленный на обсуждение список, пленум ЦК сформировал Сиббюро ЦК из шести человек. Наряду с И.Н. Смирновым (председатель), Д.К. Гончаровой, В.М. Косаревым и В.И. Хотимским, уже являвшимися представителями партийной элиты Сибири, в члены Сиббюро были введены также специально для этого освобожденная от работы в Наркомпроде РСФСР В.Н. Яковлева и отозванный с поста председателя Пермского губкома РКП(б) кандидат в члены ЦК Е.М. Ярославский³².

²⁹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. Л. 6 об.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-7511. Оп. 3. Д. 81. Л. 29.

³¹ Там же. Л. 30.

³² Сибирское бюро ЦК РКП(б). 1918–1920 гг.: сборник документов... С. 280.

По своим социокультурным и политическим характеристикам новые члены Сиббюро не слишком отличались от своих более опытных коллег. В.Н. Яковлева, например, была ровесницей Д.К. Гончаровой и тоже происходила из мещан, только русских. Как и большинство других членов Сиббюро, Варвара Николаевна являлась профессиональной революционеркой. Вступив в РСДРП(б) в 1904 г., она активно занималась распространением нелегальной литературы, вела пропагандистскую и организационную партийную работу. В 1906–1907 гг. несколько раз была арестована, что, однако, не помешало ей в 1907 г. окончить физико-математический факультет Высших женских курсов. В 1910–1916 гг. трижды подвергалась ссылке, в том числе два раза – в Нарымский край. С 1917 г. постоянно находилась на руководящих партийных и/или советских должностях³³. Тем самым, ко времени назначения членом Сиббюро ЦК В.Н. Яковлева имела и опыт руководящей работы, и некоторое представление о Сибири, сформированное, также как у В.М. Косарева и И.Н. Смирнова, во время пребывания в ссылке.

Больше всех провел времени в Сибири Е.М. Ярославский. Емельян Михайлович (Миней Израилевич Губельман) родился в 1878 г. в Чите в семье ссыльного учителя и местной крестьянки. Будучи евреем по национальности, Е.М. Ярославский окончил низшее городское трехклассное училище и выдержал экзамен за четыре класса гимназии. Здесь же, в Сибири, началась его революционная деятельность: уже в 1898 г. он руководил рабочим кружком в Чите, в 1902 г. – социал-демократической группой, в 1902–1903 гг. – Читинским комитетом РСДРП³⁴.

Таким образом, из шести человек, назначенных 8 апреля 1920 г. членами Сиббюро ЦК, пятеро (все, кроме В.И. Хотимского) были не только профессиональными революционерами, но и старыми большевиками. Четверо из них прежде так или иначе бывали в Сибири и имели представление о ее специфике.

Примерно с середины 1920 г. постепенно стал вырабатываться более-менее определенный механизм назначения членов Сиббюро

³³ Шишкин В.И. Яковлева Варвара Николаевна... С. 598.

³⁴ Ноздрин Г.А., Посадков А.Л. Ярославский Емельян Михайлович... С. 626.

ЦК. Инициаторами кадровых изменений областного уровня было либо само Сибирское бюро, либо Оргбюро ЦК. Тогда как право назначения и окончательного утверждения той или иной кандидатуры всегда оставалось за Оргбюро.

Причем назначения стали осуществляться, как правило, в индивидуальном порядке. Так, 24 сентября 1920 г. в члены Сиббюро ЦК был введен начальник политуправления Сибири, член РСДРП(б) с 1904 г. Н.К. Гончаров, 24 января 1921 г. – комиссар полевого штаба Реввоенсовета Республики, член РСДРП с 1900 г. К.-Ю.Х. Данишевский, 1 февраля 1921 г. – ответственный секретарь Сиббюро ВЦСПС, коммунист с 1906 г. В.В. Косиор, 22 февраля 1921 г. – заместитель председателя Сибревкома, член РСДРП(б) с 1903 г. С.Е. Чуцкаев.

Исключением стало постановление Сиббюро ЦК от 25 февраля 1921 г., согласно которому третьей Сибирской партконференции предлагалось утвердить Сиббюро ЦК в составе девяти членов и двух кандидатов. На роль членов были предложены кандидатуры уже состоявших в Сиббюро И.Н. Смирнова, К.-Ю.Х. Данишевского, В.М. Косарева, В.В. Косиора, С.Е. Чуцкаева, В.Н. Яковлевой, Е.М. Ярославского и еще двух коммунистов, ранее не входивших партийную элиту Сибири: ответственного секретаря Омского губкома РКП(б) А.А. Ширямова и председателя Енисейского губисполкома Советов Б.З. Шумяцкого.

Расширение прежнего состава Сиббюро за счет именно этих людей выглядело вполне закономерным: оба были коренными сибиряками и профессиональными революционерами. Александр Александрович Ширямов родился в 1883 г. в Иркутске в семье русского приказчика, в 1900 г. вступил в РСДРП, дважды подвергался арестам, принимал участие в Первой русской революции, революциях 1917 г. и гражданской войне на территории Забайкалья и Приморья³⁵. Борис Захарович Шумяцкий был на три года младше. Он родился в Верхнеудинске в семье ремесленника-еврея, в большевистской партии состоял с 1903 г., был одним из руководителей вооруженных восстаний в Красноярске и Владивостоке в 1905–1907 гг., в 1911–1913 гг. находился в эмиграции, затем вернулся в Россию,

³⁵ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 5. Д. 2988. Л. 9.

был арестован, после Февральской революции 1917 г. являлся одним из лидеров Красноярских большевиков³⁶.

Кандидатами в члены Сиббюро ЦК на заседании 25 февраля 1921 г. было предложено утвердить ответственного секретаря Алтайского губкома Т.Д. Дмитриева и секретаря Анжеро-Судженского райкома Е.Ф. Глущенко³⁷. Хотя удостоверяющих это источников пока не обнаружено, не оставляет сомнений, что принятый перечень членов и кандидатов в члены областного бюро предварительно был согласован с ЦК.

Постановление Сиббюро от 25 февраля 1921 г. примечательно, как минимум, по двум причинам. Во-первых, после 3 декабря 1919 г. и 8 апреля 1920 г. это был третий случай, когда решение принималось не об одном или двух членах областного бюро, а по всему его составу в целом. Во-вторых, утверждение членов Сиббюро, на самом деле назначавшихся Центральным комитетом, никогда не входило в компетенцию Сибпартконференции. Вынесение этого вопроса на обсуждение областного партийного форума имело больше декоративный, чем практический характер: партийная элита Сибири создавала таким образом иллюзию внутривнутрипартийной демократии, подкрепляя тем самым легитимность своего назначения.

Важной составляющей этой инсценировки стала процедура утверждения. 26 февраля 1921 г. на заключительном заседании третьей Сибпартконференции на голосование было поставлено два списка членов и кандидатов в члены Сиббюро. Первый, якобы предложенный Алтайской и Томской делегациями, почти полностью совпадал с перечнем кандидатур, рекомендованных накануне самим Сибирским бюро. Единственным отличием было отсутствие в нем Е.Ф. Глущенко, делегированного вместо этого на X съезд РКП(б). Второй, альтернативный, список был выставлен якобы от Иркутской делегации, но, как и планировалось заранее, набрал меньшее число голосов. В результате с 26 февраля 1921 г. Сиббюро ЦК функционировало в составе десяти человек: председатель – И.Н. Смирнов, члены – К.-Ю.Х. Данишевский, В.М. Косарев, В.В. Ко-

³⁶ Шишкин В.И. Шумяцкий Борис Захарович... С. 551.

³⁷ ГАО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 18. Л. 20 а.

сиор, С.Е. Чудкаев, А.А. Ширямов, Б.З. Шумяцкий, В.Н. Яковлева и Е.М. Ярославский, кандидат в члены – Т.Д. Дмитриев³⁸.

Три недели спустя, 17 марта 1921 г., Оргбюро ЦК утвердило всех перечисленных, за исключением К.-Ю.Х. Данишевского, В.Н. Яковлевой и Е.М. Ярославского, отозванных в распоряжение ЦК³⁹. Это был четвертый и последний случай, когда состав областного бюро утверждался списком.

22 марта 1921 г. Сиббюро ЦК на закрытом заседании констатировало, что, отзывав из Сибири К.-Ю.Х. Данишевского, В.Н. Яковлеву и Е.М. Ярославского и «не дав взамен их равноценных работников», Центральный комитет «ослабил Сиббюро»⁴⁰. Не успев добиться от ЦК адекватной замены выбывшим, уже 27 марта того же года Сиббюро ЦК было вынуждено обсуждать вопрос об отзыве из Сибири еще одного своего члена – В.В. Косиора⁴¹. Следующая кадровая потеря постигла областное партийное руководство в начале мая 1921 г., когда решением ЦК РКП(б) от членства в Сиббюро был освобожден В.М. Косарев, по всей видимости, по его собственной просьбе⁴².

Частые отзывы из Сибири руководящих партийных работников областного уровня отнюдь не являлись признаком недоверия к ним. Скорее наоборот. Профессиональные революционеры и старые большевики, имевшие опыт партийной работы в таком непростом регионе, как Сибирь, в начале 1920-х годов были весьма востребованы. Зарекомендовав себя последовательными проводниками политики партии, некоторые из них заняли довольно высокие партийные и советские должности в европейской части РСФСР.

Н.К. Гончаров, например, откомандированный в Москву в конце февраля 1921 г., сначала был назначен там председателем Рогожско-Симоновского райисполкома Советов, а менее чем через год получил должность ответственного инструктора ЦК РКП(б)⁴³. В.Н. Яковлева в начале 1921 г. возглавляла Московский губком

³⁸ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 11. Л. 46.

³⁹ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 141. Л. 52.

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 22. Л. 23.

⁴¹ Там же. Л. 26.

⁴² ГАНО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 18. Л. 61–65.

⁴³ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 5. Д. 1422. Л. 49 об.

партии. Е.М. Ярославский с марта по август 1921 г. являлся секретарем ЦК и членом Оргбюро ЦК. Сразу четыре важных поста в Петрограде занял И.Н. Смирнов, отозванный из Сибири в конце августа 1921 г.: с ноября 1921 по февраль 1922 г. он являлся ответственным секретарем Петроградского губкома партии, секретарем Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), заместителем председателя Петроградского губисполкома Советов и заместителем председателя Совета народных комиссаров Северо-Западной области⁴⁴.

В то же время знание истории большевистской партии, вера в революционные идеалы и непосредственное участие в формировании партийного аппарата на местах в годы гражданской войны не позволили ряду бывших членов Сиббюро ЦК остаться равнодушными к процессам и тенденциям, которые отчетливо проявились в РКП(б) во время перехода к новой экономической политике. В октябре 1923 г. К.-Ю.Х. Данишевский, В.В. Косиор, И.Н. Смирнов и В.Н. Яковлева, будучи уже давно отозванными из Сибири, подписали так называемое «Письмо 46-ти» – заявление представителей левой оппозиции в Политбюро ЦК с критикой сложившегося внутрипартийного режима, что характеризует их как людей принципиальных и смелых.

По мере отзыва из Сибири одних руководящих работников ЦК РКП(б) командировал других. Так, в мае 1921 г. членом Сиббюро ЦК был назначен председатель Тульского губисполкома Советов, член РСДРП с 1903 г. И.И. Ходоровский, в июле 1921 г. – заместитель председателя ВСНХ РСФСР, также исчислявший свой партийный стаж с 1903 г. – Г.И. Ломов-Оппоков, в ноябре 1922 г. – ответственный секретарь Омского губкома РКП(б), член РСДРП(б) с 1915 г. А.И. Криницкий, в ноябре 1923 г. – заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б), член РСДРП(б) с 1905 г. В.Н. Лобова. Все перечисленные коммунисты проработали в составе областного бюро от двух до 18 месяцев, после чего, так же как и их предшественники, были переброшены на другие направления «партийного фронта».

⁴⁴ Шишкин В.И. Смирнов Иван Никитич... С. 120–121.

Наряду с ними с октября 1921 по март 1924 г. членами Сиббюро ЦК были назначены еще восемь человек, сохранявшие свой статус вплоть до ликвидации самого органа в мае 1924 г. Это были (в порядке назначения) заместитель председателя Сибревкома А.П. Брыков, председатель Сибревкома М.М. Лашевич, председатель Сиббюро ВЦСПС Ю.П. Фигатнер, полномочный представитель ВЧК по Сибири И.П. Павлуновский, бывший секретарь ЦК КП(б) Украины С.В. Косиор, ответственный секретарь Новониколаевского губкома П.С. Заславский, заведующий организационным отделом Сиббюро Н.В. Рогозинский и заведующий агитпропотделом Сиббюро Б.Д. Пинсон.

По социальному происхождению, так же как и в декабре 1919 г., состав Сиббюро оказался довольно пестрым. А.П. Брыков и И.П. Павлуновский происходили из крестьян, С.В. Косиор и Б.Д. Пинсон – из рабочих, П.С. Заславский – из интеллигенции, М.М. Лашевич – из купеческой семьи, Ю.П. Фигатнер был сыном ремесленника, а Н.В. Рогозинский – сыном офицера.

По национальной принадлежности А.П. Брыков, И.П. Павлуновский, Н.В. Рогозинский являлись русскими, старший брат В.В. Косиора – С.В. Косиор был единственным поляком, остальные четверо – евреями.

Заметно отличались друг от друга члены Сиббюро по уровню образования. Так, Ю.П. Фигатнер, П.С. Заславский и Б.Д. Пинсон считали себя «самоучками». А.П. Брыков и С.В. Косиор имели низшее образование, М.М. Лашевич – неполное среднее, И.П. Павлуновский – неполное высшее и только Н.В. Рогозинский – высшее.

Все это свидетельствует о том, что за четыре с половиной года функционирования Сиббюро ЦК ни социальное происхождение, ни национальный признак, ни уровень образования так и не стали значимыми факторами при формировании его состава.

Вместе с тем нужно констатировать, что к 1923–1924 гг. несколько снизилась в этом отношении роль партийного стажа. Самым «старым» большевиком среди членов Сиббюро в это время являлся М.М. Лашевич. Михаил Михайлович вступил в РСДРП в 1901 г. в возрасте 17 лет, вел нелегальную революционную работу,

неоднократно подвергался арестам, несколько раз отбывал ссылку, в том числе в Нарымском крае, активно участвовал в революционных событиях 1917 г. в Петрограде. С 1903 г. вел свой партийный стаж Ю.П. Фигатнер, с 1905 г. – П.С. Заславский и И.П. Павлуновский, с 1907 г. – С.В. Косиор и Б.Д. Пинсон. А.П. Брыков, являвшийся членом РСДРП с Первой русской революции, большевиком стал только в апреле 1917 г. Тогда же вступил в РСДРП(б) и Н.В. Рогозинский. Таким образом, в последнем составе Сиббюро ЦК не было ни одного политического деятеля, который по опыту внутрипартийной работы и революционным заслугам мог бы сравниться с И.Н. Смирновым или с выпускником ленинской партийной школы В.М. Косаревым.

В условиях зарождения номенклатурной системы подбора и распределения кадров, внедрение которой началось примерно с весны 1923 г., на первый план все больше выходили не индивидуальные качества партийно-советских работников, а то, какие должности они занимали. Необходимость обеспечить максимально оперативное и надежное руководство протекавшими в Сибири политическими, экономическими и идеологическими процессами обусловила введение в состав областного бюро руководителей Сибревкома, Сиббюро ВЦСПС, полномочного представительства ВЧК по Сибири. Само собой разумеющимся было членство в Сиббюро ведущих двумя основными его отделами: организационным и агитационно-пропагандистским. Что же касается назначения П.С. Заславского, то оно также выглядело вполне закономерным, поскольку еще в июне 1921 г. Сиббюро ЦК переехало из Омска в Новониколаевск и с тех пор чаще всего взаимодействовало с руководством именно этого губкома.

Сиббюро ЦК официально прекратило свое существование 11 мая 1924 г., когда вместо него на заключительном заседании первой Сибирской краевой партийной конференции был избран Сибирский краевой комитет РКП(б). Однако это вовсе не означало отказа от сложившегося к весне 1924 г. принципа формирования партийной элиты Сибири. За исключением отозванного в Москву А.П. Брыкова, все члены Сиббюро ЦК не только были избраны в

состав Сибкрайкома РКП(б), но и составили его бюро – постоянно действующий орган, нацеленный на решение текущих вопросов партийного руководства.

* * *

За все время существования Сибирского областного бюро РКП(б) – Сибирского бюро ЦК РКП(б) его членами и кандидатами в члены формально числились 28, а реально являлись – 27 человек. Большинство из них были профессиональными революционерами и старыми большевиками, так или иначе уже знавшими Сибирь: чаще всего по ссылке, реже – по месту рождения и жительства. Такой выбор, по всей видимости, был обусловлен объективными трудностями партийного руководства столь большой и отдаленной областью.

Единовременно членами Сибоблбюро – Сиббюро ЦК являлись, как правило, от пяти до десяти человек. Их персональный состав довольно часто менялся за счет отзыва Центральным комитетом одних коммунистов и назначения других. Это обстоятельство закономерно влекло за собой динамику социокультурных и политических характеристик областного бюро. Причем если первые менялись по большому счету бессистемно, то вторые – более-менее последовательно. Всего за четыре с половиной года члены Сибоблбюро – Сиббюро ЦК в партийном отношении заметно «помолодели». На смену профессиональным революционерам, начавшим свою политическую деятельность еще в конце XIX в., стали приходиться коммунисты, вступившие в РСДРП(б) во время Первой русской и даже Февральской революций. Важнейшим условием для вхождения в ряды партийной элиты областного уровня постепенно становились не столько партийный и революционный стаж, сколько успешное продвижение по более низким этажам номенклатурной иерархии.

М.Ю. Шматов

Новосибирский государственный университет

Дискурс военной угрозы в массовых политических кампаниях в Западной Сибири (1936–1938 гг.)

В статье исследуются система идеологических установок и восприятие (дискурс) военной угрозы как инструмент массовых политических кампаний в СССР 1936–1938 гг. По материалам делопроизводственной документации партийных и советских учреждений, а также периодической печати Западной Сибири изучается проблема влияния военных угроз на ход внутривнутриполитических мероприятий в СССР, анализируются формы и цели использования этой тематики функционерами и институтами власти, ее восприятие рядовыми гражданами. При помощи современных междисциплинарных методов предпринимается попытка установить взаимовлияние реальных военных угроз Советскому Союзу во второй половине 1930-х годов и мобилизационно-охранительной политики большевистского руководства. Новизна исследования состоит в анализе места и значения военного дискурса в крупнейших кампаниях, декларативно и реально связанных, в первую очередь, с реализацией конституционного проекта сталинской эпохи в период Большого террора и обострения международной ситуации в Европе и мире.

Ключевые слова: массовые политические кампании, мобилизация, военная угроза, внешняя политика СССР, консолидация, самоидентификация, дискурс, идеолого-пропагандистские акции.

Во второй половине 1930-х годов произошел целый ряд международных событий, вызвавших кризис Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, создавший угрозу мировой войны. Приход нацистов к власти в Германии в 1933 г., рост авторитарных тенденций в странах Восточной Европы и усиление противоречий между крупнейшими державами стали новыми вызовами международной безопасности и осложнили потенциальные переговоры о сохранении мира в Европе¹. Несмотря на продол-

¹ Балашов А.И., Рудаков Г.П. История Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 2005. С. 9–14.

жавшиеся попытки создания системы «коллективной безопасности» в Европе руководство СССР осознавало растущую угрозу масштабного вооруженного конфликта, с которой большевики столкнулись еще во время «военных тревог» 1920-х годов². В качестве своеобразной «репетиции» европейской войны выступала начавшаяся в 1936 г. гражданская война в Испании. В ходе этой войны симпатизировавшие Советскому Союзу и поддерживаемые им республиканские силы противостояли фалангистам, поддержку которым оказывали Германия и Италия.

Первая половина XX века стала временем, когда вооруженные конфликты приобретали характер «войн на истощение», в которых победа зависела от мобилизационного потенциала противоборствующих сторон³. В эпоху массовых войн и регулярных армий призывного типа огромную роль приобрела идеология, ставшая инструментом мобилизации представителей всех социальных групп и поддержания их лояльности руководству ведущих войны государств. Уроки Первой мировой войны продемонстрировали, что дисциплина и политическая преданность на фронте и в тылу – важнейший фактор победы или поражения, поэтому в межвоенный период политическое руководство многих государств, включая СССР, прилагало значительные усилия не только для идеолого-пропагандистской работы в регулярной армии, но и для обеспечения готовности населения – будущих военнослужащих и работников тыла – к войне⁴.

Отличительной чертой идеолого-пропагандистской политики в СССР стало проведение массовых политических кампаний мобилизационного типа. В 1936–1938 гг. в СССР был осуществлен ряд идеолого-пропагандистских мероприятий, связанных с изменениями в законодательстве. Проблемным является вопрос о военных угрозах как инструменте осуществления политических кампаний. Актуальность проблематики обусловлена как наличием в исторической нау-

² Великанова О. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М., 2017. С. 69–71.

³ Хоффман Д. Возращение масс. Модерное государство и советский социализм. 1914–1939. М., 2018. С. 20–23.

⁴ Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. С. 18–30.

ке разных, зачастую противоположных, точек зрения об особенностях внешней политики сталинского СССР, проблемах готовности страны и ее граждан к войне и о месте пропаганды в практиках сталинизма и Большого террора, так и более общей дискуссией о влиянии реальных и мнимых военных угроз на массовое сознание и внутреннюю политику государственного руководства.

В исследовательской литературе детально изучены проблемы советской идеолого-пропагандистской политики и ее трансформаций под действием внешних вызовов. Взаимодействие СССР с ведущими мировыми державами в 1930-е годы исследовалось как в советский, так и в постсоветский период рядом историков и политологов. При этом на проблемном и методологическом уровнях оценки внешнеполитических процессов менялись, в том числе в зависимости от текущей идеологической конъюнктуры: от тезисов «Истории внешней политики СССР 1917–1980 гг.» о планомерной, но не находившей отклика за рубежом борьбе СССР за мир⁵ до современных концепций, отражающих взаимосвязь внешних и внутренних факторов и интересов, влиявших на внешнеполитический курс руководства ВКП(б). Проблеме влияния внешних факторов на внутривнутриполитические акции в СССР посвящены исследования С.А. Красильникова⁶, С.Н. Ушаковой⁷. Трансформации в идеологии сталинизма изучали как зарубежные современники событий 1930-х годов – социологи и философы⁸, так и ряд современных авторов, одним из которых является Д. Бранденбергер, изучающий изменения идеологической политики СССР в 1930-е годы в сторону национально-патриотических установок и частичной «реабилитации» дореволюционного исторического наследия. При этом, на наш взгляд, тематика взаимосвязи фактора военных угроз с идеолого-пропагандистскими практиками изучена в основном на теоретическом уровне: она рассмотрена американским

⁵ История внешней политики СССР 1917–1980 гг. / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. В 2 т. М., 1980. Т. 1: (1917–1945). С. 5–15.

⁶ Красильников С.А. Советские судебные политические процессы в 1920–1930-е гг.: причины, организация, последствия. Новосибирск, 2014. 300 с.

⁷ Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании в практике функционирования сталинского режима: новые подходы и источники. М., 2013. 215 с.

⁸ Timasheff N. The Great Retreat. New York, 1946. 470 p.

исследователем Д. Хоффманом⁹, сформулировавшим концепцию «вращения масс» в государственных мобилизационных целях; историк О. Великанова изучила военно-политический фактор применительно к кампании «военной тревоги» 1927 года как одну из причин «кризиса легитимности» советской власти во второй половине 1920-х годов и форсированных экономических трансформаций рубежа 1920–1930-х годов¹⁰. Новизна данного исследования состоит в анализе идеолого-пропагандистских установок и практик руководства ВКП(б) и советского правительства, обусловленных реальными и мнимыми военными угрозами стране, в рамках политических кампаний, формально посвященных внутренним преобразованиям в СССР.

Объект исследования – дискурс как система идеологических установок военной угрозы в советских массовых политических кампаниях; предмет – место военной тематики в системе кампаний и ее влияние на их ход и результаты.

Цель настоящего исследования – выяснить, как и для чего применялся дискурс военной угрозы в идеолого-пропагандистских акциях в 1936–1938 гг. Поставлены задачи: определить основной формат и характеристики изучаемого дискурса, установить цели и характер его использования и изучить его восприятие группами населения. Территориальные рамки – Западно-Сибирский край (с 28 сентября 1937 г. – Новосибирская область и Алтайский край) – провинциальная территория СССР, имевшая границу с Монголией и Тувинской народной республикой, сложный социально-профессиональный состав и этнические районы. Хронологические рамки исследования – 1936–1938 гг. – период проведения наиболее масштабных массовых политических кампаний в СССР: «всенародного» обсуждения проекта «сталинской» Конституции и подготовки и проведения выборов в Верховные Советы СССР и союзных республик.

В качестве источников использованы информационно-публицистические и делопроизводственные материалы партийных, советских, комсомольских и профсоюзных институтов, находящиеся в фондах Государственного архива Новосибирской области (далее –

⁹ Хоффман Д. Вращивание масс... С. 5–11.

¹⁰ Великанова О. Разочарованные мечтатели... С. 60–71.

ГАНУ), а также содержащиеся в советской и зарубежной периодической печати, в художественных и популярных изданиях 1930-х годов.

Ключевыми политическими кампаниями исследуемого периода были формальное изучение и «всенародное обсуждение» проекта «сталинской» Конституции (1936 г.) и последовавшая за ее принятием подготовка к выборам в Верховный Совет СССР и Верховный Совет РСФСР (лето 1937 – лето 1938 г.) по новому избирательному законодательству. Инициированные высшим партийно-государственным руководством – Политбюро ЦК ВКП(б) и ЦИК СССР, эти кампании на местах осуществлялись всеми партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими институциями и их функционерами: от агитаторов и инструкторов на районном уровне до краевого/областного комитета партии и Запсибкрайисполкома/Новосибирского облисполкома Советов. Кроме того, важнейшей характеристикой кампаний является вовлечение в них нескольких тысяч «местных» активистов – представителей граждан, не являвшихся «штатными» функционерами тех или иных партийно-государственных органов и выступавших добровольно.

В рамках этих кампаний партийные и советские органы осуществляли реализацию ряда декларируемых и скрытых целей, важнейшей из которых была социальная мобилизация и укрепление легитимности правящего режима в глазах советских граждан¹¹. Тематика военной угрозы СССР широко использовалась для этого, несмотря на официально «гражданский» и «мирный» характер исследуемых кампаний. В то время как советская пресса анонсировала всенародную демократическую процедуру обсуждения законопроектов¹², партийные и советские органы районного и областного/краевого уровня, инструктируя нижестоящие инстанции (например, сельсоветы или партячейки промышленных предприятий) и собственных агитаторов, требовали осуществлять «явку трудящихся и общую работу военными порядками»¹³. Таким образом, в качестве

¹¹ Великанова О. Разочарованные мечтатели... С. 63.

¹² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик // Советская Сибирь. 1936. 13 июня. С. 1.

¹³ Государственный архив Новосибирской области (ГАНУ). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 11–12.

военного позиционировался даже сам характер мобилизации граждан на массовые мероприятия, в число которых входили общие собрания для внесения предложений по изменению конституционного проекта, процедура выдвижения кандидатов в депутаты Верховного Совета или проведение выборов. В директивных инструкциях местным советским органам Запсибкрайисполком Советов требовал «сочетать обсуждение нашего закона с освещением международной ситуации», которая в дискурсе официальных документов многократно характеризовалась делопроизводителями как «напряженная» и «неспокойная»¹⁴.

Контент-анализ материалов примерно двухсот делопроизводственных документов (информационные сводки, «спецсводки» УНКВД, протоколы общих собраний и сводки предложений по изменениям в Конституции) и ста двадцати номеров газеты «Советская Сибирь» позволил нам выявить порядка тысячи лексических единиц – слов и фраз, относящихся к тематике военной угрозы. Исследовательская ценность закрытых от основной массы граждан, часто секретных делопроизводственных документов в данном случае заключается в возможности выяснить реальные цели и установки партийных и советских инстанций, а также их взгляд на восприятие гражданами акций власти.

По данным таблицы можно судить как о значительной популярности дискурса военной угрозы в советской прессе, так и об определенных трансформациях в его динамике. Можно предположить, что это вызвано текущими внутри- и внешнеполитическими событиями 1936–1938 гг., оказывавшими существенное влияние как на мировоззрение граждан, так и на идеолого-пропагандистский курс партии и правительства. Так, на конец 1936 – начало 1937 г. приходится большинство из опубликованных в исследуемое двухлетие сообщений о гражданской войне в Испании¹⁵, а также об угрозах для СССР, вызванных этой войной. Особое место занимает кампания по сбору средств на строительство сухогруза взамен

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 3055. Л. 22.

¹⁵ Тридцатитысячный митинг трудящихся Новосибирска // Советская Сибирь. 1936. № 226 (29 сентября). С. 1.

потопленного франкистами советского корабля «Комсомол»¹⁶. В 1937–1938 гг. число сообщений о войне в Испании сократилось, однако с начала 1937 г. стало расти (во многом в связи с начавшимся в январе этого года Вторым Московским процессом против «Параллельного троцкистского антисоветского центра») количество материалов о военных угрозах Советскому Союзу со стороны «капиталистических держав» (в первую очередь нацистской Германии и Польши – стран, в шпионаже в пользу которых обвинялись «враги народа») и о деятельности иностранных шпионов в стране.

Таблица 1

Характер и количество лексических единиц, относящихся к тематике военной угрозы, в газете «Советская Сибирь»*

	Июнь – декабрь 1936 г.	Январь – июнь 1937 г.	Июль – декабрь 1937 г.	Январь
Сообщения о текущих войнах	270	255	116	95
Упоминания «империалистической угрозы» СССР и возможности войны	22	105	127	150
Отсылки к военной истории России и СССР	–	2	10	8

* Составлено по: «Советская Сибирь. 1936. №№ 135–302, 1937. №№ 1–243, 1938. № № 2–105.

Официальный дискурс был направлен как на внутреннюю, так и на внешнюю целевую аудиторию. К первой относятся советские граждане. Воздействие на них осуществлялось через периодическую печать, издаваемую в стране литературу¹⁷ и особенно посредством идеолого-пропагандистской работы агентов кампаний: штатных функционеров-агитаторов и активистов. Целью трансляции дискурса на внутреннюю аудиторию была мобилизация граждан –

¹⁶ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1208. Л. 55–109.

¹⁷ Речь идет о пропагандистских брошюрах, публицистической и детской литературе, отрывных календарях 1936–1938 гг.

не только военная, но и политическая (критика происков «врагов народа», самоидентификация в качестве граждан СССР), а также экономическая (власть требовала, чтобы «трудящиеся в текущей ситуации брали обязательства по соцсоревнованию») ¹⁸. Под «текущей ситуацией» понимались в том числе угрозы со стороны иностранных государств и необходимость мобилизации сил и средств СССР в интересах военного строительства.

К внешней аудитории относятся иностранные граждане, в числе которых были политики и общественность ведущих держав Западной Европы – в первую очередь демократических Франции и Великобритании, в которых И.В. Сталин и его окружение видели потенциальных союзников в противодействии фашистским режимам. Идеолого-пропагандистская работа с этой аудиторией велась в основном путем демонстрации формального демократизма советского права в сравнении с правовой ситуацией в Германии и Италии, а также культурных и экономических достижений СССР. Трансляцию таких установок вели не только советская пресса или функционеры Коминтерна или туристических организаций, работавших с прибывшими в Советский Союз иностранцами ¹⁹, но и видные западные интеллектуалы. В числе последних – публицист Л. Фейхтвангер, посетивший Москву в 1937 году ²⁰. Главной целью работы с внешней аудиторией было создание на Западе позитивного образа СССР как потенциального союзника ²¹.

Другим критерием классификации дискурса военной угрозы является выбор в пользу освещения текущих, более ранних или потенциально возможных социально-политических событий. Количественно преобладает дискурс современных угроз и текущего положения: сообщения о войнах и военных приготовлениях, непосредственно совпадавших по времени с выступлениями агентов кампаний или публикациями в прессе. Речь в первую очередь идет о войне в Испании и росте военной мощи и экспансии нацистской

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 35.

¹⁹ Аркин Д. Архитектурный образ Страны Советов: павильон СССР на международной выставке в Париже // Архитектура и скульптура. М., 1938. С. 218.

²⁰ Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М., 1937. С. 9–21.

²¹ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 109.

Германии²², однако фигурируют и сводки из охваченного войной с Японией Китая²³ (по причине эскалации японо-китайского противостояния большинство таких сообщений появилось в 1937–1938 гг.), материалы о колониальной политике и военных приготовлениях Англии и Франции²⁴, реже – Италии²⁵ и Японии²⁶.

Второе место по распространенности занимает дискурс перспективных (будущих) военных угроз. В отличие от тематики текущих конфликтов, он актуализировался в процессе массовых мероприятий и сводился к заверениям активистов в лояльности Советскому Союзу и в готовности защищать государство и его строй; особенно распространены такие практики были при обсуждении проекта Конституции как правового и идеологического символа победившего советского строя. При этом значительная роль отводилась трансляции этих установок представителями национальных меньшинств: немцами, ойротами, казахами, латгалами²⁷. В сводках с мест неоднократно фиксировались слова новосибирского рабочего одного из промышленных предприятий профсоюза «Сибтяжпром» Рихтера – эмигранта из нацистской Германии – о том, что его настоящая Родина – СССР и за нее он готов воевать²⁸. Жители алтайского колхоза «ТрудКазах» в конце 1936 г. заявляли о готовности «защищать наш строй и советскую культуру, сделавших нас подлинными гражданами»²⁹. Эти и подобные высказывания были частью мобилизационных акций осени 1936 года, направленных на общее укрепление престижа советской власти в связи с предстоящим принятием нового Основного Закона. Дискурс потенциальных военных угроз служил трем целям: мобилизационной, консоли-

²² Заявление Гитлера корреспонденту «Пари Миди» // Советская Сибирь. 1936. 3 марта. С. 4.

²³ Движение в Китае против японской агрессии // Советская Сибирь. 1936. 12 июня. С. 2.

²⁴ Опасения английской печати // Советская Сибирь. 1936. 9 марта. С. 4.

²⁵ Итало-абиссинская война // Алтайская правда. 1936. 11 марта. С. 1.

²⁶ Подготовка новой провокации // Советская Сибирь. 1936. 9 марта. С. 4.

²⁷ См. протоколы обсуждения проекта Конституции в национальных районах Западно-Сибирского края: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993, 2994.

²⁸ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1208. Л. 25.

²⁹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2993. Л. 12.

дационной и идентифицирующей по принципу «свой – чужой». Важно отметить, что упоминания будущей войны неразрывно связывались с происками шпионов из числа судимых и приговоренных «врагов народа»: то есть консолидация и самоидентификация имели конфронтационный характер и были направлены в том числе и против ряда групп советских граждан.

Особое место занимает «ретроспективный» дискурс военных угроз – обращение к военным событиям прошлого. Он проявлялся в противопоставлении событий русско-японской и Первой мировой войн текущему и будущему положению, то есть в противопоставлении дореволюционной ситуации советским достижениям. При этом опыт и уроки гражданской войны в глазах центрального, краевого и областного партийно-государственного руководства и рядовых активистов считались актуальными: «били империалистическую заразу 14-ти держав в девятнадцатом, а теперь, имея мощную Красную Армию им. Сталина-Ворошилова[,] побьем и впредь!»⁵⁰, – говорил один из колхозников Алейского райисполкома. В то же время дискурс прошедших войн служил инструментом дискриминаций социальных групп так называемых «бывших» – представителей привилегированных до 1917 г. сословий и классов. Так, в с. Мошково на северо-востоке от Новосибирска во время обсуждения вопроса о ликвидации церкви летом 1937 г. один из активистов заявил: «в девятьсот пятом году епоцы (японцы. – М.Ш.) били нашего брата в Мукдене, а попы и буржуи гнали мужика туда»⁵¹.

Важно отметить наличие в официальной идеологии установок на то, какие именно страны следовало считать враждебными. В широком смысле к ним относились все «буржуазные» государства, то есть большинство стран планеты. При этом в изданном в 1938 г. «Атласе командира РККА» дан список «империалистических держав», в который входили все страны Европы, все государства, пограничные с СССР, а также США, Япония, Мексика, Бразилия и Аргентина (три крупнейшие страны Латинской Америки)⁵². На массовых мероприя-

⁵⁰ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

⁵¹ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 3384. Л. 24.

⁵² Атлас командира РККА. М., 1938. С. 39.

тиях в национальных районах Новосибирской области при подготовке к выборам неоднократно отмечалось, что «нет общего у империалистов и народов колоний, которые ближе к трудовым народам СССР»³³. Материалы прессы позволяют предположить, что дискурс военной угрозы в Западной Сибири имел региональную специфику, обусловленную географической близостью Японии и оккупированных ею территорий, а также Ирана. Значительную часть лиц, обвиненных в шпионаже, отнесли к японским и «персидским» шпионам, а также к шпионам прибалтийских государств, что объясняется наличием в 1930-х годах национально-культурных организаций прибалтийских народов в Западной Сибири³⁴.

Советский социум в 1930-е годы находился в состоянии постоянной подготовки к войне, осуществлявшейся в рамках официальной идеологической политики, в том числе через систему массовых движений (Готов к труду и обороне) и организаций (ОСОАВИАХИМ и др.). Вследствие идеолого-пропагандистского воздействия степень политической социализации граждан тоже была высокой. Однако значительная часть советских людей по причине крайне невысокого уровня образования и тяжелого длительного труда не имели времени и заинтересованности в постижении сложностей международных отношений. Интенсивность мероприятий кампаний оказывалась крайне высокой, обсуждения законопроектов или заседания специализированных кружков по их изучению проходили, как правило, в вечернее время, после напряженного рабочего дня, а их ход отличался формализмом и некомпетентностью местных и прибывших из краевого/областного центра агитаторов. Невысокий образовательный уровень советских людей-«объектов» идеолого-пропагандистского воздействия и их низкую заинтересованность отмечали и функционеры: граждане не представляли себе местоположение Испании, Германии и других стран, плохо разбирались в военной технике и ее значении для войны, а зачастую просто не понимали, о чем идет речь в газетах и лекциях³⁵. Уровень подготов-

³³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2995. Л. 4.

³⁴ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. С. 579–590.

³⁵ Отчеты профсоюзов Новосибирска: ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1208. Л. 55–114.

ки агентов кампаний – зачастую выходцев из рабочей или колхозной среды – тоже оставлял желать лучшего. Черепановский райисполком констатировал, что «международная ситуация <...> не освещается»³⁶, в ряде сельских районов отмечался недостаток географических карт, радиооборудования, плакатов, а обсуждения ситуации сводились к читкам газет³⁷.

Однако степень консолидации советских граждан против внешних врагов оказалась весьма высокой. Несмотря на неоднородность и вариативность поведения граждан в ходе кампаний 1936–1938 гг., на наличие проявлений протестного и даже радикально конфликтного поведения, проблема военной угрозы не фиксировалась в качестве фактора протеста по отношению к политике властей. Как было сказано выше, на массовых собраниях в присутствии четко фиксировавших их ход функционеров количество заявлений граждан о готовности защищать страну было велико, а слова эти были адресованы в первую очередь представителям политического «пантеона» СССР: И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову, «железному Ежову» и другим руководителям СССР, персонифицировавшим образ государства в массовом сознании. Это свидетельствует о росте патриотических настроений среди граждан и об укреплении легитимности режима³⁸. Знаковой в этом отношении является фраза, сказанная одним из активистов на собрании учителей-комсомольцев Новосибирска в 1937 г.: «Много у нас и ошибок, и происков врагов, но твердо знаем мы, что великий Сталин теперь знамя нашей Родины!»³⁹. Это глубоко клишированное и идеологизированное высказывание по существу свидетельствует об усвоении основных идейных установок советского патриотизма, отождествлявших преданность государству, народу и «вождю». Областной комитет ВЛКСМ на I областной комсомольской конференции в ноябре 1937 г. с удовлетворением отметил, что «трудящиеся повсеместно в ходе подготовки к выборам демонстрируют решимость не только помогать словом и делом нашей

³⁶ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 1. Д. 33. Л. 15.

³⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 2994. Л. 3.

³⁸ По материалам отчетов и протоколов за 1936–1938 гг. зафиксировано не менее 270 подобных заявлений.

³⁹ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5.

Партии, но и защищать Партию и Родину!»⁴⁰. Однако патриотическая консолидация зачастую приобретала формы борьбы с мнимыми «врагами народа», что служило идеологической поддержкой Большого террора. По-видимому, политическое руководство СССР преодолело кризис легитимности, возникший в 1927 г. и описанный О. Великановой⁴¹: во всяком случае, партийные и государственные органы официально не фиксировали пораженческих или антисоветских заявлений, относящихся к вопросам угрозы войны. Сознательно или невольно содействуя власти в мобилизационных и репрессивных акциях, граждане, вероятно, сознавали необходимость поддержки правящего режима как безальтернативной политической силы, способной организовать защиту безопасности страны от реально оформившихся военно-политических вызовов и угроз.

Таким образом, трансляция установок, связанных с военными угрозами СССР, была частью задач политического руководства страны в ходе массовых политических кампаний для мобилизации населения и для дальнейшего упрочения авторитета и легитимности сталинского политического режима. К сущностным характеристикам военного дискурса в ходе кампаний относятся адресность, всеохватность, перманентность и вариантность. Дискурс, будучи неоднородным тематически и по формату, в конечном счете оказывался лишь одним из средств сопровождения кампаний и достижения властью своих целей – как консолидационных, так и конфронтационных и дискриминационных. При этом тематика угроз стране и необходимости ее защиты во второй половине 1930-х годов оказалась в общих чертах понятной советским гражданам, что обусловило усвоение ими идеолого-пропагандистских установок.

⁴⁰ ГАНО. Ф. П-190. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–11.

⁴¹ Великанова О. Разочарованные мечтатели... С. 92–94.

Социально-экономические процессы в мировой истории: тенденции, содержание, результаты

Е.В. Соловьева

Удмуртский государственный университет (Ижевск)

Особенности семейных отношений в России XVI в. глазами иностранцев

Статья посвящена семейным отношениям в России XVI в. в восприятии западноевропейцев. Данная тема не получила специального анализа в историографии, хотя отдельные ее аспекты затрагивались в публикациях общего характера. Важность свидетельств иностранцев для реконструкции быта русской средневековой семьи обусловлена тем, что их авторы зачастую обращали внимание на те стороны жизни, которые были для них необычны и часто не находили освещения в русских источниках. В статье рассмотрены три основные проблемы: взаимоотношения членов семьи, влияние религии на семейный быт, особенности отношений в семье священнослужителей. В заключении сделан вывод о степени соответствия наблюдений иностранных авторов действительности.

Ключевые слова: история семьи, положение женщины, религия и семья, иностранцы о России.

Свидетельства иностранцев являются ценнейшим источником, позволяющим «взглянуть» на Россию со стороны, и более глубоко и многомерно понять закономерности и особенности отечественного исторического процесса. В своих сочинениях иностранные авторы уделяли внимание тем чертам социально-бытовой жизни русских, которые контрастировали с их собственным опытом и религиозными представлениями, но при этом не были отражены в русских источниках как обыденные и само собой разумеющиеся. Записки иностранцев позволяют реконструировать устойчивые представле-

ния и стереотипы, определяющие восприятие России и русских на Западе и уходящие своими корнями в рассматриваемую эпоху.

Наиболее устойчивые стереотипы в западноевропейском общественном сознании формировались о политической, религиозной, правовой и бытовой сферах жизни русских. Семейно-брачные отношения здесь занимали особое место, поскольку в той или иной степени отражали все вышеназванные сферы жизнедеятельности общества.

В отечественной историографии первым наиболее фундаментальным исследованием свидетельств иностранцев о Московском государстве является труд В.О. Ключевского¹. Из дореволюционных авторов также стоит отметить Ф. Аделунга² и С.М. Середонина³.

В советский период сказания иностранцев о России были объектом изучения многих историков в качестве как основного, так и дополнительного материала исследования⁴. Эта ситуация сохраняется и на современном этапе историографии⁵.

Однако для исследователей свидетельств иностранцев о России XVI в. семейно-брачные отношения не относились к числу приоритетных исторических проблем. Данная тема отражена в трудах, посвященных проблеме средневековой русской семьи и рассмат-

¹ Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1918. 333 с.

² Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений, Фридриха Аделунга, увенчанное большою Демидовскою наградою: в 2-х ч. [в одном переплете]. М., 1864. VIII, V, 301 с.; IV, 264 с.

³ Середонин С.М. Известия англичан о России XVI в. (Ченслер, Дженскинсон, Рандольф, Баус) // Чтения въ Императорскомъ Обществѣ Историі и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ (далее – ЧОИДР). М., 1884. Кн. 4: октябрь – декабрь. 378 с.

⁴ См., например: Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей (XIII–XVII вв.). Иркутск, 1941. 612 с.; Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. 496 с.

⁵ См., например: Горшков И.Д. Опричнина Ивана Грозного в описаниях современников-иностранцев: на примере сочинений Альберта Шлихтинга: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005. 26 с.; Коваленко Г.М. Великий Новгород в европейской письменности XV – начала XX вв. // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 36–40.

ривающих свидетельства иностранцев в комплексе с другими источниками⁶.

Восприятие социально-бытовой жизни России XVI в. иностранцами во многом обуславливались родом занятий авторов. В частности, представителей католического духовенства (А. Поссевино, И. Фабри) в основном интересовали быт священнослужителей и проведение церковных обрядов. Писавшие о России гражданские лица (А. Гваньини, С. Герберштейн, С. Маскевич, Д. Принтц фон Бухау, Дж. Флетчер и др.) освещали более широкий спектр отличий русской культуры от западной.

В свидетельствах иностранцев (все они были мужчинами), упоминавших особенности семейного уклада в России XVI в., значительное внимание уделено положению женщины. Авторы отмечали отсутствие уважения к женам «и вообще женскому полу» вплоть до «обхождения не лучше, как с рабами»⁷.

Согласно сообщениям иностранцев, главное качество женщины, уважаемое русскими, – целомудрие, признаком которого являлось отсутствие каких-либо контактов со светским обществом. У женщин, особенно знатного происхождения, жизнь была изолированной от общества, протекала под постоянным надзором, что, по словам С. Маскевича, обеспечивалось в том числе планировкой жилища: «Комнаты для женщин строятся в задней части дома, и хотя есть к ним вход со двора по лестнице, но ключ хозяин держит у себя, так что в женскую половину можно пройти только ч[е]рез его комнату. Из мужчин не пускают туда никого, не исключая и домашних. Двор же, за комнатами женскими, обгораживается таким высоким палисадником, что разве птица перелетит через него. Здесь-то женщины прогуливаются»⁸.

По свидетельствам авторов, без уважительной причины женщинам нельзя было покидать дом. Даже в храмы женщины яко-

⁶ См., например: *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. 301 с.; *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии. Невеста, жена, любовница. М., 2011. 216 с.

⁷ *Иовий П.* Посольство от Василия Иоанновича, Великого князя Московского, к Папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1. С. 51.

⁸ *Маскевич С.* Дневник. М., 2010. С. 72.

бы допускались редко, только по большим праздникам: на Пасху и Рождество⁹. При этом поездки совершались в крытых повозках¹⁰.

Такие меры для соблюдения целомудрия подчеркивают отсутствие доверия к женщинам, как к существам греховным. По сообщению С. Герберштейна, им запрещалось забивать домашних животных, так как таким образом животные, а затем и блюда из них становятся «нечистыми»¹¹. Как не заслуживавшие доверия, женщины не могли свободно контактировать ни с кем, кроме подруг, а также мужчин пожилого возраста, которые не могли представлять угрозу целомудрию¹².

Если же женщине предстояло появиться на публике, то она обильно наносила на лицо косметические средства, что иностранцами воспринималось негативно, поскольку внешность представительниц женского пола, с их точки зрения, становилась непривлекательной: «Они так намазывают свои лица, что почти на расстоянии выстрела можно видеть наклепанные на лицах краски; всего лучше сравнить их с женами мельников, потому что они выглядят, как будто около их лиц выколачивали мешки муки; брови они раскрашивают в черную краску, под цвет гагата»¹³.

Этот стандарт красоты, с точки зрения С. Маскевича, был своего рода маской, за которой женщины прятали свои лица: «Женщины благородные белятся и показаться в люди не набелившись считают за смертный грех и стыд»¹⁴. Немецкий путешественник С. Кихель не упоминал обилие красок на лицах женщин, однако отмечал, что

⁹ Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при Царском дворе // ЧОИДР. М., 1884. Кн. 4. С. 28; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 30.

¹⁰ *Принц фон Бухау Д.* Начало и возвышение Московии. М., 1877. С. 62; *Маскевич С.* Дневник... С. 72.

¹¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии... М., 2008. Т. 1. С. 237.

¹² Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при Царском дворе... С. 28; *Герберштейн С.* Записки о Московии... С. 237.

¹³ Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при Царском дворе... С. 28.

¹⁴ *Маскевич С.* Дневник... С. 72–73.

женщины в городе Пскове «выходят на улицу до того закрытые, что у них видны только одни глаза»¹⁵.

Отмечали иностранцы и влияние социально-политической ситуации на взаимоотношения внутри семьи. Так, по словам Р. Барберини, в период царствования Ивана IV характерным стало недоверие членов семьи друг к другу. Страх перед государем, который может покарать родственников того, кого он сочтет преступником, привел к тому, что доверия не стало «ни матери, ни брату»¹⁶. А. Гваньини писал: «Семейные отношения у них таковы, что отец насмехается над сыном, сын клеветает на отца, брат вероломно доносит на брата; между ними нет никакого доверия, никакого уважения к кровному родству»¹⁷.

С изумлением отмечали иностранцы проявление «любви» в семейных отношениях русских. Особенно их удивляло и возмущало частое физическое насилие со стороны главы семьи в отношении домочадцев. Например, по словам английского наблюдателя, «у них обычное правило: если не бить жену раз в неделю кнутом, она не будет доброю женой, поэтому русские наблюдают это аккуратно; да и жены, если мужа их не бьют, говорят, что они не любят их»¹⁸. Вследствие всего вышесказанного, иностранцы подозревали русских в супружеской неверности. По словам Д. Принтца, москвитяне «нередко оскверняют себя прелюбодеянием, блудом и проклятым Содомским грехом»¹⁹.

Известия о принятых в России физических наказаниях в семье породили стереотип о выработке к ним привычки. Подобным образом А. Гваньини интерпретировал традицию участия мужчин в кулачных боях «стенка на стенку»: «Они со страшной силой колотят друг друга кулаками и ногами, попадая в лицо, грудь, живот и пах.

¹⁵ Сообщения немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. // Вестник СПбГУ. Вып. 2 (№ 9). 1994. С. 7.

¹⁶ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России, в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 20.

¹⁷ Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 133.

¹⁸ Описание России неизвестного англичанина, служившего зиму 57–58 годов при Царском дворе... С. 28.

¹⁹ Принтц фон Бухау Д. Начало и возвышение Московии... С. 68.

Часто их выносят оттуда полуживыми, а нередко даже и мертвыми. Такого рода сражения устраиваются, говорят, для того, чтобы юноши привыкли терпеть розги и всевозможные побои»²⁰.

По мнению иностранных авторов, в русских семьях жены и дети воспринимались как собственность, которой можно было распоряжаться для улучшения финансового положения²¹. Родители не только продавали своих детей «для удобства покупателей за ничтожную цену»²², но и пропивали их «и все свое добро в царских кабаках»²³. Интересен факт, упомянутый С. Герберштейном и А. Гваньини, что в случае получения сыном воли отец мог продать его еще три раза, лишившись после четвертой продажи родительского права²⁴. Распространялось ли это правило на женщин, в свидетельствах информации нет.

Прослеживается в свидетельствах иностранцев, особенно – С. Герберштейна, сильное влияние на семейный быт жителей Московского государства религии. Основное число ограничений и различных предписаний, отмеченных С. Герберштейном, касались женщин. Например, в помещение, в котором рожала женщина, нельзя было входить на протяжении трех дней, пока оно не будет очищено молитвами²⁵. Церковный суд занимался решением социальных вопросов, таких как развод, неповиновение жены мужу, случаи прелюбодеяния, инцеста, оскорбления родителей сыном или сестер братом²⁶.

По свидетельствам иностранцев, существовали дополнительные ограничения на посещение церкви, помимо уже упомянутых. Так, С. Герберштейн отмечает, что женщина не могла входить в

²⁰ Гваньини А. Описание Московии... С. 89.

²¹ Книга о великом и могущественном царе русском и великом князе Московском и о владениях, порядках и произведениях сюда относящихся // ЧОИДР. М., 1884. Кн. 4. С. 9.

²² Колло Фр. да. Доношение о Московии. М., 1996. С. 67.

²³ Путешествия М. Антона Дженкинсона // ЧОИДР. М., 1884. Кн. 4. С. 34–35.

²⁴ Гваньини А. Описание Московии... С. 85; Герберштейн С. Записки о Московии... С. 237.

²⁵ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 185.

²⁶ Там же. С. 225.

храм в течение 40 дней после родов²⁷. По Д. Принтцу, в преддверии храма (наравне с преступниками) следовало оставаться женщинам в период менструации²⁸. По сведениям западноевропейских авторов, церковь не могли посещать мужчины и женщины после соития²⁹.

В работах иностранных авторов указаны определенные условия для совершения некоторых церковных обрядов. Так, для принятия причастия по окончании менструации женщине предварительно надлежало совершить омовение; также следовало омыть и перенести в другое помещение умирающую после родов женщину перед принятием ею причастия. До смертного одра причащать запрещалось разведенных супругов, «пока они не вернутся к браку»³⁰. Согласно А. Поссевино, этот запрет касался тех, кто был женат более трех раз³¹. С. Герберштейн, кроме того, отметил, что священник, обвенчавший того, кто вступает в брак в третий раз, лишался сана³².

Иноземцы осуждали ранний возраст, с которого русские начинают причащаться. По С. Герберштейну и А. Гваньини, причащались дети с семи лет по причине того, что в этом возрасте уже возможно грешить³³. И. Фабри указывал, что к евхаристии допускались дети даже трехлетнего возраста³⁴.

Иностранцы воспринимали религию русских в основном негативно. Так, Д. Принтц отметил в числе прочих заблуждений православия следующие: убежденность, что «блуд, совершаемый двумя свободными, не есть смертный грех»; совершение развода «без уважительных причин, только по требованию своей воли и стра-

²⁷ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 183.

²⁸ Принтц фон Бухау Д. Начало и возвышение Московии... С. 41.

²⁹ Описание путешествия в Москву Николая Варкоча, посла римского императора, в 1593 году // ЧОИДР. М., 1874. Кн. 4. С. 6; Донесение о Московии Иоанна Пернштейна, посла императора Максимилиана II при Московском дворе в 1575 году. М., 1876. С. 4; Герберштейн С. Записки о Московии... С. 201.

³⁰ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 177.

³¹ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. ... С. 25.

³² Герберштейн С. Записки о Московии... С. 177.

³³ Гваньини А. Описание Московии... С. 73; Герберштейн С. Записки о Московии... С. 203.

³⁴ Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов» // Россия и Германия. М., 1998. Вып. 1. С. 34.

стей»; запрет второго и третьего брака с признанием детей от этих браков незаконнорожденными. Однако далее в своем сочинении, упоминая неодобрение русскими второго и третьего браков, детей от четвертого брака он называет незаконнорожденными³⁵.

Первоочередное внимание иностранцы – как представители духовенства, так и гражданские лица – обращали на правила, касающиеся семейного положения самих священнослужителей. Во многих свидетельствах упоминаются духовные саны, которым запрещено, либо, напротив, можно и даже должно состоять в браке.

Некоторые разночтения встречаются относительно брака священников, очевидно, вследствие разницы религий. По сообщению С. Герберштейна, священники должны были состоять в браке, в частности потому, что ими становились дьяконы, а в дьяконы посвящали только состоявших в браке³⁶. У других авторов, в частности у А. Поссевино, это правило не столь категорично: «Приходские и другие священники, по обычаю греческих священнослужителей, до принятия сана имеют право жениться на девице»³⁷. С. Кихель писал про псковских священников: «Что касается попов, то они сватаются и женятся»³⁸.

По словам С. Герберштейна, к жене священника предъявлялись строгие требования: девушка должна была быть непорочна и обладать незапятнанной репутацией, иначе ее супруг не мог быть посвящен в сан³⁹. Кроме того, согласно С. Герберштейну, священником не мог стать тот, кто до принятия сана занимался блудом. Отрешали от священнослужения за действия сексуального характера в период поста⁴⁰. По наблюдению И. Фабри, неженатый священник, сожительствовавший с женщиной, лишался прихода⁴¹.

С. Герберштейн отмечал также следующие ограничения в семейной жизни священника: нельзя было сочетаться с женой в

³⁵ Принцц фон Бухау Д. Начало и возвышение Московии... С. 62–64.

³⁶ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 153.

³⁷ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. ... С. 23.

³⁸ Сообщения немецкого путешественника Самуэля Кихеля о Пскове XVI в. ... С. 6.

³⁹ Герберштейн С. Записки о Московии... С. 153.

⁴⁰ Там же. С. 187.

⁴¹ Трактат Иоганна Фабри «Религия московитов»...

ночь перед богослужением; после соития следовало омыть половые органы, прежде чем войти в церковь; не одобрялось чтение молитв над рожаящей женой⁴².

По свидетельствам иностранных авторов, после смерти жены священник мог оставаться при церкви, но не совершать богослужение. Вернуться к священнодействию он мог только при условии принятия монашества. Вторичная женитьба исключала священника из церковного сословия. А. Поссевино иронизировал: «Будто бы признак священнического сана зависит от жизни первой жены и с ее смертью уничтожается!»⁴³.

Таким образом, перед жителями цивилизованной Европы, посетившими Русское государство XVI в., если судить по их отзывам, предстала необычная, а иногда шокирующая картина русского быта. Однако, важно учитывать, что на самом деле она далеко не всегда соответствовала действительности. Так, затворническую жизнь иностранцы приписывали всем сословиям русских женщин, тогда как теремное затворничество было характерно для женщин из богатых семей бояр-горожан и княжеских фамилий. Обычные горожанки, а уж тем более крестьянки редко покидали дом не только ради соблюдения целомудрия, но и по причине занятости по хозяйству⁴⁴.

Стереотипом стала ярко накрашенная русская женщина. Хотя образ «белолицей и румяной» красавицы вызывал неприязнь у иноземцев и часто встречается в их трудах, ежедневно так выглядеть могла, скорее всего, представительница высшего сословия, простолюдинка так выглядела только по особым случаям.

Что касается телесных наказаний, то они определенно применялись в быту, однако кулачные бои являлись давней традицией. В эпоху, когда важную роль играло народное ополчение, они проводились для тренировки боевых навыков, в том числе в строю (стенка на стенку). В эпоху Московского государства они проводились по традиции и рассматривались как проявление молодеческой силы и удали, но не для выработки привычки к побоям.

⁴² Герберштейн С. Записки о Московии... С. 181, 183.

⁴³ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. ... С. 23.

⁴⁴ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. СПб., 1877. Т. VIII. С. 317; Пушкирева Н.Л. Частная жизнь женщины в Древней Руси и Московии... С. 50–51.

Влияние церкви на быт, моральную сторону семейной и личной жизни как мирян, так и священнослужителей соответствует существовавшему порядку вещей, поскольку именно церковь в тот период занималась регулированием семейного права. Однако разобраться в устройстве церковных порядков оказалось для западноевропейцев нелегкой задачей. В частности, венчание в православии проводилось только для первого брака, второй и третий – благословлялись, а четвертый был под запретом⁴⁵.

Относительно брака священников, в соответствии с 26 правилом Святых апостолов, женатыми были священники и диаконы, которые состояли в браке еще до принятия сана⁴⁶. Жениться после принятия сана было запрещено.

На характер оставленных свидетельств иностранных гостей Московского государства влиял комплекс факторов: собственный культурный опыт, религиозные представления, персональные качества, цель пребывания, а также труды предшественников. Несмотря на субъективность взгляда и имевшие место стереотипы о России, эти сведения являются ценным источником для реконструкции объективной картины жизни Московского государства XVI в.

⁴⁵ *Нишник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории. СПб., 2006. С. 23.

⁴⁶ Правила православной церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. М., 2001. Т. 1. С. 86–88.

В.А. Сердюк

Омский государственный университет путей сообщения

**Использование женского труда на железных дорогах
Российской империи в 1860-е – 1880-е годы:
социально-правовые аспекты***

Статья посвящена проблеме использования женского труда на железных дорогах Российской империи в 1860-е – 1880-е годы. На основе широкого круга архивных документов и научной литературы автором установлено, какие должности занимали женщины на частных и казенных железных дорогах России. Особое внимание уделено механизму принятия государственных решений и разработке нормативно-правовой базы, регулировавшей вопросы использования женского труда на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: Российская империя, железная дорога, женщины, женский труд.

Дореволюционные отечественные исследователи утверждали, что Министерство путей сообщения (МПС) и железные дороги «первые пошли навстречу женскому труду, предоставив женщинам полную возможность широко и разнообразно приложить свой труд»¹. По словам инженера путей сообщения Н.П. Верховского, прослужившего 38 лет на частных и казенных железных дорогах Российской империи, «в этом отношении [к женскому труду] ведомство путей сообщения заслужило пальму первенства перед всеми ведомствами»². Так ли это? Какие факторы оказывали влияние на МПС и управления железных дорог в принятии решений об использовании женского труда?

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-01-00037 «„Забытый персонал“: женский труд на железных дорогах Российской империи (вторая половина XIX века – 1917 г.)».

¹ Глинская А.А. Служба женщин на железной дороге // Труды 1-го Всероссийского женского съезда при Русском женском обществе в С.-Петербурге 10–16 декабря 1908 года. СПб., 1909. С. 400.

² Верховской Н.П. Железнодорожная неразбериха: Terra incognita: Мысли практика по поводу беглых заметок «Не-техника». СПб., 1911. С. 93.

Как женщины смогли получить работу на железных дорогах в условиях патриархального общества? Какие должности были доступны женщинам в 1860-е – 1880-е годы? Неразрешенность этих вопросов послужила поводом к написанию настоящей статьи.

Выбор нижней хронологической рамки исследования обусловлен началом Великих реформ Александра II, в корне преобразовавших железнодорожный транспорт и изменивших положение женщины в российском обществе. С одной стороны, эпоха «царя-освободителя» характеризовалась массовым строительством линий, их постепенного объединения в железнодорожную сеть. С другой – 1860-е годы расширили горизонт чаяний и потребностей общества, изменили привычный («патриархальный») взгляд на женщин. Сфера применения их труда значительно расширилась. По словам выдающегося юриста А.Ф. Кони, именно тогда «наряду с прежней более или менее обеспеченной барышней, видевшей в браке единственный и желанный исход, явилась девушка, вынужденная сама зарабатывать себе средства к жизни... Наш общественный строй пришлось перестраивать на началах личного труда, не только доступного, но и экономически неизбежного для многих женщин»³. Процесс трансформации общественного строя, когда факт использования женского труда на железных дорогах России из небывалого новшества постепенно стал превращаться в привычную и признанную практику, затянулся до конца 1880-х годов, чем и обусловлена верхняя хронологическая рамка исследования.

Роль и значение женского труда сознавались еще современниками. В дореволюционной историографии эта тема являлась одним из аспектов так называемого «женского вопроса», включавшего в себя не только требование общественного равноправия женщины (достижение которого представлялось невозможным без профессиональной самореализации), но и вопросы взаимоотношений мужчин и женщин, семьи и брака, охраны и защиты материнства и детства. Как утверждал в 1868 г. один из идеологов народнического движения П.Н. Ткачев, «никогда о женщинах не говорили так много, никогда права их не заявлялись с такой энергией и настойчивостью,

³ Кони А.Ф. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М., 1969. С. 327.

как теперь. В Америке, Англии, Франции, Германии, Испании и даже у нас, в России, принимаются разные практические меры для уравнивания мужчин и женщин в экономической области труда, для доставления им средств к самостоятельному и независимому существованию»⁴. На этом фоне отдельные периодические издания приводили собственные доводы в пользу или против использования женского труда на разных должностях в железнодорожной отрасли⁵. В целом же, за редким исключением⁶, дореволюционные издания если и писали о занятости женщин на железных дорогах в 1860-е – 1880-е годы, то лишь обозначая существовавшие в то время правила их приема на службу⁷.

Советская историография до середины XX в. фактически не интересовалась женским трудом на железных дорогах, утверждая, что «до революции [он] практически не играл никакой роли»⁸. Характерная деталь – в 1951 г. в книге исследователей А.И. Августынюка и М. Гвоздева был помещен параграф «Первые железнодорожницы», начинавшийся со слов: «С момента постройки [Николаевской] магистрали (с 1851 г. – В.С.) и вплоть до Первой мировой войны женский труд на дороге, как правило, не применялся»⁹. В последующем советские историки стали писать о железнодорожницах на-

⁴ Дауль А. Женский труд в применении к различным отраслям промышленной деятельности: Очерки 600 ремесел и занятий: с прил. ст. П.Н. Ткачева «Женский вопрос». Ч. 1. СПб., 1869. С. III.

⁵ Внутреннее обозрение // Современник. 1863. № V. С. 190–191; Вопрос о службе женщин в железнодорожных обществах // Вестник Европы. 1874. С. 792–807; О положении служащих на железных дорогах (1876 год) // Чупров А.И. Речи и статьи. Т. 3: Железные дороги. Торговая политика. Статьи на разные темы. М., 1909. С. 278.

⁶ Очерк сети русских железных дорог, их устройства, содержания и деятельности по 1892 год, составленный и изданный по поручению Русского отдела Постоянной комиссии Международных железнодорожных конгрессов VIII-м отделом Императорского русского технического общества. Т. 2. Отд. IV. Гл. I. СПб., 1896. С. 44–45; Исторический обзор деятельности Комитета министров: к столетию Комитета министров (1802–1902). Т. 3: Комитет министров в царствование императора Александра Второго (1855 г. февраля 19 – 1881 г. марта 1). СПб., 1903. Ч. 2. С. 30–32.

⁷ Шишков А.М. Эксплуатация железных дорог. Т. 1. СПб., 1877. С. 126; Вендрих А.А. фон. Записки эксплуатации железных дорог с военными целями: курс. ст. кл. Николаев. инж. акад. СПб., 1886. С. 75.

⁸ Железнодорожницы: лит. сборник [о жизни и труде лучших женщин-железнодорожниц]. М., 1940. С. 3.

кануне революционной ситуации, приводя статистические данные конца XIX – начала XX века¹⁰. Наконец, лишь в 1980-х годах исследователей заинтересовал «женский вопрос», в рамках которого о труде женщин на железных дорогах в исследуемый нами период стали кратко упоминать¹¹.

В современной историографии рассматриваемого вопроса наблюдается своего рода преемственность: также как и в советский период, основное внимание уделяется положению женщин на железных дорогах в конце XIX – начале XX века¹², тогда как более ранние времена остаются вне поля зрения исследователей. Исключением является интерес к биографии О.С. Кнушевицкой¹³, поступившей на железнодорожную службу в 1863 г. и названной «первой железнодорожницей» еще дореволюционными авторами.

Таким образом, к настоящему времени в историографии отсутствуют исследования, в которых бы анализировались факторы, влиявшие на МПС и управления частных и казенных железных дорог в принятии решений об использовании женского труда в 1860-е – 1880-е годы. Несмотря на описанные в литературе нормативно-правовые акты, регулировавшие использование женского труда на железнодорожном транспорте, не раскрытыми остаются внутренний механизм и мотивы принятия соответствующих государственных решений.

⁹ *Августынюк А.И., Гвоздев М.* Первая магистраль: [к 100-летию Октябрьской ж. д.]. Л., 1951. С. 231.

¹⁰ *Кунавина Г.С.* Формирование железнодорожного пролетариата в Туркестане (1881–1914 гг.). Ташкент, 1967. С. 86–88.

¹¹ *Ковалева И.Н.* Женский вопрос в России в 50–60-х годах XIX в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 126.

¹² *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Мир русской женщины: семья, профессия, домашний уклад. XVIII – начало XX века. М., 2016. С. 190–194; *Хобта А.В.* Женщины на железнодорожном транспорте: от «интеллигентного» труда к профессиональному образованию // *Вульфова А.Б.* История железных дорог Российской империи: все-таки строить! М., 2016. С. 551–556.

¹³ См., например: *Вульфова А.Б.* Повседневная жизнь российских железных дорог. М., 2007. С. 121; *Цыплев В.* Первая леди // *Гудок*. 2009. 22 октября. Пол. 7; *Двоскина Л.* Первый инженер в юбке, или как женщины завоевывали железную дорогу // *Магистраль: [всеукраинская транспортная газета]*. 2011. № 16–17. С. 6–7; *Соломонова О.* Время железных богинь // *Гудок*. 2017. 7 марта. Пол. 6.

Фактически, первые женщины были приняты на железнодорожную службу еще до появления в России «женского вопроса» в конце 1850-х годов. Первоначально женщины занимались видами деятельности, напоминавшими домашнюю работу. Так, в 1841 г. в штате первой (и частной) железной дороги России – Царскосельской, числилось четыре полойки¹⁴. В этом отношении российский опыт мало чем отличался от зарубежного. К примеру, на железной дороге Балтимор–Огайо в США женщины трудились уборщицами, ресторанной прислужкой в 1855 г., и, возможно, в качестве обслуживающего персонала спальных вагонов уже в 1838 году¹⁵.

Из записки о женском труде на железных дорогах России, составленной в 1874 г. инженером путей сообщения В.Ф. Голубевым по поручению министра путей сообщения А.П. Бобринского, следует, что уже в 1861 г. на частной Риго-Динабургской дороге женщины служили в канцелярии управляющего дорогой на должностях переписчиков, регистраторов, помощников контролеров¹⁶. Изучив имеющийся опыт, В.Ф. Голубев отметил, что при приеме на службу правления железнодорожных обществ не обращали особого внимания на родство со служащими дорог, а в заключение подытожил: «Вопрос женского труда получил уже весьма серьезное значение на русских железных дорогах и стеснять применение его на частных железных дорогах значило бы положительно вредить еще новому у нас делу эксплуатации их»¹⁷. Акцентируем внимание – В.Ф. Голубев пишет о частных дорогах, поскольку 1860-е – 1880-е годы отличались приоритетом частных железных дорог над казенными. На Николаевской железной дороге, которая была в то время единственной, построенной за казенные средства и эксплуатируемой государством, женский труд не использовался как минимум до 1865 г. По словам ревизора движения VIII участка Николаевской дороги Граховского, в первые годы «весь служилый на дороге элемент

¹⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 377. Оп. 1. Д. 33. Л. 5 об.

¹⁵ *Shirley Burman*. Women and the American Railroad-Documentary Photography // *Journal of the West*. April, 1994. P. 38.

¹⁶ РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 7669. Л. 30 об.

¹⁷ Там же. Л. 31–31 об.

состоял из военных»¹⁸. Однако потребности Крымской войны (1853–1856 гг.) и последовавшее поражение России опустошили государственную казну. Поэтому в первые годы царствования Александра II постройка железных дорог средствами казны была по необходимости приостановлена и открылись возможности для частного предпринимательства. В итоге к 1881 г. за исключением двух линий, все железные дороги принадлежали частным обществам. Правительству в лице МПС принадлежала роль лишь инспекторского органа.

В 1860-е годы в соответствии с действовавшими уставами частных железнодорожных обществ правом назначения служащих и рабочих на должности обладали директора/управляющие дорог. Действия того или иного директора/управляющего дороги при этом были подотчетны вышестоящему начальству в лице акционеров железнодорожного общества и их представителей, составлявших правление дороги. Поскольку правления, как правило, территориально находились в Санкт-Петербурге, считалось, что директор/управляющий, как непосредственно отвечающий за эксплуатацию, лучше знал, кто ему необходим для обеспечения нормального функционирования дороги, будь то русский подданный или иностранец¹⁹. Роль МПС была невелика: министр путей сообщения лишь утверждал директора/управляющего и главных инженеров частных железнодорожных обществ. Неслучайно поэтому частные общества именовали «государством в государстве»²⁰, контроль правительства над которыми был скорее формальным, чем действительным. Хотя в некоторых случаях директор/управляющий, тем не менее, испрашивал разрешения у правления дороги на назначение того или иного лица на службу.

Именно такой порядок был применен по отношению к О.С. Кнушевицкой, 10 апреля 1863 г. принятой на должность билетного кассира ст. Вязники Московско-Нижегородской железной дороги. В дореволюционной и современной литературе ее именуют не

¹⁸ Граховский. Кооператив на железной дороге // Вестник Николаевской железной дороги. 1916. № 91. С. 91.

¹⁹ РГИА. Ф. 219. Оп. 1. Д. 7669. Л. 3.

²⁰ Кульжинский С.Н. К вопросу о частных железных дорогах в России. СПб., 1909. С. 4.

иначе как «первой железнодорожницей России», назначение которой состоялось, якобы, по личному приказу министра путей сообщения²¹. Авторы этого утверждения, однако, забывают, что Московско-Нижегородская дорога в то время являлась частной и принадлежала Главному обществу российских железных дорог. В действительности назначение О.С. Кнушевицкой произошло благодаря усилиям директора дороги И.Ф. Кенига, который, судя по всему, находился в хороших отношениях с отцом девушки – начальником ст. Вязники С.И. Кнушевицким. В 1861 г. в числе других И.Ф. Кениг в прямом смысле переманил С.И. Кнушевицкого к себе на службу из Польши²². Несмотря на предоставленное И.Ф. Кенигу право с 26 сентября 1862 г. определять, перемещать и увольнять всех агентов дороги, содержание которых не превышало 1000 руб. в год, он обратился в Правление, находящееся в Санкт-Петербурге, с ходатайством о назначении О.С. Кнушевицкой²³. В 1903 г. О.С. Кнушевицкая вспоминала, что «дело было новое, небывалое, и директор дороги не хотел его решить сам»²⁴. Прошение было удовлетворено и 18-летней девушке назначили жалование в размере 300 руб. в год. Можно предположить, что дополнительным фактором, благодаря которому Правление рискнуло принять на службу женщину, стала широко растиражированная в периодической печати информация о кассирах-мужчинах Московско-Нижегородской дороги, уличенных в начале 1863 г. в крупных хищениях денежных средств²⁵.

Общая причина, побудившая правления дорог активно привлекать женщин к службе, носила материальный характер, на практике

²¹ Сорокалетний юбилей женского труда на железных дорогах // Вестник Закавказских железных дорог. 1903. № 10. С. 31; *Цыплев В.* Ольга Степановна Кнушевицкая [Электронный ресурс] // Владимирская энциклопедия. URL: http://www.vladimir.ru/Кнушевицкая_Ольга_Степановна (дата обращения: 15.06.2018); *Лифанова С.* Она была первой женщиной, получившей работу на железной дороге [Электронный ресурс] // «Владимирские ведомости» (Vedom.ru). URL: <http://www.vedom.ru/news/2010/07/31/1425-ona-byla> (дата обращения: 15.06.2018).

²² РГИА. Ф. 258. Оп. 7. Д. 84. Л. 40.

²³ *Буланже П.* Первая женщина на русских железных дорогах // Вестник Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железных дорог. 1903. № 3. С. 20.

²⁴ Там же.

²⁵ Современное обозрение // Время. 1863. № 2. С. 110.

выражаясь «в погоне за сокращением расходов и понижением платы и жалованья»²⁶. Большинство железных дорог не имели возможности назначать большое содержание станционным агентам, положение которых улучшалось получением незначительного жалованья их женами и дочерьми, выполнявшим на станциях различные работы. Кроме того, такой «семейный подряд» удерживал агентов от ухода со службы, особенно это было важно на отдаленных от культурных центров участках²⁷. Иначе говоря, практикой найма женщин на службу частные дороги обеспечивали себя дешевой рабочей силой (порой в размере 25–40 % в сравнении с мужской) и одновременно формировали устойчивый железнодорожный персонал в «глухой местности».

На фоне отмены крепостного права, волны заметок публицистов и философов, отстаивавших несправедливость социального неравенства женщины, примера частных железных дорог, главноуправляющий путей сообщения и публичных зданий П.П. Мельников в 1864 г. предложил Комитету министров, по примеру западноевропейских стран, в качестве опыта принять женщин на должности телеграфистов на железные дороги в Великом княжестве Финляндском²⁸. Александр II это предложение одобрил²⁹, а вскоре практика приема женщин на телеграфную службу, дав положительные результаты, была распространена на железные дороги всей Российской империи.

Как видим, первыми пошли навстречу женскому труду не МПС и казенные железные дороги, а частные дороги, принимавшие женщин на службу без оглядки на органы государственной власти, имея на то полное право по действовавшим тогда уставам железнодорожных обществ. В скором времени, однако, ситуация резко изменилась. На волне общественного подъема, вызванного подготовкой и проведением либеральных реформ 1860-х годов, женский вопрос породил соответствующее женское движение. Из-

²⁶ Верховской Н.П. Железнодорожная неразбериха... С. 94.

²⁷ Общий съезд представителей русских ж. д. Протоколы заседаний 5-го Очередного общего съезда представителей русских железных дорог: ноябрь 1873 г. М., 1873. С. 3.

²⁸ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 15.

²⁹ Там же. Л. 16.

начально оно развивалось по пути просвещения и освобождения женщин от семейного гнета, а затем стало смещаться в сторону нигилизма, приобретая политический характер. Судебные процессы 1870-х – 1880-х годов над народниками, продемонстрировавшие массовое участие женщин в радикальных действиях, вызвали в обществе смущение³⁰, а у государства негативную оценку.

15 декабря 1870 г. главноуправляющий III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Собственная Е. И. В. канцелярия) П.А. Шувалов подал председателю Комитета министров П.П. Гагарину записку по вопросу о допущении женщин на службу в правительственные и общественные учреждения³¹, для последующего обсуждения ее в Комитете министров. Появление книг по вопросу о женской эмансипации, суждение органов печати о допущении женщин на государственную службу – все это, по мнению П.А. Шувалова, создало искусственную агитацию, которая увлекла немало женщин. Тип женщины-нигилистки был подвергнут резкой критике. В записке указывалось, что допуск женщин к новым поприщам отвлечет ее от истинного призвания – домашнего очага. П.А. Шувалов полагал, что женщина в скором времени оставит мысль быть хорошей женой и матерью, будет стремиться к независимости, а ее работа в различных канцеляриях только усилит семейные раздоры и ухудшит семейную жизнь. Кроме того, женщина в гораздо большей степени руководствуется чувством, чем рассудком, следовательно, она не способна к службе. Указывая на дешевизну женского труда, шеф жандармов считал, что правительство – не частные лица, чтобы в таком деле руководствоваться коммерческими соображениями. П.А. Шувалов заключил, что в России «недостаток в хороших воспитательницах и бабках принял размеры, можно сказать, народного бедствия; и если многие семьи нуждаются в помощи женщины, то следует всегда помнить, что нет в целом мире страны, в которой так легко было бы приобрести кусок хлеба и помимо государственной службы, как в России, стоит только трудиться в том кругу, который каждому назначен природой

³⁰ Скальковский К.А. О женщинах: мысли старые и новые. М., 2012. С. 21.

³¹ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 16–19.

и естественными потребностями»³². Иными словами, шеф жандармов призвал ограничить применение женского труда в стране двумя сферами – педагогической и медицинской.

26 декабря 1870 г. Комитет министров заслушал записку и присоединился к ней, а уже 14 января 1871 г. Александр II «определил круг полезной для государства и общества служебной деятельности лиц женского пола». Императорское повеление запрещало принимать женщин в правительственные и общественные учреждения даже по вольному найму (служба по вольному найму не предоставляла прав, имеющихся у государственных служащих), поощряя при этом открытие акушерских и фельдшерских курсов для женщин и их деятельность на поприще воспитания³³. Исключением из правил являлись лишь счетные части IV Собственной Е. И. В. канцелярии и телеграфное ведомство, куда женщин разрешено было брать в определенных шефом жандармов и Министерством внутренних дел (МВД) количествах.

В ноябре 1872 г. четвертый Съезд представителей железных дорог посчитал, что указ императора не относится к частным железным дорогам, поскольку «каждой дороге предоставлено определять женщин на разные должности по своему усмотрению»³⁴, следовательно, вопрос допуска женщин к железнодорожным должностям не требует обсуждения. К этому времени женщины уже массово трудились в должностях телеграфистов, бухгалтеров, контролеров, кассиров и путевых сторожей.

Между тем Жандармское полицейское начальство частной Петергофской железной дороги, основываясь на Высочайшем повелении от 14 января 1871 г., потребовало от Правления Петергофской дороги устранения от службы женщин, занимавших должности в канцелярии и служивших билетными кассирами, что и было сделано³⁵. Интересен факт, что О.С. Кнушевицкую эта участь миновала, как и ее коллегу С. Козловскую с Московской пассажирской станции

³² РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 18–19.

³³ Там же. Л. 19.

³⁴ Протоколы заседаний Общего съезда представителей русских железных дорог. 1872 г. СПб., 1872. С. 129.

³⁵ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 20.

по Нижегородской линии³⁶. Возможно, полиция просто не успела это сделать ввиду смятения, возникшего среди членов правлений обществ на пятом Съезде представителей железных дорог³⁷. Выразив обеспокоенность действиями полиции, управляющие/директора дорог через министра путей сообщения А.П. Бобринского обратились с просьбами к шефу жандармов и МВД оставить на службе хотя бы тех женщин, которые были приняты до издания указа 14 января 1871 г. В ответ III Отделение Собственной Е. И. В. канцелярии уведомило, что «ограничение не распространяется на чернорабочих и поденщиц, которых управления частных железных дорог определяют в сторожихи и прислуги при дамских комнатах на вокзалах, и к тем женщинам, которые состоят уже на службе и ничем не заслуживают удаления»³⁸. Это решение успокоило правления дорог, поскольку одних только сторожих (барьерных и переездных) к тому времени насчитывалось около 10 тысяч³⁹ – их единовременное увольнение грозило коллапсом всей железнодорожной отрасли.

Вслед за этим МПС (по соглашению с МВД) выработало правила о порядке определения женщин в телеграфисты от 8 февраля 1875 г. В соответствии с этим документом, среди телеграфистов, состоявших на службе при конкретной железной дороге, женщин могло быть не более 15 %. Если к этому времени на железной дороге числилось большее количество женщин-телеграфистов, то их, однако, не следовало увольнять, ограничившись только отказом в приеме новых кадров⁴⁰. На время войны с Турцией в 1877–1878 гг. требование к процентному соотношению было временно снято и женщин принимали без ограничений. 29 июня 1879 г., по окончании военных действий, нормативное требование о 15 % вновь было подтверждено по частным железным дорогам⁴¹.

³⁶ РГИА. Ф. 258. Оп. 7. Д. 87. Л. 29.

³⁷ Общий съезд представителей русских ж. д... С. 3–4.

³⁸ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 22 об.

³⁹ Вопрос о службе женщин в железнодорожных обществах... С. 793.

⁴⁰ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 23.

⁴¹ Там же. Л. 23–23 об.

К середине 1880-х годов, в эпоху Александра III, несмотря на подозрительное отношение власти к любым революционным идеям, ситуация в очередной раз изменилась. По мнению Русского отдела Постоянной комиссии международных железнодорожных конгрессов, «оказалось, что женщины ищут службы преимущественно как средство заработка, а опыт на частных железных дорогах показал, что, дорожа занятиями и постоянным вознаграждением, они к своим служебным обязанностям относятся весьма ревностно и внимательно»⁴². Вслед за этим вопрос о допуске женщин к службе на железных дорогах был подвергнут пересмотру.

10 октября 1889 г. Государственный контролер Т.И. Филиппов, прежде чем обратиться в Комитет министров, направил записку «О допущении лиц женского пола к занятиям по счетной и письменной части в учреждениях Государственного контроля, поверяющих обороты железных дорог» министру путей сообщения А.Я. Гюббенету, предложив последнему высказать свое мнение о расширении сферы приложения женского труда на железных дорогах. А.Я. Гюббенет заявил, что во многих правлениях частных железнодорожных обществ с пользой для дела был допущен женский труд на второстепенных счетных и письменных должностях, и заключил, что считает полезным распространение опыта частных дорог на местные управления казенных железных дорог⁴³.

Комитет министров благосклонно отнесся к предложению Т.И. Филиппова и мнению А.Я. Гюббенета и уже 17 ноября 1889 г. Александр III утвердил положение Комитета министров о допущении женщин к занятиям по счетной и письменной частям в учреждениях Государственного контроля, поверяющих обороты железных дорог, равно как и в Управлении казенных железных дорог России. При этом женщинам разрешили трудиться только по вольному найму, то есть без присвоения прав и преимуществ государственной службы, а также без права замещения штатных должностей.

⁴² Очерк сети русских железных дорог, их устройства... Т. 2. Отд. IV. Гл. I. СПб., 1896. С. 44–45.

⁴³ РГИА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 348. Л. 3–3 об.

Поскольку вопрос о том, чем конкретно будут заниматься женщины, был оставлен на усмотрение начальства ведомств, министр путей сообщения А.Я. Гюббенет обратился к начальникам казенных железных дорог с просьбой высказать соображения по поводу должностей, которые могли бы быть замещаемы женщинами. На основе мнений начальников дорог⁴⁴ были выработаны правила, подписанные министром путей сообщения 17 ноября 1890 г., согласно которым, женщины допускались к службе в управления казенных железных дорог на следующие должности:

- журналистов, конторщиков и переписчиков (по канцеляриям управлений дорог и юрисконсультской части);

- младших счетоводов, журналистов, конторщиков и переписчиков (по главной бухгалтерии и счетоводству материальной службы, служб пути, движения, тяги и телеграфа);

- младших агентов и конторщиков (по статистике пробега);

- акушерок и фельдшериц (по врачебной части);

- переписчиков и конторщиков в управлении (по материальной службе);

- чертежников, журналисток и конторщиков в управлении и переездных сторожих на линии (по службе пути);

- конторщиков и переписчиков (по службе движения в отделах: а) статистики грузов; б) коммерческом; в) тарифном; г) столе претензий);

- билетных кассиров и горничных при дамских комнатах (на больших станциях по службе движения);

- конторщиков, переписчиков и младших счетоводов, телеграфисток в пределах телеграфных правил (по службе телеграфа);

- младших счетоводов, конторщиков и чертежников при управлении (по службе тяги)⁴⁵.

Правилами оговаривалось, что доля женщин не может превышать 20 % от общего числа служащих по должностям в каждом из

⁴⁴ РГИА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 348. Л. 7–27.

⁴⁵ РГИА. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1127. Л. 24–24 об.

вышеуказанных отделений. На фельдшерлиц, акушерок и переездных сторожих данное ограничение не распространялось.

Таким образом, в 1860-х годах частные железнодорожные общества были во многом предоставлены самим себе, однако к концу 1880-х годов государство стало стремиться занять лидирующие позиции в железнодорожной отрасли, подчинив работу всего транспорта четким правилам, увеличивая совокупную долю казенных дорог. Так, если в 1890 г. частному капиталу принадлежало 70,6 % железных дорог, то уже через пять лет, к 1 января 1896 г. – лишь 38,4 процента⁴⁶. Эпоха приоритета частных дорог над казенными окончательно ушла в прошлое, а вместе с ней и попытки частных обществ выстраивать независимую от государства кадровую политику, в том числе в отношении использования женского труда. Женский труд на железных дорогах, три десятилетия назад считавшийся небывалым новшеством, к концу 1880-х годов стал привычной практикой, закрепленной правилами приема женщин на службу в управления казенных железных дорог от 17 ноября 1890 г. Эти правила стали основой для всех последующих нормативно-правовых актов, регулирующих использование женского труда на железных дорогах.

⁴⁶ Очерк сети русских железных дорог, их устройства... Т. 1: [Отд. 1. Путь и здания; Отд. 2. Подвижной состав; Отд. 3. Движение и сигнализация]. 1896. С. 8.

А.А. Старышкина

Институт истории СО РАН (Новосибирск)

Актуализация гендерной идентичности в эго-документах журналисток конца XIX – начала XX в.

Статья посвящена выявлению сюжетов, способствовавших актуализации гендерной идентичности в эго-документах русских журналисток конца XIX – начала XX века. На основании анализа эго-текстов сотрудниц периодики автор приходит к выводу, что к этим сюжетам относились рассказы о работе женщин в мужском коллективе, о совмещении работы и материнства, о своих матерях, о своей привлекательности и о других женщинах. Статья написана в рамках культурно-интеллектуальной истории.

Ключевые слова: гендер, гендерная идентичность, русские журналистки, эго-тексты.

Проблемы гендерной идентичности и гендерной специфики сегодня вынесены обществом на повестку дня. В некотором роде это характерно и для периода конца XIX – начала XX в. Полорольевые функции, способности женщин и их предрасположенность (или, наоборот, неспособность) к какой-либо работе широко обсуждались в прессе и обществе. Поэтому проблема гендерной идентичности русских женщин XIX – начала XX в. занимает особое место в исследовательском пространстве и анализируется в контекстах дворянской культуры, сексуальности, концепта «новая женщина», женской литературы и женского движения. М. Зирин в своей статье подвергает деконструкции автобиографии некоторых дореволюционных русских женщин-литераторов¹. Творчество русских писательниц-прозаиков охарактеризовано в труде Р. Марш². Специфика гендерной идентификации в мемуарах А.В. Тырковой выявлена в исследовании

¹ *Zirin M.* «A particle of our soul»: prerevolutionary autobiography by Russian women writers // *A History of Women's Writing in Russia* / ed. by A.M. Barker and J.M. Gheith. 2004. P. 100–116.

² *Marsh R.* Realist prose writers, 1881–1929 // *A History of Women's Writing in Russia...* P. 175–206.

Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой³. Однако общей характеристики гендерной идентичности в эго-текстах журналисток конца XIX – начала XX в. еще не дано. Это является задачей данной статьи.

Под эго-документом мы вслед за Ю.Л. Троицким понимаем текст, «в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия. Телеология эго-документов может быть описана эгоцентрической формулой «я-в-мире». Отсюда явно присутствующий (чаще – имплицитно) пафос самооправдания. К эго-документам относятся личные дневники, переписка, мемуары, исповедальные нарративы и некоторые пограничные жанры⁴. Следует оговориться, что для написания настоящей статьи нами были использованы эго-тексты русских журналисток конца XIX – начала XX в., в которых наиболее ярко выражена их гендерная идентичность.

Особое значение для русских журналисток конца XIX – начала XX в. имела тема восприятия в обществе и в прессе женщины как литератора. Безусловно, на рубеже XIX–XX вв. произошли некоторые подвижки, по сравнению с концом XVIII – первой половиной XIX в. Тогда за женщиной закреплялась только одна сфера самореализации: дом. Женщины-литераторы представлялись аномалией, часто подвергались «гонениям» общества или не воспринимались всерьез. В то же время им не воспрещалась переводческая деятельность и занятия детской литературой.

Ситуация изменилась во второй половине XIX в. Этому способствовала начавшаяся модернизация в России, изменившиеся экономические и социальные условия жизни, подъем женского освободительного движения. Необходимость получения заработка сделала работу в органах периодики (бывшей одной из самых доступных) привлекательной для многих женщин. Особое положение женщины в русской журналистике отмечается во многих проанализированных нами эго-текстах.

³ Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю»: самоидентификация и память в русском женском автобиографическом письме конца XIX – второй половины XX вв. // *Autobiografija*. 2012. № 1. С. 121–143.

⁴ Троицкий Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // *История в эго-документах: Исследования и источники*. Екатеринбург, 2014. С. 14.

Как показано в статье Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, актуализация определенной идентичности была связана с конфликтными ситуациями, обострявшими проблему идентичности⁵. Таким являлся вопрос о равенстве женщин и мужчин, в том числе в занятиях творческой деятельностью.

Для одной из журналисток, А.И. Волковой, вопрос о равенстве женщин в литературе в конце XIX в. имел профессиональный, гендерный и сословный характер. Так, рассуждая о реплике «одного господина», который был удивлен тем, что она издавала журнал и была искренне заинтересована этим делом, А.И. Волкова резюмировала: «Не знаю, по моему мнению, следовало гораздо более удивляться тому, что я „не в свои сани села“ по своему непоследовательному образованию, а уже никак не тому, что я могла интересоваться журнальным делом»⁶. По мнению А.И. Волковой, этого «образованного и неглупого» человека удивлял не только факт того, что издательским делом так усердно занималась женщина, а еще и то, что эта женщина – купчиха. Принадлежность к купечеству формально не являлась препятствием к образованию и занятию издательской деятельностью. Однако свой сословный статус ощущался А.И. Волковой как преграда. По ее словам, отец считал, что для богатой девушки купеческого рода читать книги, стремиться к получению образования должно быть стыдно, что это стезя бедных. Надежды на то, что ситуация изменится, когда она выйдет замуж, пали прахом. В воспоминаниях А.И. Волкова отмечала, что муж не разрешал ей ни читать книги, ни покупать их. Со временем, по-видимому, ситуация изменилась, А.И. Волкова смогла реализовать стремление получить образование всеми доступными ей путями (чтение книг, журналов, газет, общение с интеллектуально развитыми людьми). Хотя А.И. Волкова считала, что ее принадлежность к купеческому сословию мешала в достаточной мере общаться с людьми, близкими ей по мировоззрению. Она полагала, что их стесняет ее сословное

⁵ Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «Первые люди в России»: сословная и профессиональная идентичность в мемуарно-автобиографической прозе русских литераторов XIX в. // Вестник Омского университета. 2015. № 1. С. 152.

⁶ Волкова А.И. Воспоминания. Дневник / предисл. и ред. В.Е. Чешихина-Ветринского; предисл., коммент., указ. Л.В. Беловинского. М., 2015. С. 115.

происхождение, что они не хотят приходить к ней домой именно поэтому.

Работая и живя в «мире мужчин», в своих эго-текстах журналистки обосновывали, что способны успешно исполнять профессиональные обязанности наравне с коллегами по цеху – мужчинами. О своих профессиональных качествах они говорили часто от лица мужчин, что, возможно, было одним из способов легитимации этих характеристик.

По мнению исследовательницы М.В. Михайловой, «главной проблемой, встающей перед творческой женщиной, становилась невозможность совместить планомерную работу, которую требуют, например, занятия литературой, и любовь, семья»⁷. У журналисток мог наблюдаться своеобразный «конфликт интересов», когда для реализации одной из целей требовалось в какой-то степени поступиться другой. В статье Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой подобный конфликт великолепно описан на примере А.В. Тырковой. Исследовательницы отмечают, что он был вызван «невозможностью успешно совмещать роль матери и активную профессиональную и политическую биографии»⁸. Действительно, журналистки не раз в своих эго-текстах обращались к проблеме совмещения работы и материнских функций. В некоторых мемуарах сотрудниц периодики заостряется внимание на их материнской любви именно в контексте исполнения ими служебных полномочий⁹. Это свидетельствует о высокой значимости образа «хорошей матери» для журналисток. Возможно, что само обоснование необходимости работать являлось

⁷ Михайлова М.В. Русская интеллигенция Серебряного века: творческая и профессиональная самореализация женщины [Электронный ресурс]. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/mihailova_i.htm (дата обращения: 08.05.2018).

⁸ Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю» ... С. 134.

⁹ Пименова Э.К. Дни минувшие. М.; Л., 1929. 198 с.; Авилова Л.А. Рассказы и воспоминания / сост. и прим. Н.С. Авиловой; вступ. ст. И.А. Гофф. М., 1984. 335 с.; Гуревич Л.Я. История «Северного Вестника» // Русская литература XX века. 1890–1910 / под. ред. С.А. Венгерова. М., 2004. С. 141–159; Тыркова А.В. На путях к свободе. М., 2007. 392 с.; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М., 2012. 1111 с.

неким оправданием того, что из-за этого приходилось в какой-то мере «жертвовать» детьми.

В своих дневниках А.И. Волкова даже чаще, чем другие сотрудницы периодики, идентифицировала себя как мать. На склоне лет, в день рождения своего сына, она писала: «Сколько связано воспоминаний с этим днем... Сколько было мечтаний! И где же все это? Все прошло! С годами ушли мечты и надежды, и осталась лишь пустота в душе»¹⁰. Это последняя запись в ее дневнике. Хочется подчеркнуть, что разочарование, судя по всему, она испытывала не столько в сыне, сколько в себе. Недаром она так часто обращалась к теме женского образования. В записках она рассуждала о вопросе пользы образования для воспитания матерью детей, не только сердцем, но и «развитым умом». Рефлексия по этому поводу является характерной чертой ее дневников, поскольку А.И. Волкова, в отличие от многих деятельниц женского движения, считала необходимым образование не столько ради обретения независимости, сколько как средство укрепления семьи. Однако А.И. Волковой, по ее мнению, не удалось стать «образованной матерью».

Женщины на рубеже веков начали выходить на сцену общественной жизни. Если раньше в их автобиографической прозе главный упор делался на частной сфере, то теперь акценты сместились, стала чаще описываться общественная жизнь. Женщины охотно повествовали о семейной жизни родителей, но свои личные отношения с мужем старались не выносить на суд читателей. Тем не менее, некоторые мемуаристки посвящали читателей в интимные стороны собственной биографии. Примером, когда личная жизнь и чувственная сфера взаимоотношения с мужем выносились на суд читателей, являются мемуары Э.К. Пименовой. В них она рассказывала, что не собиралась действительно выходить замуж. Она заключила фиктивный брак, чтобы вырваться на «свободные просторы самостоятельной жизни» – к получению образования на медицинских курсах и к последующей работе по профессии. Любопытно, что жизненная концепция в автобиографической прозе Э.К. Пименовой строго не детерминирована. Ее судьба представляла собой постоянное стече-

¹⁰ Волкова А.И. Воспоминания... С. 303.

ние более-менее случайных обстоятельств. Вспоминая то, как ей удалось сдать вступительные экзамены на курсы, в том числе благодаря моральной поддержке мужа – инженера-механика И.Г. Пименова, она упоминала довольно интимную деталь: «Не могу выразить, с каким неизъяснимым чувством я прочла свою фамилию в списке принятых в академию. У меня даже потемнело в глазах от радости. Мой муж тоже пришел со мной. Когда мы вернулись домой, я бросилась к нему на шею и крепко поцеловала его, говоря, что этим я обязана ему, его доброте и терпению, что цель моя достигнута. В эту ночь я сделалась его женой»¹¹.

Гендерная идентичность актуализируется Э.К. Пименовой при описании отношения к ней не только мужа, но и других мужчин. Она презентовала себя как довольно привлекательную женщину, не обделенную вниманием противоположного пола. В юности в нее был влюблен и предлагал выйти замуж молодой человек, который, однако, понравился больше не Э.К. Пименовой, а ее отцу. Это являлось причиной разрыва вкупе с осознанием того, что этот молодой человек не дал бы ей учиться¹². Позже, уже от мужа Э.К. Пименовой, удалось узнать, что к ней был равнодушен ее близкий друг лейтенант: «Он изливал мне свою душу. Он ведь любил вас и однажды сказал мне, что если бы он был свободен, то женился бы на вас. Но это счастье не для него...»¹³. В центре внимания мужчин она предстала в своих воспоминаниях и на вечере у Н.К. Михайловского, на котором собрались многие видные деятели литературы: Г.И. Успенский, Д.Н. Мамин-Сибиряк, С.Н. Южаков, В.В. Лесевич. Более того, она, по словам Д.Н. Мамина-Сибиряка, смогла понравиться Н.К. Михайловскому, изначально к ней неблагоприятно настроенному: «Ну, не краснейте, пожалуйста. Вы сумели ему понравиться, и он пришел в хорошее настроение, а вместе с ним и мы все. <...> Он ведь у нас привередливый»¹⁴. В дальнейшем взаимоотношения Э.К. Пименовой и Н.К. Михайловского носили довольно личный характер. Такой вывод можно сделать на основе ее воспоминаний, а

¹¹ Пименова Э.К. Дни минувшие... С. 98.

¹² Там же. С. 79–82.

¹³ Там же. С. 95.

¹⁴ Там же. С. 121.

также мемуаров современников. А.В. Тыркова, рассказывая о своем первом впечатлении о «духовном вожде молодежи» Н.К. Михайловском, приводит следующий случай из быта редакции журнала «Мир Божий»: «Михайловский расхаживал по длинной гостиной из конца в конец. Одной рукой обнимал он за плечи хозяйку, другой рукой так же нежно обнимал он свою тогдашнюю подругу Э.К. Пименову, очень милую женщину, беззаветно ему преданную. На ходу он по очереди снисходительно улыбался то одной, то другой»¹⁵.

Издательница «Современного мира» М.К. Куприна-Иорданская, оставившая воспоминания о своем первом муже А.И. Куприне, естественно, затрагивала в данном тексте тему супружеских отношений. Но прямых оценок от своего лица она не давала. М.К. Куприна или приводила мнения людей своего круга об их браке, по видимому, многими считавшимся изначально неудачным. Или приводила истории семейной жизни, из которых нельзя сделать иной вывод, кроме как о необходимости развода. Она не высказывала свое мнение в мемуарах, когда повествовала о пьянстве мужа, или когда он приводил ночью в их загородный дом совершенно незнакомых людей. Даже после описания их ссоры, в результате которой А.И. Куприн случайно поджег надетое на нее платье, М.К. Куприна-Иорданская не комментировала ситуацию.

В мемуарах М.К. Куприна показывала себя привлекательной женщиной не только для своего первого, а потом второго мужей, но и для других мужчин. Рассказывая об одном ужине в компании И.А. Бунина и А.И. Куприна в ресторане Палкина, она упомянула о следующем происшествии: «Народу в зале было много, столики все заняты, и нам пришлось сесть за столик у зеркальной стены. Справа от меня Куприн, слева – Бунин. У противоположной стены, напротив меня, за длинным столом ужинали восемь офицеров. Увидев меня, они разыграли такую сцену: двое, которые сидели по краям стола и не отражались в нашем зеркале (их могла видеть только я), встали, подняли бокалы и пили за мое здоровье. Потом эти места занимали двое других офицеров и проделывали то же самое»¹⁶. Другой гендер-

¹⁵ Тыркова А.В. На путях к свободе... С. 47.

¹⁶ Куприна-Иорданская М.К. Годы молодости. М., 1966. С. 83.

ной ролью, зафиксированной М.К. Куприной в воспоминаниях, помимо жены, была роль матери. Однако и здесь она напрямую своих чувств не раскрывала, а скорее описывала конкретные действия.

Если говорить об образе матери, то он является ключевым при формировании гендерной идентичности. Тема материнства появляется в эго-текстах журналисток также при описании своего детства и матери как центрального образа этого периода жизни. По мнению Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, «большое значение для становления личности А.В. Тырковой имела мать, воплощая семью, дом как символ защищенного, безопасного пространства, а кроме того образ матери является основой для конструирования собственной идентичности автора мемуаров»¹⁷. Соглашаясь с выводами исследовательниц, хочется подчеркнуть, что матери большинства журналисток, так же как и мать А.В. Тырковой, давали им первоначальное образование и воспитание. Особенно мемуаристками подчеркивается роль матери в формировании первичного круга чтения будущих деятелей литературы. Подчас именно матери прививали им любовь к литературе, стремление связать свою жизнь с этой сферой искусства. В.Н. Цеховская, описывая годы жизни своей матери в браке, отмечала: «Мягкая, привязчивая и кроткая, она постоянно чувствовала себя душевно одинокой. И может быть поэтому стала уделять много времени моему, главным образом литературному развитию»¹⁸. Позже В.Н. Цеховская, впервые увидев собственный репортаж напечатанным в газете, упомянула: «Строки были мои, и они были напечатаны, и меня это радовало безмерно. В это ощущение авторского ликования врывалась лишь одна обидная и горькая боль. Сознание, что вот напечатаны мои первые строки, а мать, которая так беспредельно была бы обрадована этим, не видит и никогда не увидит моего выступления на поприще литературы»¹⁹.

¹⁷ Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. «О себе я стараюсь говорить поменьше, но все-таки говорю»... С. 134.

¹⁸ Цеховская В.Н. Из репортерских воспоминаний // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 124.

¹⁹ Там же. С. 130.

Поэтому образ матери подчас был связан не только с гендерной, но и с профессиональной идентичностью.

Несколько в стороне по вопросу об образе матери и детства стоят дневники Е.А. Дьяконовой, воспоминания А.И. Волковой и ранние мемуары А.А. Вербицкой. Мать первой имела весьма деспотичный характер, и строчки о ней в серии дневников девушки часто носят конфликтный, порой трагичный характер. По эго-тексту видно, что первоначально у Е.А. Дьяконовой с матерью были хорошие отношения. Отправившись первый раз в гимназию, она писала в дневнике: «Как скучно без мамы и без бабушки! Сестры, братья далеко. Я не испугалась множества девочек; напротив, мне стало легче, но все-таки без мамы жить трудно и скучно»²⁰. По мере взросления журналистки происходили изменения в ее восприятии матери, выстраивалась иная стратегия поведения с ней. Е.А. Дьяконова записала: «Правда, я прежде была лучше, теперь я все возражаю маме. Но... не возражать ей невозможно, потому что мама противоречит сама себе на каждом шагу»²¹. В детстве ссоры с матерью не носили фатальный характер, и Е.А. Дьяконова то ей восхищалась, то ругала в своих дневниках. Возможно, из-за их первоначальной эмоциональной отчужденности (девушка отмечала, что любила мать, но между ними никогда не было разговора «по душам»), а потом сформированных временем мировоззренческих различий ее ссоры с матерью принимали другие обороты. Е.А. Дьяконова тайно от матери читала многие книги, а мать за ней тайно шпионила. Видимо, финальным аккордом стал отказ матери дать разрешение Е.А. Дьяконовой поступать на женские курсы. Дальше их общение, судя по дневникам, проходило только в формате конфликта. Поэтому образ себя Е.А. Дьяконова часто строила как антитезу образа своей матери.

По словам М. Зирин, А.А. Вербицкая также в детстве и юности страдала от деспотичного характера своей матери, часто бросавшей своих дочерей и сына на произвол жестокой домоправительницы,

²⁰ Дьяконова Е.А. Дневник русской женщины [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/d/dxjakonowa_e_a/text_0020.shtml (дата обращения: 12.05.2018).

²¹ Там же.

когда ей хотелось покинуть пожилого мужа ради другого мужчины²². И только в более поздних воспоминаниях А.А. Вербицкая изображала свою мать более сочувственно, так как им удалось примириться.

Такие же отчужденные отношения между матерью и дочерью ждали А.И. Волкову. Однако во времена ее детства представление об этом жизненном периоде было несколько иным. Дети воспринимались как помеха. В воспоминаниях А.И. Волковой образ матери являлся центральным. Все повествование концентрировалось вокруг ее матери и обрывалось с ее смертью. В каждой строчке, написанной А.И. Волковой о матери, чувствуется восхищение: «Мать моя, Александра Николаевна, урожденная Лухманова, считалась красивой женщиной. Маленькая, худенькая, с большими кроткими глазами, она производила впечатление чего-то неземного. Изящная, нежная, добрая, она была любима всей семьей Вишняковых. Ее вкусы, занятия резко отличались от всей обстановки, которая ее окружала. Мать знала хорошо французский язык, любила читать по-французски и вышивать, что было особенно в моде в то время»²³. Как видно из этого отрывка, для А.И. Волковой была очень важна эта инаковость, явное отличие ее мамы от женщин купеческой среды. И одновременно образ матери являлся очень далеким для мемуаристики. В ее воспоминаниях то и дело встречаются истории, в которых А.И. Волкова пыталась матери угодить, но делала это совсем неудачно, и девочку ругали и наказывали. На протяжении всех мемуаров, а затем дневника чувствуется эта недолюбленность автора в детстве, ее отчужденность от тех, к кому она тянулась. В воспоминаниях о детстве А.И. Волкова отмечала, что всегда завидовала брату, которому мама уделяла больше внимания в силу его болезненности. Единственным женским образом, который рисовался А.И. Волковой эмоционально близким, являлся образ няни.

По запискам А.И. Волковой видно, что особое значение для конструирования своей гендерной идентичности имели ее представления о других женщинах. Благодаря этому она показывала

²² Zirin M. «A particle of our soul»... P. 109.

²³ Волкова А.И. Воспоминания... С. 55.

свои явные отличия от большинства представительниц женского пола. А.И. Волковой отмечалась неразвитость большинства женщин, их необразованность: «Чем интересуются женщины? Что они читают? В лучших случаях романы без разбора, а в худших – совсем ничего. Есть дельные женщины, но как их еще мало!»²⁴. В то же время себя она явно вписывала в этот круг дельных женщин. В ее записках имеются частые упоминания той литературы, которую она читала и по поводу которой рефлексировала. Подобную ситуацию с неразвитостью большинства женщин она полагала нужным изменить, приобщив их к образованию. Размышляя о взаимоотношениях мужчин и женщин, она писала: «Зачем радоваться и благодарить за любовную подачку мужчине, который в женщине всегда видел и будет видеть только красоту и молодость? Толкуют о душе, об образовании, об уме женщины; все это вздор, ничего им не нужно! Вот когда женщины будут образованы в большинстве, тогда и мужчины будут смотреть на них иначе, да и сами будут лучше: животные инстинкты дадут преимущество духовной жизни и в мужчине будет проглядывать больше человек, чем самец»²⁵. Не только эта цитата, весь ее дневник представляет собой феминистскую критику российского общества конца XIX в.

Таким образом, гендерная идентичность журналистками актуализировалась, когда они затрагивали тему восприятия пишущей женщины в обществе, доказывая в своих эго-текстах, что они имели право на творчество и работу. Так как они являлись работающими матерями, жившими в патриархальном обществе, женщины очень часто пытались показать, что они «хорошие мамы», подававшие правильный пример своим детям или стремившиеся его подать. С этим, правда, возникали иногда трудности, которые объяснялись некоторыми сотрудниками периодики не фактом работы, а отсутствием достаточного для воспитания детей образования. Образ собственной матери являлся системообразующим в их воспоминаниях о детстве, именно мамы привили будущим журналисткам любовь к литературе и тем самым побудили их стать частью пишущей бра-

²⁴ Волкова А.И. Воспоминания... С. 287.

²⁵ Там же. С. 110.

тии. Вместе с тем матери могли являться и отрицательным персонажем, с которым приходилось постоянно бороться и который являлся главным антиподом автора эго-документа. В текстах воспоминаний журналистки изображали себя не только в роли работающей женщины, матери и дочери, они рисовали себя как привлекательных женщин, пользовавшихся популярностью у лиц противоположного пола. Сотрудницы периодики сравнивали себя с другими женщинами не только внешне, но и интеллектуально. Именно осознание необразованности большинства женщин побуждало их к борьбе за гражданские права.

А.С. Шестопалова

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

**Отражение «социального самочувствия» офицеров
Российской армии после русско-японской войны
и Первой русской революции 1905–1907 гг.
в отечественной публицистике**

Статья посвящена воссозданию «социального самочувствия» корпорации офицеров после поражения в русско-японской войне и участия армии в подавлении революционных выступлений. Автором были выявлены причины изменений оценок командного состава своего социального положения. На основе анализа отечественной публицистики автором был сделан вывод, что в начале XX в. произошло не только изменение представлений общества об офицерах, но и офицеров о самих себе и своем месте в обществе. Обращение к проблеме «социального самочувствия» позволило выявить причины выбора поведенческих стратегий офицеров в период социально-политических изменений.

Ключевые слова: социальное самочувствие, офицерский корпус, «офицерский вопрос», взаимоотношения армии и общества, общественное сознание.

В начале XX в. в истории Российского государства произошел ряд событий, который привел к быстрому социальному сдвигу и изменениям в общественной жизни. Социальные трансформации, происходившие в России в начале XX в., актуализировали проблему самоопределения, самоидентификации и «социального самочувствия» в обществе представителей различных социальных групп. Особенно отчетливо это сказалось на положении и состоянии офицеров Российской армии, которые еще до недавнего времени были одной из самых статусных и привилегированных социальных групп российского общества. Под влиянием различных процессов изменилось не только положение офицера в социуме, но и его восприятие окружающей действительности, что во многом предопределило

выбор поведенческих стратегий военачальников в переломные моменты истории Российской империи.

Цель данной статьи состоит в воссоздании «социального самочувствия» офицеров в российском обществе после русско-японской войны и Первой русской революции 1905–1907 гг. В настоящем исследовании под «социальным самочувствием» мы понимаем оценки представителями офицерского корпуса своего общественного положения.

Длительное время изучение «социального самочувствия» являлось прерогативой психологов и базировалось исключительно на психологическом подходе. Однако многогранность данной категории привела к выделению у нее различных уровней и компонентов, которые в той или иной степени выступали в качестве предмета исследований у историков. В частности, Н.Ю. Бринюк¹, С.А. Поляков², В.Ю. Закиров³, И.Н. Гребенкин⁴ обратились к изучению морально-психологического состояния представителей офицерского корпуса после свержения самодержавия. Морально-психологическое состояние, а также представления офицеров об окружающей действительности, восприятие общественных явлений и процессов, соотношение их с эмоциями, ощущение психологической и физиологической комфортности внутреннего состояния личности – те компоненты, которые в настоящей статье будут рассмотрены в качестве основных составляющих «социального самочувствия» офицеров. Внимание исследователей преимущественно сосредоточено на освещении морально-психологического состояния накануне и в период революционных потрясений 1917 г. Обращение к изучению «социального самочувствия» офицеров после русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. позволит выявить и зафиксировать один из первых

¹ Бринюк Н.Ю. Офицеры и революция: гражданская позиция российского офицерства в 1917 г. По архивным материалам // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 193–207.

² Поляков С.А. Роль императорской гвардии в февральской революции 1917 г. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 86–90.

³ Закиров В.Ю. Социально-мировоззренческая трансформация офицерского корпуса русской армии в период I мировой и Гражданской войн (1914–1920 гг.) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2015. № 4 (5). С. 14–17.

⁴ Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918. М., 2015. 528 с.

этапов трансформации представлений военачальников о своем положении в обществе.

Специфика представленной темы предопределила выбор в качестве главного источника исследования материалов отечественной публицистики начала XX в. Под публицистикой понимаются произведения, цель которых состоит в выражении и формировании общественного мнения по актуальным вопросам современной жизни. В настоящей работе мы обратились к статьям и заметкам, опубликованным на страницах таких периодических изданий, как «Мир божий», «Военный сборник», «Вестник Европы» и других. Их анализ позволил изучить существовавшие представления в обществе, в том числе и в офицерской среде, о жизни и службе командного состава Российской армии.

Методологическую основу исследования наряду с историко-сравнительным и историко-типологическим методами составил дискурс-анализ. Обращение к дискурс-анализу позволило нам выявить характеристики существовавшей социальной реальности, которая была представлена на страницах отечественной публицистики, а также компоненты, оказавшие влияние на «социальное самочувствие» в офицерской среде.

По замечанию исследователя офицерского корпуса П.А. Зайончковского, ореол, которым была окружена профессия военного, после Крымской войны постепенно тускнел⁵. Падению престижа и авторитета военачальников, и как следствие изменению «социального самочувствия» офицеров, способствовало поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. В ходе русско-японской войны в офицерской среде обнаружилось значительные недостатки, связанные как с отсутствием опыта ведения боевых действий, так и с теоретическими и тактическими просчетами. В течение длительного времени русская армия находилась в состоянии «покоя» и не вела войн, что привело к тому, что многие военачальники отправились на театр военных действий только с опытом, полученным в юнкерских училищах.

⁵ Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии перед Первой мировой войной // Вопросы истории. 1981. № 4. С. 28.

В одном из номеров «Вестника Европы» за 1904 г. при описании общественных настроений указывалось, что «известия о ходе военных действий ожидаются с лихорадочным нетерпением. Победа вызывает общий бурный восторг. Поражение – повергает в уныние»⁶. Эти пессимистические настроения, вызванные военными неудачами и распространившиеся в обществе, были преобладающими и в офицерской среде. Об этом свидетельствует тот факт, что не только на страницах гражданских периодических изданий, но и военных, где в большей мере публиковали свои заметки сами офицеры, стали появляться статьи, главная цель которых заключалась в попытках объяснить причины поражения и найти виновных в этом.

Многие отечественные публицисты пытались найти причины военных неудач именно в действиях российских офицеров. Данной точки зрения нередко придерживались не только публицисты военных периодических изданий, но и некоторые офицеры. Так, на страницах «Военного сборника» была опубликована статья публициста Д. Баландина, который считал, что главной причиной поражения в русско-японской войне являлась слабость полководцев. Он утверждал, что «вечные колебания и нерешительность действий командующего армией подорвали веру в твердость его решений»⁷.

Одним из главных виновных в сдаче Порт-Артура был объявлен генерал-адъютант, комендант военной крепости А.М. Стессель. После своего освобождения из-под заключения А.М. Стессель дал интервью, фрагменты которого хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве⁸. А.М. Стессель отмечал, что про него распространялись различные слухи, в том числе о том, что он продал Порт-Артур японцам за 16 млн рублей.

Таким образом, некоторое смятение и упадок морально-психологических сил российских офицеров, обусловленные поражением в русско-японской войне, и поиск виновных на страницах отечественной публицистики способствовали утверждению мнения о не-

⁶ Д.В. Письма с Дальнего Востока // Вестник Европы. 1904. № 8. С. 472.

⁷ Баландин Д. Дух и инициатива – выше всего // Военный сборник. 1914. № 11. С. 85.

⁸ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 801. Оп. 122. Д. 51. Л. 1.

компетентности и неудовлетворительном состоянии командного состава.

В своих воспоминаниях генерал-лейтенант М.В. Грулев отмечал, что «общество как будто разочаровалось в своей армии после войны с Японией. Под влиянием общества и пережитых ударов судьбы и в армии поколебалась вера в свои силы, гордость своими заслугами перед родиной. Когда в глазах окружающих и своих собственных улетучился вдруг ореол былой славы и померк нравственный престиж военной службы, осталось... только одно получаемое содержание, которое по своей мизерности показалось еще меньше при возрастающих требованиях службы»⁹.

Неясность причин войны, неудачный ход боевых действий и поражение русского оружия привели к появлению в обществе отвращения к войне и всему, что с ней связано. Один из гражданских публицистов в журнале «Мир божий» писал, что «у нас существуют в настоящее время, при всей нашей цивилизации, при величии науки и философии... у нас есть школы, в которых обучают убивать, убивать издалека, с совершенством, сразу как можно больше людей, убивать несчастных, невинных людей, обремененных семейством, не справляясь о прежней их жизни»¹⁰. Он обвинял военных в том, что они ничего не сделали для доказательства хотя бы проблеска своей интеллигентности и смогли только придумать пушки и ружья¹¹.

Распространению антивоенных и антимилиитаристских настроений способствовала и революционная пропаганда накануне и в период революции 1905–1907 гг. Участие офицеров в подавлении революционных выступлений способствовало формированию в общественном сознании образа офицера как главного защитника царского режима. Это привело к оскорблениям, обезоруживанию, избиению офицеров представителями мира штатских в 1905–1907 годах¹². Таким образом, участие офицеров в подавлении Первой русской революции выступило одной из причин ухудшения «социаль-

⁹ Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии. Брест-Литовск, 1911. С. 35.

¹⁰ Агафонов В. Мысли о войне // Мир божий. 1904. № 11. С. 35.

¹¹ Там же. С. 36.

¹² Кожевин В.Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 56.

ного самочувствия». Стоит отметить, что офицеры находились под подозрением не только со стороны общества, но и со стороны государства, о чем свидетельствовало установление правительством наблюдения за политической благонадежностью офицеров¹³.

Поиск виновных в поражении, антивоенные настроения способствовали появлению на страницах отечественных периодических изданий критических заметок и статей об офицерстве. Началом критической кампании послужила публикация «Поединка» А.И. Куприна в мае 1905 г. В повести с помощью описания мыслей и действий героев были представлены самые отрицательные характеристики русских офицеров. Несмотря на гипертрофированную критику офицерства, А.И. Куприн в своем произведении обратил внимание на важный психологический компонент, характеризующий «социальное самочувствие» русского офицера после 1905 г.

Писатель в своей повести затронул проблему отношения военных к собственной профессии. По мнению А.И. Куприна, «все офицеры, за исключением немногих честолюбцев и карьеристов, несли службу как принудительную, неприятную, опротивевшую барщину, томясь и не любя ее»¹⁴. Они служили только потому, что им «с детства твердили и теперь все кругом говорят, что самое главное в жизни – это служить и быть сытым и хорошо одетым»¹⁵. Они несли эту повинность только потому, что ничего другого они делать не умели и не могли.

Публикация «Поединка» в 1905 г., наполненном поражениями на фронте, привела к широким дискуссиям об офицерстве, о морально-психологическом климате в офицерской среде. Вслед за повестью на страницах отечественных периодических изданий вышло значительное число трудов, посвященных офицерскому корпусу. Публицисты отечественных периодических изданий выступили с острой критикой различных компонентов повседневной жизни и службы российских офицеров.

¹³ Зайончковский П.А. Офицерский корпус русской армии... С. 29.

¹⁴ Куприн А.И. Поединок и др. / Александр Иванович Куприн. М., 2014. С. 65.

¹⁵ Там же. С. 54.

Один из критиков офицерского корпуса П.М. Пильский утверждал, что офицеры сами себя загнали в тесный и душный курятник замкнутости и отчуждения¹⁶. Публицист считал, что в современных ему условиях не могло быть не только слияния офицеров и общества, но даже соприкосновения. П.М. Пильский сравнивал офицерский корпус с замкнутой кастой, обособленной, одинокой, отделенной от мира людей, плотно закупорившейся в темноте¹⁷. Офицеров Российской армии публицисты именовали «гидрой милитаризма», «тупыми рутинерами», «защитниками царизма». Таким образом, после русско-японской войны и Первой русской революции изменилось отношение общества к офицерам, стремительно падал престиж профессии военного. Между миром военных и миром штатских укреплялась существовавшая дистанция, что не могло не повлиять на «социальное самочувствие» командного состава.

Одним из проявлений ухудшения «социального самочувствия» представителей офицерского корпуса стал феномен «бегства» офицеров из армии, появление которого в начале XX в. было зафиксировано на страницах отечественной публицистики и в воспоминаниях самих офицеров.

В своих воспоминаниях генерал-лейтенант М.В. Грулев отмечал, что после войны большая печать задалась заботами о переустройстве армии, сопровождая их однако ежедневным погребальным звоном «армия разваливается»¹⁸, но не могла предложить никаких реформ. По мнению М.В. Грулева, газеты время от времени поднимали оглушительный перезвон о бегстве офицеров¹⁹.

Один из известных публицистов начала XX в. М.О. Меньшиков посвятил жизни армии серию работ, в одной из которых он затронул проблему «бегства» офицеров из рядов Российской армии. М.О. Меньшиков писал: «Бегство офицеров из армии необходимо остановить: сказать страшно, до какой степени увеличились местами некомплекты. В то время как в адской войне последней

¹⁶ Пильский П.М. Армия и общество (Элементы вражды и препятствий) // Мир божий. 1906. № 8. Ч. 3. С. 215.

¹⁷ Там же. С. 222.

¹⁸ Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии... С. 29

¹⁹ Там же.

офицеры гибли тысячами – и не бежали, – сейчас, в мирное время, они бегут от каких-то условий хуже шимоз и пулеметов»²⁰. Публицист отмечал, что главной первопричиной появления феномена «выталкивания» из армии являлась не физическая, а нравственная сила. М.О. Меньшиков в своей статье с громким названием «Остановите бегство» указывал на то, что после русско-японской войны офицеры краснели в обществе, чувствовали себя неловко даже в своем кругу. Отечественный публицист, бывший военный, считал, что необходимо было изменить психологические условия офицерской службы, сделать ее интересной, отодвинуть позор войны и вернуть почет²¹. Только осуществление этих мер, по мнению М.О. Меньшикова, было способно остановить бегство.

Генерал-лейтенант российской армии М.В. Грулев считал, что некомплект офицерского корпуса был и раньше, к тому же, по его мнению, необходимо было учитывать и потери офицеров за годы войны²². Некомплект командного состава был связан и со способом комплектования, поскольку офицеры преимущественно были выходцами из дворянского сословия, которое к началу XX в. стало предпочитать военной карьере гражданскую. Но тем не менее М.В. Грулев в своих воспоминаниях указывал, что подобное малодушие, разочарование в профессии для офицера граничило с преступлением. Он подчеркивал, что «если теперь у нас в армии найдутся малодушные люди, которые поникли головой под гнетом пережитых неудач, то они бесспорно достойны занять место на страницах юмористических журналов». Генерал-лейтенант М.В. Грулев с сожалением отмечал, что уходили из армии не только молодые офицеры, но и старшие начальники, на решение которых повлияло ущемленное самолюбие²³.

Участник русско-японской войны, генерал-майор К.И. Дружинин, занимавшийся изучением душевного состояния воинов на разных этапах войны, также отмечал, что многие боевые офицеры покинули ряды армии. Он подчеркивал, что уходили прежде всего те,

²⁰ Меньшиков М.О. Письма к русской нации. М., 1999. С. 33.

²¹ Там же.

²² Грулев М.В. Злобы дня в жизни армии... С. 36.

²³ Там же.

которые действительно исполнили свой долг²⁴. Военный деятель и публицист затронул проблему того, что Родина под конец войны была неблагодарна армии, не ценила ее жертв и готова была даже не доставлять ей необходимейших средств для достижения боевых успехов. Он писал, что «какая-то небольшая часть, конечно, не истинно русских граждан, воспользовавшись неудачами войны, позволила себе глумиться над армией»²⁵.

Таким образом, после поражения в русско-японской войне и участия армии в подавлении Первой русской революции произошло ухудшение «социального самочувствия» офицеров. Это проявилось в снижении популярности профессии военного и изменении их статуса и положения в обществе. Данный факт подтверждают неоднократные оскорбления, избиения офицеров в период революционных событий. Об изменении отношения общественности к командному составу Российской армии свидетельствовала острая критическая кампания, развернувшаяся на страницах отечественной периодики. Критике и осуждению подверглись устои, способ комплектования, ценности военачальников. Стоит подчеркнуть, что до 1904 г. обсуждение военных проблем и жизни армии происходило только в специализированных военных изданиях. На наш взгляд, к этому времени относятся и первые трансформации представлений самих офицеров о себе и о своем назначении в современном им мире. Неудовлетворенность общества и самого командного состава армией способствовало поиску путей выхода из сложившейся ситуации. В связи с этим военачальники приняли активное участие в обсуждении военных проблем и реформ, прежде всего направленных на повышение статуса офицера в глазах солдат и общества.

²⁴ Дружинин К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту Русско-японской войны 1904–05 гг. СПб., 1910. С. 7.

²⁵ Там же.

С.А. Шевченко

*Национальный исследовательский
Томский государственный университет*

Использование труда заключенных на строительстве автомобильных дорог в штате Вашингтон в 1907–1911 гг.

В данной статье автор продолжает исследование практики использования подневольного труда заключенных на строительстве транспортной системы штата Вашингтон. На основе неопубликованного архивного материала впервые в историографии анализируется правовая база и организационные механизмы трудовой эксплуатации осужденных, обосновывается и вводится в научный оборот такое понятие как «охранная система» – методика управления пенитенциарным учреждением лагерного типа. Автор описывает процесс отбора арестантов в трудовые лагеря, отмечает возможные причины побегов, нарушения дисциплины и внутреннего распорядка. В статье комплексно рассматриваются правовые, политические и экономические факторы, оказавшие влияние на развитие системы подневольной эксплуатации труда заключенных в штате Вашингтон.

Ключевые слова: США, Вашингтон, тюрьмы, дороги, заключенные, осужденные, пенитенциарная система, уголовно-исполнительная система.

Рубеж XIX–XX вв. являлся для США периодом серьезных социально-экономических трансформаций. Повышенные темпы иммиграции совпадали здесь с бурным развитием промышленного производства и сельского хозяйства. Штат Вашингтон не стал исключением¹ и со всей страной устремлялся в «эпоху прогресса». Однако вместе с тем Вашингтон характеризовался серьезной отсталостью дорожной системы, строительство которой не поспевало за высокими темпами развития промышленности и торговли. Такие географические и социальные факторы, как удаленность от основных экономических центров США, гористая местность, большой лесной

¹ Подробный анализ социального, экономического и политического развития см.: Шевченко С.А. Организация труда заключенных по «системе доверия» на строительстве дорог в штате Вашингтон (1913–1916 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 1 (39). С. 66.

фонд и нехватка рабочей силы делали процесс строительства инфраструктуры в Вашингтоне технически сложным и одним из самых затратных в стране². Для решения назревшей проблемы в начале XX в. вашингтонскими общественниками была предложена идея использовать подневольный труд арестантов на строительстве дорог³.

В правовую форму эта идея была оформлена в 1907 г. в принятом законе «Об использовании осужденных на государственных дорогах»⁴. Ответственность за организацию их работы вне тюремных учреждений возлагалась на органы исполнительной власти: Контрольное бюро (англ. state board of control), Дорожный совет и Дорожный департамент штата Вашингтон (ДДШВ). Финансирование работы осужденных должно было осуществляться из специально созданного в 1905 г. Фонда общественных дорог (ФОД). Важно отметить, что средства фонда могли быть использованы только для улучшения государственной дорожной системы (то есть дорог, находившихся в собственности штата)⁵. Вследствие этой особенности работа осужденных не могла быть организована на городских улицах, а также дорогах, находившихся в окружной или частной собственности. Принятый закон следует рассматривать в первую очередь как компромиссный ответ на высоко политизированное в то время общественное требование решить назревшую дорожную проблему. Как предполагалось, он предоставлял сравнительно дешевый метод улучшения транспортной системы, не противоречил сложившейся правовой конструкции (конституциям США и Вашингтона), расширял права исполнительной власти и, по замыслу авторов, должен был нести пользу налогоплательщикам, бизнесу и самим заключенным.

² *Pennybacker J.* Mileage and Cost of Public Roads in the United States in 1909. Washington D.C.: Government printing office, 1912. P. 38, 117.

³ *Evening statesman.* 1904. May 31; *The Spokane press.* 1906. August 10; *The Seattle star.* 1906. August 17.

⁴ *Session Laws of the State of Washington, Tenth Session, 1907.* Olympia, Washington. C.W. Gorham, Public Printers. Chapter 93. P. 173. (Далее: L. Date, chapter, section, page).

⁵ Дороги в штате Вашингтон на рубеже XIX–XX вв. по форме собственности являлись федеральными, штатными, окружными, муниципальными и частными (подробнее см.: *Шевченко С.А.* Развитие дорожной системы штата Вашингтон (1889–1913 гг.). Правовой аспект // *Вестник Томского государственного университета.* 2018. № 426. С. 211).

Однако в законе имелось два существенных упущения. Так, например, в нем отсутствовало четкое определение субъектов предписываемых правоотношений, которые были обозначены широким понятием «осужденные». В данную категорию входило большое количество граждан, нарушивших закон и отбывавших наказание в пенитенциарии «Уолла-Уолла», федеральной тюрьме «МакНил Айленд», многочисленных изоляторах (англ. jails) городов и округов, а с 1909 г. в исправительном учреждении нового типа – реформатории «Монро»⁶. Соответственно, после вступления закона в силу был задан вполне логичный вопрос: заключенных каких учреждений следует привлекать к строительству дорог?

Осужденные, отбывавшие наказание в «МакНил Айленд», не могли использоваться исполнительными органами штата из-за подчинения этого учреждения федеральной юрисдикции⁷. Использование арестантов, отбывавших наказание в тюрьмах округов и городов, юридически не противоречило данному закону, находило поддержку в коридорах власти, однако на деле сталкивалось с рядом препятствий. Во-первых, заключенные должны были обеспечиваться одеждой, едой, медикаментами, орудиями труда и охраняться. Спонсирование их работы, как было упомянуто выше, осуществлялось из средств ФОД, поэтому без финансового участия муниципалитетов содержание заключенных из городских и окружных тюрем представляло собой лишние затраты для штата. Во-вторых, заключенные муниципальных учреждений не имели правовой возможности покинуть место их содержания дальше чем на 7,5 км, соответственно, их невозможно было использовать при строительстве дорог в отдаленных районах⁸. В-третьих, количество осужденных, содержащихся в муниципальных тюрьмах, было значи-

⁶ Реформаторий(ия) – исправительное тюремное учреждение воспитательного, медико-педагогического характера, введенное в пенитенциарную систему США в последней четверти XIX в. Характерной особенностью учреждения являлся либеральный режим содержания заключенных. В рассматриваемый период времени в США функционировало всего 16 реформаторий.

⁷ Шевченко С.А. Организация труда заключенных по «системе доверия»... С. 66–73.

⁸ Remington & Ballinger's annotated Codes and Statutes of Washington. Volume II. General Statutes. Seattle and San Francisco, 1910. § 3895. P. 274.

тельно меньшим, чем в пенитенциарии штата и реформатории. В окружной тюрьме в среднем одновременно отбывали наказание не более десяти человек⁹. В-четвертых, в окружных и городских тюрьмах отбывали наказание лица, осужденные на короткие сроки: от нескольких дней до нескольких месяцев¹⁰. Привлечение их к долгосрочным работам было невозможно, а к краткосрочным – нерентабельно. Поэтому, надо полагать, что в дорожном строительстве использовались заключенные из пенитенциария «Уолла-Уолла» и реформатория «Монро»¹¹. Оба учреждения подчинялись юрисдикции штата, в обоих было сконцентрировано большое количество лиц, осужденных более чем на один год лишения свободы.

Вторым упущением закона являлось отсутствие каких-либо требований к формату предстоящей работы исполнительных органов с осужденными. Использование заключенных вне стен тюремных учреждений являлось новаторской идеей для пенитенциарной системы Вашингтона. Она требовала разработки новых подходов к управлению арестантами. Однако в период принятия акта они не были разработаны. Законодатели тактично оставили этот вопрос на усмотрение начальника ДДШВ, который, в силу специфики подведомственного ему департамента, являлся фигурой далекой от тюремной системы и вряд ли имел объективное представление об управлении коллективом осужденных. Вследствие указанной правовой лакуны возникла опасность превышения должностных полномочий и применения репрессивных методов по отношению к арестантам в процессе организации их содержания и работы.

Начальник ДДШВ исходил в первую очередь из того, что он должен был иметь дело с социально опасными лицами, управление

⁹ Например, в тюрьме округа Кликитат в январе 1913 г. содержалось всего три человека. Подробнее см.: Washington Secretary of State. State Archives. Governor Ernest Lister. Box № 81. Penitentiary – Honor camps, 1913–1914. January 30, 1913. (Далее: WSA. GOV. Name. Box number. Subject. Year. Date. Title or page number).

¹⁰ WSA. GOV. Ernest Lister. B. 81. Penitentiary – Honor camps, 1913–1914. September 18, 1913.

¹¹ WSA. GOV. Marion Hay. B. 16. Highway commission, 1910. March 17. Использование тюремного контингента вне стен «Монро» определялось отдельным параграфом в законе об учреждении этого исправительного учреждения в штате (подробнее см.: L. 1907, Ch. 167, § 9. P. 388).

которыми должно было основываться на контроле, дисциплине и изоляции. Указанные императивы обусловили дальнейшее использование при работе с осужденными целого набора методик, которые представилось возможным обозначить под одним понятием «охранная система». Охранная система – это методика управления пениitenciарным учреждением, основанная на репрессивных формах воздействия на осужденных, применяемая в целях их трудовой мобилизации, соблюдения внутреннего распорядка и дисциплины.

Проект подразумевал концентрацию заключенных в специальных трудовых лагерях, которые оснащались всем необходимым для работы и проживания: спальными бараками, столовой, загонем для скота, технической мастерской и карцером. Они обносились частоколом, оснащались сторожевыми вышками и охранялись наемным персоналом (не более семи человек)¹². Места для размещения лагерей определялись исходя, с одной стороны, из стремления максимально изолировать осужденных от общества, с другой – из необходимости удобного и своевременного снабжения. Обычно они располагались вдали от населенных пунктов, но рядом с основными коммуникациями – дорогами или реками. Руководство каждого лагеря поручалось утвержденному дорожным комиссаром коменданту. На эту должность, как правило, назначали человека, имевшего опыт работы в пениitenciарной системе, в то время как его компетенция в вопросах дорожного строительства считалась второстепенным требованием¹³.

После возведения трудовых лагерей в тюремных учреждениях проводился отбор заключенных, осуществлявшийся начальниками исправительных учреждений «Уолла-Уолла» и «Монро». Критериями для отбора являлись физическая пригодность, положительное поведение в период отбытия наказания, возраст, расовая принадлеж-

¹² Washington Secretary of State. State Archives. Department of Highways. Administration. Central Files. Subject Files, 1910. Box № 7. State road camp № 5 Carrollton, 1910. November 21. (Далее: WSA. DOH. Box number. Subject, Year. Date. Title or page number).

¹³ WSA. GOV. Marion Hay. B. 16. Highway commission, 1910. October 3.

ность¹⁴, а также степень тяжести совершенного преступления¹⁵. В дорожном лагере заключенные должны были работать в течение шести месяцев, после чего условно-досрочно освобождались¹⁶. Среди отбираемых арестантов присутствовали люди разных профессий. Доминирующее количество заключенных являлись фермерами и рабочими, имелась незначительная прослойка выходцев из среднего класса и даже обеспеченных выпускников Гарвардского и Корнельского университетов¹⁷. С 1907 по 1911 г. в трудовые лагеря было отобрано 546 осужденных¹⁸. Количество единовременно занятых на работах арестантов варьировалось от 29 до 110 человек, что в соотношении к среднему количеству заключенных тюрьмы «Уолла-Уолла» составляло от 3 до 11 %.

Первый охраняемый лагерь был открыт 13 августа 1907 г. в округе Оканоган, находящемся на границе США и Канады в равном удалении от «Уолла-Уолла» и «Монро» почти на 400 километров¹⁹. Заключенные должны были строить дорогу вдоль одноименной реки, являвшейся единственным путем сообщения между двумя государствами на этом участке границы. Для первого эксперимента Дорожный департамент намеревался «провести наиболее серьезный тест»²⁰, чтобы получить объективные данные о максимальных затратах на перевозку заключенных, доставку фуража, материалов и инструментов. Количество заключенных, отправленных в проектный лагерь, равнялось 29, их охрану осуществляли шесть человек²¹. Лагерь работал в хороших санитарных условиях, в результате чего

¹⁴ В лагерь, за редкими исключениями, не отбирали афроамериканцев и индейцев, а также лиц моложе 21 года и старше 50 лет.

¹⁵ Чаще всего в трудовые лагеря отбирали лиц, срок осуждения которых не превышал пяти лет.

¹⁶ WSA. DOH. B. 7. State road camp № 1 Methow, 1909–1910. October 31, December 17, 1909.

¹⁷ WSA. GOV. Marion Hay. B. 16. Highway commission, 1910. July 14.

¹⁸ WSA. DOH. B. 60. Honor Camp, general, 1916. February 7.

¹⁹ Report to Governor of Washington by Joseph M. Snow, Highway Commissioner. Convict Labor on State Roads, Olympia, December 1907. Olympia, 1907. P. 3.

²⁰ *Ibid.*

²¹ *Ibid.* P. 4.

не было зафиксировано ни одного случая заболевания²². Процесс строительства дороги включал в себя подрыв горной породы, которая была использована при строительстве дорожного участка, остаток неиспользованного материала был реализован на рынке²³. Доходы от его продажи составили около 9 700 долл., превысив общие расходы на организацию тюремного лагеря более чем на 3 500 долл. Таким образом, работа лагеря была признана финансово успешной²⁴. Сразу же после его закрытия было анонсировано создание нового весной 1908 года²⁵.

Однако дальнейшее развитие проект получил не сразу и практически на полтора года был заморожен. Причиной стало, во-первых, освоение бюджетных средств ФОД²⁶. Во-вторых, на это повлияли кадровые изменения в аппарате исполнительной власти штата, произошедшие после выборов губернатора осенью 1908 г. Победу на выборах одержал республиканец Сэмюэл Косгроув, который сразу же после победы перенес инфаркт²⁷. На следующий день фактическим главой исполнительной власти стал вице-губернатор Мэрион Хэй (1909–1913), необходимым авторитетом в штате на тот момент не обладавший. Официально вступив в должность после смерти Косгроува 28 марта 1909 г., он заменил дорожного комиссара штата, начальника тюрьмы «Уолла-Уолла» и других чиновников²⁸. Новая администрация, спекулировавшая на проблеме качества дорожной системы в предвыборной борьбе, взяла на вооружение достигнутые результаты экспериментального трудового лагеря, намереваясь продолжить намеченную политику.

²² Один заключенный, однако, при проведении работ сломал лодыжку (подробнее см.: Report to Governor of Washington by Joseph M. Snow, Highway Commissioner. Convict Labor on State Roads, Olympia, December 1907. Olympia, 1907. P. 4).

²³ Report to Governor of Washington by Joseph M. Snow, Highway Commissioner... P. 4–6.

²⁴ *Ibid.* P. 5.

²⁵ *Ibid.* P. 6.

²⁶ В 1907 г. законодательством было выделено на два года всего 225 тыс. долл. на улучшение 12 государственных дорог (подробнее см.: L. 1907, Ch. 151, § 5. P. 312).

²⁷ Robert S. Biographical Directory of the Governors of the United States, 1789–1978. Westport, 1978. Vol. 4. P. 184.

²⁸ Edmond M. Governors of Washington, Territorial and State. Seattle, 1915. P. 105.

Таблица 1

Соотношение количества занятых и сбежавших заключенных в тюремных трудовых лагерях, функционировавших на основе «охранной системы» в штате Вашингтон (чел.)*

Название лагеря** (округа)	№	Период работы	Общее кол-во осужденных, чел.	Среднее кол-во осужденных, чел.	Кол-во сбежавших, чел.	Кол-во сбежавших %
(Оканоган)		13.08.1907 – декабрь 1907	29	29	0	0
Мэтоу (Оканоган)	1	Июль 1909 – 24.12.1909	45	30	1	2,22
Кечелус (Киттитас)	2	Август 1909 – 24.12.1909	63	нет данных	6	9,52
Лайл (Кликитат)	3	25.12.1909 – 14.03.1911	155	66	13	8,38
Блэнчард (Скаджит)	4	11.02.1910 – 10.10.1910	112	77	11	9,82
Кэрролтон (Каулиц)	5	12.10.1910 – 07.07.1911	142	90	9	6,33
Итого			546		40	7,32
Примечание: данные указаны на 18.03.1911.						

* Составлено по: WSA. DOH. B. 60. Honor Camp, general, 1916. February 7.

** Название лагерям давалось в соответствии с местными топонимами, многие из которых имели индейское происхождение.

К ее реализации приступили в 1909 г., сразу же после того как легислатура выделила 1 245 тыс. долл., на строительство дорожной системы²⁹. Выделенные средства в три раза превышали объем ассигнований за предыдущие четыре года³⁰. С июля 1909 по октябрь 1910 г. в штате было открыто еще пять тюремных трудовых лагерей. В таблице 1 приведена общая информация о количестве занятых и сбежавших из них заключенных.

²⁹ L. 1909, Ch. 236, §1. P. 856; Ch. 247, § 1. P. 887.

³⁰ В 1905 и 1907 гг. ассигнования составили 412 124,75 долл. (подробнее см.: L. 1905, Ch. 7, § 7. P. 20; Ch. 174, § 11, 12. P. 359; L. 1907, Ch. 72, § 1. P. 121–122; Ch. 151, § 5. P. 322).

Анализируя информацию таблицы, необходимо указать следующее:

а) штат стремился увеличить темпы и объемы выполняемой дорожной работы экстенсивным путем. На это указывает стремительное увеличение количества лагерей и занятого в них спецконтингента, произошедшее в течение года;

б) количество совершившихся побегов было стабильно высоким. Осуществление побегов даже при наличии постоянной охраны можно объяснить отрицательными условиями содержания арестантов. Не останавливаясь подробно на этом аспекте, следует отметить, что применяемая при организации тюремных лагерей «охранная система» оказалась совершенно не подходящей методикой для управления пенитенциарным учреждением лагерного типа. Практически сразу же коменданты тюремных лагерей столкнулись с рядом системных проблем, касавшихся организации трудовой и досуговой деятельности заключенных, питания и медицинской помощи. Дополнительной проблемой являлось повсеместное превышение должностных полномочий как со стороны охраны, так и со стороны самих комендантов лагерей;

в) количество совершившихся побегов зависело от плотности лагерного населения. Вполне вероятно, что проблемы в большом трудовом коллективе возникали чаще, что отражалось на соблюдении дисциплины.

Экстенсификация тюремного дорожного строительства привела к увеличению объемов работы заключенных и чрезмерной организационной нагрузке на персонал, с которой «охранная система» справиться не смогла, в результате чего около 7 % заключенных сбежали. Помимо применявшейся в лагерях методики управления, еще одним спорным вопросом является эффективность работы арестантов. С одной стороны, заключенные работали всевозможным образом и выполняли большой объем работ в более трудных условиях, чем свободные работники. С другой стороны, тюремный труд обходился штату дороже, чем вольнонаемный, и не всегда превосходил показатели свободных рабочих по эффективности (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Корреляция затрат штата на вольнонаемное
и тюремное строительство дорог в 1910–1911 гг.***

Название округа	Номер дороги	Форма труда	Протяженность построенных дорог, км	Объем затрат, долл.
Кларк	7	Контрактная	0,75	3 589,86
Каулиц	26	Контрактная	0,28	2 637,24
Каулиц	39	Контрактная	0,43	4 208,40
Кларк	44	Контрактная	0,96	4 764,06
Кликитат	79	Контрактная	7,17	13 683,60
Кликитат	90	Тюремная	2,82	18 238,19
Каулиц	91	Тюремная	2,30	26 261,29

* Составлено по: WSA. DON. B. 60. Honor Camps, general, 1916. February 7.

Очевидно, что при таких показателях использование заключенных не могло охватить все дорожное строительство в Вашингтоне, а вольнонаемный труд не удалось бы заменить тюремным. По всей вероятности, такая цель и не стояла перед Дорожным советом штата. Создание тюремных трудовых лагерей скорее было направлено на выполнение конкретных задач: усилить экономическую и административную роль органов исполнительной власти в секторе дорожного строительства, а также достигнуть высоких темпов строительства. К сожалению, не располагая достаточными данными, трудно установить точный показатель выполненных заключенными строительных работ. Имеющаяся информация демонстрирует, что на долю тюремного труда пришлось не менее 23 км (или 19 %) от общей протяженности дорог, построенных в штате с 1909 по 1911 г.

После закрытия последнего лагеря № 5 «Кэрролтон» в июле 1911 г. в развитии тюремных трудовых лагерей снова наступила продолжительная пауза. Причины ее возникновения будут развернуто описаны в другом исследовании, здесь же остановимся на них тезисно.

Таблица 3

**Ориентировочные объемы строительства государственных дорог
в штате Вашингтон в 1909–1911 гг.***

Протяженность дорог, построенных заключенными, км		Общая протяженность построенных государственных дорог, км
Дороги штата	Дополнительные дороги	
17	6,1	121

* Составлено по: WSA. GOV. Marion Hay. B. 16. Highway commission, 1910. March 15.

Очевидной проблемой являлось уже упомянутое банкротство «охранной системы», как методики управления трудовыми лагерями. Серьезную роль в консервации лагерей сыграл фактор коррупции, которая была в то время распространенной «болезнью» органов государственной власти штата³¹. Вполне вероятно, что именно хищение бюджетных средств и делало труд заключенных дорожке контрактного. Серьезный удар по развитию трудовых лагерей нанесло промышленное лобби. Представители строительных компаний попытались продвинуть через Сенат специальный законопроект, который de-facto ограничивал возможность использовать заключенных в дорожном строительстве³². Поняв это, губернатор наложил на него вето³³. Не менее значимым явилось изменение дорожного законодательства штата, произошедшее в период законодательной сессии 1911 г. Существовавшая структура дорожной системы штата была изменена из-за ее чрезмерной громоздкости и экономической нерентабельности. Был создан еще один дорожный фонд, в который были перенаправлены оставшиеся средства ФОД, что делало финан-

³¹ Коррупционные скандалы в штате периодически происходили, один из самых крупных, например, в 1909 г., для чего даже была созвана чрезвычайная сессия легислатуры (подробнее см.: *Brazier D. History of the Washington legislature 1854–1963. Olympia, 2000. P. 70, 75–76*). Анализ архивного материала позволил прийти к выводу, что использование заключенных в дорожном строительстве имело своим следствием растрату средств ФОД (подробнее см.: *Шевченко С.А. Источниковедческий анализ материалов архива штата Вашингтон, посвященных вопросу организации труда заключенных в дорожном строительстве в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 199–203*).

³² L. 1911, Ch. 132. P. 645.

³³ WSA. GOV. Marion Hay. B. 16. Highway commission, 1912. September 4, 1912.

сирование тюремного труда невозможным до его пополнения³⁴. Наконец, последней по списку, но самой главной по значению причиной являлся фракционный раскол в республиканской партии по вопросу о строительстве государственных дорог. Внутрипартийные размежевания республиканцев в Вашингтоне отчетливо наблюдались уже давно и постепенно усиливались федеральным фактором: все более характерными разногласиями между сторонниками Т. Рузвельта и У. Тафта. В период законодательной сессии 1911 г. это привело к катастрофическому провалу транспортного бюджета, вследствие чего на период до 1913 г. в ФОД не было выделено ни одного доллара на строительство новых дорог³⁵.

Следующий этап в развитии системы тюремных трудовых лагерей наступил после выборов губернатора 1912 г., на которых сенсационную победу одержал представитель демократической партии Эрнест Листер (1913–1919). Новая администрация внесла серьезные коррективы в дорожную политику штата Вашингтон, смогла привлечь средства для строительства дорог и самое главное – отказалась от использования «охранной системы» в управлении тюремными лагерями³⁶.

³⁴ L. 1911, Ch 35, § 15. P. 127.

³⁵ House Journal of the Twelfth Legislature of the State of Washington, Begun and Held at Olympia, State capital, 1911. P. 411, 622–623, 773–774, 789, 805.

³⁶ Шевченко С.А. Положение заключенных в дорожно-строительных «лагерях доверия» штата Вашингтон: снабжение, санитарные условия, досуг и распорядок дня (1913–1917 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 188–189.

П.А. Морозова

Санкт-Петербургский государственный университет

**Влияние Первой мировой войны на
мировоззрение и повседневную жизнь российских
школьников (1914–1918 гг.)**

В статье на основе архивных источников, материалов периодической печати, ученических журналов рассматриваемого периода представлен анализ восприятия учащимся юношеством Первой мировой войны. Ставится задача выявить предпосылки и мотивы его участия в помощи фронту и тылу. Также уделяется внимание проблеме самореализации учащихся в условиях преображенной войной повседневности. Отмечается, что в течение первых лет военного конфликта подверглись изменениям традиционные социальные роли детей в российском обществе. Как следствие этого поднимается вопрос рождения нового поколения в условиях войны, влияния его измененного миропонимания на последующие события отечественной истории.

Ключевые слова: российское детство, детская благотворительность, дети в Первой мировой войне.

Российская историческая наука с недавних пор начала «открывать» для себя мир детства. В историографии, посвященной изучению детства в России, более полно представлены периоды рождения «нового человека» в молодом государстве Советов и проблемы «счастливого детства» в сталинское время¹. Однако примечательно, что британская исследовательница К. Келли, охватившая в своей книге под названием «Children's World: Growing up in Russia. 1890–1991» более ста лет развития российского детства, считает, что перемены в восприятии детского мира, происходившие между 1890 и 1917 г. в России, были серьезнее и масштабнее тех, которые имели место в советскую эпоху².

¹ Зеленина Г. От скудости эмоций к скудости источников: полувековой путь детских исследований [Электронный ресурс] // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2008/10/03/zelenina/> (дата обращения: 20.05.2018).

Проникновение в смысл перемен в восприятии детства, ускоренных началом Первой мировой войны, является задачей настоящей статьи и других исследований, посвященных изучению юного поколения россиян в последние годы существования Российской империи. Среди них необходимо выделить работы А.А. Сальниковой, которая уделяет значительное внимание источниковедческим и методологическим вопросам изучения детства в интересующую нас эпоху³. Стоит отметить монографию Е.М. Балашова, посвященную изучению школьной среды сквозь призму происходивших событий 1905–1927 годов⁴. Заслуживают внимания работы П.П. Щербинина, в которых он обратился к изучению многоаспектного опыта российских детей, полученного ими в военное время на фронте, улице и в школе⁵. Значительное место в историографии занимают статьи с узко очерченной тематикой, освещающие деятельность и настроения учащихся детей⁶ в различных губерниях России в период Первой мировой войны⁷. Вместе с тем

² Какорея. Из истории детства в России и других странах / сост. Г.В. Макаревич. Тверь, 2008. С. 21; *Бен Эклоф*. Catriona Kelly. Children's World: Growing up in Russia, 1890–1991. L.: Yale University Press, 200. XXII+714 p.; ill. // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 461;

³ Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413–430; Она же. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань, 2007. 256 с.; Она же. «Великая», «святая», «далекая»... Первая мировая война в восприятии детей-современников // Россия и современный мир. 2009. № 2. С. 134–150.

⁴ Балашов Е.М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг. СПб., 2003. 236 с.

⁵ Щербинин П.П. Источники и методология изучения детской повседневности периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. // Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (к столетию начала Первой мировой войны): материалы международной научной конференции 14–16 марта 2014 г. СПб., 2014. С. 19–21; Он же. Детская повседневность в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. Тамбов, 2015. 256 с.

⁶ Под учащимися здесь и далее подразумеваются дети примерно от девяти до шестнадцати-семнадцати лет, посещавшие учебные заведения различных ведомств Российской империи.

⁷ Например: *Ватник Н.С.* Повседневная жизнь учащихся средних школ Московской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 9. С. 94–102; *Самович А.Л.* Патриотическое движение среди учащейся молодежи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая истории России. 2015. № 1. С. 29–38; *Архангельская Л.В.* Женские гимназии в годы Первой мировой войны (на примере Пермской губернии) // Вестник Перм-

еще существует некоторое упрощение в понимании детского опыта переживания военного конфликта, имеющее корни в памфлетах современников. Многогранное участие учащихся в помощи фронту и тылу объясняется лишь детским патриотизмом, забытыми остаются вопросы менее очевидных мотивов благотворительной работы. Специфические условия взросления детей военного поколения не ставятся в контекст изменения парадигмы понимания детского мира.

Комплексное изучение детской военной повседневности, новых жизненных реалий и умонастроений позволит определить, чему училось юное поколение последних дней Российской империи – как в школе, так и вне ее, – потому как социализация, пройденная учащимися в годы детства, влияет на их ментальность в зрелые годы⁸. Актуальность исследования российского детства и отрочества этого периода обосновывается также тем, что молодежь, рожденная в новом XX столетии, ярко проявила себя в революционное время и раннюю советскую эпоху, характеризующуюся как период господства префигуративной культуры, то есть такой, когда взрослые учатся у молодых⁹ и доминируют тинейджеры как возрастная группа¹⁰.

В центре внимания статьи оказываются вопросы взросления и социализации в изменившихся условиях военной школьной повседневности. С целью отстраниться от «взрослой» трактовки ученических поступков были изучены материалы, созданные непосредственно школьниками Первой мировой войны: письма, рисунки, сочинения, а также ученические сборники и журналы учебных заведений России, представляющие собой ценный, но полузабытый источник «детского текста». В статье представлен анализ материалов

ского университета. 2016. Вып. 2. С. 70–79; *Долидович О.М.* Учащиеся Барнаула в практике благотворительной работы в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 47–54.

⁸ Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): антология текстов «Взрослые о детях и дети о себе»: в 2 ч. / сост.: В. Безрогов, К. Келли, А. Пиир, С. Сиротина. М.; Тверь, 2008. С. 12.

⁹ *Сальникова А.А.* «Великая», «святая», «далекая»... С. 134.

¹⁰ *Арьес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999. С. 41.

только первых лет войны (1914–1916 гг.); это связано с возникновением в революционном 1917 г. новых условий для проявления юношеского участия в общественно-политической жизни страны. Немаловажно, что коренным образом изменилась обстановка в городах, что отразилось на детском восприятии и осмыслении окружающих их событий.

Военное время внесло свои коррективы в жизнь учащихся: они были вынуждены уходить из прифронтовых губерний и поступать в новые учебные заведения в тылу, другие сбегали на фронт, третьи жертвовали своим досугом в пользу посильной помощи солдатам и их семьям. Хотя большинство учащейся молодежи находилось вдалеке от линии фронта, исключительный момент вызвал в их кругу сплоченность и живую отзывчивость. «У всех, от мала до велика в этот грозный час, одни мысли, одни стремления, одни желания: желания помочь, облегчить тот терновый венец, который она (Русь. – П.М.) избрала добровольно, как истинная защитница слабого от сильного»¹¹, – так определил для себя и своих товарищей задачи в 1914 г. ученик пятого класса Императорского Петроградского Коммерческого училища.

Объяснение массового участия детей в общем деле помощи фронту и тылу только патриотическим чувством представляется несостоятельным. Для прояснения этого существенного момента следует обратиться к предшествовавшему войне десятилетию. Согласно мнению современников, российская школа довоенного времени была охвачена чувством апатии, усугубившимся после проигрыша «школьной революции» 1905–1907 гг. Этот период близко стоящим к школьному делу публицистом был назван «памятной полосой пессимизма»¹². По свидетельству педагога С.А. Золотарева, «школьная революция» дала детям возможность быть самостоятельными: они налаживали работу школы, пока взрослые трусливо прятались, следили за хулиганами, решали насущные дела¹³; возвращение же в регламентированную до мелочей среду послереволюцион-

¹¹ Сборник «в пользу раненых». Издается учениками V-го класса I-го отделения Императорского петроградского коммерческого училища. Пг., 1914. № 1. С. 9–10.

¹² Самарин М.П. Ученические журналы. Харьков, 1916. С. 12.

¹³ Золотарев С.А. Четыре смены молодежи. Л., 1926. С. 42.

ной гимназии с множественными запретами не способствовало раскрытию творческой энергии воспитанников. Следствием этого стало широкое распространение среди них форм девиантного поведения, в том числе и возросшего количества подростковых суицидов (к 1910 г. в четыре раза увеличилось число самоубийств по сравнению с 1904 годом¹⁴). Взрослые попустительствовали нездоровым увлечениям с целью любыми способами отвлечь детей от политики¹⁵.

На этом фоне возможность приобщиться к общей работе на благо фронта и тыла во время мировой войны стала фактором, оживившим городскую и сельскую школьную среду. Можно согласиться с трактовкой исследователя Е.М. Балашова, что «война ворвалась, как освежающий порыв ветра, в монотонную, однообразную, рутинную жизнь школы»¹⁶. Поэтому одним из основных мотивов добровольной помощи учащихся было их желание стать частью «настоящего» дела. С. Левитин, автор нескольких очерков о жизни школы в войну, писал: «Не потому дети с такой жадностью набрасываются на всякую работу, в той или иной степени приобщающую их к войне, *не потому только* (здесь и далее курсив С. Левитина. – П.М.), что война для них *привлекательна*, а потому что детская жизнь была до войны и остается по сей день помимо и вне войны *крайне непривлекательна*»¹⁷. В этом видится одна из главных причин и массовых побегов детей на войну. «И стали мальчики работать (на фронте. – П.М.), а мы им завидовать»¹⁸, – эти слова крестьянского мальчика раскрывают его понимание «настоящей» помощи, которую можно было оказать солдатам. Желание принадлежать к миру «настоящих событий» в противовес привычному учебному быту, где «лишь смех и улыбки кругом»¹⁹, рождало намерение приблизиться к

¹⁴ Балашов Е.М. Школа в российском обществе... С. 46.

¹⁵ Егорова М.В. Повседневная жизнь учащихся Урала в дореволюционный период // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 4/3. С. 88.

¹⁶ Балашов Е.М. Школа в российском обществе... С. 49.

¹⁷ Левитин С. Война и дети // Русская школа. 1915. № 9–10. С. 82–83.

¹⁸ Там же. С. 93.

¹⁹ Литературный сборник учащихся. Курская классическая гимназия. 1915. № 1. С. 5.

мировым событиям, свершающимся на глазах учащихся, в том числе и в качестве санитары или сестры милосердия.

Впервые за многие годы российские дети почувствовали себя важным элементом социума, частью общественных сил, необходимых стране в тяжелое время. Этому способствовала широкая государственная и общественная поддержка добровольной помощи школьников. Недоверие к активности учащихся, характерное для предыдущего периода, сменилось поддержкой их инициатив. Например, придавая законность идущим снизу начинаниям, Министерство народного просвещения применило опыт молодежи Минской губернии в создании трудовых дружин²⁰ в других областях Российской империи²¹. Различные общественные организации по почину попечителей учебных округов имели целью «направить молодую энергию подрастающего поколения на служение русскому воинству», на участие в санитарной и продовольственной службе, в изготовлении белья и перевязочных средств, а также некоторых частей воинского снаряжения²². Печать активно распространяла сведения о детском участии в войне: о подвигах сбежавших на войну мальчишек, о деятельности трудовых дружин, благотворительной помощи учащихся других краев и городов. Прочитав об этом, учащиеся непременно желали внести свою лепту: мальчик Гриша в одном из сельских училищ, зная о помощи «от всех людей», предлагал собрать «хоть по копейке» на раненых²³. Подобные темы поднимались и в детской литературе, что педагог-современник считал весьма ценным для юношества²⁴.

Принимая посильное участие в помощи, тысячи учащихся начали новую, наполненную смыслом жизнь, когда «очень много дела» и жаль времени на сон. Работа на благо раненых казалась им

²⁰ Трудовые дружины учащихся представляли собой организованные группы учеников средних учебных заведений, направляемых в сельскую местность с целью помощи семьям запасных при уборке урожая.

²¹ Минакова В.Л. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. Воронеж, 2002. С. 5.

²² [Р.Г.] Из жизни средней школы // Вестник воспитания. 1915. № 4. С. 113.

²³ Зенов Ф. Война и дети // Народное образование. 1914. № 10. С. 282.

²⁴ Родников В. Литература о детях и литература для детей в связи с войной // Дети и война. Киев, 1915. С. 6.

«настоящим делом», «святым делом». Деревенские дети, делая кисеты для солдат и складывая свои копейки в общую кружку, рассуждали, как через 50 лет будут рассказывать про войну и говорить, что «мы во время войны целые дни работали, а молились ночами»²⁵. Как пример можно привести отрывок из ученического стихотворения 1914 г. о судьбе раненого воина, попавшего к «заботливым детям»: «Они, свершив святое дело / Делят с ним «тернии венца» / Хотят согреть не только тело / Но душу доброго отца»²⁶. Постоянное участие в помощи раненым и забота о солдатах и солдатских семьях подкрепляли в учащих чувство важности их вклада в общее дело.

Представляется, что специфические условия войны обусловили в некоторой степени и изменение статуса и соответствующих ему социальных ролей российского школьника в российскую «эпоху катастроф». Довоенный период характеризовался повышенным уровнем подозрительности к детской активности, выходящей за рамки учебного расписания. В военное лихолетье в повседневную жизнь подростка проникли невозможные ранее практики, поощрявшиеся социумом: работа наравне со взрослыми в лазаретах, на вокзалах в летучих отрядах, обходы квартир бедняков по поручению попечительств о бедных, изготовление военного снаряжения во внеурочное время, допризывная военная подготовка, работа в поле в составе трудовых дружин. Школьник Первой мировой войны воспринимал с воодушевлением первые шаги освобождения от контроля, окружавшего его, в частности выраженного во внеучебном надзоре, ставшем почти что невозможным в условиях активной детской деятельности вне рамок учебного заведения. По словам историка образования Н.С. Ватника, дети пренебрегали сложившимися представлениями о месте школы и молодежи в обществе²⁷. Представитель нового поколения был более инициативен и самостоятелен, чем его предшественники. Например, при обходе жилищ солда-

²⁵ Левитин С. Война и дети... С. 92.

²⁶ Сборник «в пользу раненых»... С. 4.

²⁷ Ватник Н.С. Поездки делегаций гимназистов Москвы в действующую армию как форма добровольной помощи учащимся фронту (1914–1915 гг.) // Добровольчество в современном мире: нравственный идеал нашего времени: сб. научных статей I-й междунар. студ. научн.-практ. конф. Курск, 2016. С. 246.

ток юные помощники из числа петроградских гимназистов должны были решать возникавшие споры, самостоятельно принимать решения, зная, что от них зависела судьба той или иной женщины-солдатки. Ученица столичного Выборгского восьмиклассного коммерческого училища писала в школьную газету о своей миссии: «И никогда не поймет эта Антипова (солдатка. – П.М.), что я даром работаю, что деньги дает город, что надо распределить равномерно... всей этой сложной махинации нашего благотворительства. Такова работа!»²⁸. Показателен пример организации трудовых дружин, участники которых на несколько летних недель были предоставлены самим себе: дружинникам полагалось самим распоряжаться имеющимися у них средствами, учиться взаимодействовать друг с другом и с крестьянами. Впоследствии ребята-дружинники заявляли, что педагоги спасли их тем, что оставили без воспитателя, поблагодарив за оказанное доверие²⁹. К этому стремились и многие учителя, видя в трудовых организациях «элемент гражданского воспитания, самоуправления, самодисциплины во имя общего блага, общественной солидарности и общественных идеалов»³⁰. Даже младшие школьники показали пример организованности, обсуждая самостоятельно, на что будут потрачены собранные ими средства, и выбирая «закрытой баллотировкой» из товарищей тех, кому необходимо будет закупить вещи; обсудив в своем кругу, дети отказывались от проведения рождественской елки в пользу раненых³¹.

Можно согласиться с мнением современного исследователя, характеризующего военное время как период становления гражданственности³². Несмотря на тяжелые условия быта, учителями и даже самими учениками была отмечена более правильная посещаемость уроков, более серьезное отношение к учению³³, по крайней

²⁸ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1091. Д. 658. Л. 91 об.

²⁹ Лебедев С. Трудовые дружины учащейся молодежи в деревне // Русская школа. 1916. № 1. С. 22, 25.

³⁰ [Р.Г.] Из жизни средней школы... С. 115.

³¹ Зенов Ф. Война и дети // Народное образование. 1914. № 12. С. 490–491, 495.

³² Пархоменко В. «Прощайте, дорогие родители, я еду оборонять Россию». Юные добровольцы на фронтах Первой мировой // Родина. 2013. № 8. С. 142.

³³ [Р.Г.] Из жизни средней школы // Вестник воспитания. 1914. № 11. С. 89–90.

мере в первые год-два войны. Причиной тому, должно быть, послужила уверенность гимназистов и гимназисток в том, что за войной последует новая эра в жизни родной страны и мира. Будущий писатель и поэт Лев Успенский, в то время ученик Гимназии и реального училища К.И. Мая в Петрограде, поделился в тетради своими мыслями о том, что у него «такое чувство, будто мы только в начале»³⁴. «Кто знает, быть может эта война является лишь преддверием к целому грандиозному периоду Всемирной Истории. Совершается нечто великое и наши потомки многое бы отдали, чтобы самим пережить те волнения и страды, которые переживаем мы и которым будут они чужды»³⁵, – взгляд петроградского гимназиста оказался пророческим. Задача учащихся, по их же мнению, состояла в том, чтобы «вырастить в себе такие идеалы, которые бы привели к положительному творчеству и созиданию», «стараться сделать из себя достойного представителя своего народа в общечеловеческой семье»³⁶. Очевидно, часть учащихся, преимущественно гимназисты, видела себя творцами будущего обновленной России. Среди школьников распространялось ощущение, что мир после войны уже не будет прежним.

Таким образом, новые ученические практики времен Первой мировой войны способствовали эмансипации детства в глазах современников, его «освобождению» от прежних правил и запретов. Основными предпосылками столь широкого распространения этих практик стали условия довоенной школьной жизни, не предоставлявшие достаточных возможностей для детской самореализации. Поэтому видится справедливым назвать в качестве основного мотива ученической помощи стремление проявить себя и приложить свои силы к общему благому делу, расширить сферы доступных учащимся социальных ролей. Представляется, что в первые годы мировой войны началось становление «нового человека», способного и стремившегося организованно взаимодействовать; это воспитывалось посредством совместной благотворительной ра-

³⁴ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. 98. Д. 57. Л. 152.

³⁵ Юная мысль: Журнал учеников Тенишевского училища. Пг., 1916. № 7. С. 23.

³⁶ Юность. Литературно-художественный сборник воспитанников кисловодской мужской гимназии. Кисловодск, 1916. С. 10.

боты, школьного самоуправления, выпуска межшкольных печатных изданий. Заметной чертой юного поколения россиян стало осознание ими своего права изменять существовавший порядок вещей, проявлять инициативу как в школьной среде, так и в политической сфере. Школьники военной поры жили более трудной, но и более полной жизнью, чем в мирные годы, развивая в себе самостоятельность, гражданское чувство, которое привело детей к участию в революционное время в общественных движениях (в частности в собственном ученическом, воплотившемся в создании Организации учащихся средних учебных заведений), а затем – в строительстве новой государственности.

Н.В. Куденко

Алтайский государственный университет (Барнаул)

Положение заключенных в алтайских исправительно-трудовых домах в 1920-е годы

В данной статье автором был рассмотрен вопрос положения заключенных в системе пенитенциарных учреждений, расположенных на Алтае, в 1920-е годы. В ходе исследования были изучены и впервые введены в научный оборот данные отчетов о доходах, санитарном состоянии, количестве заключенных, продовольственном снабжении двух алтайских домов заключения (в Бийске и Барнауле). Рассмотренные материалы свидетельствуют о чрезвычайно тяжелом положении заключенных, что было обусловлено организацией условий быта, питания, медицинского обслуживания во время их пребывания в алтайских исправительно-трудовых домах. На основе собранной информации автор делает вывод о том, что сложности финансового, материально-бытового характера стали одной из причин, обусловивших неэффективность и ограниченность реализации принципов пенитенциарной педагогики в 1920-е годы, что повлекло реформирование всей системы мест заключения.

Ключевые слова: дом заключения, исправительно-трудовой дом, Алтай, перевоспитание, пенитенциарная система, заключенные.

С установлением советской власти начался процесс постепенного реформирования пенитенциарной системы. В течение практически всего периода 1920-х годов, несмотря на формальные преобразования (переименование тюрем в дома заключения, позднее – в исправительно-трудовые дома), сеть исправительных учреждений функционировала на базе уже существовавших старых «царских» тюрем. Одной из важнейших задач, поставленных перед местами заключения, являлась необходимость перевоспитания находившегося в них контингента посредством труда и просвещения. Однако принимая в свое распоряжение уже имевшийся тюремный фонд, советская власть неминуемо наследовала его недостатки и проблемы, ставшие одним из тормозящих факторов в становлении и развитии пенитенциарной системы нового типа, способной исправить пре-

ступника. Важную роль в формировании и возможности проведения политики перевоспитания в условиях лишения свободы играли материально-бытовые условия, которые определяли повседневную жизнь заключенных.

Вопросам, связанным с положением заключенных в советской пенитенциарной системе в 1920-е годы, были посвящены обобщающие работы М.Г. Деткова, А.С. Смыкалина¹. Проблеме функционирования пенитенциарных учреждений на Алтае в 1920-е годы историками уделялось не так много внимания. Отдельные вопросы были рассмотрены в исследованиях В.Н. Уйманова, А.П. Анашкина, Р.А. Карпова².

В начале 1920-х годов в Алтайской губернии существовало два дома заключения (ДЗ): губернский в г. Барнауле (на 350 мест) и уездного значения в г. Бийске (на 150 мест). Алтайские исправительно-трудовые дома (ИТД) сочетали в себе функции всех основных типов общих мест заключения. Общей характеристикой пенитенциарных учреждений не только в отдельных регионах, но по всей стране, в данный период являлись невероятная переполненность, скученность и антисанитария. В 1922–1923 гг. в РСФСР плотность заключенных в местах лишения свободы находилась на уровне 110–130 человек на 100 штатных мест³. В Алтайской губернии, образованной в 1917 г. и не имевшей исторически сформировавшейся системы пенитенциарных учреждений губернского масштаба, ситуация с размещением заключенных была значительно хуже. Уже в 1922 г. органы надзора за местами заключения нача-

¹ *Детков М.Г.* Содержание пенитенциарной политики Российского государства и ее реализация в системе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в период 1917–1930 годов. М., 1992. 192 с.; *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы Советской России. Екатеринбург, 1997. 364 с.

² *Анашкин А.П.* Становление советской системы принудительного труда (на материалах Алтайской губернии) // Экономика и власть в Сибири: исторический опыт взаимодействия и современность. Барнаул, 2007. С. 63–72; *Уйманов В.Н.* Пенитенциарная система Западной Сибири (1920–1941 гг.). Томск, 2011. 328 с.; *Карпов Р.А.* Воспитательный процесс среди осужденных в местах лишения свободы в Алтайской губернии (1921–1925 гг.) // Алтайский юридический вестник. Барнаул, 2014. Вып. 1 (5). С. 8–10.

³ Пенитенциарное дело в 1922 г. Отчет Главного управления мест заключения Республики X Съезду Советов. М., 1922. С. 9.

ли бить тревогу из-за чрезвычайной переполненности губернского домзака. В здании, рассчитанном на 350 человек, в декабре 1922 г. фактически размещались 1 240 человек (354 % к норме)⁴. В Бийском доме заключения на 30 октября 1922 г. состояли по списку 456 человек на 150 штатных мест⁵, то есть норма была превышена в три раза⁶. По данным на 1923 г., в Алтайском губернском ДЗ на 340 штатных мест в течение года по факту приходилось в среднем 1 100 человек. В этом же году помощник губернского прокурора Леонтович в своем отчете отмечал, что в двух корпусах губернского дома заключения с 20 камерами, рассчитанными на 340 человек, содержались 1 278 человек⁷.

Для уменьшения количества арестантов, пребывавших в местах заключения, прокуратурой губернии в 1923 г. было дано указание судебным органам следовать ст. 100 и 158 УПК об ограничении применения лишения свободы до суда без особой необходимости, а также о применении других мер наказания, не связанных с лишением свободы⁸. В 1924 г. для нормализации ситуации с постоянной перегруженностью было увеличено количество мест в исправительно-трудовых домах: в Барнаульском ИТД теперь могли быть размещены 400 человек (на 50 человек больше), в Бийском – 250 человек (появилось 100 дополнительных мест). Однако увеличение числа мест, которое могли себе позволить исправительно-трудовые дома в условиях существовавших помещений, окончательно не решило проблемы с их переполненностью. На 1 января 1924 г. в Барнаульском ИТД насчитывалось 900 заключенных (225 % к норме)⁹, в Бийском на 1 июня этого же года – 372 заключенных (149 %). Несмотря на то, что статистика демонстрирует улучшение положения с размещением контингентов в местах лишения свободы, возмож-

⁴ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 58. Л. 38 об. – 39 об.

⁵ В источниках 1924 г. указывается, что Бийский ДЗ был рассчитан на 250 человек. Возможно, к этому моменту произошло расширение числа штатных мест. См.: Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 19. Л. 27.

⁶ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 12. Л. 19.

⁷ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 156.

⁸ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 2. Л. 127.

⁹ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 76.

ности исправительно-трудовых учреждений были ограничены, что вынуждало значительную часть заключенных спать на полу под нарами или искать себе угол.

К середине 1920-х годов плотность населения в алтайских исправительно-трудовых домах несколько снизилась (на одно место приходилось двое заключенных), что дает основания говорить о некотором улучшении бытовых условий для заключенных. Улучшению ситуации с переполненностью мест заключения способствовал перевод таких распространенных видов преступлений, как нарушение закона «Об охране лесов» и хулиганства, из уголовных в разряд административных согласно Постановлению ВЦИК от 16 октября 1924 г., что существенно снизило приток новых контингентов в места лишения свободы в данный период. Однако злободневным продолжал оставаться вопрос о размещении заключенных в соответствии с количеством имеющихся в учреждении мест. Необходимость строительства нового, соответствовавшего своему назначению помещения губернского дома заключения обсуждалась административными и исполнительными органами еще в 1923 г., однако переезд Барнаульского ИТД в здание бывшего монастыря, рассчитанного на размещение до 600 человек, произошел только в конце декабря 1926 года¹⁰. Согласно данным на 1 января 1927 г. число заключенных в Барнаульском округе превысило число штатных мест на 308 процентов¹¹.

Чрезвычайно сложной ситуация с размещением заключенных была и в Бийском исправительно-трудовом доме. Старший помощник прокурора по Бийскому округу Никитин в ноябре 1926 г. в своем докладе краевому прокурору указывал, что переполненность контингента здесь составляла более чем 400 %. В 1927 г. положение ухудшилось: число заключенных в округе превысило фактическую вместимость ИТД на 583 процента¹². В следующем году ситуация еще усугубилась: прокуратура Сибкрая отмечала резкое увеличение количества заключенных на 5 тыс. человек всего за четыре месяца

¹⁰ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 3. Д. 323. Л. 47.

¹¹ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 76–77.

¹² Там же. С. 76–77, 87.

(январь – апрель 1928 г.), в связи с чем окружным прокурорам был разослан циркуляр от 25 июня 1928 г. о необходимости ограничения «безосновательного заключения под стражу в период дознания и следствия»¹³.

В целом условия пребывания в общих местах заключения в большой степени определялись бытовыми недостатками, обусловленными переполненностью тюрем. Необходимостью для пенитенциарной политики подстраиваться под эти реалии можно объяснить проведение регулярных амнистий и практику досрочного освобождения через распределительные комиссии.

Существовавшая на Алтае система мест заключения не справлялась с количеством вновь поступавших осужденных, создавая губительные для их здоровья бытовые условия. Перегруженность мест заключения приводила к тому, что здоровые заключенные вынуждены были находиться в одной камере с больными, результатом чего становилось массовое распространение эпидемических заболеваний (тифа, туберкулеза и других). Нарушение санитарно-эпидемиологических норм содержания заключенных обуславливало высокий уровень смертности в местах лишения свободы. Так, в 1922 г. только в Барнаульском ДЗ умерли 409 человек (в среднем около 34 человек в месяц)¹⁴. В течение 1923 г. в Бийском ДЗ в среднем умирали 13 человек в месяц, в Барнауле – 26 человек¹⁵. В летние месяцы наибольшую опасность для обитателей домов заключения представляли ротавирусные инфекции, эпидемии тифа: распространение этих заболеваний напрямую было связано с антисанитарными условиями в камерах, их переполненностью, пренебрежением личной гигиеной. Зимой среди заключенных обострялись бронхолегочные и простудные заболевания, вызванные постоянными переохлаждениями во время нахождения в камерах и на уличных работах из-за отсутствия у многих теплой одежды. Совокупность этих факторов, наряду со скудным и однообразным пи-

¹³ ГААК. Ф. Р-113. Оп. 3. Д. 378. Л. 3.

¹⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 28. Л. 20.

¹⁵ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332.

танием, ослабляли иммунитет заключенных и приводили к массовым случаям заболеваний в холодное время года.

В течение 10 месяцев 1923 г. в двух домах заключения умерли 392 человека, то есть 20,8 % от общего числа находившихся в пенитенциарных учреждениях губернии заключенных. В период с ноября 1923 г. по 1 января 1925 г. (за 14 месяцев) количество смертей среди заключенных обоих ИТД составило 99 случаев¹⁶. Во второй половине 1920-х годов статистика демонстрирует существенное снижение смертности заключенных. В 1925 г. за восемь месяцев в ИТД умерли всего девять человек, за оставшиеся четыре месяца летальных случаев не было¹⁷.

Положительных результатов удалось достигнуть благодаря частичному улучшению условий проживания арестантов после проведения ремонтных работ в зданиях ИТД, снабжения медико-санитарной части лекарствами и необходимыми медицинскими расходными материалами. В 1926 г. в Барнаульском окружном ИТД не было зафиксировано ни одного случая смерти среди заключенных¹⁸.

Важным показателем, определявшим положение заключенных, являлся уровень медицинской помощи. Больницы при домах заключения были рассчитаны на 75 койко-мест, так как в случае, если количество коек превышало это число, необходимо было вводить штатную должность врача, а это требовало дополнительных затрат из местного бюджета. Коек постоянно не хватало, больных размещали на деревянных топчанах без матрасов¹⁹.

По данным на 1 января 1925 г. количество больных в Барнаульском и Бийском ИТД составляло 54 человека, или 4,7 % от всех арестантов²⁰. Согласно статистике, приведенной в отчете Алтгубисполкома, на 1 октября 1925 г. (то есть через девять месяцев) в обоих

¹⁶ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923–24 хозяйственный год и I-ю кварту 1924–25 г. Барнаул, 1925. С. 202.

¹⁷ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 55–58; Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности за 1924–25 год. Барнаул, 1925. С. 15.

¹⁸ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 158.

¹⁹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 332 об.

²⁰ Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов... С. 202.

исправительно-трудовых домах заключения насчитывалось всего 34 больных, то есть около 3 % от общего числа²¹. Однако статистика, учитывающая общее количество заболевших в течение определенного периода, представляет несколько иную картину состояния здоровья заключенных. В течение октября – декабря 1925 г. в Барнаульском ИТД более 100 человек прошли стационарное лечение, 2 881 человек находился на амбулаторном лечении²², следовательно, уровень заболеваемости среди заключенных оставался еще довольно высоким.

Согласно ст. 458 УПК РСФСР 1923 г., заключенные «с тяжелой неизлечимой или душевной болезнью» подлежали досрочному освобождению. Стоит отметить, что отбор кандидатов к освобождению по медицинским показателям проводился довольно строго, о чем позволяют судить рекомендации, данные на основании диагноза заключенных. Поэтому даже больные с серьезными, но поддающимися медикаментозному лечению в условиях ИТД болезнями, были оставлены для последующего отбывания срока в местах заключения. По решению заседания медицинской комиссии 1925 г. из Барнаульского ИТД не были освобождены заключенные со следующими диагнозами: «паховая грыжа», «воспаление яичников», «бронхит, плеврит, тахикардия, грыжа», «неврастения и хронический бронхит» и т. д. К досрочному освобождению допускались исключительно люди с тяжелыми заболеваниями, преимущественно связанными с болезнями дыхательных путей и сердечно-сосудистой системы: «тяжелая форма эмфиземы, кардит с расстройством компенсации», «резкое расстройство сердечной деятельности с отеком живота», «папулезный сифилис, хронический ларингит и отит», «зернистая трахома и третичный сифилис с обезображиванием носа», «порок сердца без расстройств», «тяжелая форма кавернозного туберкулеза легких», «истерическая эпилепсия» и так далее²³.

Дополнительные проблемы, связанные с антисанитарией в местах заключения, были обусловлены нерегулярностью прово-

²¹ Алтайский Губернский исполнительный Комитет. Отчет о деятельности... С. 15.

²² ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 55–58.

²³ ГААК. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 6087. Л. 120–120 об., 124–127, 196, 253–253 об., 296.

димых санитарных обработок. В 1923 г. в губернском ДЗ вспыхнула острая эпидемия тифа, вызванная поступлением новых контингентов, среди которых были больные тифом²⁴. Провести дезинфекцию людей и помещений оказалось невозможным из-за отсутствия сменного «вещевого довольствия» и специальных средств, хотя согласно санитарному минимуму на каждого заключенного должны были отпускаться ежемесячно 100 г мыла для личной гигиены, 200 г – для стирки белья, 32 кг соломы для набивки матраса, а также ежедневно два ведра воды²⁵.

Проводившаяся санитарная работа была малорезультативной в том числе из-за острой нехватки сменной одежды и обуви для заключенных. Как правило, количество средств, которые выделялись местным бюджетом для этой статьи расходов, было существенно ниже реальных потребностей, поэтому учреждениям постоянно не хватало одежды, белья и обуви для заключенных. Серьезность ситуации доказывают факты, приведенные в отчете начальника губернского ДЗ за 1923 г.: «... для того, чтобы направить „голового“ заключенного на работу, т. е. „поставить в строй“, ему отдавали продезинфицированную одежду умерших заключенных, несмотря на то, что по закону она должна была возвращаться ближайшим родственникам»²⁶.

С 1 октября 1922 г. практически все дома заключения были переведены с централизованного государственного снабжения на местный бюджет²⁷. Несмотря на это, за ними оставалось право на получение продовольственных государственных пайков из фонда централизованного снабжения. Однако ДЗ были постоянно переполнены сверх нормы, а количество государственных пайков, как правило, не превышало числа штатных мест, соответствовавших их вместимости (350 мест), в отдельные месяцы за счет государственного снабжения можно было накормить лишь одну треть всех заключенных²⁸.

²⁴ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 4. Л. 43–44.

²⁵ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 70 об. – 71 об.

²⁶ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 330.

²⁷ Там же. Л. 8.

Согласно санитарным требованиям каждый заключенный должен был получать питание в соответствии с медицинскими нормами. Количество калорий для заключенных, не занятых трудовой деятельностью или занятых нетяжелыми работами, должно было равняться 2 996, а для занятых усиленным физическим трудом – 3 581. Главное управление местами заключения (ГУМЗ) скорректировало нормы питания, положенные по медицинским показаниям, исходя из реальных возможностей домзаков в условиях экономического кризиса, и установило лимит, ниже которого показатели питания опускаться не могли. Распоряжением ГУМЗ № 96 от 7 октября 1922 г. была установлена минимальная пищевая табель, согласно которой 2 220 калорий являлись суточной нормой²⁹. В результате введения минимальной пищевой таблицы энергетическая ценность питания для заключенных, занятых обычным трудом, уменьшилась примерно на 700 калорий, для выполнявших тяжелую физическую работу – почти на 1 400 калорий.

Несмотря на старания администрации мест заключения, не всегда удавалось выполнять норму питания даже по минимальной пищевой таблице. Местная бюджетная комиссия, ввиду того что дома заключения получали поддержку от государства в виде продовольственных пайков, при отпуске кредитов по квартальным сметам сокращала суммы, отпускаемые на продовольствие и содержание заключенных. Вследствие этого были месяцы, когда в ДЗ продуктов выдавалось на 1 142 калории (в июле 1923 г.), то есть половина самой высокой нормы питания заключенных, в то время как голодной нормой считались 1500–1800 калорий. Иначе говоря, обитатели мест заключения кормились впроголодь³⁰.

Продовольственный вопрос в местах заключения окончательно не был решен в течение всего рассматриваемого периода. По инспекционным оценкам, в 1925 г. большинство алтайских мест заключения испытывали серьезные проблемы с обеспечением

²⁸ Куденко Н.В. Политика «трудового перевоспитания» преступников в начале 1920-х гг. (на материалах Алтайской губернии) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4–1 (88). С. 166.

²⁹ ГААК. Ф. Р-30. Оп. 2. Д. 25. Л. 336 об.

³⁰ Там же. Л. 337.

продовольствием. При положенной трехдневной норме продуктов на 6 924 калории, по факту заключенные Барнаульского ИТД получали только 1 535,26 калорий (22,2 % от нормы, то есть всего 500 калорий в день), Бийского ИТД – 2 173,97 калорий (31,4 %). Значительно лучше дела обстояли в Рубцовском домзаке, заключенные которого получали 5 684,10 калорий (82,1 %) ³¹. Переполненность мест заключения и отсутствие дополнительного финансирования на содержащихся сверх штатного количества мест арестантов приводили к регулярному недоеданию заключенных, вследствие которого значительная часть их была ослаблена и находилась в болезненном физическом состоянии. Питание заключенных иногда удавалось приблизить к положенным нормам только благодаря заработкам заключенных на внешних работах или деньгам, вырученным от работы мастерских, а также благодаря организации собственного огорода и рыбалки. Во время обследования краевым инспектором Барнаульского окружного ИТД, проведенного 11 декабря 1926 г., норма питания заключенных составляла 1 604 калорий, работавшие получали питание до 2 000 калорий ³².

Согласно хозяйственным сметам Барнаульского окружного ИТД 1927 г., на продовольственное снабжение одного заключенного выделялось 12,36 коп. в день (3 руб. 71 коп. в месяц), дневную норму питания составляли 2 287 калорий ³³. Однако говорить о радикальном улучшении питания заключенных в сравнении с предыдущим периодом не приходится, поскольку показатели были нестабильными. В разные месяцы норма пайка значительно сокращалась, поскольку кредиты на продовольствие отпускались на 500 человек (то есть в соответствии с числом штатных мест), в то время как в ИТД могли содержаться более 700 заключенных. Поэтому сумма суточного пайка могла составлять только 7,5 коп., а в отдельные месяцы – 6 коп., соответственно количество калорий, получаемых заключенным, сокращалось фактически вдвое от предполагаемой нормы ³⁴.

³¹ Уйманов В.Н. Пенитенциарная система Западной Сибири... С. 86.

³² ГААК. Ф. Р-113. Оп. 3. Д. 323. Л. 49 об.

³³ ГААК. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 30. Л. 70–71 об.

³⁴ Для справки: стоимость 1 кг хлеба в 1927 г. составляла 20 коп., 1 кг сельди – 37 коп.

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о том, что положение контингента в алтайских местах заключения характеризовалось чрезвычайной неустроенностью. Общие места заключения, переведенные на самообеспечение, собственными силами не могли решить даже вопрос продовольственного снабжения. Ограниченная материальная база алтайских ИТД в течение 1920-х годов не позволяла разместить поступавший контингент в полном объеме. Поэтому их перманентной проблемой была переполненность, антисанитария, высокая заболеваемость, нехватка пищевого довольствия. В связи с этим глобальная задача по «перевоспитанию и интеграции» уголовников в социум посредством повышения их культурно-образовательного уровня и привития трудовых навыков, поставленная советской властью перед местами заключения в 1920-е годы, была признана нежизнеспособной. Отказ от политики «перевоспитания» также был связан и со сменой роли пенитенциарных учреждений в экономике страны. С конца 1920-х годов места заключения и вверенный им контингент стали важным трудовым ресурсом для реализации задач экономической модернизации страны.

Р.Р. Олейник

*Стерлитамакский филиал Башкирского
государственного университета*

Дорожное хозяйство Башкирской АССР в 1920-е годы

Статья посвящена развитию дорожного хозяйства Башкирской АССР в 1920-е годы. Переход к нэпу потребовал соответствующей перестройки работы дорожного хозяйства. Необходимо было в кратчайшие сроки восстановить транспортное сообщение между городом и деревней. В условиях недостатка материальных и денежных ресурсов успешно решать эти задачи было трудно. Автором на основе анализа архивных материалов определена роль трудового участия населения в строительстве и ремонте дорог. Рассмотрена система управления дорожных органов. Сделан вывод о том, что в 1920-е годы Башкирская АССР из-за бездорожья несла многомиллионные убытки, что в свою очередь тормозило восстановление промышленного потенциала республики.

Ключевые слова: дорожное хозяйство, трудовое участие населения, Башмес, Башкирская АССР.

В начале 1920-х годов социально-экономическая и политическая ситуация в РСФСР оставалась сложной. В условиях перехода к нэпу, при слабом развитии промышленности и торговли основное внимание советской политической элиты было обращено на восстановление железнодорожного транспорта в стране в целом и в отдельных ее регионах в частности.

Особая роль транспорта в развитии промышленности Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики в годы нэпа была показана в диссертационных исследованиях А.В. Шафиковой, Н.З. Магадиева, Т.Г. Байбуриной¹. Названные авторы отметили

¹ Шафикова А.В. Государственная промышленность Башкортостана в годы нэпа, 1921–1928: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 1999. 205 с.; Магадиев Н.З. Развитие государственной промышленности Башкортостана в 1928–1940 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2001. 291 с.; Байбурина Т.Г. Промышленность города Уфы в годы предвоенных пятилеток и Великой Отечественной войны: 1928–1945 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2004. 255 с.

ли, что транспортная проблема существенно тормозила развитие промышленности республики. Так, по мнению А.В. Шафиковой серьезным препятствием между покупателями и промышленностью в Башкирской АССР на всем протяжении 1920-х годов оставалось неудовлетворительное состояние дорожно-транспортной сети². В связи с чем себестоимость товаров местной промышленности оставалось очень высокой.

Прежде чем приступить к строительству новой, социалистической экономики в Башкирии необходимо было ликвидировать разруху, вызванную гражданской войной³. Из-за отсутствия продовольствия, сырья и топлива местные органы вынуждены были закрыть даже действующие предприятия. В свою очередь в системе управления дорожным хозяйством наметились определенные экономические и технические проблемы. Негативным фактором стала многократная смена ведомственной принадлежности и неопределенность источников финансирования. На капитальный ремонт полотна в Башкирской АССР требовалось 4 016 861 руб. 93 копейки⁴. Такие финансовые расходы были довольно значительными для того времени.

В целях решения первостепенных задач широко применялся метод трудовой и гужевой повинности (трудгужповинность), которая 22 ноября 1921 г. была заменена на трудгужналог⁵. Согласно декрету сельское население, в пределах установленной законом нормы, выполняло различные работы как для государственных (топливных, сельскохозяйственных организаций и предприятий), так и для крестьянских хозяйств (строительных, дорожных, продовольственных, снеговых, гужевых). По мере восстановления хозяйства трудгужналог постепенно заменялся денежным обложением и в 1923 г. был включен в общую систему обложения в виде единого сельхозналога для сельчан и подоходно-имущественного

² Шафикова А.В. Государственная промышленность Башкортостана в годы нэпа... С. 166.

³ Саяхов Ф.Л. Осуществление ленинского плана построения социализма в Башкирии (1926–1937 гг.). Уфа, 1972. С. 24.

⁴ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 4. Л. 150 об.

⁵ Трудгужповинность и трудгужналог // Власть народа. 1922. № 191. С. 1.

налога для горожан. В целях содействия дорожному строительству 17 августа 1925 г. для местного населения официально была введена дорожная повинность. Мобилизация сельского населения на трудовое участие в дорожных работах допускалась при условии, если производство этих работ было обеспечено необходимыми денежными средствами, материалами и техническим персоналом. В местное дорожное строительство привлекалось трудоспособное население, постоянно проживающее в сельских местностях, кроме рабочих, служащих и учащихся. Обязательная дорожная повинность была возложена на основаниях, устанавливаемых особым законом, на коллективные хозяйства, сельскохозяйственные артели и товарищества, частные промышленные, торговые и иные предприятия. Количество дней трудового участия для граждан, привлекаемых к дорожным работам, как без рабочего скота, так и со скотом, а также нормы денежной замены трудового участия устанавливались ежегодно районными или уездным исполнительными комитетами Советов. Если граждане уклонялись от трудового участия в дорожных работах, то с них взыскивался административный штраф. Следует отметить, что к дорожному строительству привлекались лица, работавшие не по найму, а по решению судебных или административных органов⁶.

Сельское население было в основном неквалифицированным и безграмотным, формально относилось к дорожному делу, отрабатывало дорожную повинность без энтузиазма. На местах не было квалифицированных кадров и руководящих органов дорожного строительства. В 1922 г. в четырех кантонах Башкирской АССР работало 30 техников: из них квалифицированных специалистов по дорожному делу – два человека, с низшим образованием (не дорожники и некомпетентные в этом деле) – три человека, повышены в этом звании и неквалифицированные специалисты – восемь человек (четыре из них малограмотные)⁷. Один инженер-дорожник был приглашен на службу в сентябре 1922 г. В 1923 г. в составе десяти специ-

⁶ Об организации принудительных работ без содержания под стражей: Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 6 сентября 1926 г. // Собрание Указаний и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1926. № 80. Ст. 596.

⁷ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 4. Л. 97 об.

алистов на шесть кантонов было четыре инженера-специалиста и шесть техников. В 1924/25 г. в восьми кантонах в составе четырнадцати специалистов было пять инженеров специалистов и девять техников. Квалифицированные кадры приходилось приглашать из других городов. Примечательно, что до 1930 г. специальных автодорожных учебных заведений не было. Небольшое число специалистов проходили подготовку в транспортных институтах Москвы, Ленинграда и Киева.

В первые годы Советской власти ремонт существовавших дорог и строительство новых осложнялись полным отсутствием дорожной техники. Не хватало даже шанцевых инструментов: лопат, кирок, ломов. Следует отметить, что использование дорожных машин в строительстве обходилось в пять раз дешевле, чем производство тех же работ ручным способом.

Несомненная зависимость всех отраслей народного хозяйства друг от друга требовала согласованности по вопросам заработной платы, темпов восстановительных работ и т. д. В итоге в СССР прошла еще одна череда управленческих реформ в дорожном хозяйстве. В результате многочисленных реорганизаций Постановлением Совета народных комиссаров (СНК) Башкирской АССР от 24 июня 1924 г. и Постановлением Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Башкирской АССР от 11 августа 1924 г. «О реорганизации дорожного дела»⁸ при СНК БАССР был создан самостоятельный орган местного транспорта – Башмес. Его руководителем по согласованию с Киргизским отделом местного транспорта (КирОМЕС) был назначен инженер А.П. Булыгин⁹. Башмес являлся комбинированным аппаратом: на дорогах государственного значения он производил работы по заданиям Народного комиссариата путей сообщения (НКПС), а на дорогах областного значения подчинялся заданиям Башкирского Совета народных комиссаров (БСНК)¹⁰. Свою деятельность на упомянутых дорогах Башмес осуществлял с помощью уполномоченных и соответствующего кантонного исполнительного

⁸ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁹ Аминов Ш.Х. Исторические аспекты развития дорожной инфраструктуры региона с развитым нефтехимическим комплексом. Уфа, 2008. С. 120.

¹⁰ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 35. Л. 21 об.

комитета (кантисполкома, или КИКа), который, в свою очередь, являлся таким же комбинированным аппаратом, как и Башмес. Кантисполком обслуживал дороги кантонного значения и руководил волостным исполнительным комитетом (волисполкомом, или ВИКом), в ведении которого находились дороги волостного и сельского значения¹¹. В июле 1925 г., согласно постановлению ЦИК СССР и СНК СССР, дороги государственного значения на территории РСФСР были переданы из ведения НКПС во временное заведывание ЦИКом автономных республик, краевых, областных и губернских исполкомов¹².

С целью более четкого составления годового плана дорожных работ в начале сентября 1924 г. был издан декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О подразделении шоссейных и грунтовых дорог РСФСР. и о нормах полосы отвода при них». Согласно этому документу, все дороги, пролежавшие по территории РСФСР, подразделялись на пять разрядов: 1) государственные, 2) губернские (областные), 3) уездные (районные, кантонные), 4) волостные (участковые) и сельские, 5) полевые и дороги специального назначения (заводские, курортные, лесные и проч.).

Дорожное хозяйство Башкирии имело дороги всех пяти разрядов: государственные, областные, кантональные, волостные, специальные заводские. Полотно государственных и областных дорог, состоявшее из гравия и песка, насчитывало 2 447 км, полотно кантональных дорог – 1 366 км¹³. К дорогам государственного значения относились следующие тракты: Уфимско-Оренбургский (539,47 км), Уфимско-Никола-Березовский (407,18 км), Елабужско-Сибирский (578,75 км), Верхне-Уральский (442,95 км), Белорецк-Оренбургский (429,80 км)¹⁴. Протяженность сети гужевых дорог Башкирской АССР составляла 29 011 км. На 100 кв. км территории республики (158 122 кв. км) в среднем приходилось 18,4 км гужевых дорог, или 120 км на одну тысячу жителей. Дороги находились в плохом состоянии, что в свою очередь сказывалось на удорожании

¹¹ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.

¹² НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 1. Л. 90–91.

¹³ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 4. Л. 142 об.

¹⁴ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

стоимости перевозки сырья и продукции¹⁵. Во время распутицы переброска грузов на рынки сбыта и железнодорожные станции, находившиеся в 150–200 км, была либо невозможна, либо измерялась многомиллионными убытками населения и государства (при цене 45 коп. с пуда). Бездорожье и весеннее половодье послужили причиной того, что целые районы на один-два месяца оказывались отрезанными от рынков сбыта и тем самым оставались не вовлеченными в хозяйственный оборот. Из-за некачественных дорог народное хозяйство Башкирской АССР ежегодно несло убытки в размере 13 250 000 рублей¹⁶. СНК Башкирской АССР на вторую половину 1924/25 г. требовал дополнительные средства на областные и кантональные дороги, сверх утвержденного в плане жесткого лимита. Размер отпускаемых средств на строительство и ремонт дорог в годовом плане 1925/1926 г. от протяженности дорожной сети практически не зависел.

В связи с изданием закона о подразделении шоссейных и грунтовых дорог РСФСР и о нормах полосы отвода при них летом 1925 г. Башмес издал постановление по вопросу о разделе всех дорог на пять разрядов: 1-й разряд – государственные, 2-й – областные, 3-й – кантональные, 4-й – волостные и сельские и 5-й – полевые и операциального назначения (лесные, заводские и др.)¹⁷. В результате вопрос о разделе дорог кантисполкомами остался не разрешен: не была определена протяженность дорог; не указана ширина дороги; не даны краткие характеристики, почему дороги отнесены к тому или другому разряду; не определена примерная их грузонапряженность. Некоторые дороги были показаны через пункты, составляющие треугольник или кривую. При перечислении пунктов одно и то же направление повторялось дважды. В итоге получалось, что это не одна дорога, а несколько¹⁸.

Наряду с обычным пятилетним планом Башмес составил пятнадцатилетний перспективный план дорожного строительства

¹⁵ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.

¹⁶ НА РБ. Ф. П-122. Оп. 8. Д. 117. Л. 130.

¹⁷ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 27. Л. 112.

¹⁸ Там же. Л. 112 об.

(1926–1941 гг.), который вписывался в ленинский план ГОЭЛРО. Проект ГОЭЛРО содержал три основные идеи: электрификации

производства на основе местного топлива, магистрализации транспорта и экономического районирования¹⁹. В течение 10–15 лет развитие энергетики и модернизацию всей экономики страны предполагалось осуществлять параллельно.

Всякое планирование подразумевает предварительное проведение оценки состояния его объекта. В данном случае таким объектом являлось дорожное хозяйство Башкирии. Представленная сводка пятнадцатилетнего перспективного плана дорожного строительства Башкирской АССР базировалась на разработанном и утвержденном пятилетнем перспективном плане дорстроительства в республике (1926–1931 гг.)²⁰. В то же время было запланировано, что по данному пятнадцатилетнему плану шоссейные и грунтовые дороги «займут подобающее им место в системе республиканского хозяйства и в основном будут изжиты многомиллионные убытки государства от непроездности дорог»²¹. Стоимость планируемых работ составляла около 3 % от бюджета, с учетом его ежегодного роста на 25 % в первое пятилетие, на 15 % – во второе, и на 10 % – в третье²².

Всего за первое десятилетие Советской власти в Башкирии было «построено шоссейных и грунтовых дорог в среднем на 100 кв. км пространства около 19 км гужевых дорог, было восстановлено более 8 км мостовых сооружений по их длине и в среднем за один год около 2080 погонных метров»²³. В целом в СССР дорог общегосударственного значения насчитывалось 28 212 км, из которых грунтовых, без твердого покрытия, – 21 203 км и только 7009 км имели «каменную одежду». Из всех дорог с каменным покрытием в удовлетворительном состоянии находилось 27 %, в плохом – около 73 %. Что же касается грунтовых дорог, то они требовали немедленного ремонта. В аналогичном состоянии находились мосты. На содержание грунтовых дорог общегосударственного значения в 1923/24 г. была выделе-

¹⁹ Гвоздецкий В. План ГОЭЛРО // Наука и жизнь. 2001. № 5. С. 102.

²⁰ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

²¹ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 35. Л. 52.

²² НА РБ. Ф. Р-833. Оп. 1. Д. 6. Л. 32.

²³ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

на сумма в размере 20 руб. на один километр, в 1924/25 г. – 40 руб., в 1925/26 г. – 80 руб., в 1926/27 г. – 120 руб. На содержание волостных и сельских дорог денежные ассигнования со стороны правительства, за немногими исключениями, не выделялись. Так, например, в 1926/27 г. на содержание волостных и сельских дорог СССР было отпущено всего лишь четыре миллиона рублей²⁴.

Ряд серьезных трудностей испытывало дорожное хозяйство и в РСФСР в целом. Во-первых, не проводилась эффективная кадровая политика центрального аппарата и его окружных управлений к подбору командного состава. Подбор специалистов и руководства осуществлялся формально, профессионалы-специалисты в числе руководителей составляли меньшинство. Во-вторых, не уделялось внимание механизации дорожных работ и/или не учитывалась региональная специфика. Так, дорожные машины на места отправлялись без учета местных особенностей и потребностей, без запасных частей, инструкции и т. д. В-третьих, имела место массовая бесконтрольность, вызванная формальными отчетами и открытой фальсификацией данных. В-четвертых, финансирование строительства часто производилось до утверждения проектов и всех необходимых подготовительных работ.

Перед началом реализации первой пятилетки Башмес произвел мониторинг дорожного хозяйства республики. Так, летом 1926 г. инженер-дорожник Стерлитамакского кантонного исполкома Советов С.П. Зорин представил доклад о дорожном строительстве в Башкирии за 1926/27 г. В нем содержалось описание дорожного аппарата, источников его содержания (центральный, кантонный и линейный), взаимоотношений с союзом и проч. В свою очередь инженер С.П. Зорин заметил, что «ремонтируемые дороги делаются узкими, в итоге получают две параллельные канавы по одной стороне»²⁵. Для усовершенствования технического состояния дорог, заключавшегося в строительстве дорожного полотна, в волостях не хватало леса. Лесничества отпускали на мосты лесоматериал дялян-

²⁴ Лавров Ф. Нужно привлечь население к дорожному строительству // За рулем. 1928. № 4. С. 3–4.

²⁵ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 35. Л. 68.

ками. С.П. Зорин писал: «поэтому годного для постройки лесу бывает очень мало, в связи с этим приходится брать несколько делянок. Всего по волости 74 моста, стоимость одного чертежа моста обходится в 148 руб., а на дорожное строительство отпускается всего 7 руб. 50 коп. В конечном итоге выходит, что „красивые чертежи имеем, а строить нечем“»²⁶. На основе проведенных исследований была составлена карта грузонапряженности дорог по разрядам. Средняя грузонапряженность государственных дорог составляла 5 956 268 тыс. тонн, областных дорог 22 152 862 тыс. тонн, кантонных дорог 11 011 484 тыс. тонн²⁷.

Пятилетний план по дорожному хозяйству Башкирской АССР был составлен в двух вариантах. Первый был подготовлен в 1929 г. в минимальных размерах, без учета материальных возможностей, представленных общим подъемом темпа народного хозяйства СССР и Башкирии в частности. С точки зрения общих затрат финансирование было запланировано в размере 10,5 млн руб., основная часть которых (75 %) шла на новое строительство дорог и по 12,5 % – на капитальный и текущий ремонт²⁸. Данная схема финансирования противоречила первоочередным задачам развития дорожного хозяйства. Прежде всего необходимо было провести капитальный и текущий ремонт, перекрыть заново искусственные сооружения: мосты, трубы, переправы и т.п. В итоге первый вариант пятилетнего плана оказался неудовлетворительным. Второй вариант плана, составленный Башдортрансом в 1930 г. по предложению Главдортранса, реализовывался до конца пятилетки и являлся перспективной линией развития дорожного хозяйства Башкирской АССР.

Революционные события 1917 г. и гражданская война нанесли серьезный урон дорожному хозяйству. Только путем образования дорожного фонда, долгосрочных займов и неизменного участия самого населения можно было в максимально короткие сроки решить вопрос восстановления дорог. Темп их реконструкции напрямую зависел от ресурсов, имевшихся в Башкирской АССР и

²⁶ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 35. Л. 69.

²⁷ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 77. Л. 47 об.

²⁸ НА РБ. Ф. Р-786. Оп. 1. Д. 194. Л. 2 об.

выделявшихся Центральным управлением местного транспорта (ЦУМТ) при Наркомате путей сообщения (НКПС). Однако данные меры применялись в первую очередь к таким искусственным сооружениям, как мосты и трубы. Что же касается восстановления дорожного полотна и его последующего содержания, то, учитывая темпы работ того времени, эти задачи не могли быть разрешены. Вместо этого дорожному хозяйству Башкирской АССР в 1920-е годы пришлось решать другие неотложные задачи: во-первых, классифицировать дороги по их значению, определить их грузонапряженность, улучшить материально-техническую базу, кадровый потенциал; во-вторых, создать самостоятельный орган межведомственного характера. Безусловно, в исторических условиях того времени решить данные задачи полностью было невозможно, поэтому они были решены частично.

А.А. Плясуля

Независимый исследователь (Новосибирск)

Институциональные изменения в структуре совхозных трестов Сибири в конце 1920-х – середине 1930-х годов

В статье предпринята попытка реконструировать становление и институциональные изменения в системе трестов как основного звена в структуре управления совхозами в Сибири в конце 1920-х – середине 1930-х годов. Показано, что сама система управления отличалась многоступенчатостью, параллелизмом, перманентными преобразованиями. Рассматриваемый период был ознаменован поиском оптимальных форм устройства и работы трестов. Сделан вывод о том, что зачастую вновь создаваемые управленческие структуры не меняли ситуацию с функционированием и производством совхозов в лучшую сторону, в связи с чем следовала очередная перестройка трестов.

Ключевые слова: аграрная политика советского государства, нэп, коллективизация, сельское хозяйство, совхозы, система управления, тресты, Сибирь.

Структуру управления совхозами в СССР в конце 1920-х – середине 1930-х годов можно считать достаточно изученной, тогда как деятельность совхозных трестов и их подразделений в Сибири – одна из проблем совхозного строительства, исследованных не в полной мере. Органы управления сельским хозяйством детально исследованы в монографиях А.А. Нелидова и Т.В. Коржихиной¹. Эти работы посвящены в основном функционированию центральных государственных учреждений, в то время как их региональные ответвления затронуты авторами в меньшей степени. Некоторые аспекты деятельности специализированных трестов освещаются в фундаментальной монографии Н.Я. Гущина «Сибирская деревня на

¹ *Нелидов А.А.* История государственных учреждений СССР 1917–1936 гг. М., 1962. 748 с.; *Коржихина Т.П.* История и современная организация государственных учреждений СССР 1917–1972 гг. М., 1974. 310 с.; *Она же.* История государственных учреждений СССР. М., 1986. 399 с.; *Она же.* Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995. 418 с.

пути к социализму»². Однако в ней история трестов обрисована кратко, в контексте общих вопросов социалистической реконструкции сельского хозяйства региона. Целью настоящей статьи является конкретно-историческое рассмотрение институциональных изменений в рамках системы трестов в 1928–1934 гг.

Система управления совхозами с момента ее становления имела вертикальную иерархическую структуру с жесткой соподчиненностью. Еще в начале 1920-х годов основным звеном в структуре управления совхозами стали тресты. С января 1922 г. крупные совхозы начали объединяться в сельскохозяйственные тресты – областные и губернские, которые основывали свою деятельность на полном хозяйственном расчете и подчинялись губернским земельным органам только в общих вопросах. Процесс трестирования совхозов в основном закончился к 1924 году³. Региональные тресты РСФСР объединялись в Госсельсиндикат. Во второй половине 1920-х годов стали создаваться общесоюзные объединения совхозов. Так, в 1926 г. было учреждено Всесоюзное акционерное общество (ВАО) «Овцевод», ставшее впоследствии трестом. В Сибири в 1922 г. был создан подведомственный Сибирскому земельному управлению Сибирский сельскохозяйственный трест, в который входили 16 совхозов⁴. Затем из него выделился Омский сельскохозяйственный трест. Основной специализацией «Сибсельтреста» являлось меринское овцеводство, а специализацией «Омсельтреста» – производство чистосортных семян зерновых культур⁵. В 1926 г. хозяйства «Сибсельтреста» передали в ведение сибирской краевой конторы ВАО «Овцевод»⁶. В 1928 г. в Сибирском крае из 61 функционировавшего совхоза 16 были крупными трестированными хозяйствами⁷.

² *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму (социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937). Новосибирск, 1973. 518 с.

³ *Нелидов А.А.* История государственных учреждений СССР... С. 515.

⁴ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 746. Л. 9.

⁵ ГАО. Ф. Р-1072. Оп. 1. Д. 77. Л. 85.

⁶ ГАО. Ф. Р-358. Оп. 1. Д. 1. Л. 94.

⁷ *Гущин Н.Я.* Сибирская деревня на пути к социализму... С 237–238, 241.

В том же 1928 г. зерновые хозяйства объединились во Всесоюзный трест зерновых совхозов «Зернотрест». В Сибирском крае управление уполномоченного «Зернотреста» было создано в сентябре 1928 года⁸.

В августе 1929 г. с целью централизации управления совхозными трестами был ликвидирован Госсельсиндикат и учрежден Совхозцентр (Всероссийское центральное объединение трестированных советских хозяйств), система которого включала в себя все трестированные совхозы РСФСР, за исключением хозяйств общесоюзного значения, принадлежавших «Зернотресту» и «Овцеводу»⁹. В его задачи входило административно-хозяйственное и плано-оперативное руководство совхозтрестами, налаживание снабжения и сбыта, организация нового совхозного строительства.

В начале 1930-х годов развернулось интенсивное совхозное строительство. При этом ставка была сделана на дальнейшую специализацию совхозной системы. Постановлением Экономического совещания РСФСР от 20 апреля 1930 г. Совхозцентр РСФСР, а также вся система соответствующих трестов, включая «Сибсельсовхозтрест», были ликвидированы¹⁰. Их хозяйства были переданы вновь организованным трестам республиканского и союзного значения, в том числе имевшим свою сеть предприятий в Сибири: Всесоюзному государственному объединению мясных совхозов («Скотовод»), Всесоюзному молочно-масляному тресту совхозов («Маслотрест»), Всесоюзному государственному тресту свиноводческих совхозов («Свиноводтрест»), Всесоюзному тресту льноводческих и коноплеводческих совхозов («Льноконоплеводтрест»), Всесоюзному государственному объединению коневодческих и конезаводческих совхозов («Госконеводтрест»). Как и в остальных регионах СССР, в Сибири были учреждены конторы центральных трестов во главе с уполномоченными. Уполномоченные назначались правлениями трестов и имели аппарат управления. Разделение Сибирского края на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края в

⁸ ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.

⁹ Собрание узаконений РСФСР. 1929. № 63. Ст. 624.

¹⁰ ГАНО. Ф. Р-375. Оп. 1. Д. 8. Л. 110–112.

конце июля 1930 г. привело к соответствующему переоформлению контор совхозных трестов в новые административно-территориальные рамки. Соответственно были образованы Западно-Сибирские и Восточно-Сибирские крайконторы «Зернотреста», «Скотоводтреста», «Свиноводтреста», «Овцеводтреста», «Госконеводтреста». Крайконтора «Маслотреста» функционировала только в Западно-Сибирском крае. Все эти конторы в июне 1931 г. были реорганизованы в региональные (краевые) отделения¹¹.

В декабре 1931 г. в целях укрепления регионального звена совхозная система управления была децентрализована. Общесоюзные тресты были преобразованы в общесоюзные объединения трестов с сетью соответствующих республиканских, краевых и областных трестов. В Западно-Сибирском крае были организованы союзные тресты зерновых, мясных, молочно-масляных, овцеводческих и свиноводческих совхозов («Запсибсоюззернотрест», «Запсибсоюзскотоводтрест», «Запсибсоюзмаслотрест», «Запсибсоюзсвиноводтрест», «Запсибсоюзовцеводтрест»)¹².

В связи со сложностью управления громоздким хозяйством «Запсибсоюзмаслотреста» из одного центра и необходимостью повышения оперативности управления трест приказом по Союзмаслообъединению от 31 мая 1932 г. был разукрупнен на семь союзных маслотрестов: Тюкалинский, Омский, Сибиро-Татарский, Барабинский, Кузбасский, Горно-Алтайский и Новосибирский. В целях координации работы маслотрестов края с краевыми органами власти было организовано Западно-Сибирское отделение Союзмаслообъединения. Руководство его работой осуществлял управляющий отделением¹³.

Осенью 1932 г. последовало разукрупнение «Запсибсоюзскотоводтреста» (39 хозяйств) на Новосибирский и Минусинский, в январе 1933 г. – «Запсибсоюзсвиноводтреста» на Омский, Кузбасский и Новосибирский. В январе 1933 г. Новосибирский скотоводтрест был расформирован с передачей ранее входивших в него совхозов Ново-

¹¹ ГАНО. Ф. Р-375. Оп. 1. Предисловие. С. 3.

¹² ГАНО. Ф. Р-358. Оп. 1. Предисловие. С. 4; Ф. Р-359. Оп. 1. Д. 29. Л. 1; Ф. Р-366. Оп. 1. Предисловие. С. 1.

¹³ ГАНО. Ф. Р-357. Оп. 2. Д. 12. Л. 177, 179–181; Д. 19. Л. 179–180.

сибирскому, Кузбасскому, Татарскому и Горно-Алтайскому трестам. В январе 1934 г. «Запсибсоюззернотрест» разделили на два самостоятельных треста: Новосибирский и Омский¹⁴.

В октябре 1932 г. в СССР была проведена перестройка системы управления сельским хозяйством в целом. 1 октября 1932 г. ЦИК СССР принял постановление о передаче ранее подчиненных Наркомату земледелия СССР трестов зерновых и животноводческих совхозов под управление созданного тем же постановлением Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР. Деятельностью совхозов на территории РСФСР руководило Управление уполномоченного Наркомата совхозов СССР при СНК РСФСР. Управления уполномоченных Наркомата создавались также в краях и областях, в том числе в Западно-Сибирском и Восточно-Сибирском краях¹⁵.

На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 22 апреля 1934 г. была проведена реорганизация Наркомата совхозов и его местных органов¹⁶. Институт уполномоченных Наркомсовхозов при краевых и областных исполкомах упразднялся как излишнее промежуточное управленческое звено. Эта реорганизация вновь усиливала роль трестов, сближая их с Наркоматом, вместе с тем значительно расширяя права и обязанности местных исполкомов по отношению к совхозам, находившимся на их территории. Совхозные тресты непосредственно управляли совхозами вплоть до конца 1935 г., пока не были признаны «плохой передаточной инстанцией» и ликвидированы, а управление совхозами было передано в непосредственное ведение Наркомата совхозов¹⁷.

Рассмотрим развитие и структуру отдельных наиболее крупных и значимых сибирских совхозных трестов. Как уже отмечалось, в числе первых общесоюзных объединений совхозов в 1926 г. было создано ВАО «Овцевод». Среди его учредителей были Наркомзем РСФСР и Госсельсиндикат¹⁸. В Сибирском крае управление овцевод-

¹⁴ ГАНО. Ф. Р-285. Оп. 1. Д. 264. Л. 1; Д. 520. Л. 1; Ф. Р-366. Оп. 1. Предисловие. С. 15.

¹⁵ Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР... С. 525.

¹⁶ Собрание законов СССР. 1934. № 21. Ст. 167.

¹⁷ Итоги хозяйственного и культурного строительства в Новосибирской области за второе пятилетие (1933–1937 гг.). Новосибирск, 1939. С. 67.

¹⁸ Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР... С. 518.

ческими совхозами осуществляла Сибирская краевая контора акционерного общества «Овцевод», во главе которой стоял управляющий, назначаемый ВАО «Овцевод»¹⁹. Управление каждым совхозом «Овцевода» осуществлял заведующий, который назначался Сибкрайконторой «Овцевод». Заведующий имел помощника по административным вопросам, овцевода, полевода, бухгалтера, который в свою очередь имел помощника и одного или двух счетоводов. Помощники заведующего и бухгалтера тоже назначались Сибкрайконторой, остальной штат – заведующим совхозом²⁰.

Постановлением Экономического Совета РСФСР от 20 апреля 1930 г. был образован Всесоюзный трест «Овцевод». В феврале 1931 г. постановлением Правления «Овцевода» была учреждена должность представителя правления в Западной Сибири для оказания непосредственной помощи совхозам в их производственной деятельности, а также для связи правления с краевыми учреждениями и организациями. На представителя и его аппарат возлагалось выявление, изучение и закрепление за трестом необходимых земельных фондов для организации новых совхозов; выявление количества дворов, землепользователей, подлежащих выселению с территории, передаваемой совхозам, и согласование сроков выселения; составление предварительных списков, заключение на основании генеральных договоров и указаний Правления локальных договоров на землеустроительные и дорожно-мелиоративные работы; комплектование стада, уточнение планов сдачи овец; наблюдение за выполнением на местах нарядов по снабжению совхозов необходимыми предметами и товарами, распределявшимися в централизованном порядке; обследование качества и хода подготовки кадров в сети учебных заведений и курсов края, находившихся в ведении треста²¹. Представитель не имел права выезжать в совхозы без разрешения Правления треста и вмешиваться в оперативную деятельность совхозов²².

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-359. Оп. 1. Предисловие. С. 1–2.

²⁰ Там же. С. 2.

²¹ Там же. С. 3–4.

²² Там же. С. 4.

Постановлением Правления Всесоюзного треста «Овцевод» от 12 мая 1931 г. на основании решения Наркомата земледелия СССР было образовано Западно-Сибирское отделение треста в целях оказания помощи и содействия работе совхозов и других подведомственных «Овцеводу» учреждений, расположенных в крае, контроля и инспектирования их деятельности; изыскания, отвода и своевременного устройства земельных фондов для расширения существовавших и организации новых совхозов; представительства от имени Правления «Овцевод» и выполнения его поручений в пределах края. Во главе отделения стоял управляющий, назначаемый Правлением треста «Овцевод», штаты и смету отделения также утверждало Правление. Управляющий имел право принимать на работу, перемещать или увольнять только работников отделения, назначение же директоров совхозов производило Правление треста²³.

В Положении об отделениях «Овцевода» в союзных и автономных республиках, краях и областях были четко разграничены функции центрального аппарата (то есть Правления треста «Овцевод») и его отделений. Отделение получило право участвовать в разработке перспективных планов и контрольных цифр развития животноводства в пределах края и руководить составлением промфинпланов совхозами, сводного промфинплана по краю (при согласовании его с местными организациями и на основе контрольных цифр Правления). Отделение также имело право заключать с краевыми организациями договоры и контролировать их выполнение; руководить деятельностью овцесовхозов, инструктируя и контролируя их через свою инспектуру; руководить строительством в совхозах; заключать договоры (на основе генеральных договоров Правления); распределять фонды, выделенные Правлением; планировать и контролировать приемку скота от «Союзмяса», организовывать сбыт продукции овцесовхозами; проверять состояние и использование машин и тракторов, организовывать работу совхозных ремонтных мастерских, составлять календарные планы ремонта сельхозмашин как по краю, так и по совхозам, инструктировать по эксплуатации и ремонту техники; на основе решений и заданий Правления органи-

²³ ГАНО. Ф. Р-359. Оп. 1. Предисловие. С. 4.

зовывать и контролировать землеустроительные и дорожно-мелиоративные работы в совхозах; контролировать и инспектировать совхозы по ветеринарно-техническим мероприятиям; контролировать деятельность учебных заведений и курсов подготовки и переподготовки кадров, находившихся в ведении треста «Овцевод». На отделение возлагалось ведение статистической и бухгалтерской отчетности²⁴.

На основании постановления Наркомата земледелия СССР от 19 ноября 1931 г. Западно-Сибирское отделение треста «Овцевод» было реорганизовано в Западно-Сибирский трест «Овцевод» союзного значения²⁵. В конце 1933 г. в трестах, подчиненных Наркомату зерновых и животноводческих совхозов СССР, для правильной организации оперативного руководства финансовым хозяйством треста и входящих в его систему совхозов в целях контроля и наблюдения за правильным расходованием совхозами средств в соответствии с утвержденными планами были организованы самостоятельные финансовые секторы, подчиненные непосредственно директорам трестов. В Западно-Сибирском тресте «Овцевод» такой сектор назывался планово-производственным. В его функции входило: 1) планирование производственной деятельности овцеводческих хозяйств, составление контрольных цифр совхозов; 2) контроль за выполнением совхозами годовых и сезонных оперативных заданий; 3) планирование, руководство и контроль по ветеринарно-профилактическим мероприятиям; 4) руководство правильной организацией труда; 5) учет и планирование потребности в рабочей силе в совхозах; 6) проработка рационализаторских мероприятий; 7) осуществление практических мероприятий по механизации хозяйств; 8) руководство и контроль за работой механических мастерских, двигателей, автомобильного и тракторного парков; 9) планирование и руководство мелиоративными работами; 10) внедрение передового опыта в совхозах²⁶.

²⁴ ГАНО. Ф. Р-359. Оп. 1. Предисловие. С. 4–5.

²⁵ Там же. С. 5.

²⁶ Там же. С. 8–9.

В середине 1930-х годов «Запсибсоюзозвцеводтрест» подчинялся Главному управлению овцесовхозов Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР²⁷. На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 28 ноября 1935 г. «О реорганизации Наркомата зерновых и животноводческих совхозов» приказом Наркомата совхозов СССР от 21 декабря 1935 г. Главное управление овцесовхозов было реорганизовано в три производственно-территориальных управления: Управление овцесовхозов Юга, Управление овцесовхозов Южного Казахстана и Киргизии, Управление овцесовхозов Поволжья, Северного Казахстана и Сибири²⁸. «Овцевод» прекратил свое существование вместе с остальными совхозными трестами.

Вопросы строительства и производственной деятельности зерновых совхозов решались СТО СССР, при котором в августе 1928 г. в целях практического осуществления программы строительства и руководства новыми зерновыми совхозами был создан Всесоюзный трест зерновых совхозов («Зернотрест»). Для разработки общих вопросов строительства совхозов и поддержания связи «Зернотреста» с другими учреждениями при Президиуме ЦИК СССР был учрежден Комитет содействия строительству новых крупных зерновых совхозов. В местах строительства новых совхозов Комитет содействия учредил при краевых, областных и окружных исполкомах свои местные органы – комиссии содействия строительству новых крупных зерновых совхозов. Руководство совхозами-гигантами правление «Зернотреста», как правило, осуществляло централизованно, то есть путем непосредственной связи совхозов с правлением. Вместе с тем в системе «Зернотреста» был создан институт уполномоченных в краях и областях. Изначально возникнув с ограниченными функциями, данный институт вскоре стал аппаратом, через который правление «Зернотреста» не только связывалось с местными органами власти по вопросам строительства совхозов, но и осуществляло контроль за деятельностью самих совхозов²⁹.

²⁷ ГАНО. Ф. Р-359. Оп. 1. Предисловие. С. 10.

²⁸ Там же. С. 14.

²⁹ Нелидов А.А. История государственных учреждений СССР... С. 518–519.

Управление уполномоченного «Зернотреста» по Сибири было создано 24 сентября 1928 г. В функции уполномоченного входила организация крупных совхозов по производству зерновых культур и руководство их деятельностью. Перед управлением уполномоченного «Зернотреста» по краю были поставлены две основные задачи: 1) выявление земельных фондов по Сибирскому краю для организации новых совхозов; 2) контроль и инспектирование совхозов. 1 октября 1931 г. контора уполномоченного «Зернотреста» по Западно-Сибирскому краю была ликвидирована, и на ее основе было создано управление дирекции Западно-Сибирского «Союззернотреста». В 1931 г., с целью приближения к местам управления новыми совхозами, «Зернотрест» был преобразован в «Зерносовхозобъединение» с сетью краевых и областных трестов. В 1932 г., с созданием Наркомата зерновых и животноводческих совхозов, «Зерносовхозобъединение» было ликвидировано³⁰.

В апреле 1930 г. по постановлению Сибкрайисполкома на базе ликвидируемого Сибсовхозтреста в Сибири было учреждено представительство Государственного треста свиноводческих хозяйств СССР «Свиновод»³¹. На заседании правления треста «Свиновод» было утверждено Временное положение об уполномоченных треста, в котором указывалось, что «в целях оказания оперативной помощи совхозам и их производственной деятельности, а также и в деле организации новых совхозов, текущего оперативного планирования, привлечения местных органов и содействию и развитию мероприятий по свиноводству, быстрейшему проведению в жизнь заданий и решений правления треста, инструктирования и инспектирования производственной и строительной работы совхозов, представительства и защиты интересов треста и совхозов <...> и информации правления о всех решениях этих организаций по делам треста „Свиновод“ учреждается институт уполномоченных треста „Свиновод“ с постоянным нахождением в центре края (области) и республики»³².

³⁰ ГАНО. Ф. Р-366. Оп. 1. Предисловие. С. 2.

³¹ ГАНО. Ф. Р-358. Оп. 1. Предисловие. С. 1–2.

³² Там же. С. 3.

Во второй половине 1931 г. государственный трест «Свиновод» был преобразован в государственное общесоюзное объединение трестов «Свиноводобъединение», а Управление уполномоченного по Сибири – в «Свиноводтрест» по Западно-Сибирскому краю. Во временном типовом Положении о союзном тресте промышленного свиноводства «Свиноводтрест», утвержденном 20 ноября 1931 г., указывалось, что «Западно-Сибирский союзный трест промышленного свиноводства, объединяющий все промышленные свиноводческие совхозы, расположенные на территории Западной Сибири, является трестом союзного значения и входит в состав совхозного объединения „Свиновод“». Ставились следующие задачи: 1) планирование и оперативное руководство деятельностью совхозов; 2) организация новых промышленных свиносовхозов в Западной Сибири; 3) финансирование совхозов и снабжение их средствами производства; 4) разработка и проведение мероприятий по механизации совхозов; 5) планирование, подготовка и переподготовка и распределение кадров; 6) составление сводного производственно-финансового плана в целом по тресту³³. 31 января 1933 г. «Свиновод» был разукрупнен на три самостоятельных треста: Омский, Кузбасский, Новосибирский. Все они были ликвидированы в декабре 1935 – марте 1936 г. в ходе очередной реорганизации управления совхозами³⁴.

«Маслотрест» был создан в 1930 г. после расформирования Совхозцентра РСФСР. В состав молочно-масляного треста были переданы совхозы Сибирского края, входившие ранее в Сибирский Совхозтрест. В целях осуществления представительства от имени правления «Маслотреста» была учреждена должность уполномоченного треста по Сибирскому краю. Перед уполномоченным ставились следующие задачи: 1) участие в работах по отводу земель для новых совхозов; 2) общее руководство строительством; 3) регулирование снабжения; 4) подготовка кадров, контроль за деятельностью подведомственных учебных заведений; 5) проведение внеплановых обследований совхозов; 6) представительство от имени правления

³³ ГАНО. Ф. Р-358. Оп. 1. Предисловие. С. 4–5.

³⁴ Там же. С. 11.

«Маслотреста» в государственных, общественных, судебных и других учреждениях. В своих взаимоотношениях с директорами совхозов уполномоченный руководствовался Положением, согласно которому директора были обязаны выполнять его распоряжения, однако он не имел права вмешиваться в работу совхозов. Уполномоченный назначался управлением треста и имел аппарат в рамках штатов и смет, которые утверждались правлением «Маслотреста».

29 июня 1931 г. контора управляющего «Маслотреста» по Западно-Сибирскому краю была реорганизована в Западно-Сибирское отделение «Маслотреста». 12 декабря 1931 г. на основании постановления коллегии Наркомзема СССР и распоряжения Маслообъединения Западно-Сибирское отделение «Маслотреста» было реорганизовано в Союзный Маслотрест по Западно-Сибирскому краю. В связи со сложностью управления из центра громадным хозяйством «Запсибмаслотреста», а также для повышения оперативности управления ими, приказом по Союзмаслообъединению от 31 мая 1932 г. Западно-Сибирский «Маслотрест» был разукрупнен. Для координации работы маслотрестов края с краевыми органами власти приказом по Союзмаслообъединению было организовано Западно-Сибирское отделение союзного Маслообъединения. В задачу отделения входило осуществление непосредственного контроля над деятельностью маслотрестов края, увязка планов работы трестов с общими планами сельскохозяйственного края, а также защита интересов маслотрестов в краевых органах Западной Сибири. Руководство работой Западно-Сибирского отделения осуществлял управляющий, назначенный Союзмаслообъединением. В 1932 г. с целью приближения руководства Наркомата совхозов к маслотрестам и сокращения аппарата было принято решение о ликвидации Западно-Сибирского отделения Маслообъединения и создании на его базе управления уполномоченного Наркомата совхозов по Западно-Сибирскому краю. Западно-Сибирское отделение Союзмаслообъединения было ликвидировано. На основании постановления ЦИК и СНК от 2 декабря 1932 г. приказом по Наркомату совхозов от 1 января 1933 г. вместо него было организовано Управление уполномоченного Наркомата зерновых и животноводческих совхозов по

Западно-Сибирскому краю. Свою деятельность управление начало с 3 января 1933 года³⁵.

Система управления совхозами отличалась многоступенчатостью, параллелизмом и перманентными преобразованиями. Период конца 1920-х – середины 1930-х годов был ознаменован поисками оптимальной системы совхозного управления, важным компонентом которой стали периодические изменения в институциональной системе трестов. Функциональные задачи, которые ставились перед трестами и их уполномоченными, практически не отличались. На протяжении данного периода прослеживалась тенденция к укрупнению сибирских отделений треста.

³⁵ ГАНО. Ф. Р-357. Оп. 1. Предисловие. С. 2–6.

Д.В. Шайхутдинова

Тюменский государственный университет

Становление и развитие советской системы общественного питания в Тюмени в 1920-е – 1930-е годы

Статья посвящена вопросу становления советской системы общественного питания в городе Тюмени в 1920-е – 1930-е годы. На основе систематизации и анализа архивных источников и периодической печати рассматриваемого периода определены основные тенденции в трансформации отношения горожан к системе общественного питания своего времени. Научная новизна во многом определяется применяемым подходом к анализу предмета исследования, который состоит в комплексном изучении процесса становления системы советского общепита на примере провинциального города. В рамках данного исследования предпринята попытка выявить роль системы общепита 1920-х – 1930-х годов в повседневной жизни горожан. Сделан вывод о том, что система общественного питания к концу 1930-х годов становится осознанной необходимостью для большей части городского общества.

Ключевые слова: провинциальный город, сфера бытовых услуг, общественное питание, продовольственный дефицит, культура питания, нэп, повседневная жизнь, 1920-е – 1930-е годы.

В нынешний век глобализации человек неизбежно ощущает ускорение темпов жизни, что приводит к сокращению времени на решение бытовых задач. Именно благодаря этому в наши дни активно развивается приобретает сфера услуг. Важной составляющей предоставляемых населению бытовых услуг были и остаются услуги системы общественного питания. Актуальность данной темы определяется многими факторами: широким распространением заведений общепита в городах России, бурным ростом количества телевизионных передач об организации и работе заведений общественного питания, жаркими дискуссиями общественности вокруг открытия в городах ресторанов под компрометирующими названиями, начавшимся возрождением системы столовых.

Вопросы истории общественного питания в 1920-е – 1930-е годы нашли определенное отражение в исследовательской литературе. Среди научных трудов, посвященных истории развития советской системы общепита, следует выделить вышедшую в недавнем прошлом диссертацию А.В. Савельева «Особенности развития ресторанного дела в Советской России в условиях новой экономической политики»¹. В этом исследовании раскрываются специфические особенности функционирования ресторанной отрасли в период с 1921 по 1928 г. Особого внимания заслуживает статья Т.А. Реховской «Культура питания населения и проведение политики продовольственной безопасности в России (СССР) в 20–30-е годы XX века»². Автор подробно анализирует изменение культуры питания, которое рассматривает как прямое следствие социально-экономических и политических трансформаций, происходивших в СССР в 1920-е – 1930-е годы. Значимым исследованием, описывающим те же процессы, является статья Д.В. Ильющенко «Потребление населения и общественное питание в Советской России в условия военного коммунизма, нэпа и индустриализации»³. Материал данной статьи отражает важнейшие законодательные и нормативные акты Советского Союза, регламентировавшие функционирование системы общепита, а также последствия этих актов, выраженные в статистике, подробно проанализированной Д.В. Ильющенко. В историографии также имеются и весьма необычные подходы к изучению системы советского общепита. В частности, Е.Д. Твердюкова в статье «Жалобные книги советских предприятий торговли и общественного питания (1920–1980-х гг.) как форма апелляции к власти»⁴, увидевшей свет в 2015 г., впервые дает

¹ *Савельев А.В.* Особенности развития ресторанного дела в Советской России в условиях новой экономической политики: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 205 с.

² *Реховская Т.А.* Культура питания населения и проведение политики продовольственной безопасности в России (СССР) в 20-30-е годы XX века // Вестник КемГУКИ. 2014. № 28. С. 55–60.

³ *Ильющенко Д.В.* Потребление населения и общественное питание в Советской России в условиях военного коммунизма, нэпа и индустриализации // Вестник РУДН. 2014. № 4. С. 21–31.

⁴ *Твердюкова Н.В.* Жалобные книги советских предприятий торговли и общественного питания (1920-х – 1930-х гг.) как форма апелляции к власти // Вестник СПбГУ.

характеристику жалобных книг как исторического источника. Статья И.В. Сохань «Тоталитарный дискурс еды в Советской России 1920–1930 гг.»⁵ посвящена подробному анализу «Книги о вкусной и здоровой пище», вышедшей в 1939 г. и по сути ознаменовавшей окончание становления системы общепита в стране. В 2010 г. была опубликована статья Н.В. Чаус «Система общественного питания в СССР в плакатном искусстве»⁶, в которой автор рассматривает плакаты 1930-х годов как инструмент государственной политики в сфере регулирования общественного питания. Стоит отметить, что в данной статье довольно подробно излагаются этапы становления советской системы общепита в 1920-е – 1930-е годы. Таким образом, анализ степени изученности проблемы позволяет сделать следующий вывод: в XXI в. началась новая эпоха изучения истории становления системы советского общепита. Многоаспектность подходов, представленных в опубликованных статьях по данной тематике, наглядно демонстрирует это. Однако специальные исследования по становлению советской системы общественного питания в Тюмени отсутствуют.

История заведений общественного питания в стране ведет свое начало еще со времен Древней Руси. В провинции, в Тюмени в частности, эта система приживалась крайне медленно. Местное купечество весьма осторожно относилось к посещению ресторанов: «Местное купечество до такой крайности „степенно“, что не только не зайдет в ресторан пообедать, но даже мимо гостиницы норовит пройти по другой стороне»⁷. В 1913 г. в Тюмени, не считая пивных залов с горячей пищей, располагались 113 обыкновенных пивных лавок с распивочной и выносной торговлей⁸. До революции заведе-

2015. Вып.1. С. 19–28.

⁵ Сохань И.В. Тоталитарный дискурс еды в Советской России 1920–1930 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 63–68.

⁶ Чаус Н.В. Система общественного питания в СССР в плакатном искусстве // Современные проблемы сервиса и туризма. 2010. № 3. С. 16–22.

⁷ Тюменская правда. 2016. 1 декабря.

⁸ Кононенко А.А. Тюмень на рубеже веков: город и его жители в 1900–1917 гг. Тюмень, 2014. С. 19.

ния сферы питания в провинции в большей степени стремились напоить посетителя, нежели накормить его.

В первые годы Советской власти ситуация подверглась кардинальным изменениям. Рычагом регулирования продовольственного дефицита в начале 1920-х годов выступала карточная система. В отчете Тюменского губернского экономического совещания от 1 октября 1921 г. отмечалось, что в это время общественное питание в Тюмени производилось по карточной системе⁹. Важно, что в условиях карточной системы общественное питание служило дополнительным источником снабжения для значительной части населения¹⁰. При этом в годы гражданской войны столовые, открытые в помещениях бывших частных ресторанов и кафе, обслуживали прежде всего работающее население и детей.

Нэп привнес свои коррективы в длительный процесс становления тюменского общепита. Столовые в это время были переведены на хозяйственный расчет и переданы в ведение потребительской кооперации. Появились частные заведения. Таким образом, из четырех столовых, указанных в сводке Тюменского окружного отдела Союза народного питания (Нарпита) на 1 октября 1927 г. две были частными¹¹. Предпринимались попытки открытия ресторанов. В 1923 г. на страницах тюменской газеты «Трудовой набат» активно рекламировался ресторан «Гран-де-Пари»¹², в 1927 г. сообщалось о функционировании в Тюмени ресторана «Вулкан»¹³. Эти заведения при большом дефиците средств у населения, из-за негативного отношения к нэпманам и развитости сети заведений более демократичного уровня, проработав совсем недолго, закрывались, и в начале 1930-х годов в городе не было ни одного ресторана.

⁹ Продовольствие // Отчет Тюменского губернского экономического совещания на 1 октября 1921 г. Тюмень, 1921. С. 20.

¹⁰ *Ильющенко Д.В.* Потребление населения и общественное питание в Советской России... С. 25.

¹¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 3932. Оп. 1. Д. 2. Л. 80.

¹² Трудовой набат. 1923. 11 сентября.

¹³ Красное знамя. 1927. 14 января.

Первая половина 1920-х годов ознаменовалась повсеместным открытием в Тюмени пивных от пивоваренного завода «НЭП». Активно пиво продавалось всем предприятиям общепита¹⁴, оно стало неотъемлемой статьёй рекламы тюменских столовых¹⁵. Вскоре нередкие для пивных драки, поножовщина и полная антисанитария вызвали шквал осуждений со стороны общественности и побудили жителей города выступить за закрытие пивных и в пользу открытия новых заведений общепита – чайных¹⁶. При новом типе заведений общепита оборудовали читальни, которые снабжались периодической литературой, что, безусловно, расширяло возможности повысить общий уровень культуры и грамотности горожан¹⁷. Однако идея чайных не прижилась в городе. С завершением культпохода сошла на нет и идея устройства культурных чайных.

К концу 1920-х годов ситуация стабилизировалась. Господствующей становилась система общественных столовых. Стоит отметить, что столовые этого периода существенно отличались от учреждений общепита более позднего времени. Прежде всего, для Тюмени 1920-х годов была характерна путаница названий заведений общепита и смешение различных видов обслуживания посетителей. В то время в городе повсеместное распространение получили кафе-столовые, буфеты-рестораны. В первой половине 1920-х годов открывшиеся в городе столовые стремились соответствовать бывшему ресторанному бизнесу и активно практиковали вечерние выступления как местных, так и гастролировавших артистов. В столовой «Якорь» с пяти часов вечера начиналась концертная программа¹⁸. Обязательным атрибутом городских общественных столовых была работа официанток. В 1920-е годы столовые открывались в девять часов утра и работали до десяти-одиннадцати часов вечера.

Вторая половина 1920-х годов ознаменовалась противоположной тенденцией, проявившейся и в упрощении системы обслуживания, и в отсутствии музыкальных вечеров. Этому способствовал за-

¹⁴ Трудовой набат. 1923. 26 апреля.

¹⁵ Красное знамя. 1926. 6 мая.

¹⁶ Красное знамя. 1928. 27 июня.

¹⁷ Красное знамя. 1928. 26 сентября.

¹⁸ Красное знамя. 1927. 4 февраля.

прет Президиума горсовета на исполнение эстрадных постановок, имевших характер «кабаре», в предприятиях не зрелищного характера¹⁹. При этом в 1920-е годы произошло стирание различий между столовыми, ресторанами и кафе и в ценовой политике, и в качестве обслуживания посетителей. Это объясняется прежде всего изменением первоочередной задачи, возложенной на заведения общепита того времени. Теперь столовая становилась местом регулярного посещения работниками предприятий города, прочно войдя в привычный уклад жизни тюменцев ввиду своей первоочередной необходимости.

Немаловажным является тот факт, что на протяжении 1920-х годов наблюдалось устойчивое пренебрежение к столовому этикету. Порой оно было вынужденным: в городе ощущалась нехватка столовой посуды. По этой причине в столовых выстраивались длинные очереди, что нашло отражение в заметках посетителей столовых, опубликованных в местной прессе²⁰. В дальнейшем проблема нехватки посуды решалась путем введения личной ответственности заведующих столовыми за материальное имущество²¹.

Отдельного внимания заслуживает организация питания в учебных заведениях города в рассматриваемый период. Во второй половине 1920-х годов в газетах появились заметки о необходимости горячих завтраков в школе, подчеркивалась их роль в улучшении работоспособности школьников. Немаловажным являлся факт осознания общественностью влияния горячих завтраков на здоровье детей. И если на начальных этапах введение завтраков в школах носило рекомендательный характер, то к концу десятилетия оно становится требованием: «Во всех школах города должны быть горячие завтраки. Этим мы предохраним наших детей от заболеваний»²². К концу 1928 г. горячими завтраками при городских школах были обеспечены уже 2 400 учащихся²³.

¹⁹ Красное знамя. 1928. 7 апреля.

²⁰ Красное знамя. 1928. 9 октября.

²¹ Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. 766. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

²² Красное знамя. 1928. 25 сентября.

²³ Красное знамя. 1928. 28 ноября.

Стоит отметить, что вторая половина 1920-х годов ознаменовалась оперативностью в разрешении межличностных конфликтов в среде работников предприятий общественного питания, возникших на фоне исполнения служебных обязанностей. Об этом свидетельствуют многочисленные протоколы заседаний группкома предприятий Нарпита²⁴. Одной из самых острых проблем, существовавших в тюменском общепите рассматриваемого периода, было повсеместное пьянство поваров: «...Недостает обедов и не нормальное взаимоотношение между поварами. Во время работы наблюдается пьянка. Все вышеизложенное подрывает работу предприятия...»²⁵. Несмотря на принимаемые месткомом решения о недопуске поваров к работе в нетрезвом состоянии, пьянство в этой профессиональной среде изживалось крайне медленно. Одной из причин этого было отсутствие подготовленных кадров, способных оперативно заменить нетрезвых работников общепита.

Индустриализация обострила проблему питания в связи с бурным ростом численности населения в городах, увеличением количества учащихся в школе. Острая необходимость обеспечения населения полноценно функционирующей системой общественного питания была осознана центральными властями к началу 1930-х годов. Об этом свидетельствует принятое в 1931 г. Постановление ЦК ВКП(б) «Об улучшении организации общественного питания»²⁶, согласно которому предполагалось так развивать систему общественного питания, чтобы в ближайшие два-три года удвоить число рабочих, служащих и членов их семей, обслуживаемых этой системой. В стране развернулась кампания по открытию столовых. Особенно активно велась работа по открытию ведомственных столовых.

В Тюмени к тому времени функционировали несколько столовых, обслуживавших работников предприятий. Работала столовая на фабрике «Пламя», неплохой, по мнению современников, была столовая на деревообделочном комбинате, на заводе «Рекорд» и на лесозаводе «Красный Октябрь». В 1931 г. была открыта столовая для

²⁴ ГАСПИТО. Ф. 3932. Оп. 1. Д. 19. Л. 7, 14.

²⁵ Там же. Л. 18.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 841. Л. 12–17.

работников связи на 100 человек, что послужило точкой отсчета снижения текучести состава среди работников этой сферы²⁷. В этот же год сеть общепита Центра рабочей кооперации увеличила количество точек: с 47 до 63 заведений²⁸. В 1932 г. отделом питания была открыта столовая для рабочих Уралсельстроя на 1 000 человек²⁹. Столовые организовывались при заводах, артелях, в учебных заведениях. В экономико-статистическом паспорте Тюмени, составленном Ю.Н. Максимовым, отмечается, что на 9 июля 1936 г. в Тюмени было 37 столовых и ресторанов и девять закусовых, чайных, буфетов³⁰.

Именно в 1930-е годы система общественного питания приобрела определенную структурную организованность. В частности, просматривается так называемое профилирование заведений общепита: столовые для специалистов и рабочих тех или иных предприятий, столовые учебных заведений, диетстоловые, коммерческие столовые. При этом в 1931 г. «с целью улучшения питания ударников, отделом питания в столовых крупных тюменских предприятий введены специальные обеды для ударников производства»³¹. Профилирование заведений общепита привело к тому, что цены в ведомственных и общегородских столовых существенно отличались. На предприятии работник мог пообедать на 50–70 копеек, стоимость обеда «ударника» была выше и доходила до одного рубля. А чтобы пообедать в городской столовой или чайной требовалось до 5–6 рублей. Помимо этого, активное развитие в эти годы получили диетстоловые, потребность в открытии которых объяснялась прежде всего медицинскими показаниями: «В Тюмени открывается диетстоловая. Диетстоловая – важнейший фактор снижения заболеваемости. Накануне 2-го межсоюзного рай[онного] съезда Тюменская страхкасса открывает диетическую столовую на 100 пайков для рабочих, больных хроническими желудочно-кишечными заболеваниями...»³².

²⁷ Красное знамя. 1931. 24 августа.

²⁸ Красное знамя. 1931. 21 октября.

²⁹ Красное знамя. 1932. 4 апреля.

³⁰ ГАТО. Ф. 759. Оп.1. Д. 22. Л.109.

³¹ Красное знамя. 1931. 10 декабря.

³² Красное знамя. 1932. 10 февраля.

Дефицит продуктов в масштабе всей страны в начале 1930-х годов также привел и к тому, что в 1931 г. в Тюмени была создана фабрика-кухня. В ней готовили обеды для предприятий, организаций и учебных заведений. Таким образом, производство пищи было поставлено на поток, стало единым для всех предприятий города. Очевидно, фабрика-кухня со своей задачей не справилась. В том же экономико-статистическом паспорте Тюмени 1936 г. отмечается, что в Тюмени фабрики-кухни не было. А к 1939 г. в Тюмени от фабрики-кухни сохранился только школьный цех. Он обслуживал горячими завтраками 20 школ города.

Большие объемы производства привели к тому, что на предприятиях появились столовые, где готовились обеды, а также столовые, где обеды, привезенные из головной столовой, только выдавались. Таким крупным центром общепита была головная столовая, обслуживавшая железнодорожников (ФЗУ, стрелочников и служащих вокзала): ежедневно там готовилось более 1 200 обедов.

Несмотря на принятые меры, сфера общественного питания 1930-х годов стала преемницей многих проблем, не решенных в 1920-е годы. В частности, это касалось антисанитарии и качества предоставляемой столовыми готовой продукции: «Никуда не годно положение с питанием: столовая № 1 ЗСК кормит нас [студентов] малокалорийными и невкусными обедами»³³; «Работу столовой судовой перестроить по существу. Вода с капустой и капуста без воды»³⁴; «Имеется целый ряд недостатков (и довольно крупных) в культурно-бытовом обслуживании рабочих, ИТР и служащих судовой. В столовой нет отопления, в результате чего обедать в ней удовольствие ниже среднего. В кухне штукатурка во многих местах отпала, потолок черный и грязный, грязно и во всем помещении кухни»³⁵. Нарекания вызывала и организация питания студентов, что стало наследием еще прошлого десятилетия: «Нельзя ли еще один стакан чая? ... Питание студентов в отвратительном состоянии, кормят одной капустой и в день дают только по одному стакану чаю,

³³ Советский Север. 1934. 6 марта.

³⁴ Красное знамя. 1933. 19 октября.

³⁵ Красное знамя. 1933. 2 декабря.

в столовой бесконечные очереди. Благодаря плохим материальным условиям получается отсев»³⁶.

Во второй половине 1930-х годов регулярными становились проверки санитарного состояния заведений общепита, в частности их пригодности к обслуживанию посетителей. Проверки проводились инспекторами Госторгинспекции. При этом главная проблема заведений общепита Тюмени рассматриваемого периода – качество предоставляемой продукции – оставалась нерешенной на протяжении длительного времени. В ответ на многочисленные жалобы посетителей на качество еды, неоднократно публиковавшиеся в газете «Красное Знамя», руководители столовых ссылались на недостаточное снабжение продуктами питания. Причины такого положения дел были подробно изложены в протоколе расширенного совещания работников общественного питания Тюмени, состоявшегося при Горторготделе горсовета 2 августа 1939 г.: «Тюмгорторг выделяет мизерное количество, а иногда совершенно отказывает и обязывает продукцию закупать в розничных магазинах, что и практикуется всеми заведующими столовых»³⁷. Для решения проблемы продовольственного обеспечения заведений общепита Тюмени на этом же совещании «выступавшие товарищи также в своих выступлениях просили Горторготдел ускорить разрешение вопроса организации в Тюмени Треста кафе-столовых и ресторанов и организации овощной базы»³⁸. По общему мнению, Трест столовых должен был решить проблемы материально-технического и прежде всего продовольственного обеспечения столовых. Однако Тюменский городской трест столовых начал свое функционирование лишь в 1940-е годы.

К концу 1930-х годов тюменская сеть общественного питания сложилась. На 1 января 1939 г. она состояла из 62 точек, в том числе 34 столовых и кафе, 26 буфетов и двух ресторанов³⁹. Заметки горожан, опубликованные в местной прессе, свидетельствуют о трансформации отношения тюменцев к заведениям общественного пита-

³⁶ Красное знамя. 1931. 21 декабря.

³⁷ ГАТО. Ф. 770. Оп. 1. Д. 6.

³⁸ Там же.

³⁹ ГАТО. Ф. 770. Оп.1. Д. 10. Л. 47.

ния своего времени: если в 1920-е годы прослеживались лишь замечания посетителей к работе общепита Тюмени, то 1930-е годы ознаменованы появлением не только отзывов о работе, но и конкретных предложений горожан по улучшению функционирования столовых. А все потому, что к этому времени общественное питание стало занимать прочное место в повседневной жизни тюменцев. Проблемы антисанитарии в тюменских заведениях общепита 1920-х годов продолжили присутствовать и в следующем десятилетии, однако 1930-е годы ознаменовались оперативностью в их решении. Таким образом, заведения общественного питания из элитарных площадок для проведения досуга трансформировались в доступную широким массам среду, необходимую для полноценного функционирования развивавшегося города.

О.В. Филиппенко

Йенский университет им. Фридриха Шиллера (Германия)

**Социализация и социальная адаптация
спецпереселенцев через систему средне-специального
и высшего образования (Томск, конец 1940-х –
начало 1950-х годов)**

В статье поднимается проблема влияния системы среднего специального и высшего образования на социализацию и социальную адаптацию различных спецпереселенческих контингентов (советские немцы, калмыки, ссыльнопоселенцы из Молдавии и Прибалтики, члены ОУН) в послевоенное время (на примере г. Томска). Для решения поставленной проблемы автор дает ответы на три ключевых вопроса: являлось ли среднее специальное и высшее образование доступным для спецпереселенцев? Существовала ли система формальной и неформальной их дискриминации? Какие поведенческие модели использовали спецпереселенцы в учебных заведениях? Исследование базируется на пофамильных списках студентов-спецпереселенцев, а также на их персональных характеристиках.

Ключевые слова: спецпереселенцы, социализация, социальная адаптация, Западная Сибирь, высшее и среднее специальное образование.

Институт спецпоселения послевоенного времени представлял собой сложную систему, в которую входили различные спецконтингенты, каждый из которых должен был заново проходить процессы социализации (получения необходимых для жизни в обществе навыков) и социальной адаптации (приспособления к социальным изменениям). Индикатором успешности этих процессов являлась вовлеченность в систему среднего специального и высшего образования, так как оно являлось одним из базовых лифтов социальной мобильности и расширяло социальные контакты индивидов. Кроме того, высокий спрос на образование может косвенно демонстрировать стремление спецпереселенцев стать полноценной частью новой системы и отражать успешность их экономической адаптации (чем более окрепшей была семья в хо-

зайтвенном отношении, тем с большей вероятностью она могла отправить детей учиться).

В этой связи в статье поднимается проблема влияния системы послешкольного образования на социализацию и социальную адаптацию спецпереселенцев. Для ее решения необходимо ответить на следующие вопросы: являлось ли образование доступным для спецпереселенцев, то есть можно ли рассматривать его как массовый инструмент социализации? Существовала ли дискриминация спецпереселенцев, то есть существовали ли внешние барьеры, которые затрудняли социализацию и адаптацию? Если да, то различались ли они для разных спецконтингентов? Как спецпереселенцы социализировались и адаптировались, то есть какие поведенческие модели они использовали?

Указанная проблема с недавнего времени начала активно разрабатываться исследователями (А.С. Иванов, В.В. Сарнова и Е.Л. Зберовская)¹. Тем не менее, отсутствуют работы, где бы освещался вопрос о роли послешкольного образования в этих процессах. Кроме того, основное внимание исследователи продолжают уделять вопросам причин депортаций, процесса их проведения, материально-бытового положения спецпереселенцев.

Источниковую базу данного исследования составляют, во-первых, три пофамильных списка, включающих в общей сложности 104 студентов из категории спецпереселенцев Томска². Они были составлены Управлением министерства государственной безопасности (УМГБ) Томской области в 1952 г. Это число выглядит реалистичным, так как на 1 июня 1951 г. в Томске училось 110 спецпереселенцев³.

¹ *Сарнова В.В.* Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны. Новосибирск, 2005. 288 с.; *Зберовская Е.Л.* Спецпереселенцы в Сибири (1940–1950-е). Красноярск, 2010. 180 с.; *Иванов А.С.* Калмыки в Западной Сибири (1944–1956): особенности социализации на спецпоселении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2. С. 210–217.

² Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 369–372; Д. 1648. Л. 3–5.

³ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 376–378.

Вторая часть источниковой базы – это персональные характеристики на студентов из списков. В феврале 1952 г. УМГБ запросило их у руководства учебных заведений. С какой целью оно это сделало? С одной стороны, это было важным элементом контроля жизни спецпереселенцев. Эта информация позволяла сделать выводы об их политических настроениях. Органы не доверяли спецпереселенцам и поэтому в отношении факта их учебы употребляли фразу «засоренность учебных заведений» и говорили о необходимости проведения «работы по очищению от лиц, не внушающих политического доверия»⁴. С другой стороны, успехи спецпереселенцев могли демонстрировать эффективность политики по перевоспитанию «неблагонадежных элементов». Всего была обнаружена 71 характеристика⁵. Это составляет 68,3 % от учившихся в Томске спецпереселенцев. Кроме того, в сопроводительном письме от Педагогического института значится, что два студента из списка учились экстерном, а двое вовсе не являлись студентами⁶. Следовательно, были обнаружены данные на 75 из 104 студентов (72,1 %).

Методика исследования состояла из нескольких стадий: 1) Составление единого списка студентов, соотнесение его с персональными характеристиками, дополнение фактических данных при помощи списка жертв политического террора в СССР, составленного обществом «Мемориал»; 2) Разделение имеющейся информации на 21 категорию (пол, возраст, успеваемость, членство в ВЛКСМ и т. д.); 3) Анализ данных каждой категории в отдельности и их соотношения.

Рассмотрим вначале правовые нормы, которые затрагивали вопрос получения спецпереселенцами образования. Согласно постановлению СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев», они пользовались «всеми правами граждан СССР», но не имели права «без разрешения коменданта спецкомендатуры НКВД отлучаться за пределы района расселения»⁷. Нарушение этой нормы рассматривалось как побег и влекло за собой уголовную ответственность, которая для большинства спец-

⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1698. Л. 149–164.

⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 201–258.

⁶ Там же. Л. 200.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 2. Л. 53 об.

контингентов с 1948 г. равнялась 20 годам каторжных работ⁸. Таким образом, спецпереселенцы формально имели право на образование, но для этого они чаще всего должны были выезжать за пределы района, что было невозможно без разрешения надзирающего органа, которое не всегда можно было легко получить. Это подтверждается обнаруженными отказами на выезд с целью продолжения образования трем спецпереселенцам из соседней Кемеровской области. Отказывали по причине наличия нетрудоспособных членов семьи на иждивении или из-за кадровых потребностей (один работал в шахте, другая – медсестрой)⁹.

В анализируемых источниках названы пять контингентов: немцы, оуновцы, калмыки, турки и ссыльнопоселенцы (таблица 1). Ссыльнопоселенцами в конце 1940-х годов назывались лица, высланные из Молдавии и Прибалтики¹⁰ (они выслались не в административном порядке, а по решению суда или в порядке исполнения особых указов). Эта категория была условно конкретизирована по косвенным признакам (национальная принадлежность имени, место рождения и т. д.). Для более точной интерпретации данных о соотношении спецконтингентов они были сопоставлены с данными по численности контингентов в Томской области в 1951 году¹¹.

Полученные данные свидетельствуют, что немцы и калмыки получали образование чаще, чем другие контингенты. Кроме того, необходимо отметить, что в 1945 г. в вузах Томска обучалось 28 немцев (в 1952 г. – 25 немцев)¹². Это ставит под сомнение тезис о том, что чем дольше спецпереселенцы пребывали в ссылке, тем с большей вероятностью они шли получать образование. Возникает трудность и в отношении молдаван. Они в 1951 г. проживали только на территории

⁸ История российских немцев в документах. Ч. 1. М., 1993. С. 176.

⁹ Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 7. Д. 93. Л. 49.

¹⁰ *Игнатова Н.М.* Численность и учет спецпереселенцев в годы Великой Отечественной войны (на материалах республики Коми) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 3. С. 64.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 233.

¹² ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 243. Л. 314.

Алтая, Кемеровской, Курганской и Тюменской областей¹³. Возможно, здесь сыграли роль ошибки учета или внутренние миграции.

Таблица 1

Вид спецконтингента (человек)*

Контингент	Вуз	Техникум	Всего	Всего с/п в ТО	% лиц, получавших образование
Немцы	25	34	59	24 964	0,24
Оуновцы	0	7	7	11 737	0,06
Калмыки	1	3	4	1 085	0,37
Турки	1	0	1	4 478	0,02
с/п из Молдавии	3	8	11	0	
с/п из Прибалтики	5	3	8	14 555	0,06
Нет данных	5	9	4		

* Составлено по: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 233; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372, 376–378; Д. 1648. Л. 3–5.

В каких учебных заведениях учились спецпереселенцы, и какие специальности они предпочитали? 64 из 104 (61,5 %) человек учились в средних специальных учебных заведениях, 40 человек (38,5 %) – в высших. Наибольшее количество спецпереселенцев получали среднее специальное образование в политехническом техникуме (девять человек), горном техникуме (семь человек) и школе медицинских сестер (шесть человек). Для получения высшего образования они предпочитали политехнический институт (14 человек или 0,28 % от числа учащихся), педагогический институт (13 человек или 1,13 %) и медицинский институт (семь человек или 0,33 %). В ТГУ обучались пять человек (0,22 %)¹⁴. 29 спецпереселенцев обучались техническим специальностям. На втором месте находилась медицина (20 учащихся), на третьем – специальности, связанные с

¹³ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину – «Согласно Вашему указанию». М., 1995. С. 246.

¹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1698. Л. 149–164.

горной промышленностью (11 учащихся). Это соответствовало государственным приоритетам в области образования.

Интересна и половозрастная структура спецпереселенцев. Девушек обучалось немного больше, чем юношей (53 и 51 соответственно), при этом доля парней в вузах была больше, чем девушек (21 и 19 человек). Однако в целом не наблюдалось серьезного перекоса в сторону того или иного пола. Спецпереселенцы чаще всего поступали в средние специальные учебные заведения в возрасте 17–18 лет (37,7 %). 24,5 % студентов на первом курсе техникума было 15–16 лет, 17,0 % – 19–20 лет. На первый курс вуза они поступали чаще всего в 17–18 лет (46,4 %) или в 19–20 лет (35,7 %). Обычный возраст для поступления в средние специальные учебные заведения составлял 15–16 лет, в высшие – 17–18 лет. Следовательно, в данном случае наблюдается определенная задержка. Она, скорее всего, была связана с условиями войны или ссылки.

Характеристики содержат подробную информацию об успеваемости спецпереселенцев (см. таблицу 2). 70 % учащихся имели положительные оценки. Наилучшая успеваемость была у оуновцев (100 %). Второе и третье место занимали молдаване и калмыки (81,8 % и 75 % соответственно). 66–70 % немцев и прибалтов имели только положительные оценки. Следовательно, наблюдается существенная дифференциация в успеваемости различных контингентов.

Дифференциация наблюдается и в отношении дисциплины. 100 % оуновцев и калмыков не имели с ней никаких проблем. Следом за ними шли ссыльнопоселенцы из Молдавии (90,9 %) и немцы (78,8 %). Наибольшие проблемы с поведением имели ссыльнопоселенцы из Прибалтики: только 50 % из них не имели нареканий. В целом 80,3 % учащихся отличались хорошей дисциплиной. Нарушители пропускали занятия (восемь учащихся), грубили преподавателям (четверо) или распивали алкоголь (двое). Важно, что 12 спецпереселенцев получили и официальные замечания. Пять человек были наказаны за плохую успеваемость, трое – за нарушение правил общежития. Студенты также наказывались за невыполнение комсомольских поручений (двое), распитие алкоголя (один) и сокрытие статуса спецпереселенца (один).

Сравнивая эти два параметра, можно сделать вывод, что в целом с дисциплиной у спецпереселенцев было лучше, чем с успеваемостью. Это характерно для калмыков, молдаван и немцев. Противоположная ситуация наблюдается в отношении прибалтов. Оуновцы демонстрировали 100 % позитивные показатели в обоих случаях.

Таблица 2

Успеваемость студентов-спецпереселенцев*

Контингент	Отл.	Хор., отл.	Хор.	Уд.	Неуд.
Немцы	3	3	16	7	3
Оуновцы	6	0	0	0	0
Калмыки	2	1	0	1	0
Турки	0	0	0	1	0
с/п из Молдавии	6	0	3	2	0
с/п из Прибалтики	2	2	0	1	1
Нет данных	2	1	2	5	0
Итого	21	7	21	17	4

* Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372, 376–378; Д. 1648. Л. 3–5.

Для анализа общественно-политической активности спецпереселенцев они были разделены на пять групп: 1) активисты, безукоризненно выполнявшие комсомольские поручения; 2) не столь активные, но добросовестно выполнявшие поручения; 3) не проявлявшие активности; 4) характеризовавшиеся с негативной стороны; 5) студенты, об активности которых нет информации. Спецпереселенцы четвертой группы были разделены на подгруппы в соответствии с характером претензий: 4.1) не выполнившие должным образом поручения; 4.2) проводившие агитацию против мероприятий; 4.3) исключенные из членов комсомола за сокрытие статуса спецпереселенцев; 4.4) негативная характеристика без конкретики (см таблицу 3).

Таблица 3

Общественно-политическая жизнь*

Контингент	1	2	3	4.1	4.2	4.3	4.4	5
Немцы	5	8	9	5	1	1	1	3
Оуновцы	1	3	1	0	0	0	0	1
Калмыки	1	0	2	0	0	0	0	1
Турки	0	0	0	1	0	0	0	0
с/п из Молдавии	1	2	3	0	1	0	0	4
с/п из Прибалтики	2	1	3	0	0	0	0	0
Нет данных	1	3	2	0	0	0	2	2
Итого	11	17	20	6	2	1	3	11

* Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372, 376–378; Д. 1648. Л. 3–5.

39,4 % спецпереселенцев проявляли активность в общественно-политической жизни, 43,7 % были индифферентны, 16,9 % имели нарекания. Наиболее активными вновь оказались оуновцы (66,7 %). Второе место заняли прибалты (50,0 %). Среди активистов оказалось 39,4 % немцев, 27,3 % молдаван, 25,0 % калмыков. Лишь некоторые немцы (24,2 %), молдаване (9,1 %) и турок имели нарекания в этом отношении, при этом их поведение обычно не являлось проявлением злостной антисоветской деятельности. 50 % нарушителей просто не исполнили комсомольские поручения или сделали это не в установленный срок. 16,7 % (или два человека) агитировали против мероприятий комсомола. В первом случае молдаванин У. обвинялся в том, что допустил политические ошибки, «выразившиеся в том, что на профсоюзной конференции института в своем выступлении призвал студентов „ссориться“ с директором, считая это средством для достижения требований, предъявляемых студентами. В 1951 году в ноябре месяце явился одним из инициаторов политически неправильного собрания студентов <...>. У. подсказал студентам идею этого собрания, осужденного впоследствии партий-

ным бюро института»¹⁵. Во втором случае антисоветская деятельность немки Ш. заключалась в ее реакции на необходимость участвовать в комсомольском кроссе: она говорила однокашникам, что «это необязательно и не нужно, тем самым значительно осложнила организацию кросса»¹⁶. В итоге ей было сделано предупреждение от парторганизации. Если в первом случае можно говорить о серьезном конфликте с руководством, то во втором – это скорее напоминает попытку немки отказаться от участия в кроссе.

Важный критерий успешности адаптации – это членство в комсомоле (см. таблицу 4). 50 % калмыков, 45,5 % немцев, 36,4 % молдаван, 16,7 % прибалтов являлись членами ВЛКСМ или ВКП(б). Наиболее интересным представляется факт отсутствия среди членов ВЛКСМ или ВКП(б) оуновцев, а заявления о вступлении в ВЛКСМ двух из них вовсе не были удовлетворены, хотя они имели безупречную успеваемость, дисциплину и занимались внеучебной работой.

Таблица 4

Членство в ВЛКСМ и ВКП(б)*

Контингент	Член ВЛКСМ	Член ВКП(б)	Кандидат в члены ВКП(б)	Не были приняты в ВЛКСМ	Не члены
Немцы	15	0	0	2	16
Оуновцы	0	0	0	2	4
Калмыки	1	1	0	0	2
Турки	1	0	0	0	0
с/п из Молдавии	4	0	0	0	7
с/п из Прибалтики	1	0	0	0	5
Нет данных	5	0	1	0	4
Итого	27	1	1	4	38

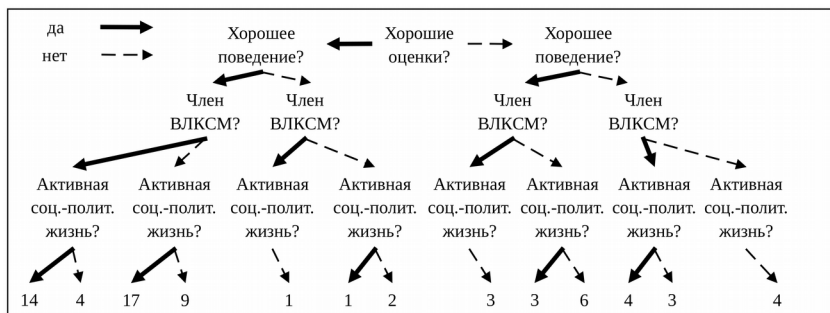
* Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372, 376–378; Д. 1648. Л. 3–5.

¹⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 202.

¹⁶ Там же. Л. 224.

Схема 1

Учебная и социально-политическая активность студентов*

* Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372, 376–378; Д. 1648. Л. 3–5.

Для более точных выводов четыре рассмотренных параметра были сопоставлены между собой, а характеристики были проанализированы при помощи схемы № 1. В итоге спецпереселенцы были разделены на 13 групп. Далее эти группы были вновь поделены в соответствии с количеством положительных ответов (см. таблицу 5).

Таблица 5

Степень учебной и общественно-политической активности студентов*

Контингент	Четыре «да»	Три «да»	Два «да»	Три «нет»	Четыре «нет»
Немцы	9	7	7	8	2
Оуновцы	0	5	1	0	0
Калмыки	1	1	2	0	0
Турки	0	0	0	1	0
с/п из Молдавии	3	3	4	0	1
с/п из Прибалтики	0	2	2	1	1
Нет данных	1	3	5	1	0
Итого	14	21	21	11	4

* Составлено по: ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 158–161, 201–258, 369–372, 376–378; Д. 1648. Л. 3–5.

Группа максимальных активистов (четыре «да») включает 19,7 % спецпереселенцев: молдаване (27,3 %), немцы (27,3 %) и

калмыки (25 %). Они соответствовали формальным «требованиям» власти к студентам и приняли «правила игры». Средняя группа (три или два «да») включает 59,2 % спецпереселенцев. В нее входят все оуновцы, но они не имели проблем с успеваемостью или общественной активностью, их просто зачастую не принимали в ВЛКСМ. Следовательно, они были адаптированы к требованиям власти, но она не принимала их. 75 % калмыков, 66,7 % прибалтов и 63,6 % молдаван также входят в эту группу. Но если у представителей первых двух контингентов отклонение от среднего идет в лучшую сторону, то у представителей последнего – в сторону минимального соответствия требованиям (треть из них имеет три или четыре отрицательных ответа). С немцами ситуация иная: только 42,4 % входят в состав средней группы, 27,3 % – в группу «лучших», 30,3 % – в группу «худших». Таким образом, путь, направленный на адаптацию и принятие условий, чаще выбирали оуновцы, калмыки и молдаване, противоположный путь – прибалты. Немцы были склонны к выбору обоих путей в равной степени.

Это подтверждается данными об отношениях спецпереселенцев с однокашниками. Семь человек имели отличные отношения с ними и помогали им с учебой, двое были в нормальных отношениях. Семь человек держались от коллектива обособленно, но не участвовали в конфликтах. Два прибалта и один немец шли на конфликты с однокашниками.

В 10 характеристиках говорится, что студент скрывал статус спецпереселенца, не указав это в автобиографии. Так, немец М. «во всех документах пишет, что [по] национальности русский, на самом деле – немец»¹⁷. В итоге за это М. был исключен из ВЛКСМ. Сокрытие статуса являлось одним из механизмов адаптации, так как ссыльные боялись, что он негативно отразится на их учебе. Этот защитный механизм мог быть бесполезным для тех, кто внешне отличался от русских или имел национальное имя. Свой статус скрывали трое немцев, трое молдаван, двое прибалтов и один оуновец.

Их страхи не были безосновательны. В ряде характеристик фигурирует следующая фраза: «Пребывание [спецпереселенца] в

¹⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 210.

ВУЗе является результатом плохого контроля со стороны партбюро и дирекции ВУЗа при приеме студентов на 1 курс»¹⁸. Эту фразу можно трактовать двояко. С одной стороны, могли существовать негласные ограничения на обучение, а поступление спецпереселенцев в учебное заведение было, скорее, исключением. С другой стороны, это могло быть страховкой для руководства вузов. Сам факт обращения УМГБ в учебное заведение с запросом мог быть воспринят как угроза: обучение «неблагонадежных элементов» являлось показателем недостаточной лояльности руководства. Поэтому этой фразой оно заранее оправдывало свои действия.

Интересен и отрывок из характеристики молдаванки И.: «За отличную успеваемость несколько раз объявлялась благодарность в приказе по школе за подписью бывших директоров Кузьминского и Белявской <...>. Не исключена возможность получения диплома с отличием, что не будет допущено»¹⁹. Акцент, поставленный на то, что заслуги спецпереселенки были отмечены бывшими директорами, являлся попыткой нового руководства оправдать факт объявления благодарности спецпереселенке. Кроме того, в отрывке фигурирует факт дискриминации: несмотря на отличную успеваемость студентки, она не должна была получить диплом с отличием.

Таким образом, на основании анализа источников были отчасти получены ответы на поставленные вопросы. Являлось ли образование доступным для спецпереселенцев? Формально спецпереселенцы имели право на это, но существовали преграды, которые затрудняли его реализацию: от необходимости получения разрешения до нежелания руководства учебного заведения принимать спецпереселенца из-за желания перестраховаться, о чем свидетельствует восприятие факта обучения спецпереселенцев как просчета. В итоге в 1951 г. училось лишь 110 спецпереселенцев, в 1952 г. – 104. При этом ряд из них из-за стремления к безопасности скрывали свой статус. Кроме того, представители далеко не всех спецпереселенческих групп продолжали обучение после школы.

¹⁸ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 949. Л. 212.

¹⁹ Там же. Л. 234.

Следовательно, образование не было массовым институтом для социализации.

Существовала ли дискриминация спецпереселенцев? Да, но она была неформальной. Социализация и адаптация могли затрудняться атмосферой недоверия. Руководство учебных заведений не всегда понимало, как нужно вести себя со спецпереселенцами: да, они имели право на образование, но можно ли было, например, выдавать им диплом с отличием? Учебные заведения хотели перестраховаться и иногда не допускали это. Характерна ситуация с хорошо успевавшими по учебе оуновцами, которых не принимали в ВЛКСМ.

Как спецпереселенцы социализировались и адаптировались? Ссылные относительно успешно становились частью социума. Они получали новые навыки, заводили новые контакты, занимались внеучебной работой, хотя у ряда из них были проблемы. Адаптация также проходила довольно успешно: 20 % спецпереселенцев полностью принимали «правила игры», 20 % минимально соответствовали требованиям, 60 % составляли среднюю группу. Наблюдаются и существенные отличия в адаптации разных контингентов. Более адаптивны были оуновцы, калмыки и молдаване, наименее – прибалты. Немцы часто выбирали путь или максимальной активности, или неприятия требований.

Е.Е. Тупицина

Дальневосточный федеральный университет (Владивосток)

**Отражение повседневности советского общества
в личных дневниках и мемуарах творческой
интеллигенции 1970-х – начала 1980-х годов**

В исследовании мемуары и личные дневники узкого круга лиц – советской творческой интеллигенции – выступают источниками изучения повседневности советского общества. Обыденные практики этой категории людей к настоящему времени раскрыты в недостаточной степени. Различные аспекты жизни актеров и режиссеров рассматриваются в историческом контексте советской эпохи 1970-х – начала 1980-х годов, что позволяет выявить динамику основных бытовых операций, мотивов, стереотипов и ценностей жизни, а также возникновение кризисных явлений в сфере потребления, социальной среде, профессиональных и личных коммуникациях, отношении актерской среды к социалистической системе в эпоху застоя. Эго-документы позволили понять практики, на которых авторы акцентируются чаще всего, рассмотреть отдельные проблемы и их влияние на повседневные ритуалы и устремления творческой интеллигенции.

Ключевые слова: застой, мемуары, личные дневники, творческая интеллигенция, советская повседневность, ментальность.

В связи с историко-антропологическим поворотом в научной мысли Запада в 1960-х годах сформировался новый пласт научных трудов, посвященных микроуровню исторического процесса. Свою нишу в этом контексте обрело изучение быта, превратившееся в одну из актуальных научно-исследовательских областей. Жизнь советских людей брежневской эпохи активно изучается отечественными исследователями: Е.М. Раскатовой¹, Е.Н. Чернолуцкой², И.Б. Орло-

¹ *Раскатова Е.М.* Конформизм как стратегия культуротворчества художественной интеллигенции поздней советской эпохи // *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований.* 2013. № 1. С. 57–66; *Она же.* «Личный фактор» в отношениях партийной номенклатуры и художественной интеллигенции в поздний советский период // *Повседневность номенклатуры.* Пермь, 2013. С. 230–241.

² *Чернолуцкая Е.Н.* А была ли стагнация? Переосмысление причин советской перестройки на Западе в 2000 г. // *Россия и АТР.* 2015. № 4. С. 34–47.

вым³, А.В.Лашкевичем⁴ и др. Их работы затрагивают бытование населения в СССР, особенности социально-экономических практик в советскую эпоху, но повседневность узкой социальной группы – актеров и режиссеров – на основе источников личного характера до сих пор слабо изучена специалистами.

Целью исследования является анализ повседневной жизни советской творческой интеллигенции посредством выделения главных аспектов быта и проблем, волновавших актерско-режиссерскую среду, а также изучения изменений, произошедших в период позднего застоя. Период 1970-х – начала 1980-х годов выбран не случайно: наиболее четко кризисные явления в советском обществе оформились именно в это время. Панические настроения и осознание скорого краха советского общества предопределили создание той атмосферы, в которой жил и развивался советский гражданин.

Главная особенность эго-тестов – субъективность, то есть мемуары и личные дневники возникают на основе личного опыта и трактуют то или иное событие с позиции авторского восприятия. Поэтому для анализа эго-документов задействованы принципы структурно-семантического, биографического и историко-типологического методов, созданные первым поколением исследователей повседневности Школы «Анналов» и А. Людтке. При работе с источниками личного происхождения нами были выделены основные компоненты повседневных структур: частная жизнь, семейные отношения, трудовые будни, быт, переживание обыденных фактов, реакции на внешние события и т. д.

Источниковую основу исследования составили личные дневники В. Золотухина, А. Тарковского, О. Борисова, В. Смехова, Э. Рязанова, М. Козакова, С. Юрского и др. Личные дневники и мемуары творческих людей имеют ряд специфических особенностей: тексты, написанные зачастую для себя и, как следствие, сугубо субъективные. В них содержится информация, не характерная для официальных источников: авторы воспоминаний анализировали

³ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010. 317 с.

⁴ Лашкевич А.В. Личный дневник и жанры «дискурса персональности» в контексте межкультурной коммуникации. Ижевск, 2014. 173 с.

свою жизнь, политическую ситуацию в стране, а также воспринимали и переживали общественные настроения. Актеры в большинстве своем имели доступ к тем материальным благам, которые не были известны основной части населения СССР, но в то же время, тесно взаимодействуя с социумом, чутко реагировали на его потребности и настроения. Эго-документы представителей театра и кино – это узкий круг источников, который отражает быт и повседневность только этой группы людей, существовавшей в особом мире, практически закрытом от остальной части общества. В то же время слабая дифференциация советского общества обеспечивала круг обыденных практик и представлений, характерных для широких масс.

Стремление к комфорту и накоплению имущества – важная черта повседневности советского общества 1970-х – начала 1980-х годов. А.Г. Вишневский и Ж.А. Зайончковская так охарактеризовали человека застоя: «„Новый“ человек, индивидуалист и прагматик, набирал силу. Образ жизни людей, их потребности, вкусы, повседневное поведение, методы воспитания детей, психологические реакции, эстетические предпочтения все больше сближались с „западными“, то есть все больше отвечали однотипной материальной и социальной среде индустриальных и постиндустриальных обществ»⁵.

Важная категория повседневности – частная жизнь, в большинстве случаев замыкавшаяся на наличии/отсутствии обособленного индивидуального пространства. Центральным материальным компонентом здесь становилась квартира, злободневная тема отсутствия или приобретения собственной жилплощади отражена в каждом воспоминании. В этот период формировалось понятие «свое», анализ мемуаров показывает индивидуальный ритм жизни каждой семьи: покупку мебели, стремление получить объекты в свое пользование и, как следствие, перестать зависеть от соседей. «А уж какое блаженство, когда свое и хоть спи в ванне, никто не имеет права тебя беспокоить. Хорошо! Нет, жить можно, жаловаться

⁵ Вишневский А.Г., Зайончковская Ж.А. Миграция из СССР: четвертая волна // Рабочие доклады Центра демографии и экологии человека. М., 1991. С. 16.

грех», – утверждал В. Золотухин⁶. В среде творческих людей сложилось два способа получения квартиры: с премии или по благу. Такие практики касались не только жилплощади, но и большинства сфер жизни общества застойной эпохи: например, получение цветных телевизоров или дополнительных товаров в магазине, которые доставались прежде всего «своим». Лицо актера и узнаваемость в обществе позволяли проникнуть в места, куда обычному человеку вход был воспрещен. «В 1971 г. В.В. Гришин почтил слезой „А зори здесь тихие...“. Сообщил Любимову: „Надо же, мне говорили – антисоветский театр, а я плакал...“. И сразу лично выдал квартиры, звания, решение о новом здании», – писал В. Смехов⁷. Источники указывают на бытование нескольких типов квартир: обычная жилплощадь, роскошные апартаменты актеров, обласканных властью, и коммуналки. «Поехали к Власовым (балет Большого театра) и попали в другой мир: квартира их, ее отделка, обстановка, своеобразие убили нас наповал. Из кухни сделан бар, настоящий, со стойками», – такие описания говорят о складывании социальной дифференциации в актерско-режиссерской группе, а следовательно и в обществе. Детерминированная экономическими условиями и идеологическими установками социализма, коммуналка являла собой публичное пространство, которое совпадало с другими местами общественных контактов индивидов: вокзалом, общественной баней, базаром⁸. Как отмечал Э. Рязанов, система, в которую входили поощрения в виде госдач, поездок за границу, всесоюзных премьер или неслыханных тиражей, развращала интеллигенцию: «Устоять, не продаться было ох как непросто»⁹. В. Золотухин так же описывал мелкие радости собственного жилья, например, экономию на мытье в общей бане, которых даже в столице было немного, вид из окон, соседство, походы в гости – все это реалии «счастливчиков». Л.В. Щербакова говорит о непостоянстве материального мира, в то время как глубинные повседневные практики менялись на про-

⁶ Золотухин В. Таганский дневник. Кн. 1. М., 2002. С. 57.

⁷ Смехов В. Театр моей памяти. М., 2001. С. 28.

⁸ Якушева Л.А. Философия коммунальной жизни: Н. Коляда, В. Дурненков // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 180.

⁹ Рязанов Э. Неподведенные итоги. М., 1995. С. 121.

тяжении ощутимо более длительного времени¹⁰. Нестатичный квартирный быт первым подвергся трансформации, став индивидуальным, обособленным миром советского человека.

Изучив мемуары, можно сформулировать и главную бытовую проблему творческой интеллигенции – бедность. Бедными в советской стране, по мнению актеров, были все. Это не беспокоило сознание, тревожащим фактором было отсутствие денег на данный момент, неспособность купить желаемое. Долги постепенно накапливались в каждой семье, это становилось частью обыденности времени развитого социализма. Например, О. Борисов писал: «Хоть и сидим сейчас в долгах, но люстру решили купить»¹¹. Жесткого дефицита продуктов не существовало, зато постоянно чего-то не хватало: новой дачи, денег и т. д. Как пишет И.В. Виниченко, в итоге улучшение жилищных условий и рост доходов сопровождались увеличением потребления и изменением в структуре предметов домашнего обихода¹². Представителям актерской среды нужно было соответствовать еще и определенному уровню достатка: «Дал слово Зайчику, что куплю шубу за 1 000 рублей к апрелю. Откуда я деньги возьму, интересно. Займу, скорее»¹³.

Непомерные цены заставляли интеллигенцию искать дополнительные способы получения денег: займы, подработку, сбережения. «Интересно, заработаю я когда-нибудь столько, чтобы расплатиться с долгами и купить самое необходимое – диван, кое-какую мебель, пишущую машинку, книги, которые я хочу иметь у себя на полке? Потом надо ремонт делать в деревне. А это – опять деньги»,¹⁴ – слова А. Тарковского подтверждают мнение о том, что актерско-режиссерская среда остро нуждалась в покупке простых вещей (предметов быта, одежды), обустройстве интерьера. Не менее ценны пред-

¹⁰ *Щербакова Л.В.* Культура повседневности: материальная структура // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2013. № 1. С. 95.

¹¹ *Борисов О.* Без знаков препинания. Дневник 1974–1994. М., 1999. С. 124.

¹² *Виниченко И.В.* Перемены в повседневной жизни советских людей как результат новой социально-экономической политики государства в период «Оттепели» // Омский научный вестник. 2011. № 3. С. 15.

¹³ *Золотухин В.* Таганский дневник... С. 57.

¹⁴ *Тарковский А.* Мартиролог. Дневники. М., 2008. С. 7.

ставленные в дневниках списки вещей, которые необходимо было приобрести: «Список необходимых покупок: 1. Карнизы или палки для занавесок на 11 окон. 2. Жалюзи на окна. 3. Удлинитель – 2. 4. Люстра для коридора и для детской – 2 шт. + 1 для кухни. 5. Настольные лампы – 2 для первой и 1 для детской. 6. Телевизор с антенной (Феликс)». Или, например: «Пошли в Гостиный двор покупать „Рубин“ – цветной телевизор. До сих пор у нас стоял старый, черно-белый ящик марки „Темп“ со знаком качества: „Ну, лучше никак!“» – писал О. Борисов¹⁵.

В условиях растущих цен, кризиса на производстве постоянно приходилось изворачиваться, жестко экономить, продавать машину или дачу, менять квартиру. В итоге ценностные ориентации стагнации смещались в сторону материальности, поиска лучших условий, освобождаясь от социалистического в быту. В застойный период общество нашло новые пути приспособления к окружающей обстановке. Для актеров и режиссеров таковыми становились поиск знакомств, уход в кино, получение дополнительного заработка путем озвучивания мультфильмов и увеличения съемочного времени, получение премии или звания народного артиста РСФСР или СССР, так как «вместе со званием „народный РСФСР“... полагается теперь небольшой участок в Комарове и полдома»¹⁶. «На четыре комнаты нужно больше мебели. Тот гарнитур, который захотела Алла, стоил прилично – 2 700. Финский! Хорошо, подоспела госпремия за «Тихий Дон», Юра заработал чего-то на телевидении, остальное – в долг. Привычное состояние – сидеть в долгах»,¹⁷ – О. Борисов откровенно писал о долгах, которые стали привычными, и стремлении получить материальное поощрение.

Одной из важных материальных ценностей 1970-х годов являлась дача. Творческая интеллигенция рассматривала ее как место отдыха и досуга. Ценились дома в Подмосковье. На участках планировались выходные, встречи, летние отпуска, здесь делали ремонт, отстраивали дом, покупали мебель для него. Так, например, у

¹⁵ Борисов О. Без знаков препинания... С. 80.

¹⁶ Там же. С. 184.

¹⁷ Там же. С. 163.

А. Тарковского среди череды записей о съемочных днях мелькали мысли о домике на собственном участке: «Все почти сделано, кроме рам и дверей, печей, камина и террасы. Затем штукатурные работы»¹⁸. Дача превратилась в место, где бурлила жизнь советского человека, где можно было поговорить без «лишних ушей» и уединиться от быстрого городского ритма.

Рабочие будни длились с утра до позднего вечера, дневники творческой интеллигенции заполнены планами съемочных дней, репетиций, гастролей по городам страны. Э. Рязанов так анализировал повседневный ритм жизни советского человека: «Первое, что мне стало ясно, – это „часы пик“, в которые трудовая Москва мчится на службу, а после нее торопится домой. Огромные людские потоки вливаются и вытекают из станций метрополитена. Регулярное получение продуктовых заказов, сбор денег на именины или похороны, регулярная инвентаризация имущества, уборка помещения и натирка полов, торговля мелкими предметами обихода, лекарствами и газетами в ларьках, нравы буфетов и столовых»¹⁹. Так жили обычные советские люди. В то же время творческая интеллигенция была изолирована от огромных людских масс, вследствие того что могла ездить на персональном автомобиле, собираться в местах, известных узкому кругу лиц. Тот же Э. Рязанов с горестью отмечал, что кинематографический союз в эпоху застоя превратился в бессловесный придаток любой командующей искусством организации²⁰. «Кино впало в ничтожество. В основном по причине отделения его от душевного мира так называемых кинематографистов. В их представлении кино – приятный заработок и форма уловления славы», – вторил А. Тарковский²¹. Мотив самоизоляции присутствует и в дневнике В. Золотухина: «Я[,] когда стал один, я полюбил дом. Мне стало приятно приходить, брать бумагу, садиться к столу и... получается. Мне стало приятно быть дома»²².

¹⁸ Тарковский А. Мартиролог... С. 29.

¹⁹ Рязанов Э. Неподведенные итоги... С. 179.

²⁰ Там же. С. 223.

²¹ Тарковский А. Мартиролог. Дневники... С. 60.

²² Золотухин В. Таганский дневник... С. 11.

Нельзя упускать из виду повседневные моменты творческой интеллигенции: посещение больниц, отзывы о медицинском обслуживании. Например, едкое замечание О. Борисова: «Лечили живот, а потом поняли, что болело сердце. Наша медицина...»²³. Или активно ходившие в среде режиссеров народные рецепты говорили о слабой вере в советскую систему здравоохранения.

Другой стороной в исследовании повседневности является реконструкция ментального состояния человека. Источники раскрывают эмоциональное состояние творческой интеллигенции: упадок духа, разобщение в дружеских и семейных отношениях, призрачные надежды на светлое будущее и стремление уехать за границу. «Да и разговоры наши, когда встречались, делались все озабоченней и грустней. Иногда складывалось впечатление, что собрались поныть и поплакаться друг другу в жилетку. Рвались, видоизменялись теплые, дружеские связи»²⁴. Разложение старых порядков нарушило повседневный ритуал, изменило мышление и ценности, оставив человека в одиночестве коллективной реальности. Советский человек дистанцировался, разделял отношения на профессиональные и личные. «Взаимоотношения с властью развивались от „все, как надо“ к „хочу больше“, затем к „это невыносимо“». «Ты хочешь больше свободы – тебе ее не дают. Желание вырваться накапливалось уже с середины 60-х гг. [XX в.]», – вспоминал А. Кончаловский²⁵. И. Орлов так определил роль государства в истории повседневности: «Соединяя осмысление повседневного бытия с политической культурой, история повседневности позволяет выяснить, насколько индивидуальное восприятие человека влияет на его обыденную жизнь, в том числе в сложившейся политической системе»²⁶. Следовательно, партийное давление ощущалось актерско-режиссерской средой везде: дома, на работе, на отдыхе. Ежедневные разговоры о номенклатурной деятельности – постоянная практика и элемент социальной действительности в 1970-е годы. В основном это негативные отзывы, возмущение, осознание своей незначимости в деятельно-

²³ Борисов О. Без знаков препинания... С. 167.

²⁴ Козаков М. Актерская книга. М., 1996. С. 59.

²⁵ Кончаловский А. Низкие истины. М., 1998. С. 33.

²⁶ Орлов И.Б. Советская повседневность... С. 7.

сти государственных институтов. Все это приводило к деградации политического сознания, нежеланию участвовать в партийно-административных событиях, вследствие чего «революционная агитация, реклама и пропаганда, да и сама идеология должны были стать более глубокими, многомерными, изощренными, подходящими возросшим требованиям масс, которые уже перестали быть массами в строгом смысле слова»²⁷. Снизилась роль популярных праздников, которые представлялись как затяжные, никому не интересные события, регулярно повторявшиеся в угоду брежневской администрации. Многие говорили о клейме советского человека: «Как бы тебе популярней, Миша... Понимаешь, в конечном счете все мы советские люди. И умрем советскими людьми. А ты знаешь, как спорит советский человек? Иначе, чем человек западной культуры»²⁸. Или, как писал О. Борисов, одна из характерных особенностей, необходимых для душевного комфорта, это наличие «забора»²⁹.

Киноинтеллигенция, знавшая что такое заграница, бывавшая там на гастролях, уже имела налаженные контакты и представления о другом укладе и способе жизни. Посещавшим другие страны завидовали, расспрашивали, многочисленные истории о западном социуме и его повседневных практиках становились частью обыденности того времени. «Да, этот пахнувший марихуаной и океаном мир поражал оглушительной свободой и децибелами. Вдобавок всякие другие, более мелкие потрясения. Куриную печенку можно купить в магазине, отдельно, сырую, в баночке. Все кивали головами, но, думаю, про куриную печенку никто не верил, считали, что приукрашиваю»³⁰, – так описывал США своим соотечественникам А. Кончаловский. Застойное время породило еще одну волну эмиграции. Тогда же в личных дневниках творческой интеллигенции все чаще стали встречаться размышления о пьянстве в стране: «У нас пьют все лучшие, чтобы залить свое раздражение мерзостью устройства жизни. Лучшие из лучших не только пьют, но и

²⁷ Никонова С.И. Кризис идеологии и советское общество в 1970–80-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 7. С. 376.

²⁸ Козаков М. Актерская книга... С. 52.

²⁹ Борисов О. Без знаков препинания... С. 179.

³⁰ Кончаловский А. Низкие истины... С. 45.

пишут о пьянстве»³¹, или «почему свободу дает только выпивка? Очевидно, потому, что нет ее, этой пресловутой свободы»³².

Таким образом, мемуары и личные дневники творческой интеллигенции 1970-х – начала 1980-х годов раскрывают повседневные структуры и человека эпохи – среду и место обитания, ритм жизни, насущные проблемы и умонастроения узкого круга лиц, характеризуют стремления и мотивы авторов. Записи творческой интеллигенции указывают на стремление человека разграничить сферы жизни на личную и профессиональную области, дистанцироваться от властных и общественных структур, наладить индивидуальный быт и получить необходимые для жизни материальные блага. Ментальное и материальное состояние людей характеризовалось изменением социально-экономических практик повседневности и началом перехода к другой стадии – модернистскому обществу, в котором на первый план выходили приватность личной жизни и собственный повседневный темп существования. В реалиях эпохи возросло значение мира материальных вещей, главными стали личные потребности и мотивы: обустройство жилья, отдых, встречи с друзьями, семейная жизнь. В эпоху застоя произошло смещение ценностей к более традиционным, общечеловеческим, которые изменяли привычные повседневные структуры. Так как идеологические стереотипы расходились с реальной жизнью, возникла двойственность и расщепленность существования граждан в бытовых и трудовых условиях. Такая двойственность повседневных практик в СССР – одна из основных проявляющихся на микросоциальном уровне характеристик 1970-х – начала 1980-х годов.

³¹ Юрский С. В безвременье. М., 1989. С. 28.

³² Тарковский А. Мартиролог... С. 6.

История культуры, науки и образования

С.Ю. Тарабрин

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Ордынская политика ростовских епископов Кирилла и Игнатия

Статья посвящена начальному этапу отношений Русской православной церкви с Улусом Джучи, а именно ордынской политике ростовских епископов Кирилла и Игнатия. Большое внимание в работе уделено критическому разбору источников о поездках епископов в Орду, в первую очередь «Повести о Петре, царевиче Ордынском». Также рассматриваются получившие распространение в современной историографии взгляды на антиордынскую позицию Русской православной церкви, в частности киевских митрополитов. Сделан вывод об отсутствии антиордынской направленности в церковных кругах второй половины XIII в.

Ключевые слова: Ростовская епархия, епископ Кирилл, епископ Игнатий, митрополит Кирилл, монгольское владычество.

На Руси периода монгольского владычества епископы занимались не только церковными делами, но и политическими. Особенность положения епископа заключалась в том, что он находился как бы «меж двух огней»: с одной стороны – митрополит, которому епископ непосредственно подчинялся в церковных вопросах, а с другой – князь, в чьих владениях святитель жил. Еще в более сложном положении оказалась Ростовская епархия, чье пограничное состояние предопределило активное участие ростовских иерархов в русско-ордынских отношениях. В результате ростовские иерархи стали проводниками официальной позиции русской церкви в отношении к Улусу Джучи до открытия Сарайской епархии в 1261 г.

Изучение Ростовской епархии начиналось с труда Димитрия, митрополита Ростовского и Ярославского, «Летопись о ростовских

архиереях»¹. Другим значимым трудом дореволюционного периода по истории епархии стала книга ярославского краеведа А.П. Крылова «Иерархи ростовско-ярославской паствы»². Для этих работ характерно стремление охватить всю историю епископии путем освещения биографий ростовских иерархов. Однако эти исследования во многом носили описательный характер, и многие сюжеты оставались неизученными. Обращал внимание на взаимоотношения Орды и Ростова Н.А. Насонов, однако исследователь не рассматривал участие местных иерархов в них³. В целом в СССР изучение церковной истории не приветствовалось. Лишь с конца 1970-х гг. стали появляться исследования, посвященные истории Русской православной церкви и различных аспектов ее деятельности. Касательно изучения влияния церкви на ростово-ордынские отношения наиболее популярным источником для исследователей стала «Повесть о Петре, царевиче ордынском»⁴. Однако зачастую в этих работах упор делался на отношения княжеской власти к ордынским поселенцам, роль же епископата описывалась согласно тексту Повести, но не подвергалась критическому разбору. Это характерно и для статей, посвященных непосредственно взаимодействию епископата и Орды⁵.

¹ Летопись о ростовских архиереях. СПб., 1890.

² Крылов А.П. Иерархи Ростово-Ярославской паствы, в преемственном порядке, с 992 года до настоящего времени. Ярославль, 1864. 356 с.

³ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006. 412 с.

⁴ Повесть о Петре, царевиче Ордынском // Древнерусские предания (XI–XVI вв.). М., 1982. С. 142–160. Некоторые из исследований «Повести»: Белякова М.М. «Повесть о Петре, царевиче ордынском» в историко-литературном контексте (к вопросу о датировке произведения) // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб., 1993. Т. 46. С. 74–87; Дмитриева Р.П. Повесть о Петре, царевиче ордынском // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Часть 2. Л–Я. Л., 1989. С. 256–259; Мельник А.Г. К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском» // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 626–627.

⁵ Кривошеев Ю.В. Ордынский царевич Петр и его род: некоторые бытовые и религиозные черты пребывания монголо-татар на Руси // Университетский историк. 2002. Вып. 1. С. 118–125; Соколов Р.А. Ростовское духовенство и монгольские власти при епископе Игнатии // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2011. Вып. 4. С. 120–121.

Необходимо отметить, что основные библиографические сведения об отдельных иерархах были обобщены в многотомной Православной энциклопедии⁶.

Несмотря на пристальный интерес историков к отношениям Орды и Русской митрополии, многие аспекты остаются малоизученными. В основном исследователи ограничивались анализом отношений митрополитов с ханами, априори считая, что епископат полностью поддерживал заданное главой Русской митрополии направление. Однако отсутствие митрополита в первые годы после нашествия, региональные особенности нахождения кафедр, последующие внутрицерковные конфликты позволяют говорить об определенной самостоятельности епископата в выборе политического курса в отношениях с Улусом Джучи. В первую очередь это относится к ростовским архиереям, являвшимся непосредственными соседями Орды.

Ростовская епархия является одной из старейших в России⁷. Ко времени монгольского нашествия Ростовскую епархию возглавлял Кирилл II (умер в 1262 г.), поставленный в 1230 году⁸. Во время нашествия он находился в Белоозере⁹.

Батыево нашествие нанесло значительный урон русским княжествам. В одной только Северо-Восточной Руси, по словам летописца, «взяша городовъ 14 ѡпрочь свободъ и погостовъ»¹⁰. От Киева – «матери городов русских» – осталось едва ли двести домов¹¹.

Значительно пострадал управленческий аппарат: погибли многие князья, бояре, воеводы. Также серьезный урон понесла Цер-

⁶ Кузьмин А.В., Вахрина В.И. Кирилл II // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 34. С. 594–598; Вахрина В.И., Э.П.Р. Игнатий // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 21. С. 67–72

⁷ Назаренко А.В., Вахрина В.И., Турилов А.А. Леонтий // Православная энциклопедия. Т. 40. М., 2015. С. 488–489.

⁸ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. Стб. 453.

⁹ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложения: Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. Л., 1928. Стб. 520; ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000. С. 111.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2... Стб. 464.

¹¹ Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 46–47.

ковь. В результате захвата Киева в 1240 г. исчез митрополит Иосиф. Погибли епископы Владимирский Митрофан¹² и Переяславский Симеон¹³. Епископ Черниговский Порфирий был взят в плен¹⁴. В записи о разорении Владимиро-Суздальского княжества содержится информация о гибели видных¹⁵ церковных иерархов: архимандрита Пахомия, игумена Даниила и игумена Феодосия, а также других «игумени и черньци и черници и попы и дьяконы»¹⁶. Разграблению подверглись храмы и монастыри.

После нашествия, помимо заботы о захоронении павших, на плечи епископа Кирилла легла обязанность по управлению двумя епархиями: Ростовской и Владимирской. «Овдовевшая» Владимирская епархия оставалась без епископа до 1273/4 года¹⁷.

Также возросла политическая активность Кирилла. В Новгородской летописи сохранилось оригинальное известие, подтверждаемое Житием Александра Невского¹⁸, о благословении епископом Александра перед его первой¹⁹ поездкой в Орду в 1246 г. Благословение перед поездкой было обязательным ритуалом, поэтому неудивительно, что Александр обратился к ростовскому владыке, который на тот момент был высшим церковным иерархом в Северо-Восточной Руси. По всей видимости, именно тогда установились тесные контакты между епископом и князем, сохранявшиеся до самой смерти Кирилла.

Большим событием в церковной жизни Северо-Восточной Руси стал приезд в 1250 г. нового митрополита Кирилла²⁰. Следует отметить, что до Кирилла предстоятели Русской митрополии ни ра-

¹² ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2... Стб. 463.

¹³ ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. Стб. 782.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2... Стб. 469.

¹⁵ *Маштафаров А.В.* Даниил, Пахомий, Феодосий // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 117.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2... Стб. 464.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью... С. 152.

¹⁸ Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5. С. 366.

¹⁹ *Карпов А.Ю.* Александр Невский. М., 2010. С. 103.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2... Стб. 472.

зу не посещали территории северной Руси²¹. Таким образом, поездка во Владимиро-Суздальскую Русь выглядит как жизненно необходимая для митрополита. Это было обусловлено необходимостью, во-первых, осмотреть и утвердить контроль над епархиями, а, во-вторых, установить дипломатические отношения между Даниилом Галицким и Ярославичами.

С задачей по установлению союза с Ярославичами митрополит Кирилл успешно справился. Зимой 1250/51 г. в присутствии митрополита и ростовского епископа сочетались браком Андрей Ярославич и дочь Даниила – Устинья²². Однако этот союз вскоре был пресечен монголами. В 1252 г. состоялась «Неврюева рать», в результате которой Андрей Ярославич был вынужден бежать в Швецию²³. Вероятно, поход монгольских войск не был связан с «антиордынскими» переговорами Даниила Галицкого²⁴, а был вызван уклонением от ханского приказа по проведению переписи населения²⁵.

Присутствие епископа Кирилла на свадьбе Андрея Ярославича и дочери Даниила Галицкого позволяет предположить участие ростовского епископа в формировании союза Даниила и Андрея²⁶. Однако, этот союз, видимо, не был направлен против Орды²⁷. Даже если допустить антиордынский характер сближения Андрея и Даниила, то маловероятно, что епископ, находившийся в близких отношениях с Александром Ярославичем и соответственно знавший о стремлении князя сохранить мир с ханом, стал бы поддерживать подобное антимонгольское предприятие.

Особо следует рассмотреть отношения епископа Кирилла с Ордой. Согласно источнику конца XV в. – «Повести о Петре, царевиче

²¹ *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 1. С. 291.

²² ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2... Стб. 472.

²³ Там же. Стб. 473; ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 159–160.

²⁴ *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование Древнерусского государства... С. 240.

²⁵ *Храпачевский Р.П.* Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXV. С. 264–268.

²⁶ *Мальшев А.Б.* Христианство в истории Золотой Орды: дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000. С. 85.

²⁷ *Иванова Е.Е.* К вопросу об ордынской политике князя Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (52). 2013. С. 37–48.

ордынском», епископ Кирилл как минимум дважды ездил в Орду²⁸. В первый раз он просил у хана Берке привилегий «за дом святых Богородица»²⁹, во второй – епископ излечил сына хана, что привело к обращению в православие царевича Петра, племянника хана Берке³⁰.

Сведения Повести носят оригинальный характер: по летописям поездки епископа в Орду не известны, хотя в целом летописцы подробно фиксировали поездки князей. Однако некоторые данные заставляют критически относиться к сведениям источника. В Повести имеются определенные неувязки с хронологией. Епископ Кирилл, вопреки утверждению источника, не пережил хана Берке³¹. Некоторые сомнения вызывают другие хронологические сведения: Берке правил в 1257–1266 гг., таким образом, Кирилл за 1257–1262 гг. дважды должен был посетить Орду. Следует учесть, что в 1261 г. ему назначили преемником архимандрита Игнатия, так как Кирилл «бѣ исполненъ дн[я]ми въ старості въ глубоцѣ»³². Получается, что епископ должен был совершить две поездки за 1257–1261 гг. Маловероятно, что престарелый епископ за столь малый срок дважды посетил Орду. Можно предположить, что эти поездки Кирилл совершил совместно с ростовскими князьями. Однако за период 1257–1261 гг. ростовские князья были в Орде лишь в 1257 и 1258 гг. При этом в 1258 г. епископ Кирилл был в числе встречавших Бориса и Глеба в Ростове³³, что говорит об отсутствии епископа в поездке. В 1259 г. Кирилл находился в Ростове при встрече Александра Ярославича³⁴. Таким образом, наиболее вероятно, что при дворе хана Берке епископ Кирилл мог оказаться единожды – в 1257 г. Поездка в 1260 г. маловероятна из-за преклонного возраста епископа.

²⁸ Белякова М.М. «Повесть о Петре, царевиче ордынском»... С. 74–87; Мельник А.Г. К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском»... С. 626–627.

²⁹ Ю.В. Кривошеевым было выдвинуто не бесспорное предположение, что ростовские епископы обращались в Орду за материальным содействием. См.: Кривошеев Ю.В. Ордынский царевич Петр и его род... С. 125. Прим. 5.

³⁰ Повесть о Петре, царевиче Ордынском... С. 142–143.

³¹ Там же. С. 143.

³² ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2... Стб.475–476.

³³ Там же. Стб.475.

³⁴ Там же.

При анализе информации Повести необходимо учитывать цель, которую преследовал ее автор. Произведение было написано в Ростовской земле³⁵ в конце XV в. для «обоснования прав Петровского монастыря на его земли и воды, купленные царевичем Петром», на фоне конфискаций церковных земель, проводимых Москвой³⁶. Поэтому для создателя Повести не были важны исторические детали – главным было обосновать свои права.

Таким образом, к данным Повести надо относиться осторожно. Во многом ее сведения носят легендарный характер. Вполне возможно, что на образ Кирилла наслонились факты из биографии епископа Игнатия, который, как известно по летописям, действительно ездил в Орду просить за «причеть церковный»³⁷.

В 1262 г. в Ростовской земле вспыхнуло восстание против мусульманских откупщиков, собиравших дань для Каракорума³⁸. Существует гипотеза, опирающаяся на ряд поздних летописей³⁹, о том, что восстание было инициировано княжеской властью⁴⁰. Однако утверждение об участии в этом движении престарелого и смертельно больного (он умер в том же году⁴¹) епископа Кирилла⁴² выглядит маловероятным.

Дальнейшая история Ростовской епархии связана с деятельностью епископа Игнатия (умер в 1288 г.), в 1261 г. выбранного в преемники епископа Кирилла и продолжившего его ордынскую политику.

В летописях сохранились известия о поездках епископа Игнатия в Золотую Орду. В 1280 г. архиерей ходил в Орду просить за «причеть церковный», при этом отмечается, что это была вторая его поездка⁴³.

³⁵ Дмитриева Р.П. Повесть о Петре, царевиче ордынском... С. 257.

³⁶ Мельник А.Г. К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском»... С. 627.

³⁷ ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 405.

³⁸ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Стб. 476.

³⁹ Карпов А.Ю. Александр Невский... С. 207–209.

⁴⁰ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства. Монголы и Русь. С. 256.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Вып. 2... Стб. 476.

⁴² Соколов Р.А. Александр Невский и митрополит Кирилл // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Вып. 3. 2010. С. 6.

⁴³ ПСРЛ. Т. 15: Рогожский летописец. Тверской сборник... Стб. 405.

П.П. Соколов связывал поездку с «обидами со стороны местных князей»⁴⁴. Тем самым историк пытался установить связь поездки Игнатия с неординарным поступком епископа, совершенного в том же году. Игнатий «не по правиломъ осудилъ бо бѣ своего князя Глѣба, уже по смерти за 9 недель, и изрину князя изъ соборныа церкви в полунощи, и повелѣ его погresti у святого Спаса въ книгининѣ манастырѣ»⁴⁵.

Среди историков нет единого мнения относительно этого действия Игнатия. По всей видимости, перезахоронение Глеба Васильковича было связано с конфликтами в Ростовском княжеском доме. В 1279 г. началась борьба между потомками почивших Глеба и Бориса Васильковичей. Возможно, что перезахоронение Глеба было инициировано Дмитрием Борисовичем, пользовавшимся поддержкой епископа и «не признававшим прав покойного дяди на Ростов и не желавшим видеть его могилу в усыпальнице ростовских князей»⁴⁶.

Таким образом, версия П.П. Соколова о поездке Игнатия в Орду для защиты от княжеского произвола выглядит маловероятной. Едва ли можно предположить, что поездка была инициирована митрополитом, который отправил Игнатия в Орду с дипломатической миссией⁴⁷. В 1261 г. в Сарае была открыта епархия. Тем самым митрополит получил официального представителя в ханской ставке, и, соответственно, не было необходимости отправлять в Орду ростовского епископа.

Если отвергнуть предположение о дипломатической миссии Игнатия и конфликте с князем, то поездка в Орду могла быть вызвана местным ростовским русско-монгольским конфликтом, в результате которого могли пострадать церковные территории. Действительно, на протяжении 1262–1315 гг. в Ростове периодически вспыхивали волнения, носившие антимонгольский характер⁴⁸. Однако эта версия

⁴⁴ Соколов П.П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913. С. 190.

⁴⁵ Приселков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л. 1950. С. 337.; ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. М., 2007. С. 77.

⁴⁶ Вахрина В.И., Э.П.Р. Игнатий... С. 68.

⁴⁷ Мальшев А.Б. Христианство в истории Золотой Орды... С. 85; Вахрина В.И., Э.П.Р. Игнатий... С. 68.

⁴⁸ Насонов А.Н. «Русская земля» и образование Древнерусского государства... С. 259.

остаётся умозрительной, так как не имеет прямых подтверждений в источниках.

Почти ничего не известно о первой поездке Игнатия в Орду, кроме того, что она произошла в период с 1262 по 1280 г. Возможно, что причиной посещения Сарая могла быть хиротония сарайского епископа Феогноста в 1269 году⁴⁹. Однако в летописях не сообщается о месте поставления епископа и о иерархах, принимавших участие в обряде.

Поездки в Орду Игнатия позволяют предполагать хорошие отношения между епископом и ханской ставкой. Согласно «Повести о Петре» ростовский иерарх оказал покровительство ордынскому царевичу. С этим свидетельством согласуются данные о большом числе ордынских выходцев, живших в пределах Ростовской земли⁵⁰. По мнению Р.А. Соколова, именно авторитет Игнатия защищал поселенцев⁵¹: после смерти святителя в Ростове произошли антиордынские выступления⁵².

Таким образом, деятельность ростовских епископов оказала значительное влияние на формирование отношений Русской церкви с Ордой. Отдельно следует выделить епископа Кирилла. Именно с его именем связано начало восстановления порядка на землях, разоренных Батыевым нашествием. Епископ взял на себя управление двумя епархиями до приезда нового митрополита. Он активно включился в политическую жизнь: устанавливал тесные контакты с князьями, в первую очередь с Александром Невским, принимал участие в создании новых союзов. Важной составляющей деятельности Кирилла было ордынское направление. Епископ совместно с Александром Невским стал проводником политики мирного подчинения Орде, долгое время господствовавшей на Руси. Политику Кирилла продолжил епископ Игнатий, дважды посещавший Орду. Благодаря Кириллу и Игнатию начала формироваться новая модель поведения церковных иерархов: теперь это были не только священнослужители, но и активные политические деятели.

⁴⁹ *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л. 1950. С. 330.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. П., 1921. С. 105.

⁵¹ *Соколов Р.А.* Ростовское духовенство и монгольские власти при епископе Игнатию // Вестник СПбГУ. Серия 2. 2011. Вып. 4. С. 121.

⁵² ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись... С. 105.

А.Д. Новикова

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

Московские праздники Екатерины II: символика и значение

Статья представляет собой исследование, посвященное анализу стратегий проведения празднеств в России екатерининского времени. Автор на примере двух праздников, проходивших в Москве, – маскарада «Торжествующая Минерва» 1763 г. и празднования мира с Португалией 1775 г. – изучила особенности образного строя и сценарных ходов при подготовке и проведении этих праздников, их пропагандистские возможности. В современной исторической науке явно недостает работ, посвященных изучению символики и церемониала праздничных дней екатерининской эпохи как оружия пропаганды. Между тем, таковое изучение исключительно важно для понимания политического курса и особенностей государственной власти. Москва играла ключевую роль, так как являлась традиционным местом проведения важнейших мероприятий царского двора. Автор пришла к выводу, что торжества были неотъемлемой частью политического курса и гармонично в него вписывались.

Ключевые слова: Екатерина II, праздничная культура XVIII в., московские праздники.

Власть абсолютного монарха даже в эпоху кажущегося спокойствия отнюдь не была неограниченной, как представляется многим. Ее он мог сохранить только при помощи тщательно выверенной стратегии, которую диктовала ему своеобразная структура придворного общества и общества в целом¹. Одним из элементов этой политики можно назвать праздничную культуру. Празднества в Российском государстве имели множество смыслов, становясь для

¹ Элиас Н. Придворное общество: Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 13.

правителей важным каналом пропаганды² политических идей и государственной идеологии в целом.

Понять, как действовал «механизм» трансляции монаршей идеи в разные периоды существования Российской империи, – значит осмыслить символику праздничных дат, сценарии торжеств, характер представления монархом своих щедрот подданным и «пускания пыли» в глаза иностранцам. Один из современных польских историков культуры К. Жигульский заметил, что «праздник – это зеркало своей эпохи», по нему можно «судить о политической, исторической и духовной жизни общественно-экономической формации, определить идеи, интересы и стремления различных ее социальных слоев»³. Следовательно, понимание механизма пропаганды позволяет расшифровать смыслы невербальной коммуникации правителя и подданных.

В Московском государстве XVI–XVII вв. главным стержнем публичной жизни двора являлись выходы государя и его свиты на православные праздники. Решающую роль играл крестный ход⁴. В конце XVII в. организовалась новая система ежегодных торжеств, важную часть которых стали составлять светские празднества, называемые торжественными и викториальными днями⁵. Они существовали рядом с церемониями церковных празднеств, но отличались новизной форм и визуальных воплощений⁶. Вплоть до 1712 г. в Москве как столице страны проходили основные торжества. Однако и после переноса столицы в Санкт-Петербург важнейшие государственные мероприятия традиционно отмечались в первопрестольной, в первую очередь потому что для правителя этот город был символически важным. Здесь доказывалась историческая преемственность царскому роду, поэтому такие праздники, как коронация

² Согласно большому российскому энциклопедическому словарю, пропаганда – это распространение политических, философских, научных, художественных и других идей в обществе; в более узком смысле – формирование у широких масс населения определенных взглядов (Большой российский энциклопедический словарь. М., 2003. С. 1255).

³ Жигульский К. Праздник и культура. М., 1985. С. 5.

⁴ Азеева О.Г. Императорский двор России. М., 2008. С. 333.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 334.

и торжества по случаю крупнейших побед, проходили в Москве. Именно в древней столице Екатерина II решила устроить заседание Уложенной комиссии и праздники, относящиеся к ней; более того, именно здесь она провела первые полгода своего правления.

В основном при подготовке сценариев праздников как на Западе, так и в России XVIII в. обращались к мифологической символике античности и языку аллегорий. Аллегии использовались как в искусстве, так и в общественных мероприятиях; с их помощью абстрактные идеи воплощались в визуальный ряд. Петр I сравнивал себя с Марсом – богом победы. Екатерина II, в свою очередь, обращалась к образу богини мудрости – Минервы. Таким образом, императоры подчеркивали, что они наделены непревзойденными, дарованными свыше талантами, которые помогают им править государством⁷.

В настоящей статье рассмотрены два празднества: маскарад «Торжествующая Минерва» (1763 г.) и праздник по случаю победы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. (1775 г.). Они представляют особый интерес для исследователя. Первый был посвящен началу правления Екатерины II и символизировал начало новой эпохи. Первые тринадцать лет царствования императрицы можно выделить как отдельный идейный период с особой символикой, который завершился торжествами по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора. Они стали апогеем величия императрицы. Если до 1775 г. праздники призваны были легитимировать приход Екатерины на трон, доказать преемственность Петру Великому, то после двух крупных побед – в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. и подавления восстания под руководством Е. Пугачева – необходимость в этом отпала, и на повестку дня встали другие проблемы. Главным символическим образом выделенного периода являлся образ Матери Отечества, покровительницы и защитницы, которой предстояло вывести страну из хаоса в свет Просвещения. Эта же роль дублировалась и образом римской богини Минервы. Последующие празднества повлекли за собой уже иные идеи и, следо-

⁷ Уортман Р.С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. Т. 1. С. 19.

вательню, другую символикү. Изучение именно этих двух праздников является особенно важным для систематического понимания символикү праздничной культуры первых лет царствования Екатерины II.

Празднества всегда вызывали живой интерес исследователей и читателей, поэтому и большие торжества, устраивавшиеся при Екатерине II, не были обделены вниманием в зарубежной и отечественной историографии⁸. Проводился анализ ярчайших составляющих праздников: фейерверков⁹ и декораций¹⁰, церемониала русского двора¹¹. Существуют и специальные исследования, посвященные празднествам 1763 и 1775 годов¹². Однако, несмотря на обилие работ на смежные темы, не существует отдельного исследования проблемы визуальной пропаганды первых десятилетий правления Екатерины II через текстологию праздников. Этим и объясняется актуальность и новизна исследования.

Цель статьи – выявить особенности политической пропаганды, использовавшейся в праздничных сценариях Екатерины II в 1763 и в 1775 годов. Для ее достижения были поставлены следующие задачи: выявить источники, описывающие праздник «Торжествующая Минерва» (1763 г.) и торжества по случаю победы в русского турецкой войне в 1775 г.; изучить их церемониал и определить значение, которое этому церемониалу придавалось; сравнить символикү и

⁸ Любецкий С.М. Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовой жизнью русских. М., 1872. 590 с.; Зарин Л.Е. Царские развлечения и забавы за 300 лет. М., 1913. 148 с.; Вдовина Л.Н. Риторика праздника: Москва в дни маскарада «Торжествующая Минерва» // Россия в средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 256–271; Уортман Р.С. Сценарии власти...; Проскурина В.Ю. Мифы империи Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. 328 с.

⁹ Васильев В.Н. Старинные фейерверки в России. (XVII – первая четверть XVIII в.). Л., 1960. 60 с.; Алексеева М.А. Театр фейерверков в России XVIII века // «Театральное пространство»: Материалы научной конференции. М., 1979. С. 291–307.

¹⁰ Немиро О.В. Праздничный город. Искусство оформления праздников. История и современность. Л., 1987. 232 с.

¹¹ Агеева О.Г. Императорский двор России...

¹² Вдовина Л.Н. Риторика праздника...; Костин А.А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца // Русская литература: Историко-литературный журнал. 2013. № 2. С. 80–113.

идейный смысл праздника «Торжествующая Минерва» и торжество по случаю победы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) содержится комплекс документов «Исторические и церемониальные дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа и Коллегии иностранных дел» (в фонде № 156). В нем представлены дела о церемониалах при дворе, а также описания торжеств. В фонде находятся документы с 1526 по 1829 г., но в основном они охватывают XVII – первую половину XVIII в. Особый интерес представляет дело № 238 «Описание торжеств в Москве по случаю мира с Турцией» от 10 июля 1775 года¹³. В нем описываются (но не растолковываются) аллегорические фигуры и представления на Ходынском поле.

Не менее важным для исследования обозначенных праздников является 14 фонд РГАДА «Разряд XVI. Внутреннее управление – (коллекция) Государственного архива Российской империи», где представлены донесения, протоколы и доклады Сената, а также Дворцовой канцелярии Екатерине II. Был исследован комплекс документов, в котором было найдено дело № 56, состоящее из шести частей. Четвертая часть содержит информацию о расходах, в том числе и «в торжества заключенного между Российской империей и Оттоманскою Портою мира для бывших при дворе и також на ходынке банкетных столов и публичного маскараду»¹⁴.

В ходе работы были также исследованы тексты, зафиксировавшие сценарии праздников¹⁵. В них представлены описания

¹³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 156. Оп. 1. Д. 238.

¹⁴ РГАДА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 56. Ч. 4. Л. 7.

¹⁵ Торжествующая Минерва. Общепризнанное зрелище, представленное большим маскарадом в Москве 1763 года, января дня. М., 1763; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 16 (Я.Л. Барсков). Карт. 29. № 2. «Описание аллегорического изображения в заключении великолепных торжеств по совершении коронации Ея величества сентября 1762 года». М., 1762; Описание всерадостного торжествования мира с Оттоманскою Портою, бывшего в Москве 1775 года июля 10 и в последовавшая по том числа. М., 1775; *Майков В.* Описание разных увеселительных зрелищ, представленных во время мирнаго торжества, заключеннаго между Росийскою империею и Оттоманскою Портою. В высочайшем присутствии ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, всеавгустейшей и непобедимой монархини матери Отечества Екатерины II и их императорских высочеств, при многочисленном собрании народа, близь Москвы на Ходынке, 1775 года июля 23 дня. М., 1775.

торжеств, стихи и хоры, сценарии театральных выступлений, сведения о количестве участников и порядке шествия. Сложность анализа данного вида источников состоит в том, что в них нет принципиально важной составляющей – толкования аллегории. Непросто понять, что думали люди той эпохи о тех метафорических фигурах.

При изучении церемониала и хронологии праздников мы обращались также к камер-фурьерским журналам за 1763 и 1775 годы¹⁶. Отдельное место в работе занимают мемуары современников событий¹⁷, а также живопись (в том числе символы и эмблемы).

В основном церемониал обоих праздников был схож: открывались они с богослужения, продолжались приемом и демонстрацией великодушия императрицы, а завершались обычно представлениями и пиршествами. Вечером нередко устраивались иллюминации и фейерверки, которые играли немалую роль как наглядно-демонстративный инструмент.

Укрепление престижа власти было основным мотивом двух масштабных торжеств. «Торжествующая Минерва» закрыла цикл праздников по случаю восшествия на престол Екатерины и заложила основные идеи и цели императрицы. Маскарад состоялся в Москве на масленичную неделю 1763 г. (30 января – 2 февраля). Устроители использовали время традиционных народных гуляний неслучайно. Карнавал был задуман как «общенародное зрелище» и был обращен к зрителям всех чинов и сословий¹⁸. Торжества впервые ввели Екатерину в мир античной мифологии, закрепив за ней имя Минервы, и возвели ее к самому Петру Великому, оправдав претензии на престол. Образ античной богини Минервы закреплял за императрицей роль покровительницы ремесел и искусств, а также черты богини мудрости и войны. Замысел праздника, воплощенный в зрелищах, был в первую очередь воспитательным. В первой части маскарада осуждались разного рода человеческие недостатки. Каждая группа участников обо-

¹⁶ Журналы камер-фурьерские, 1763 год. СПб., 1850; Журналы камер-фурьерские, 1775 год. СПб., 1878.

¹⁷ *Благово Д.Д.* Рассказы бабушки. СПб., 1885; *Винский Г.С.* Записки. Мое время. СПб., 1914; *Болотов А.Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1795. М., 1993. Т. 2; *Державин Г.Р.* Записки. М., 2000.

¹⁸ *Вдовина Л.Н.* Риторика праздника... С. 263.

значала определенный порок (такой как пьянство, невежество, несогласие, блудодейство, мздоимство, спесь, мотовство, распутство¹⁹), который был представлен героями мифологии (например, фестиваль открыл Момус, древнегреческий бог насмешки и порицания²⁰). Вторая часть имела панегирический характер и воспевала наступивший с восшествия Екатерины на престол «золотой век». Общая композиция маскарада выглядела так: обличение пороков; истребление порочных и рождение добродетельных людей; развитие искусств под заступничеством Минервы; науки и искусства могут развиваться только в таком государстве, где с помощью воспитания подданных будет создан третий чин²¹. Важно отметить, что маскарад «Торжествующая Минерва» носил полностью светский характер, сюжеты не были связаны с христианской догматикой.

Спустя двенадцать лет после этого грандиозного карнавального шествия Москва стала местом еще одного значимого события – праздника в честь победы России над Турцией в войне 1768–1774 гг. Он состоялся в трех верстах от города, на лугу возле речки Ходынка и остался в памяти под названием Ходынского гуляния. Празднества продолжили культ возвеличения монарха. Но к главному лейтмотиву прибавились еще демонстрация военной мощи и укрепление патриотических настроений. Торжества по случаю мира 1775 г. отличались от подобных праздников интересным архитектурным убранством: по проекту архитекторов В. Баженова и М. Казакова Ходынское поле было превращено в игровое и декорированное пространство в виде гигантской «морской карты»²². Если до этого в сценариях обращались к античным образам, то сейчас отчетливо был выражен национальный характер²³. Вместо храма Януса или Бахуса императрица пожелала иметь изображения собственных вновь приобретенных земель. С помощью укатанного песка и гравия, системы канав и рвов, дорожек и переходов на «карте» обозначались условные места

¹⁹ Торжествующая Минерва... С. 6.

²⁰ Там же. С. 8.

²¹ Костин А.А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва»... С. 91.

²² РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. Д. 238. Л. 2.

²³ Смелянская И.М., Смелянская Е.Б., Велижев М.Б. Россия в Средиземноморье: политика и пропаганда екатерининского времени, (1769–1774 гг.). М., 2011. С. 440–441.

городов, островов, полуостровов, рек и т. д. Оформители «построили» Азов и Керчь, Кривой Рог и турецкие крепости с башнями, бойницами, минаретами и мечетями²⁴. Сами «города» и «крепости» функционировали как развлекательные помещения. Обосновывая свою политику, Екатерина в образе победительницы представляла как преемница Петра I, чье имя подкрепляло и усиливало ее славу. Торжественно въезжая в древнюю столицу, Екатерина повторяла обычай своего предшественника. Именно в Москве император праздновал свои виктории²⁵. Во время торжеств по случаю Ништадтского мира на одних из триумфальных ворот присутствовало изображение Октавиана Августа, которому уподоблялся император. Екатерина же сопоставляла с Августом П.А. Румянцева²⁶. Пообещав в аллегориях маскарада «Торжествующая Минерва» наступление нового «золотого века», императрица воплотила обещания в идейно-художественной программе празднеств по случаю заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора.

Анализ нарративных и визуальных источников позволяет выявить особенности политической пропаганды, использовавшейся в праздничных сценариях. Сценарий разрабатывался самой императрицей при содействии ее ближайших советников и лучших мастеров своего дела. Стихи и афиши писались лучшими поэтами, а внешнее оформление составлялось лучшими художниками и архитекторами. Все в этом колоссальном «театре» было нацелено на пропаганду величия императрицы. Ориентация на западные образцы сочеталась с национальным своеобразием, обращением к историческому наследию и народной карнавальной культуре. Образ античной богини мудрости постепенно перешел в образ Матери Отечества. При этом они были очень синонимичны: обе представляли как покровительницы важнейших сфер жизни, которые способны были вызволить страну из «темного века». Особенно важным для просвещенной монархини было воспитание, потому что оно было

²⁴ Описание всерадостного торжествования мира с Оттоманскою Портою... С. 4.

²⁵ *Махотина А.А.* Панегирическая программа и ее художественное воплощение в искусстве государственных празднеств эпохи Екатерины II: дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2011. С. 63.

²⁶ Там же. С. 88.

основой «верноподданнического духа», а также главной идеей эпохи Просвещения. Однако далеко не каждый зритель мог расшифровать аллегорические фигуры. Необразованная часть населения, незнакомая ни с античной мифологией, ни с основными идеями Просвещения, понимала все буквально. Но главная идея всего этого «театрального представления» была ясна каждому: новая законная императрица взошла на престол, чтобы улучшить жизнь своих подданных и начать новый, «золотой век» России.

Ю.А. Швецов

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Модернизация образовательной деятельности военно-учебных заведений в период правления Николая I

В статье на основе изучения законодательных материалов и исследовательской литературы показаны актуальность и многогранность модернизационной парадигмы в исторических исследованиях. Рассмотрев в данной парадигме образовательную систему в военно-учебных заведениях в период правления Николая I, автор пришел к выводу, что процесс модернизации носил консервативный и ограниченный характер. Он включал в себя создание аппарата управления военно-учебными заведениями, отбор и повышение квалификации преподавательских кадров, оснащение материальной базы учебных заведений.

Ключевые слова: модернизация, Николай I, военно-учебные заведения, Совет о военно-учебных заведениях, Главный штаб, учебные руководства.

Сейчас в России происходит активная модернизация вооруженных сил и подготовка новых военных кадров. Поэтому изучение истории отечественного военного образования, включая реформы в этой области Николая I, представляет практический интерес для историков, педагогов, военных, государственных деятелей. Научная актуальность данной темы состоит в том, что без ее исследования невозможно объективное понимание николаевской эпохи (1825–1855), определение места и значения последней в истории России. Это особенно важно сейчас, когда в современной историографии пересматривается вклад Николая I в подготовку модернизационных реформ 1860-х – 1870-х годов¹.

¹ См., например: *Выскочков Л.В.* Николай I. М., 2003. 694 с.; *Николай I: личность и эпоха: новые материалы* / отв. ред. А.Н. Цамутали; сост.: Т.В. Андреева (отв. сост.) и др. СПб., 2007. 528 с.

Состоянием подготовки офицерских кадров в России второй четверти XIX века интересовались дореволюционные – М.С. Лалаев², Н.Н. Мельницкий³, П.В. Петров⁴, советские – Н.И. Алпатов⁵, П.А. Зайончковский⁶, Л.Г. Бескровный⁷, и постсоветские – С.В. Волков⁸, Н.Н. Аурова⁹, А.М. Панченко¹⁰ – специалисты. Дореволюционные исследования носили, как правило, описательный характер, мнения их авторов определялись преимущественно официальной точкой зрения. Советские ученые в своих характеристиках военного образования в николаевскую эпоху редко выходили за пределы идеологических установок. Обилие современных работ о реформах военного образования во времена Николая I, в которых применены различные методологические подходы и научные теории, показывает неослабевающий интерес к этому периоду. Но в рамках модернизационной парадигмы военная проблематика остается малоизученной,

² Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военной школы до исхода первого 25-летия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880 гг. СПб., 1880. 464 с.

³ Мельницкий Н.Н. Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России (сучопутного ведомства) [Электронный ресурс] // Энциклопедия кадетского воспитания и образования. URL: http://www.ruscadet.ru/history/rkk_1701_1918/common/melnicky/enter.htm (дата обращения: 27.08.2018)

⁴ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк / под ред. Д.А. Скалон, П.В. Петров; сост. Н.А. Соколов. СПб., 1907. Т. 10. Ч. 2. 171 с.

⁵ Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа (из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России). М., 1958. 244 с.

⁶ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. 375 с.

⁷ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военно-экономический потенциал России. М., 1973. 615 с.

⁸ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. 414 с.

⁹ Аурова Н.Н. От кадета до генерала: повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2010. 463 с.

¹⁰ Панченко А.М. Создание единых учебных руководств и пособий для военно-учебных заведений России в первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Военно-исторический журнал. URL: <http://history.milportal.ru/2017/01/sozдание-edinyx-uchebnyx-rukovodstv-i-posobij-dlya-voenno-uchebnyx-zavedenij-rossii-v-pervoj-pолоvine-xix-veka/> (дата обращения: 12.07.2018)

поскольку подобные узкоспециализированные темы «пока лишь в незначительной степени включены в теоретические проекты»¹¹.

Модернизация в широком смысле слова определяется как движение от «традиционности» к «современности». Это протяженный и всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий, который можно представить в виде совокупности подпроцессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, социальной и политической мобилизации и так далее¹². В связи с этим модернизационная парадигма широко применяется социологами, экономистами, демографами, политологами, философами, культурологами, этнологами, а также историками различных направлений при анализе общественных и иных процессов, происходивших в различные исторические эпохи и продолжающихся сейчас¹³.

Теория модернизации возникла на рубеже 1950-х – 1960-х годов как попытка объяснить развитие стран «третьего мира». Поначалу ей был свойственен телеологизм, объяснение модернизации как одностороннего и необратимого процесса развития общества. Поэтому данный подход подвергался серьезной критике, а его сторонников обвиняли в излишнем оптимизме и закостенелости. Несмотря на это теория прогрессировала и в 1980-х – 1990-х годах стала одной из популярнейших концепций для объяснения исторических процессов, происходивших в России в XVIII–XX вв. Она изменила отношение в научном мире к понятию «традиционность», показала многолинейность путей развития общества и важность учета «внешних» факторов при этом.

Развитие теоретической базы способствовало появлению множества моделей модернизации общества. Но классифицировать их крайне сложно, поскольку все зависит от основы концепции (процесс индустриализации, развитие политической системы, пространственные или временные характеристики и т. п.). При Николае I была реализована консервативная или ограниченная модель

¹¹ *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 238.

¹² *Побережников И.В.* Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 36.

¹³ Там же. С. 36–37.

модернизации, целью которой было сохранить традиционные установки в социуме. Реформы, по мнению С. Блэка, «были призваны обеспечить современные системы подготовки и снаряжения для бюрократии и армии, усовершенствовать транспортные средства и коммуникации, создать институты высшего образования»¹⁴. Они, считает исследователь, предназначались не для преобразования прежней, не модернизированной, системы, а для ее укрепления. В результате образ жизни крестьянства оставался практически неизменным, и элита сохраняла свои традиционные привилегии¹⁵.

Прежде чем переходить к проблеме модернизации военного образования, необходимо сказать о личности ее инициатора – императора Николая I. Он получил хорошее военное и инженерное образование. При нем создавалась система всесторонней государственной опеки над общественно-политической, экономической и культурной жизнью страны. При новом императоре произошло укрепление позиций дворянства, но, вместе с тем, были реформированы управление государственной деревней и образование, в стране начался промышленный переворот. Император осознавал необходимость реформ, но считал их проведение делом длительным и осторожным. Он смотрел на государство, как инженер смотрит на сложный механизм, в котором все взаимосвязано и надежность одной детали обеспечивает правильную работу других¹⁶.

Глубокое впечатление на Николая I произвело выступление декабристов на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Император полагал, что всему виной было распространение идей Просвещения в среде образованного офицерства, поэтому считал необходимым реорганизовать учебно-воспитательный процесс в заведениях, где готовили будущих военных. За годы правления им были предприняты следующие шаги по реформированию военного образования: создана вертикаль управления военно-учебными заведениями для

¹⁴ *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 205.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Зал инженерной славы [Электронный ресурс] // Инженерный клуб – специализированное электронное СМИ. URL: <https://enginclub.ru/zal-inzhenernoy-slavy> (дата обращения: 27.08.2018).

регламентации всех сфер их жизни; расширена сеть учреждений по подготовке офицеров и установлена их сословная замкнутость; усилен контроль над воспитанниками и преподавателями, изменен характер учебно-воспитательного процесса и многое другое. Рассмотрим подробнее эти меры, представлявшие собой единый комплекс взаимосвязанных процессов, которые реализовывались на протяжении всего правления императора.

Еще при Александре I в 1805 г. был учрежден Совет о военных училищах во главе с великим князем Константином Павловичем¹⁷, задачей которого была унификация всей системы воспитания и образования в кадетских корпусах. Но переезд великого князя в Варшаву в качестве наместника и создание дежурства (управления) главного директора Пажеского и всех кадетских корпусов в 1819 г. привело к разрозненности в управлении.

Это не устраивало Николая I, стремившегося к централизации управления. Поэтому были созданы органы для регламентации деятельности военно-учебных заведений. Руководство ими стал осуществлять главный начальник¹⁸, назначавшийся обычно из лиц императорской фамилии и отчитывавшийся перед императором. Ему подчинялись преобразованный Совет о военно-учебных заведениях¹⁹ и штаб управления этими учреждениями (позже Главный штаб) с отделениями²⁰, между которыми были четко разграничены полномочия. Ведению военного министра подлежали лишь адми-

¹⁷ Высочайший рескрипт, данный государю цесаревичу Константину Павловичу. Об учреждении совета о военных училищах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXVIII. № 21685. С. 915–916.

¹⁸ Высочайше утвержденное положение об управлении главного начальника военно-учебных заведений: Пажеского его императорского величества корпуса, школы гвардейских подпрапорщиков и юнкеров, всех сухопутных кадетских корпусов, Дворянского полка, училищ: Оренбургского-Неплюевского, Уральского войскового и Императорского Царскосельского лицея // Полное собрание законов. Собр. 2. СПб., 1844. Т. XVIII. № 16651. С. 150.

¹⁹ Высочайше утвержденное образование Совета о военно-учебных заведениях // Полное собрание законов. Собр. 2. СПб., 1831. Т. V. № 3672. С. 462.

²⁰ Высочайше утвержденный штат штаба управления главного начальника Пажеского, всех сухопутных кадетских корпусов и Дворянского полка // ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1833. Т. VII. № 5198 (Приложения). С. 33–34; Высочайше утвержденное положение об управлении главного начальника военно-учебных заведений... С. 161.

нистративные и законодательные дела военно-учебных заведений. Также министр был вправе требовать от управления заведениями доклада о состоянии дел и осуществлять надзор за исполнением повелений государя²¹. Вертикаль власти позволяла регламентировать работу всех учреждений, подчинявшихся главному начальнику. Но при этом управление военно-учебными заведениями представляло собой как бы министерство в министерстве.

Через руководящие органы император мог расширять сеть учреждений по подготовке офицеров на свое усмотрение. Происходило преобразование старых кадетских корпусов и основание новых. Так, в кадетские корпуса были преобразованы Тульское Александровское, Тамбовское, Оренбургское Неплюевское и Омское училища. Выступая последователем Александра I, при котором 21 марта 1805 г. был утвержден «План военного воспитания»²², Николай I увеличивал именно количество кадетских корпусов, в которые принимались в основном дети офицеров и дворян, и сокращал количество заведений, доступных выходцам из других сословий. То есть основание новых заведений по подготовке офицеров шло рука об руку с сохранением в них замкнутого сословного статуса²³. Следует отметить, что ряд кадетских корпусов (Орловский Бахтина, Михайловский Воронежский, Полоцкий, Петровский Полтавский, Александровский Брестский, Новгородский графа Аракчеева) были созданы на пожертвования дворянства.

В 1843 г. по аналогии с учебными округами Министерства народного просвещения все старые и новые кадетские корпуса были распределены по трем округам военного образования: Петербургскому, Московскому и Западному²⁴. Кроме того, к управлению военно-учебными заведениями были привлечены учреждения, находившиеся в

²¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк / под ред. Д.А. Скалон, П.В. Петров; сост. Н.А. Соколов. СПб., 1907. Т. 10. Ч. 2. С. 13.

²² Высочайшая резолюция на доклад комиссии о военных училищах. О порядке учреждения военных училищ. С приложением плана военного воспитания // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXVIII. № 21675. С. 903–908.

²³ Аурова Н.Н. От кадета до генерала... С. 56.

²⁴ Высочайше утвержденное положение об управлении главного начальника военно-учебных заведений... С. 150.

ведении других ведомств. При Николае I в подчинение главного начальника военно-учебных заведений перешли Финляндский кадетский корпус (1836), Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1843), Главное инженерное и Михайловское артиллерийское училища (1849), Императорская Военная академия (1854). Очевидно стремление императора к централизации управления всей отраслью по подготовке офицерских кадров.

Еще одной тенденцией, присущей николаевской эпохе, было усиление контроля над воспитанниками и преподавателями. Работа преподавателей в военно-учебных заведениях не была престижной, так как не давала никаких преимуществ при прохождении службы и не приносила большого дохода. Кроме того, учителя не удостаивались тех привилегий, которые получали чиновники за выслугу лет. Чтобы привлечь в военно-учебные заведения компетентные педагогические кадры, требовалось улучшить материальное положение учителей и упрочить их социальный статус. Кроме того, Николай I желал усилить надзор, как за самими преподавателями, так и за тем, что они преподают воспитанникам. Для выполнения этих задач были подготовлены «Положения о службе по учебной части» 1836 г. Согласно этому документу, учителя, с одной стороны, приравнивались по статусу к государственным чиновникам, с другой – становились зависимыми от правительства, а их деятельность в большей степени ограничивалась и регламентировалась²⁵. Для повышения качества преподавания вводились предварительные испытания, которые состояли в том, что каждый из соискателей читал пробную лекцию в присутствии инспектора классов и одного-двух старших учителей того же предмета, а также профессора высшего учебного заведения²⁶. Разработка четких требований, предъявляемых к будущим преподавателям, позволила отсеять неквалифицированных и вольномыслящих кандидатов.

Меры по контролю над воспитанниками в первую очередь заключались в создании системы оценивания знаний и поведения. Для повышения успеваемости классы делились на три степени, каждая из

²⁵ Высочайше утвержденное положение о службе по учебной части при военно-учебных заведениях сухопутного ведомства // ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1837. Т. XI. № 9229. С. 612.

²⁶ Там же. С. 613.

которых имела свои минимальные требования по усвоению материала. В 1835 г. были введены специальные аттестационные тетради, а также красные и черные доски, на которых записывались имена отличников и наименее способных воспитанников соответственно. Николаевским законодательством предусматривались полугодичные и годичные экзамены, от успешной сдачи которых зависел переход кадета в следующий класс. Для контроля над поведением обучающихся были выработаны меры поощрения (например, благодарность в присутствии товарищей, похвальные листы и подарки по окончании) и наказания (выговор, наказание розгами и исключение из корпуса)²⁷.

Контролю над качеством получаемых знаний император также придавал большое значение. Под руководством правительства все заведения перешли на единую образовательную программу. Учебный курс, как и в начале XIX в., состоял из специальных и общеобразовательных дисциплин²⁸, что говорит об универсальности образования. Однако изучение учебно-программной документации для учреждений показывает, что власти стали задумываться о разделении общего и специального образования. Так, по учебному плану 1836 г. военные науки изучались только в старших специальных классах²⁹. Изменения коснулись также методики преподавания многих предметов. Например, на занятиях по иностранным языкам был введен метод обучения лучшими учащимися более слабых. Для приобретения воспитанниками старших классов некоторых практических навыков им раз в месяц предоставлялась возможность понаблюдать или поучаствовать в работе специалистов в литейной мастерской, арсенале, пороховом заводе, лабораториях, монетном дворе, музеях, фабриках.

Не следует забывать также об учебниках, по которым велись занятия, и прочей литературе, доступной будущим офицерам. Император и приближенные к нему лица прекрасно понимали, какую роль играет правильно написанный учебник или книга. Учебники состав-

²⁷ Аллатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа... С. 79.

²⁸ Высочайше утвержденный Устав для военно-учебных заведений второго класса // ПСЗ. Собр. 2. СПб., 1831. Т. V. № 3598. С. 298.

²⁹ Аллатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа... С. 62–63.

ляли специалисты, компетентные в различных отраслях наук. На эти цели в 1835 г. из казны было выделено 140 тыс. рублей³⁰ – огромная по тем временам сумма. Не меньшее внимание уделялось тому, что читали юноши в свободное время. Упор делался на нравственные и исторические сочинения. Книги выдавались в библиотеках учреждений под строгим надзором ротных командиров и дежурных офицеров³¹.

Таким образом, при Николае I была осуществлена консервативная модель модернизации образовательной деятельности военно-учебных заведений. Результаты этого процесса несли в себе как положительные, так и отрицательные черты. Несомненно, положительным результатом было создание императором аппарата для управления новой отраслью. Но этот аппарат был подконтролен лично императору и почти независим от Военного министерства. Также Николай I получил возможность расширять сеть учреждений по подготовке офицеров и корректировать уровень получаемого ими образования и нравственного воспитания по своему усмотрению. Это способствовало динамичному развитию отрасли. По воле императора было создано множество новых кадетских корпусов и других военно-учебных заведений, к новому ведомству присоединены учреждения, ранее подчинявшиеся другим структурам. В ходе педагогического процесса в этих учреждениях были впервые апробированы единая образовательная программа, некоторые приемы обучения, способы оценки и контроля над учащимися и преподавателями. Кроме того, к основным результатам николаевской модернизации образовательной деятельности военно-учебных заведений следует отнести практику разделения общего и специального образования, приравнивание преподавателей по статусу к чиновникам, обеспечение педагогов новыми учебниками и учебно-методическими пособиями, разработанными квалифицированными специалистами.

³⁰ Панченко А.М. Создание единых учебных руководств и пособий для военно-учебных заведений России в первой половине XIX века [Электронный ресурс] // Военно-исторический журнал. URL: <http://history.milportal.ru/2017/01/sozдание-edinyx-uchebnyx-rukovodstv-i-posobij-dlya-voenno-uchebnyx-zavedenij-rossii-v-pervoj-pолоvine-xix-veka/> (дата обращения: 27.08.2018)

³¹ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Главное управление военно-учебных заведений. Исторический очерк / под ред. Д.А. Скалон, П.В. Петров; сост. Н.А. Соколов. СПб., 1907. Т. 10. Ч. 2. С. 21.

Военная история и международные отношения

Д.О. Манин

*Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

Проект франко-русского договора 1668 г. и его значение для развития франко-русской торговли

В представленной статье рассмотрен французский проект договора с Россией, предложенный в 1668 г. русскому посольству П.И. Потемкина во Франции, в контексте динамики дипломатических и экономических аспектов франко-русских отношений второй половины XVII в.: проанализировано соответствие его статей реалиям торговли иностранцев в России и российской политики в области торговли. Сделан акцент на политические возможности сторон по контролю над северными морскими путями. Проанализировано значение договора для развития экономических и политических связей между двумя государствами. Особо выделено значение торгового вопроса для русско-французского политического взаимодействия, что актуализирует тему, вводя ее в контекст современных исследований дипломатии.

Ключевые слова: посольство П.И. Потемкина 1668 г., Иоганн Гонсенц, французское купечество, торговые пути, кольбертизм, торговля, протекционизм, дипломатия.

С древнейших времен торговля способствовала развитию контактов между государствами и их населением. Известный немецкий историк Отто Гинце отмечал, что «государство и капитализм неразрывно взаимосвязаны, что они представляют собой всего лишь две стороны, два аспекта одного и того же процесса исторического развития»¹. В этих условиях тесно связанная с развитием капитализма морская торговля была инструментом в политике

¹ Цит. по: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М., 2015. С. XXIII.

Франции и России второй половины XVII в. При этом она же во многом способствовала формированию во Франции образа России².

Французские историки XIX в., изучавшие франко-русские отношения, в частности А.Н. Рамбо, выделяли в период царствования Алексея Михайловича новый этап русско-французских отношений, когда французская сторона стала замечать в Москве не только экономический (рынок сбыта французской продукции), но и политический потенциал³. Схожую позицию занимал и русский историк П.В. Безобразов⁴. Однако Франция сохраняла интерес и к вопросам торговли, доказательством чему служило их обсуждение Людовиком XIV и его советниками на переговорах с русским посольством 1668 г., где и был поднят вопрос о подписании франко-русского торгового договора⁵. Именно с этого проекта вопрос о торговом договоре начал свое почти двадцатилетнее развитие и занял первостепенное значение в прямых дипломатических отношениях между странами⁶. Однако до сих пор не было опубликовано исследование, посвященное непосредственно этому договору, что должно быть частично восполнено нашей статьей. Ее задачей является анализ положений проекта франко-русского договора в контексте сложившейся практики торговых отношений между государствами и их возможностей в период обсуждения проекта, то есть в 1668–1687 гг.

Несмотря на казавшуюся неизбежность голландского посредничества в северной торговле, абсолютистское Французское государство было готово поддержать своих торговцев и не теряло надежды установить крепкие торговые отношения с Россией, поэтому во время посольства П.И. Потемкина в 1668 г. ему был предложен проект торгового договора.

² *Mervaud M. et Roberti J.-C. Une infinie brutalité. L'image de la Russie dans la France des XVIe et XVIIe siècles.* Paris, 1991. P. 75–83.

³ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la révolution française.* T. VIII. Paris, 1890. P. 36–38.

⁴ *Безобразов П.В. О сношениях России с Францией.* М., 1892. С. 11.

⁵ *Путешествия русских послов XVI–XVII вв.: Статейные списки / под ред. Г.И. Зикеева.* М.; Л., 1954. С. 277.

⁶ *Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки ее осуществления.* М., 2013. С. 207–208.

Проект дошел до нас в двух списках: во французском (хранящийся в архиве министерства иностранных дел Франции⁷) и его русский пересказ, сделанный во время посольства 1668 г. с перевода Урбановского⁸. Б. Виане отмечает, что дошедший до нас русский перевод XVII века серьезно отличается даже количеством статей⁹, однако в статейном списке П.И. Потемкина, где находится перевод Урбановского, отсутствует деление на статьи, и сопоставление этих вариантов показывает, что русский перевод XVII в. воспроизводит идентичные французскому варианту положения, имея при этом несколько важных для исследования особенностей, которые в дальнейшем будут нами упомянуты.

Несмотря на существование старых традиций русско-французских торговых отношений, активно развивавшихся еще с конца XVI в. (Жалованная грамота парижским купцам 1587 г., выданная французам де Ренелю и де Ла Бистрату царем Федором Иоанновичем, перевод французского варианта которой также опубликован в книге Б. Виане¹⁰, и возможная договоренность с Э. Ватье в 1583 году¹¹), проект отражал новый этап развития франко-русских отношений. Первая статья договора была полностью посвящена декларации мира (*paix*), союза (*confederation*) и вечной дружбы (*amitié*) и согласия (*alliance*) между сторонами, без которых взаимовыгодная морская торговля затруднительна. П.И. Потемкин высоко оценил такой жест французской стороны, ведь именно утверждение «братской дружбы и любви»¹² между государями являлось целью его посольства.

Также проект позволял русским купцам вольно торговать (*traffiquer*) на всей территории Франции и Наварры с уплатой стандарт-

⁷ Arch. du ministère des affaires étrangères (AE), Correspondence Politique (CP), Russie. Vol. 01. Projet du traité entre le Roi et le Grand Duc de Moscovie, fol. P. 34–36.

⁸ Статейный список П.И. Потемкина (Франция) // Путешествия русских послов... С. 272–274.

⁹ Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1568 г.: Открытие Арктики Французами в XVI веке. М., 2017. С. 236.

¹⁰ Там же. С. 88–89.

¹¹ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений XV и первой половины XVII в. Тбилиси, 1959. С. 30–35.

¹² Статейный список П.И. Потемкина (Франция)... С. 274.

ных пошлин (droits) (статья № 2); свободно нанимать склады (maisons) в городах (статья № 3); беспрепятственно перевозить товары водными путями и свободно сбывать их, как жители Франции (статья № 4); не платить пошлин за перегрузку товаров на другой корабль (статья № 5); покупать и перевозить любые товары (статья № 6); без различных сборов и податей назначать приказчиков (commis) и управляющих (directeurs), которые будут под защитой короля (статья № 7); учредить в главных портах Франции консулов (consuls) для решения судебных разбирательств между русскими (статья № 8); пользоваться свободой веры (Religion) (статья № 9)¹⁵. Несмотря на все перечисленные льготы для русских торговцев во Франции, достичь ее берегов русским купцам было непросто (хотя были известны путешествия ярославских купцов в Голландию¹⁴). Моря в XVII в. принадлежали тем государствам, которые могли их контролировать и обеспечивать свой торговый флот военной поддержкой¹⁵, но этой возможности была практически лишена допетровская Россия.

Далее в тексте договора действие предыдущих восьми статей распространялось и на французов во владениях московского царя (статья № 10). Эта статья, в отличие от предыдущих, Урбановским в переводе была сформулирована в форме вопроса: «...вольности также ли даны будут, как московским людям во Французском государстве?»¹⁶, что может говорить о необходимости ее дальнейшего обсуждения.

Для погружения в контекст этой статьи стоит рассмотреть реальное положение французских торговцев в России. Как и всем иностранцам, для торговли им было необходимо получать проезжие грамоты для каждого конкретного направления. Ограничение свободы передвижения французов в Московии (причем всех, а не

¹⁵ АЕ, СР, Russie. Vol. 01. Projet du traité entre le Rois et le Grand Duc de Moscovie, fol. P. 34–35.

¹⁴ Нефедов С.А. Начало российской модернизации и менталитет XVII века // Историческая психология и социология истории. 2010. № 1. С. 54.

¹⁵ Тешке Б. Миф о 1648 годе: класс, геополитика и создание современных международных отношений. М., 2011. С. 291.

¹⁶ Статейный список П.И. Потемкина (Франция)... С. 273.

только торговцев) еще с посольства де Курменена в 1629 г. было камнем преткновения в отношении двух государств¹⁷. Но во второй половине XVII в. свобода передвижения по России становилась возможной: так армянскому купечеству по договору 1667 г. эта свобода была дарована¹⁸ ввиду исключительной необходимости его товаров в частности шелка-сырца. Французские же шелка ко второй половине XVII в. были более легкими и мягкими, чем персидские¹⁹ (которые как раз продавали армянские торговцы), а потому в теории могли составить им конкуренцию. Впрочем, политическая элита и общество России XVII в. прохладно относились к появлению иностранцев на внутренних рынках. Это стало очевидно и французам. Так, в своем «Совершенном негодянте» Ж. Савари (составитель «Эдикта об оптовой и розничной торговле», известного под названием «Кодекс Савари», а также автор переведенного на большинство европейских языков капитального труда «Совершенный негодянт», описывавшего торговлю каждого известного автору региона мира) отмечал, что торговля в Архангельске, без проникновения вглубь российской территории, являлась для французов наиболее выгодной²⁰.

Найм складов во всех городах без особого позволения от государя и воевод для французов в тот период был невозможен, и вопрос стоял остро, так как французам для обустройства складов приходилось арендовать царские амбары, в отличие от купцов из Нидерландов, Любека, Гамбурга и московских торговых иноземцев, пользовавшихся амбарами на Немецком дворе²¹.

Свободная торговля в розницу казалась еще менее возможной. В целом для восточноевропейской экономической мысли был характерен запрет на розничную торговлю купцов других государств,

¹⁷ Relations et mémoires inédits pour servir à l'histoire de la France dans les pays d'Outre-Mer. Paris, 1867. P. 111–112.

¹⁸ Асташкин Р.С. Русско-армянский договор 1667 г. и проблема торговых путей на Восток // Вестник СамГУ. 2007. № 5–1. С. 76.

¹⁹ Kraatz A. La Compagnie Francaise de Russie: Histoire de Commerce Franco-Russe aux XVII et XVIII siecles. Paris, 1993. P. 35–36.

²⁰ Savary J. le Parfaite Negociant. Paris, 1675. Part. II. P. 103.

²¹ Жордания Г. Очерки из истории франко-русских отношений... С. 118–120.

что иллюстрировал Новоторговый устав 1667 г. (статьи №№ 42, 83 и 84)²². Более того, комплексно развивавшееся российское купечество всячески отстаивало свои права на родной территории, что выражалось не только в многочисленных челобитных (в том числе и знаменитой челобитной 1646 г.), но и в деятельности архангельских таможенных голов²³.

Освобождение от пошлин за перегрузку товаров, которые не везли в глубь страны, с одного корабля на другой вряд ли интересовала французов, поскольку дальше единственного на тот момент русского порта, Архангельска, плыть французским купцам было бесперспективно. Впрочем, путешествие в Северные моря было и без того затруднительным: основная часть французского торгового флота на Севере (крайне немногочисленного²⁴) была задействована на Балтике (в том числе и флот, недавно полученный Людовиком XIV от короля Англии Дюнкерка²⁵), что в конечном итоге привело к знаменитому парадоксу: большая часть купцов-участников Северной компании Кольбера происходили из городов Бискайского залива (Ла-Рошели и Бордо²⁶), а не с севера Франции, который уже имел морские торговые связи с Россией в XVI веке²⁷.

Размещение приказчиков (*commis*) и управляющих (*directeurs*) французской торговли в России было вполне реальным, более того, уже в следующем 1669 г. кандидатов на их должности в своем отчете Кольберу об архангельской торговле предложил Иоганн Гонсенц, так как это было необходимым условием для успеха торговой деятельности²⁸. В России на тот момент уже была известна практика постоянных резидентов, в частности английской Московской компании,

²² Новоторговый устав // Полное собрание законов. Т. 1. С. 684, 688–689.

²³ История предпринимательства в России / под ред. А.В. Семенов. М., 2000. Кн. 1. С. 177.

²⁴ *Bamford P.W.* French Shipping in Northern European Trade 1660–1789 // *Journal of Modern History*, 1954. XXVI, Sept., 3. P. 207.

²⁵ *Le Bouëdec G.* Le grand cabotage entre la France et les ports de l'Europe hanséatique, scandinave et baltique XVIIIe-XIXe siècles // *Revue du Nord*. 2017. № 2 (420). P. 295–296.

²⁶ *Kraatz A.* La Compagnie Française de Russie... P. 27.

²⁷ *Vianey B.* Le premier récit d'un Français en Russie: le voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586 // *La Revue russe*. 2013. Т. 40. № 40. P. 9–10.

²⁸ *Kraatz A.* La Compagnie Française de Russie... P. 24.

и таким образом переносился английский опыт на французскую почву. Впрочем, предусмотренная возможность введения русских приказчиков во Франции демонстрирует равный статус России и Франции в договоре.

Высокий статус российской стороны также демонстрирует статья № 8, подразумевавшая введение во Франции русских консулов (consuls) для решения тяжб между прибывшими русскими, то есть Россия (как и Франция по статье № 10) получала право экстерриториальности для своих торговцев. Однако Россия в XVII в. не предоставляла право экстерриториальности другим европейским купцам и уступка Франции тут была маловероятна.

Особенное место занимает вопрос о свободе веры (Religion). В немецких слободах имелись протестантские кирхи, а русско-шведские договоры XVII в. (в частности наиболее хронологически близкий посольству Кардисский мир) разрешали богослужения в шведских торговых дворах²⁹. Несмотря на то, что такие уступки были преимущественно сделаны для протестантской веры, при необходимости ничего не мешало ввести подобные свободы для католиков, которые, в отличие от протестантов, считались православной церковью схизматиками, а не еретиками³⁰.

Статья № 11, развивая идею о предоставлении французам права торговли на всей территории России, предлагала оказывать помощь (assistance) им в транзитной торговле с Персией и другими азиатскими странами, в том числе освободив их от пошлин (doits) при перевозке восточных товаров. Во Франции было известно, что в России прямая торговля с Востоком не отдавалась в руки иностранных торговцев, потому в переводе Урбановского эта статья, так же как и десятая, была сформулирована в виде вопроса, подлежавшего дальнейшему обсуждению³¹. Впрочем, французская сторона не

²⁹ Договор между Шведским и Российским Государствами, заключенный на съезде между Кольвани и Юрьева въ Кардисе, полномочными послами // Полное собрание законов. Т. 1. С. 540.

³⁰ *Белякова Е.В., Мошкова Л.В., Опарина Т.А.* Кормчая книга: от рукописной традиции к печатному изданию. М.; СПб., 2017. С. 395.

³¹ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. ... С. 273.

теряла надежды на успех и прислала Бутлера для разведки речного пути в Персию³².

Следующая, двенадцатая, статья предлагала установить для французов, прибывавших в порты царя половину стандартной для иностранцев пошлины (*doit*). Несмотря на наличие аналогичного положения в Жалованной грамоте парижским купцам 1587 г., статья ссылалась на дарование такой привилегии англичанам (отмененной в 1649 г.), что говорит о большем влиянии английского опыта, чем французской традиции. Тем не менее российская политика унификации пошлин шла вразрез с установлением привилегированного пошлинного обложения отдельной национальной группы иностранцев, а торговля с Францией не была так значима для экономики России, чтобы пойти на подобную меру, к тому же политический союз с ней казался все менее возможным на протяжении 1660-х – 1670-х годов.

Последняя, тринадцатая, статья запрещала изымать товары у французов. Однако Франция была известным поставщиком табака в северные страны³³, который в России XVII в. был заповедным товаром. При этом один из основных товаров французской Северной компании, виноградные водки (*eau de vie*), нарушал российскую государственную монополию на крепкие алкогольные напитки, что также делало свободную их продажу невозможной.

Ознакомившись с переводом договора, П.И. Потемкин отметил, что не уполномочен принимать такой документ, а французской стороне для его обсуждения стоит направить ответное посольство³⁴. Проект заинтересовал французские цеха, которые прислали к русскому послу своих представителей, чтобы узнать перспективы торговли в Архангельске и попросить проезжий лист, разрешавший французским купцам посещать русские порты. Представители цехов были предупреждены о запрете ввоза в Россию табака и крепкого алкоголя и получили в устной форме разрешение торговать в

³² Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина... С. 211.

³³ Kraatz A. La Compagnie Francaise de Russie... P. 23.

³⁴ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. ... С. 275.

городах России. К следующему году цеха уже подготовили к отправке первые шесть кораблей³⁵.

В целом проект предоставлял Франции больше привилегий чем России (в связи с тем, что все статьи с привилегиями для московской стороны распространялись и на французскую сторону благодаря статье № 10, а последние три статьи давали исключительные привилегии французам), что естественно, когда контроль над морскими пространствами был в руках западноевропейских держав. Тем не менее у России были основания пойти навстречу французам, так как силами Западной Европы А.Л. Ордин-Нащокин планировал вывести русскую и польскую торговлю на Балтике из-под контроля Швеции³⁶. При этом правительственные круги России вряд ли считали, как Ж. Савари, что большая часть товаров вывозимых, из России, шла во Францию, а большинство ввозимых были из Франции³⁷ (хотя тот же П.И. Потемкин потратил немало средств на покупку французских часов, шелков и золотой и серебряной парчи)³⁸. Проект в данном случае был неотделим от политики, и укрепление экономических связей могло привести к союзу двух крупных государств Европы. Именно ради политического сближения было направлено посольство П.И. Потемкина, а Ж.-Б. Кольбер планировал посредством торговли создать союз России с Францией (где Франция должна была занять ведущую роль благодаря своему экономическому развитию)³⁹.

Впрочем, торговля не была лишена экономической ценности: кольберовская Франция строила свой флот и нуждалась в российском сырье, известным своим качеством. Поэтому у французских властей рос интерес к России (торговля раннего Нового времени часто направлялась именно государственной властью из-за необходимости военной поддержки торговцев в море⁴⁰). Так в, 1669 г. к Ж.-Б. Кольбе-

³⁵ Путешествия русских послов XVI–XVII вв. ... С. 277.

³⁶ Флоря Б.Н. Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина... С. 207–208.

³⁷ Savary J. le Parfaite Negociant... Part. II. P. 107.

³⁸ Дневник г. Кате, кавалерийского полковника и придворного дворянина, о Московитах, прибывших во Францию в 1668 г. // Русский вестник. М., 1863. Т. 47. С. 620.

³⁹ Kraatz A. La Compagnie Francaise de Russie... P. 9.

⁴⁰ Brenner R. Merchants and Revolution: Commercial Change, Political Conflict, and London's Overseas Traders, 1550–1653. Cambridge, 1993. P. 48.

ру пришел отчет об архангельской торговле И. Гонсенца⁴¹, в июне того же года Людовик XIV подписал Эдикт об учреждении Северной торговой компании, а в «Совершенном негодянте» Ж. Савари (1675 г.) Московии была выделена отдельная глава. Впрочем, дальнейшие попытки французов в продвижении положений договора не возымели успеха и на переговорах 1687 г. в последний раз был сделан акцент на обсуждении торговли⁴² (к приезду в Россию Ж.К. Балюза в 1703 г. торговый вопрос перестал выделяться отдельно).

Таким образом, в период с 1668 по 1687 г. торговые вопросы занимали принципиально важное место в отношениях двух государств, что выразилось в амбициозном проекте торгового договора. Несмотря на ряд противоречий в практике франко-русской торговли, проект не был реализован, в первую очередь, из-за невозможности контроля со стороны Франции и России над северными торговыми путями, а также вследствие ухода из политики основных сторонников экономического сближения: Ж.-Б. Кольбера и А.Л. Ордина-Нащокина.

⁴¹ Kraatz A. La Compagnie Francaise de Russie... P. 23.

⁴² Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 14–15.

Е.Ю. Фенько

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Плен во времена Кавказской войны в источниках личного происхождения (1817–1864 гг.)

Статья посвящена проблеме захвата людей в плен на Северном Кавказе в ходе Кавказской войны. Предпринята попытка сформировать единый комплекс текстов личного происхождения, состоящих из мемуарных деятелей, плененных горцами. На основе анализа воспоминаний, дневников и очерков были выявлены ранее неизвестные сведения о взаимодействии противоборствующих сторон в культурном пространстве. Этот фактический материал является уникальным, а его введение в научный оборот вносит ценный вклад в развитие историографии Кавказской войны и способствует расширению этнографических знаний о народах Северного Кавказа.

Ключевые слова: Кавказская война, имам Шамиль, горцы, плен, пленопродавство.

Захват пленных в годы Кавказской войны (1817–1864 гг.) является темой сложной и неоднозначной. Возможно, поэтому посвященных ей исторических исследований относительно немного. Зато это явление было описано такими русскими классиками, как А.С. Пушкин и Л.Н. Толстой. Первый написал поэму «Кавказский пленник» (1821–1822 гг.), второй – одноименную повесть (1872 г.).

Менее популярны тексты личного происхождения, оставленные непосредственными участниками Кавказской войны: теми, кто прошел через плен и записал пережитое в своих дневниках, записках или воспоминаниях. Они содержат сведения не только о военных действиях и их последствиях, но также о культурном пространстве, в котором осуществлялось взаимодействие противоборствующих сторон. Таким образом, пленников можно считать первыми этнографами поневоле. Многие мемуары того времени были напечатаны в малотиражных и провинциальных журналах. Порой они не известны даже специалистам-кавказоведам, не говоря уже о массовом читателе.

Однако среди историков все же немало тех, кто в большей или меньшей степени опирался на источники личного происхождения. Одним из первых Р.А. Фадеев¹, вслед за ним – Н.А. Смирнов, М.М. Блиев, В.В. Дегоев, А.А. Цыбулькинова, Ю.Ю. Клычников, Д.С. и С.Л. Дударевы². Анализ публикаций перечисленных авторов свидетельствует о том, что проблема захвата людей в плен на Кавказе освещена в историографии Кавказской войны лишь частично. Поэтому актуальными задачами представляются выявление и анализ наиболее полного комплекса эго-документов, принадлежавших пленным.

Источниковую базу настоящего исследования составили воспоминания, очерки, дневники, записки и мемуары, изданные либо самими авторами, либо специалистами-историками. Уже в 1848 г. А.В. Никитенко собрал и первым опубликовал в журнале «Современник» информацию, полученную от бывшего пленника В.И. Савинова³. В 1858 г. в газете «Кавказ» свои воспоминания напечатал И. Клиндер, бывший в плену у горцев. Их научная публикация была осуществлена Я.А. Гординым в составе сборника лишь в постсоветский период⁴. В том же 1858 г. К. Дзюбинский перевел на рус-

¹ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. 149 с.

² Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. 241 с.; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1997. 592 с.; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. 512 с.; Цыбулькинова А.А. Судьбы линейных казаков в плену у горцев // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа: Материалы шестой международной Кубанско-Терской конференции. Краснодар, 2008. С. 88–94; Она же. Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военной жизни. Армавир, 2010. 236 с.; Она же. Турецкие работоторговцы в процессах северокавказского пленопродавства: вывоз кавказских и российских пленниц на Восток в XIX веке // Женщины в истории: недостающие фрагменты исторического полотна (Материалы Всероссийской научно-практической конференции). Армавир, 2010. С. 279–289; Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск, 2011. 256 с.; Дударев Д.С., Дударев С.Л. Дискуссионные вопросы функционирования некоторых форм личной зависимости у горцев Северного Кавказа в первой половине XIX века // Рабство: теория и практика. 2017. Вып. 2. С. 18–30.

³ Савинов В.И. Три месяца в плену у горцев // Современник. СПб., 1848. Т. 10. № 7. 20 с.

⁴ Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / под ред. Я.А. Гордина. СПб., 2000. 685 с.

ский язык воспоминания француженки мадам А. Дрансе, захваченной в плен Шамилем⁵. В 1868 г. в «Русском вестнике» были опубликованы воспоминаний офицера за подписью «Т.», за которой сразу же угадывался барона Ф.Ф. Торнау, и лишь 140 лет спустя они были переизданы А.Г. Макаровой в виде самостоятельного сборника документов⁶. В 1877 г. в свет вышли записки И.Н. Румянцева о пребывании в плену у Шамиля. В 1882 г. в «Русском вестнике» впервые были напечатаны очерки, описывающие пребывание в 1849–1856 гг. Н.А. Волконского в плену у горцев. Относительно недавно эти очерки стали частью научного проекта М. и В. Котляровых «Кавказ: в плену у горцев»⁷. Сведения, полученные от М. Кофанова, были записаны и переданы его сыном Х. Кофановым Ставропольской ученой комиссии, которая и опубликовала их в 1914 г.

Таким образом, несмотря на наличие нескольких научных переизданий, осуществленных за последнюю четверть века, многие воспоминания пленников Кавказской войны по-прежнему остаются библиографической редкостью. Этот факт, безусловно, актуализирует поставленные в данной статье задачи.

* * *

Географические особенности Северокавказского региона оказали влияние на развитие «вольных» обществ Чечни и Нагорного Дагестана, что привело к формированию определенной модели поведения. Жители искали излишки продуктов труда в набегах или наездничестве⁸. Набеговая система была повсеместным явлением. Она сильно осложняла жизнь мирным поселениям по обе стороны Кавказской линии.

Историки М.М. Блиева и В.В. Дегоева описали эту систему среди «вольных» обществ горного Дагестана так: «Особой склонностью к набегам отличались Джаро-Белоканские общества. Военные походы горцев были прежде всего организованной охотой за

⁵ Дрансе А. Пленницы Шамиля. Тифлис, 1858. 193 с.

⁶ Воспоминания кавказского офицера Ф.Ф. Торнау / сост. А.Г. Макарова. М., 2008. 456 с.

⁷ Кавказ: в плену у горцев / сост. М. и В. Котляровы. Нальчик, 2013. Т. 1. 320 с., Т. 2. 400 с.

⁸ Клычников Ю.Ю., Цыбулькина А.А. «Так буйную вольность законы теснят...» С. 10.

людьми в целях работорговли или получения выкупа»⁹. Жители страдающих от набегов районов превращались в данников, что наблюдалось в Кахетии. К середине XVIII в. территория, попадающая в зону набеговой экспансии, заметно расширилась, и уже жители Западной и Южной Грузии, Азербайджана, Армении испытывали на себе все ужасы горского «молодчества»¹⁰.

В.В. Дегоев отмечал: «У горцев Северного Кавказа в эпоху Кавказской войны одной из „структур повседневности“ был военный поход – своеобразная хронологическая ячейка их социального и духовного существования»¹¹. Главной целью экспедиции служили военные столкновения с неприятелем и зачастую захват в плен противника.

Сами же горцы редко позволяли захватывать себя в плен. Неволя была для них хуже смерти. Поэтому, когда русские заключали их под стражу, они, пренебрегая неминуемой опасностью, делали все возможное и невозможное, чтобы вырваться на свободу¹². Наглядный пример привел англичанин Дж. Белл, говоря о шапсуге, который был схвачен после того, как ранил и убил несколько русских солдат. Перед тем как его посадили за решетку, ему надели кандалы. Однако ночью узник смог освободиться от цепей, прорыть подкоп и оказаться снаружи. Преодолев стену с колючей проволокой, обойдя двух часовых и трех казаков, он добрался до реки Кубань. На середине пути его догнала лодка, но шапсуг перевернул ее и успешно добрался до берега. Поблизости находился мирный черкесский аул, но, не исключая возможности выдачи его русским, шапсуг двинулся домой в горы¹³.

Русские военные попадали в плен противника в различных, чаще всего безвыходных обстоятельствах. Автор книги «Шамиль и Черкесия», впервые изданной в 1854 г., Фридрих Вагнер писал: «Как-то чеченцы устроили засаду казачьему отряду из пятидесяти человек во главе с майором. В ходе боя, имея многократное численное превосходство, горцы уничтожили большую часть неприятеля.

⁹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война... С. 109.

¹⁰ Клычников Ю.Ю., Цыбулькинова А.А. «Так буйную вольность законы теснят...» С. 11.

¹¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе... С. 206.

¹² Там же. С. 214.

¹³ Там же.

Оставшаяся горстка казаков сложила трупы лошадей и засела за ними, решив дорого отдать свои жизни. Тут кто-то из чеченцев, говоривший по-русски, выкрикнул: „Мы не собираемся причинять вам вреда. Выдайте своего майора и уходите с миром“. Желая спасти товарищей, майор вышел из укрытия и сдался. Вместе с ним в плен отправился его денщик Иван, отказавшийся оставлять майора одного. Пленников увезли в далекий чеченский аул»¹⁴.

Пребывание в плену у горцев было ужасающей перспективой. Днем пленников заставляли работать в поле, а на ночь сажали в яму и заковывали в цепи. Избиение пленников было обычным явлением. Скучно кормили. За любую попытку к бегству в пятки вставляли острую конскую щетину или надрезали сухожилия ног. Однако положение узника зависело не только от натуры хозяина, но и от его собственного поведения.

Примером может послужить Максим Кофанов, который был похищен закубанцами в сентябре 1830 г. из родного селения Бешпагирское. Позднее он вспоминал: «Обращались со мной мои хозяева, кроме поганого изверга-турка, не очень жестоко, и на такое обращение их со мной влияли моя им покорность во всем, честность и аккуратное выполнение возлагаемых на меня поручений, поэтому они не могли уже изливать на меня природные им зверства, которые у них от рождения имеются»¹⁵.

Так, русский офицер и композитор И.А. Клингер был необыкновенно добрым, веселого нрава человеком. В 1847 г. оказался в плену в чеченском ауле Оспан-Юрт. И.А. Клингер выучил чеченский язык и, благодаря виртуозной игре на шестиструнной гитаре, снискал уважение чеченцев. Его записи стали первым известным нам источником музыкального чеченского фольклора.

В своих воспоминаниях И.А. Клингер подробно описал свое пребывание в плену. Первое время пленника держали на железной цепи длиной около 12 аршин, кормили лепешками, пресным или кислым молоком, заменяемым иногда соленым сыром или лапшой, а во время

¹⁴ Цит. по: *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе... С. 224–225.

¹⁵ Кавказ: в плену у горцев... Т. 1. С. 15.

болезни поили калмыцким чаем. Описал он также саклю, войлок и железно с цепью пудового веса, помещение, постель и новую одежду¹⁶.

Несмотря на смерти и болезни плененных чеченцев, на которых хотели обменять русского офицера, И.А. Клиндер в итоге все же был освобожден и доставлен в крепость Грозную 1 января 1850 г. Об этом он позднее написал: «Меня встретил воинский начальник крепости Грозной (Ф. Кульман) с маленьким отрядом. Я соскочил с коня; мы обнялись, поцеловались; я не мог говорить, на глазах навертывались слезы: в них была радость и молитва; в них было многое, многое, чего язык человеческий не в силах выразить!!!»¹⁷.

Российские военнопленные так же, как шапсуг, история которого была рассказана выше, предпринимали попытки к бегству. Русский офицер, дипломат и разведчик Ф.Ф. Торнау был захвачен в плен в 1835 г., в результате предательства проводника. Трижды предпринимавший попытки побега, изнуренный голодом, хищениями и болезнями, прикованный железной цепью с ошейником к стене в холодном неотапливаемом сарае, лишенный всех человеческих условий существования, он обрел в дни испытаний искреннюю дружбу и нежнейшую любовь, которой суждено было остаться безответной¹⁸. Барон Ф.Ф. Торнау был верен идее принесения себя в жертву ради пользы государства и поэтому он не только отказался менять веру и жениться на красавице Аслан-Коз, но и противился любым условиям выкупа (горцы требовали за него столько же золота, сколько весил узник). Была разработана целая операция по спасению барона. Дождавшись, когда он останется один, «спасатели» приступили к действиям: «Накинув на меня бурку и башлык, меня подняли на лошадь, тихим шагом выехали за ограду и, поместив посередине партии, поскакали по полю во весь опор. Через несколько мгновений темный лес закрыл нас; мы неслись с быстротою ветра; я ничего не мог разобрать и только чувствовал, как ветви хлестали меня по лицу»¹⁹. Таким образом в ноябре 1838 г. узник был похищен у кабардинцев ногайским князем Тембулатом Карамурзиным.

¹⁶ Осада Кавказа... С. 509–510.

¹⁷ Там же. С. 531.

¹⁸ Воспоминания кавказского офицера Ф.Ф. Торнау / сост. А.Г. Макарова. М., 2008. С. 9.

¹⁹ Там же. С. 419.

Ничуть не лучше, а даже хуже было положение русского писателя В.И. Савинова, который в 1843 г. оказался в плену у абхазского князя, жившего в «ауле Дазари», в верховьях реки Гумиста. Пленник позднее описал этот драматичный период своей жизни в воспоминаниях. Когда В.И. Савинов попал в плен, он был тяжело ранен, у него была раздроблена коленная чашка правой ноги. Придя в себя, он заметил, что пуля была вытащена с величайшей осторожностью. «Старая безобразная абазинка перевязывала мне рану, над которой только что окончил операцию горский хирург, употребив, быть может, при этом случае вместо всех инструментов свой неизменный кинжал»²⁰. Позднее российские врачи отметили, что операция была выполнена очень искусно.

Скоро В.И. Савинова перевели в аул Дазари, где начались его страшные муки: «Ночи проводил я скованный ржавою цепью, в сырой и грязной яме, которая была нарочно для меня выкопана подле не слишком роскошной сакли моего владельца. Цепь была тяжела и так коротка, что я должен был даже спать сидя... С выходом солнца, за мною приходил молодой пастух Юзеф, которому определили меня помощником. Но положение мое не улучшалось, когда, выходя на работу, я освобождался от тяжелой цепи, оставаясь только в наручниках; напротив, оно становилось хуже: пастух обходился со мною жестоко, беспрестанно приводя в движение, то язык свой, вооруженный ругательствами, то длинный арапник... Такие „ласки“ он щедро расточал мне за то, что родной брат его когда-то был убит казаками... Здесь я терпел столько, сколько может вынести человеческое терпение. Пищу я получал с того же блюда, с которого лакомились моя соседка — огромная борзая собака шайтан; она была единственным моим товарищем...»²¹.

В своих мемуарах пленники описывали не только свое положение, но и уклад горских селений, в которых их держали. Так, Н.А. Волконский после семилетнего плена (1849–1856 гг.) у горцев составил очерки политического и домашнего быта. В них приводится описание рынка в Итон-Кале. В начале пятидесятых годов эти

²⁰ Савинов В.И. Три месяца в плену у горцев... С. 5.

²¹ Там же. С. 13–14.

лавки имели щеголеватый вид. Любая из горских женщин могла найти в них все, что хотела. Шелковые материи разных сортов и цветов, бусы, ожерелья, часто весьма дорогие, галуны, разные шелка, иголки, булавки, гребни черепаховые и слоновые, – по большей части добытые, конечно, у русских и, нет сомнения, не всегда на чистую монету, – все это было к услугам чентынских красавиц²². Любой желающий, явившийся в отрепьях, но с полным кошельком, мог уйти из Итон-Кале в лучшей одежде, с оружием и на коне.

С.И. Беляев, попав в плен к чеченцам на десять месяцев, записал увиденное в своем дневнике. Его дневник содержит интересные сведения о наказаниях за преступление, обрядах свадьбы и погребениях, почитании старших и повседневном быте. Например, он писал: «Гостеприимство считается у них первым долгом, и отказать в чем-либо просящему грешно и стыдно; но лицемерие, вероломство и сребролюбие – отличительные их черты»²³.

Набеги и захват в плен порождали работорговлю. О невольничьих рынках на Северном Кавказе в начале XIX в. писал военный историк, участник битв за Кавказ Р.А. Фадеев: «Все страны Кавказа, и горы, и загорные области, находились в состоянии совершеннейшего хаоса; общество здесь распадалось не от внутреннего истребления, но от бесконечного и неслыханного внешнего насилия. Весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок»²⁴. Войска мамлюков и янычар состояли из былых невольников, вывозимых с Кавказа. Турецкие гаремы были переполнены кавказскими женщинами.

Работорговля и «пленопродавство» стало обычным явлением в Северокавказском регионе. О судьбах угнанных в плен казачек пишет А.А. Цыбульникова: «Линейные казачки достаточно часто становились объектом горских набегов, невольно включаясь в традиционную кавказскую систему торговли женщинами. Впрочем, известны случаи, когда нечистые на руку российские военные сами продавали горцам русских женщин, используя систему „пленопродавства“ в своих финансовых интересах»²⁵. Примером может

²² Кавказ: в плену у горцев... Т. 1. С. 188.

²³ Там же. С. 30.

²⁴ Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны... С. 16.

²⁵ Цыбульникова А.А. Судьбы линейных казачек в плену у горцев... С. 88.

послужить Марья Зеленская, жительница станицы Урупской, которую в 1855 г. два казака продали в горы. Женщина пробыла в плену 12 лет и только после окончания военных действий на Северном Кавказе смогла вернуться в родную станицу²⁶.

Судьбы линейных казачек в горах складывались по-разному. Плененные россиянки могли стать женами свободных горцев, их наложницами, женами рабов (а иногда супругами российских беглых военных) или просто работницами. Горцы очень редко женились на своих пленницах, чаще всего пленные казачки выходили замуж за попавших в неволю казаков или крестьян. Становясь пленницами горцев, казачки включались в традиционную кавказскую систему торговли женщинами. Их судьбы могли быть различными, но в целом они мало отличались от судеб рабынь кавказского происхождения²⁷.

Горянки же в большинстве своем не были против их продажи в качестве невольницы в Османскую империю. А.Ф. Швейгер-Лерхенфельд писал, что «черкешенки, проданные в рабство, не особенно жалеют о своей участи. Подобно грузинкам, они считают это избавлением от невыносимо тяжелых условий своей жизни на родине»²⁸.

Наряду с казачками в плен попадали и особы княжеских кровей. В 1854 г. во время нашествия скопищ Шамиля на Кахетию в плен была захвачена жена князя Д.А. Чавчавадзе А.И. Чавчавадзе с пятью детьми и гувернанткой мадам А. Дрансе. Последняя описала восьмимесячный плен в своих воспоминаниях. Имам Шамиль решил совершить обмен заложниками с Российской империей, обменяв благородных женщин на своего старшего сына Джамалуддина, а затем потребовал миллион серебром. А. Дрансе так описала данный прецедент: «Хотя Шамиль обладает многими превосходными качествами, я должна сказать здесь, что такое нарушение данного слова вовсе не соответствует его сану и доказывает, что он в этом отношении стоит нисколько не выше других азиатцев»²⁹.

²⁶ Цыбульникова А.А. Судьбы линейных казачек в плену у горцев... С. 88.

²⁷ Там же. С. 94.

²⁸ Цыбульникова А.А. Турецкие работоторговцы в процессах северокавказского пленопродавства... С. 281.

²⁹ Дрансе А. Пленницы Шамиля... С. 162.

Пока шли переговоры по обмену, Шамиль распорядился о предоставлении всех удобств своим пленникам. А. Дрансе написала позднее: «Человек этот, по приказанию которого нас оторвали от домашнего очага, сохранил в глазах наших, несмотря на перенесенное нами по его вине мучение, некоторую степень величия и уважения»³⁰.

Также в плену у Шамиля побывал писатель и журналист И.Н. Румянцев. Пока его личность оставалась неизвестной, он пребывал в тех же условиях, что и С.И. Беляев. Когда же его личность была установлена, и горцы узнали, что его отец богат и хочет выкупить И.Н. Румянцева, его перевели в туснак-хана к грузинам. Ивану Румянцеву было велено «внести за свою свободу двенадцать тысяч рублей исключительно серебряной монетой и возратить в обмен себя восемнадцать человек самых отчаянных разбойников-мюридов, попавших к русским в плен во время своих разбойнических набегов и давным-давно сосланных в Сибирь на каторжные работы»³¹.

Стоит сказать, что труд наследственных рабов и пленных у северокавказских народов применялся лишь в качестве вспомогательной силы. Основной рабочей силой выступали горцы-общинники. Обладание пленными может быть охарактеризовано в качестве социально-экономического уклада (В.Б. Виноградов называл его пленовладельческим)³².

Живя в среде горцев, пленники, несмотря на все ужасы нахождения в плену, познавали кавказские традиции, быт, овладевали языком горцев. А по возвращении на Родину они издавали свои воспоминания в периодических журналах, в газетах и в сборниках. Вытерпев все нечеловеческие мучения, причиненные им кавказцами, они выжили и были к тому же историками и этнографами поневоле, внесли глубокий вклад в историографию Кавказской войны, пополнив уже имеющиеся знания об этнографии народов Северного Кавказа. Поэтому стоит обратить более пристальное внимание на источники личного происхождения, оставленные пленными времен Кавказской войны.

³⁰ Дрансе А. Пленницы Шамиля... С. 80.

³¹ Кавказ: в плену у горцев... Т. 2. С. 154.

³² Дударев Д.С., Дударев С.Л. Дискуссионные вопросы... С. 23.

А.С. Мартынов

Донецкий национальный университет (Донецк)

**Украинский военный коллаборационизм в городе
Горловке в период нацистской оккупации
Донбасса (1941–1943 гг.)**

Статья посвящена проблеме украинского военного коллаборационизма в важном индустриальном центре Донбасса – городе Горловке – в период немецко-фашистской оккупации региона в 1941–1943 гг. Восполняя имеющийся пробел в донецкой региональной историографии, автор рассматривает деятельность местной вспомогательной полиции – «украинской службы порядка» (УСП) – и вспомогательных частей вермахта из числа «украинских добровольцев». Установлено, что обе эти категории военных коллаборационистов в Горловке формировались при активном участии «Организации украинских националистов» (ОУН), которая была инкорпорирована в оккупационную администрацию гитлеровцев. Исследование проведено на основе документов Государственного архива ДНР, расположенного в Донецке, в том числе – материалов оккупационных газет «Украинский Донбасс» и «Голос Донбасса», издававшихся резидентами ОУН и нацистами в Горловке.

Ключевые слова: украинский коллаборационизм, украинские националисты, ОУН, нацистская оккупация, Горловка, Донбасс.

В сентябре 2018 г. исполняется 75 лет освобождения крупного индустриального центра Донбасса – города Горловки – от немецко-фашистских захватчиков и их пособников. В реалиях современной войны в Донбассе, в ходе которой Горловка стала одной из главных «горячих точек», актуализируется проблема изучения исторического феномена украинского национализма и коллаборационизма на этих территориях. В данной статье рассматривается деятельность украинских военных коллаборационистов в Горловке в 1941–1943 гг. На основе документов Государственного архива Донецкой народной республики (ГА ДНР), а также имеющейся исторической литературы автор анализирует деятельность «украинской службы порядка» (УСП) и формирований «украинских добровольцев» на службе

вермахта в Горловке за время оккупации. Важными источниками по военному коллаборационизму в Горловке служат местные оккупационные газеты «Украинский Донбасс» (1941–1942 гг.) и «Голос Донбасса» (1943 г.), издававшиеся членами «Организации украинских националистов» (ОУН) фракции бандеровцев. Поскольку в Горловке находился областной штаб («провод») ОУН в Донбассе, украинский коллаборационизм здесь был распространен во всех его формах и структурирован в гораздо большей степени, чем в других городах Донецкого края.

Проблема украинского военного коллаборационизма в Горловке в исторической литературе в настоящее время изучена не в достаточной степени. Как правило, почти все имеющиеся на эту тему публикации (большая часть из них – тенденциозного националистического характера) посвящены политическому или культурному коллаборационизму, но не военному. Отрывочные сведения по военным коллаборационистам в Донбассе содержатся в исследовании львовского историка-националиста А. Боляновского «Украинские военные формирования в вооруженных силах Германии»¹. В украинской эмигрантской литературе одной из ведущих работ о деятельности ОУН на Востоке является книга бандеровца Л. Шанковського «Походные группы ОУН», изданная в 1958 г. в Мюнхене. Л. Шанковский сообщает о прибытии в феврале 1942 г. в Донбасс бандеровцев И. Клима и Е. Стахова, которые «при помощи находившихся на Донбассе украинских переводчиков при немецкой армии начали организовывать украинское самостийническое подполье». Далее Л. Шанковский пишет, что в мае 1942 г. подпольные ячейки ОУН существовали в Горловке и других городах Донбасса, а со временем подполье распространилось на Ворошиловградскую область и на Кубань². Работа Л. Шанковського содержит ряд интересных исторических фактов о политике ОУН на Востоке, однако проникнута украинским националистическим романтизмом, вопросы сотрудничества бандеровцев с гитлеровцами игнорируются.

¹ Боляновський А. Українські військові формування в збройних силах Німеччини (1939–1945). Львів, 2003. 686 с.

² Шанковський Л. Похідні групи ОУН. Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941–1943 рр. Мюнхен, 1958. С. 163.

Руководитель «провода» ОУН Бандеры в Донбассе Е. Стахив (умер в 2014 г. в эмиграции в США) оставил подробные воспоминания о своих «подвигах» в Донбассе и деятельности бандеровцев в Горловке, однако эти мемуары крайне тенденциозны, написаны в беллетристическом стиле и содержат много общих рассуждений автора, не отражая конкретики. При этом Е. Стахив приписывал себе создание известной антифашистской организации «Молодая гвардия» в Краснодоне, называя себя «последним молодогвардейцем». В книге Е. Стахива ничего не говорится об участии бандеровцев во вспомогательной полиции, прославлении Гитлера и национал-социализма в оккупационной прессе и т. д. По сравнению с книгой Л. Шанковского, где все же содержится определенный, хотя и тенденциозный, фактический материал, книга Е. Стахива представляет собой пропагандистскую работу демагогического характера. По утверждению Е. Стахива, в Донбассе бандеровцы имели гораздо больше влияния, чем советское подполье, и он лично за два года немецкой оккупации вообще не встречал сторонников И.В. Сталина³. Следует заметить, что Е. Стахив полностью игнорировал издававшуюся его же подчиненными местную украинскую профашистскую прессу.

В донецкой краеведческой литературе проблема украинского военного коллаборационизма в Горловке и Донбассе до 2000-х годов практически не рассматривалась. В исторических очерках известного горловского краеведа П.И. Жеребецкого 1993 г. и 2001 г. кратко излагается история города во время Великой Отечественной войны, но период оккупации характеризуется кратко, тема коллаборационизма не поднимается⁴. В 2001 г. была издана монография донецкого историка В.Н. Никольского о подполье ОУН Бандеры в Донбассе, основанная на архивных документах советских спецслужб. Работа В.Н. Никольского искаженно представляет ОУН в качестве «украинского национально-освободительного движения». Стоит отметить, что В.Н. Никольский рассматривал не саму историю ОУН в Донбассе, а только организационно-кадровую структуру донбасского

³ Стахів Є. Останній молодогвардієць. К., 2004. С. 272–273.

⁴ Жеребецкий П.И. Горловка в годы Великой Отечественной войны. Донецк, 1993. С. 18–24; Он же. Горловка. Донецк, 2001. С. 154–162.

подполья ОУН, причем преимущественно изучал архивные данные по Мариуполу, тогда как деятельность оуновцев в Горловке им почти не упоминается. Также В.Н. Никольский совершенно проигнорировал вопрос о причастности бандеровцев к преступлениям оккупантов; лишь в заключении автор замечает, что желательно изучить архивно-следственные дела на лиц, которые не подлежат реабилитации, – полицаев, пособников, агентов немецких карательных органов, определенная часть которых, как свидетельствуют архивные документы, принимала участие в деятельности ОУН⁵. В 2009 г. вышла вторая часть сборника документов «История Горловки в документах и материалах»: в разделе, посвященном истории города во время оккупации, были опубликованы некоторые материалы, в том числе архивные, о местном украинском коллаборационизме⁶.

В 2010 г. донецкими историками В.Е. Сусликовым и Д.Н. Титаренко была опубликована книга по истории Горловки в период Великой Отечественной войны и послевоенное время с приложением большого количества архивных документов, в том числе по местным украинским националистам. В историческом очерке к сборнику В.Е. Сусликов и Д.Н. Титаренко поместили небольшой раздел «Националистическое подпольное движение», в котором отметили, что идеология украинского интегрального национализма была близка фашистским идеям и не встречала поддержки населения, а сама структура ОУН в Горловке являлась малочисленной. При этом авторы не сообщают о причастности бандеровцев к преступлениям оккупантов, хотя и признают, что об актах саботажа, диверсий или проявлениях вооруженной борьбы против немцев со стороны ОУН в Горловке данных нет⁷. В 2014 г. вышла книга украинского историка-националиста из Донецкой области А. Добровольского «ОУН на Донетчине», в которой были опубликованы документы органов НКВД–НКГБ о подполье ОУН в Донбассе. Несмотря на политическую ангажированность А. Добровольского, изданный им сборник документов представляет определенный источниковедческий интерес, так как в нем

⁵ *Нікольський В.М.* Підпілля ОУН(б) у Донбасі. К., 2001. С. 134.

⁶ *Історія Горлівки в документах і матеріалах.* Ч. 2. Горлівка, 2009. С. 17–18, 27–29.

⁷ *Сусликов В.Є., Титаренко Д.М.* Горлівка в період Великої Вітчизняної війни та перші повоєнні роки (1941–1950): історичний нарис та джерела. Донецьк, 2010. С. 67–69.

впервые опубликованы архивные материалы советских спецслужб о подполье ОУН в Донбассе, причем эти материалы как раз свидетельствуют о коллаборационизме бандеровцев. В сборнике А. Добровольского опубликовано несколько архивных документов, относящихся к деятельности Горловского «провода» ОУН⁸.

Таким образом, в настоящее время деятельность украинских прогерманских военных формирований в Горловке полностью не исследована, однако уже имеется определенное количество исторических и документальных публикаций по данной тематике.

Оккупация Горловки гитлеровцами началась 2 ноября 1941 г. К тому времени в Донбасс в обозе немецких войск уже прибыли первые «походные группы» ОУН из Западной Украины, которые начали активно внедряться в местную оккупационную администрацию. В воспоминаниях о подпольной работе советского партизанского командира в Горловском районе С.Н. Щетинина об этом говорится следующее: «...2 ноября 1941 года фашисты вступили в Горловку. В гостинице обосновалось гестапо, а на заборах и стенах домов замелькали приказы немецкой комендатуры... Нарушители объявлялись партизанами и расстреливались без суда и следствия. Параллельно с оккупантами действовали украинские националисты, расклеивая свои лозунги и призывы к изгнанию из Донбасса русских»⁹. В декабре 1941 г. бандеровцами была создана местная оккупационная газета «Украинский Донбасс» с трезубцем на титульном листе, которая стала рупором украинской националистической пропаганды. В номере «Украинского Донбасса» от 18 декабря 1941 г. было опубликовано обращение за подписью «Украинские националисты г. Горловки» к Гитлеру и немецкой армии, в котором говорилось: «От всего искреннего украинского сердца благодарим руководителя немецкого народа, строителя могучей национал-социалистической Германии Адольфа Гитлера за оказание помощи украинскому народу в восстановлении вольной украинской державы. Клянемся, что отдадим все свои силы, а когда наступит потребность,

⁸ ОУН на Донеччині (збірник документів та матеріалів) / упорядник О.Б. Добровольський. Коломия, 2014. Т. I. С. 116–119, 207–211, 270.

⁹ Сусликов В.Є., Титаренко Д.М. Горлівка в період Великої Вітчизняної війни... С. 211.

то и собственную жизнь для того, чтоб на Украине никогда уже не стала нога московско-жидовских красных палачей». В том же номере было опубликовано обращение украинских националистов к учителям Горловки с призывом бороться за «украинскую самостийную державу» и лозунгами «Школы для украинцев!», «В украинской школе – украинский дух!»¹⁰. При участии ОУН в Горловке были созданы городская управа и ее органы, вспомогательная полиция, «украинский театр», «украинские школы» и другие организации.

Гитлеровцы установили в Горловке жесткий военно-полицейский режим с обязательной регистрацией местного населения и строгим регламентированием его обязанностей. Так, 25 декабря 1941 г. было опубликовано обращение военной комендатуры немецкой армии в Горловке к гражданскому населению с требованием придерживаться режима военного времени с шести часов вечера до шести часов утра; запрещалось укрывать бойцов и командиров Советской армии, оказывать им помощь, иметь радиоустановки и т. д. Все евреи должны были при выходе на улицу и в публичные места носить на руке ниже локтя белую повязку шириной 100 мм со знаком Давида¹¹.

Чтобы обеспечить контроль над оккупированной территорией, а также бороться с советскими партизанами и подпольщиками, гитлеровцы с самого начала оккупации начали использовать силовой ресурс местных «добровольцев» – полицаяв (шущманов), набранных из числа националистов, различных «антисоветских элементов» и просто маргиналов. Вспомогательная полиция в оккупированных восточных областях создавалась под руководством ведомства СС и полиции Третьего рейха, но в «зоне военной администрации» в Донбассе фактически подчинялась местным германским военным властям. На основании приказа Гиммлера от 6 ноября 1941 г. к охранной службе (шущманшафт) относились четыре категории «добровольцев»: 1) вспомогательная полиция, 2) охранные батальоны, 3) фабричная и добровольческая пожарная охрана, 4) вспомогательная охранная

¹⁰ Сусликов В.Е., Титаренко Д.М. Горлівка в період Великої Вітчизняної війни... С. 160–161.

¹¹ Історія Горлівки в документах і матеріалах... С. 16.

служба¹². Для выполнения охранных функций в Горловке была создана особая полиция – «украинская служба порядка» (УСП), в которую вошли члены ОУН. В июле 1942 г. в Донбассе действовали части «украинских казаков» в форме с синими шапками с золотыми крестами и бронзовыми трезубцами, с синими петлицами с желтой кромкой; эта милиция носила гражданскую одежду с сине-желтым ромбом на рукаве и литерами «ОД» – «охорона державы»¹³. Использование сине-желтой националистической символики и трезубцев было характерно для всех украинских коллаборационистов, в том числе и в Донбассе. Позднее, в сентябре 1942 г., в газете «Украинский Донбасс» комендант УСП Н. Губин опубликовал небольшую статью «На страже порядка», в которой излагалась предыстория создания этой полиции. В статье говорилось: «После освобождения немецкими и союзными войсками территории нашего района от большевиков была организована Украинская Служба Порядка. Ее заданием было помогать Немецкому Командованию в борьбе с партизанами и шпионами, грабителями и ворами, саботажниками и спекулянтами и обеспечить спокойное восстановление новой хозяйственной и культурной жизни украинского народа. Население Горловки и района активно помогало Украинской Службе Порядка в исполнении почетных заданий. В ее ряды вступили лучшие люди нашего народа. На протяжении всей зимы [1941–1942 г.], в ужасные морозы и метели, население охотно помогало расчищать пути, поставлять патроны и другие военные материалы на фронт. Немецкое Командование не один раз выражало свою благодарность жителям Горловского района за эту энергичную помощь фронту. Особенно большую работу провела УСП в районе по борьбе с партизанами – этими жидо-большевистскими врагами народа. Бессильные в открытом бою, эти бандиты своими террористическими актами пытались подорвать мощь непобедимой немецкой армии, повредить мирной восстановительной работе. Но напрасны были их попытки! Работники УСП вскрывали их и обезвреживали их дей-

¹² Боляновський А. Українські військові формування... С. 125.

¹³ Донбас під знаком свастики і тризуба // Маріупільська газета. 1942. № 98. 30 липня. С. 2.

ствия. Так, например, на шахте Кондратьевка, несмотря на большую конспирацию, был вскрыт центр партизанских отрядов, что должен был по заданию ЦК ВКП(б) оперировать в Донбассе»¹⁴. Данная пропагандистская статья коменданта УСП весьма наглядно демонстрирует, чем занималась в Горловке «украинская служба порядка»: боролась с советскими партизанами и пособничала гитлеровцам в насаждении режима оккупации. В донецком архиве сохранились некоторые документы Управления УСП в Горловке: «постовые ведомости украинской полиции гор. Горловки» за 1942 г. В этих материалах приводятся фамилии и имена полицаев, а также указаны их сторожевые посты и задачи: охрана отделений полиции, военнопленных, дорог, складов и так далее¹⁵. Украинские полицейские работали в тесном «боевом содружестве» с немецкими войсками. Например, в июле 1942 г. городская управа Горловки решила провести велосипедные соревнования в Горловском районе на дистанции 20 км. В газете «Украинский Донбасс» об этом сообщалось: «В велосипедных соревнованиях примут участие команды от украинской милиции, немецких военных частей и отдельные граждане. Команда и велосипедисты, которые займут первое место, будут премированы ценными подарками»¹⁶. Полицейские функции иногда выполняли украинские служащие других оккупационных учреждений. Так, в Ново-Горловке органами НКВД был арестован оуновец М.И. Прищепа, который работал секретарем старостата, а затем инспектором средних школ. Прищепа выявлял и регистрировал коммунистов и комсомольцев, передавал материалы на них в гестапо, в результате ряд комсомольцев был расстрелян немцами¹⁷. В газете «Украинский Донбасс» за сентябрь 1942 г. сохранилась его пропагандистская статья о торжественном открытии четырехклассной украинской школы им. Шевченко в Ново-Горловке: на празднике присутствовали представители ортскомендатуры, отслужил молебен священник, в заключение Прищепа поблагодарил ортскоменданта Горловки барона

¹⁴ Губін Н. На варгі порядку // Український Донбас. 1942. № 39. 5 вересня. С. 3.

¹⁵ Государственный архив Донецкой народной республики (ГА ДНР). Ф. Р-1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–58.

¹⁶ Велосипедні змагання // Український Донбас. 1942. № 32. 18 липня. С. 4.

¹⁷ ГА ДНР. Ф. 5000. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

фон Бранденштайна за поддержку¹⁸. К началу 1943 г. немцами в Донбассе были созданы другие украинские военные формирования: в Горловке – охранный батальон № 164 в 300 человек, в Ново-Горловке – батальон в 250 человек¹⁹.

Зимой 1943 г. между гитлеровцами и бандеровцами в Донбассе возникли определенные противоречия: немцы были недовольны претензиями ОУН на «самостийность», бандеровцы тяготились подчинением немцам и хотели создать собственные вооруженные формирования, складировали оружие и припасы. В феврале 1943 г. украиноязычная газета «Украинский Донбасс» была закрыта, вместо нее немцы открыли русскоязычную газету «Голос Донбасса» без трезубца, однако оуновцы продолжили работать и в этом издании. В 1943 г., в связи с разгромом вермахта под Сталинградом и на Кавказе, фронт начал постепенно сдвигаться на запад, приближаясь к Донбассу. Поражение германских войск на фронте и смещение регионального центра боевых действий непосредственно к Донецкому бассейну привело к двум характерным тенденциям: ужесточению военно-полицейского режима оккупантов и активизации создания прогерманских формирований «украинских добровольцев» для содействия вермахту. В июне 1943 г., согласно сообщению газеты «Голос Донбасса», германская полиция безопасности в Горловке была по-новому разделена на шесть участков: 1) восточная часть района с постами на шахте № 5 и в Железной Балке; 2) город Горловка; 3) Комсомольск с полицейским постом в Широкой Балке; 4) Никитовка, Зайцево с постами в Гольме и Бахмутке; 5) поселок Байрак; 6) Новая Горловка. Таким образом, полицейские посты охватывали не только Горловку, но и ее пригороды – Новую Горловку и поселки. В сообщении указывалось, что эти германские полицейские отделения усилены местной полицией (шума) и оказывают местному населению помощь и содействие²⁰. В это же время Горловская районная управа запретила предоставление квартир проезжим гражданам: теперь все приезжие

¹⁸ Прищепя М.І. Радісний день // Український Донбас. 1942. № 39. 5 вересня. С. 3.

¹⁹ Боляновський А. Українські військові формування... С. 203–205.

²⁰ Местная жизнь // Голос Донбасса. 1943. № 23. 11 июня. С. 4.

должны были останавливаться на ночлег лишь в специально отведенных для этого помещениях и с ведома старост. Контроль за исполнением этого распоряжения был возложен на полицию и старостаты²¹. Тогда же, в июне 1943 г., производились обыски у населения для изъятия военного имущества. Разрешения на поездки стали выдаваться «только в том случае, когда такая поездка делается в интересах германских властей»²². Оккупанты даже назначили осмотр всех лошадей Горловки и района: в случае невывода на осмотр лошадь подлежала конфискации, а владелец передавался полиции для наказания²³.

В 1943 г. в Донбассе и Горловке гитлеровцы активизировали организационную работу по созданию военных формирований «украинских добровольцев». Подобная работа велась в Донбассе уже в 1942 г., однако критическая для вермахта обстановка на фронте требовала все больших контингентов национальных коллаборационистов для содействия немецким войскам. Хотя «украинских добровольцев» именовали по-разному («украинские казаки» и т. д.), официальное их название – «Українське Визвольне Військо» (УВВ). В феврале 1943 г. немецким руководством была разработана присяга военнослужащего УВВ, в ней говорилось о борьбе против большевизма «на стороне немецких и союзных армий»; присяга давалась Гитлеру «как вождю и главному командующему освободительных армий на верность и безоглядное послушание»²⁴. В марте 1943 г. в газете «Голос Донбасса» была опубликована специальная передовица, в которой сообщалось: «Новый приток добровольцев в Германскую Армию: украинцев, казаков, татар, кавказцев и др. является ясным показателем понимания большинством опасности, грозящей ему от возвращения большевиков»²⁵. В апреле 1943 г., согласно документам Управления НКВД по Сталинской (Донецкой) области, в Донбассе немецкие власти уже проводили насильственную мобилизацию советских военнопленных в «германскую под-

²¹ Горловская районная управа. Объявление // Голос Донбасса. 1943. № 22. 4 июня. С. 4.

²² Местная жизнь // Голос Донбасса. 1943. № 24. 18 июня. С. 4.

²³ Осмотр лошадей // Голос Донбасса. 1943. № 25. 25 июня. С. 4.

²⁴ Боляновський А. Українські військові формування... С. 190.

²⁵ Наш путь // Голос Донбасса. 1943. № 12. 26 марта. С. 1.

собную армию»: для этого в лагерях военнопленных немецкие офицеры выделяли украинцев и представителей других национальностей и предлагали им добровольно вступить в германскую армию, при отказе шли угрозы²⁶. В мае 1943 г. в Берлине стал издаваться печатный орган УВВ – пропагандистская газета «Украинский доброволец». Уже в первом номере газеты утверждалось, что в ряды героических борцов за свободу Европы и против большевизма «вступает под своими флагами как организованная отдельная военная сила Украинское Вызвольное Войско, что в рамках несокрушимой Немецкой Армии объединяет железные ряды лучшего украинского юношества»²⁷. Газета «Украинский доброволец», естественно, распространялась и в Донбассе, но в донецком архиве ее номера не сохранились.

Формирования УВВ создавались как армейские отряды, но часто исполняли охранные и карательные функции в тылу вермахта, как и обычная «украинская полиция». Вполне логично, что организационно-кадровая структура УВВ создавалась гитлеровцами при помощи уже проверенных полицейских коллаборационистов. В качестве примера можно сослаться на члена ОУН в Горловке П.В. Горонескуля, который с приходом немцев добровольно поступил на службу в полицию, работал следователем, вербовал агентуру, выявлял коммунистов, партизан и подпольщиков, передавал их в СД, где они были расстреляны. С мая по август 1943 г. оуновец Горонескуль служил в «украинском добровольческом отряде», присягнул на верность Германии и охранял военные объекты германской армии в Краснодаре²⁸. Доброволец «украинского отряда» в Горловке С.А. Гуляев также служил командиром взвода полиции, занимался арестами и избиениями советских граждан, в июне 1942 г. по заданию немецкого командования был направлен для переброски в тыл Красной Армии²⁹. Следует отметить, что следственные дела П.В. Горонескуля и С.А. Гуляева были направлены в местное УНКГБ, то есть

²⁶ ГА ДНР. Ф. 326. Оп. 2. Д. 38. Л. 11.

²⁷ «Український доброволець» – орган Українського Визвольного Війська // Донецкий вестник. 1943. № 62. 30 мая. С. 4.

²⁸ ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 43. Л. 21а; Ф. 5000. Оп. 1. Д. 129. Л. 2.

²⁹ ГА ДНР. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 43. Л. 21а.

сейчас они должны храниться в нынешнем ведомственном архиве Министерства государственной безопасности (МГБ) ДНР, который в настоящее время недоступен для исследователей.

Летом 1943 г. в Горловке и Донбассе оккупанты и их пособники провели большую организационную и пропагандистскую работу по созданию отрядов УВВ. В этот период жалование «добровольцам» выдавалось три раза в месяц, через каждые 10 дней: стрелку – 325 руб., заместителю командира отделения – 450 руб., командиру отделения – 525 руб. Об условиях поступления в одну из «добровольческих частей» можно было узнать в местной комендатуре³⁰. Немецкая пропаганда сообщала, что «добровольцы» получали хорошее продовольствие, водку и ежедневную порцию табаку: «Борись вместе с Германией для победы твоей родины и вступай в ряды добровольцев»³¹. Семьям «добровольцев» и семьям уехавших в Германию осуществлялась выплата денежных пособий через биржу труда Горловки³². В пропагандистских материалах говорилось, что добровольцы в свободное от занятий время развлекались кино- и театральными постановками, имели свежие русские и украинские газеты, могли во всякое время посещать дома для германских солдат и учреждения германского Красного Креста³³. В августе 1943 г. «Голос Донбасса» опубликовал статью «Мужество, храбрость, честь» с восхвалением войск СС и вступивших в их ряды «добровольцев»³⁴. В том же номере была напечатана заметка о награждении трех «украинских добровольцев» в Ровно немецким «орденом храбрости», врученным им шефом СС и полиции³⁵. Подобная «реклама», видимо, имела целью стимулировать военный энтузиазм «украинских добровольцев».

В августе – сентябре 1943 г. в ходе Донбасской наступательной операции советских войск весь Донецкий бассейн был полностью

³⁰ Сегодня веселый день // Голос Донбасса. 1943. № 24. 18 июня. С. 3.

³¹ Как немецкий солдат // Голос Донбасса. 1943. № 25. 25 июня. С. 2.

³² Биржа труда. Объявление // Голос Донбасса. 1943. № 26. 2 июля. С. 4.

³³ Музыка и танцы // Голос Донбасса. 1943. № 28. 16 июля. С. 2.

³⁴ Мужество, храбрость, честь // Голос Донбасса. 1943. № 31. 6 августа. С. 3.

³⁵ Награждение украинских добровольцев за храбрость // Голос Донбасса. 1943. № 31. 6 августа. С. 3.

освобожден от немецко-фашистских захватчиков. 4 сентября 1943 г. части советского Южного фронта вошли в разрушенную фашистами Горловку, 22-месячный период оккупации города завершился. Осенью 1943 г. были подсчитаны потери мирного населения за годы оккупации Горловки. По данным Акта о совершенных злодеяниях во время оккупации на территории Горловки от 23 ноября 1943 г., из города было угнано в Германию 1 074 человека, также было расстреляно и повешено 178 человек. Кроме этого, в Горловке было обнаружено четыре массовых захоронения, в одном из которых были трупы детей от 7 до 14 лет. Всего по Горловке было расстреляно и повешено оккупантами 2 654 человека⁵⁶. Еще больше убитых было обнаружено в шахтных стволах под Горловкой. Согласно Акту обследования шурфа шахты «Узловая» Горловского района от 15 октября 1943 г., шурф на 118 метров был заполнен трупами убитых граждан, в ствол шахты оккупанты сбросили около 14 тыс. человек, в том числе женщин и детей⁵⁷. Таким образом, общее количество убитых гитлеровцами и их пособниками жителей Горловского района составляет почти 20 тыс. человек, и это без учета погибших в соседних городах Артемовске и Дзержинске, а также переведенных в другие концлагеря Донбасса, прежде всего в Сталино (Донецк). Ко всем этим преступлениям против мирного населения, а также к действиям против партизан и подпольщиков, были прямо причастны украинские военные подразделения.

На основе вышеизложенного фактического материала автор пришел к следующим выводам относительно украинского военного коллаборационизма в Горловке. 1) С ноября – декабря 1941 г. в Горловке и районе при участии гитлеровцев и резидентов ОУН были созданы и в течение всего периода оккупации функционировали охранно-карательные подразделения «украинской службы порядка» (УСП) – «украинская полиция» (милиция), причастная к преступлениям оккупантов. 2) Хотя личный состав полиции формировался из числа преступного и маргинального элемента без явной политиче-

⁵⁶ Сусликов В.Є., Титаренко Д.М. Горлівка в період Великої Вітчизняної війни... С. 325–327.

⁵⁷ Там же. С. 316–317.

ской окраски, руководителями и организаторами профашистской полиции в Горловке выступили именно бандеровские кадры. Вследствие этого ОУН несет историческую ответственность за пособничество нацистам в Горловке. 3) С украинскими полицейскими-коллаборационистами были тесно связаны отряды «Українського Визвольного Війська» (УВВ), создававшиеся для содействия германским оккупантам на фронте и в тылу. 4) Социальная опора для военного коллаборационизма в Горловке, очевидно, была недостаточной, в связи с чем оккупанты и их пособники вели активную агитацию в местных украинских газетах с целью привлечения сторонников на идеологической или материальной основе. 5) Поскольку отряды «добровольцев» часто находились в стадии формирования, в отличие от регулярной «украинской службы порядка», можно предположить, что украинские полицаи совершили гораздо больше гуманитарных преступлений по сравнению с армейскими «добровольцами», предназначенными для нужд вермахта. 6) Так как имеющиеся в Государственном архиве ДНР данные по украинским военным коллаборационистам в Горловке фрагментарны, для дальнейшего исследования данной проблемы необходимо рассекречивание архивно-следственных дел украинских националистов и других документов ведомственного архива Министерства государственной безопасности (МГБ) ДНР.

С.В. Кулинок

*Белорусский государственный архив
научно-технической документации (Минск)*

Подготовка немецкой разведывательно-диверсионной агентуры из числа советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны немецкие спецслужбы развернули на оккупированных территориях СССР активную деятельность по созданию секретных разведывательно-диверсионных школ и курсов, где готовилась квалифицированная агентура как для заброски в тыл Советского Союза и части Красной армии, так и для борьбы с партизанским и подпольным движением. Основной контингент вербуемых, особенно в первые годы войны, составляли советские военнопленные, которые содержались в многочисленных лагерях, созданных как на территории СССР, так и за его пределами. Научная новизна статьи заключается в комплексном анализе основных направлений подготовки агентуры: вербовки, обучения, обеспечения и результативности их деятельности. В научный оборот вводятся новые документы и данные, делается вывод о том, что на протяжении всей войны советские военнопленные составляли основной контингент вербуемых для агентурно-разведывательной работы.

Ключевые слова: абвер, агент, вербовка, военнопленный, лагерь, оккупационный режим, разведывательно-диверсионная школа.

В годы Великой Отечественной войны в немецком плену, по разным данным, оказалось от 4,5 до 5,7 млн советских солдат и офицеров. Из них около 57 % умерло от голода, холода, болезней и нечеловеческих условий содержания¹. Только на территории БССР в период оккупации действовало более 160 лагерей для советских военнопленных. Цель статьи – на основании достижений отечественной и зарубежной историографии, а также новых документальных источников изучить вопрос, связанный с привлечением

¹ *Пастушенко Т.* Дослідження проблеми радянських військовополонених у Другій світовій війні: погляд через призму історії повсякдення // Сторінки воєнної історії України : зб. наук. ст. Київ, 2011. Вип. 14. С. 37, 42.

немецкими спецслужбами советских военнопленных к разведывательно-диверсионной работе.

Впервые организация лагерей на Востоке была регламентирована военным приказом «О службе содержания военнопленных по плану „Барбаросса“» от 16 июня 1941 г. отдела вермахта по делам военнопленных. Это распоряжение регулировало полномочия службы содержания пленных и принципы, по которым следовало обращаться с ними, а также предусматривало создание лагерей, где их следовало размещать до максимального предела вместимости².

Лагеря отличались размерами, условиями содержания и функциональным назначением. Анатолий Деревинец вспоминал: «Нас ввели в Минский лагерь. Но это был вовсе никакой не лагерь. Это было огромное вытоптанное людьми поле, на котором, говорят, была картошка, которую уже давно пленные выцарапали из земли и съели. На огромном поле не было ни единого, хоть какого-нибудь строения и не было забора. С одной стороны поле было ограничено рекой с почти стоячей мутной, коричневого цвета водой, которую пленные пили. Здесь же на берегу было и ничем не отгороженное отхожее место. Не было даже ямы. С другой стороны стояли машины с пулеметами вместо изгороди. По ночам машины включали фары, освещая поле, на котором вповалку лежали пленные»³. По мнению немецкого исследователя К. Штрайт, существовало пять основных факторов, которые вызывали массовую гибель советских пленных: голод; совершенно неприемлемые жилищные условия; условия транспортировки; обращение, которому они подвергались; систематическое уничтожение определенных категорий пленных⁴.

Наглядным примером является описание Быховского лагеря, сделанное в августе 1941 г.: «В Быховском лагере находилось около 15 тысяч военнопленных, среди них старики и даже дети лет по 13–14.

² *Докунова Е.Н.* За колючей проволокой: дулаги, шталаги, офлаги // *Беларуская думка.* 2012. № 2. С. 94–95.

³ *Пастушенко Т.* Між виживанням та опором: повсякдення в'їськового полону в спогадах колишніх червоноармійців // *Сторінки воєнної історії України* : зб. наук. ст. Київ, 2012. Вип. 15. С. 166.

⁴ *Штрайт К.* Советские военнопленные в Германии // *Вторая мировая война: Взгляд из Германии: сб. статей.* М., 2005. С. 234.

Кормили очень плохо, в день давали по одному, а иной раз – по два сухаря с супом (вода и несколько крупинок пшена). Били палками, было два случая, когда в лагере немцы расстреляли пленных красноармейцев за то, что они без очереди лезли за водой, а за водой приходилось стоять в очереди по 10–12 часов. Люди мучались от зноя и от жары, от голода и от болезней»⁵. Паек для советских военнопленных в страшную зиму 1941–1942 гг. составлял 150 г хлеба и 50 г пшена в сутки, а иногда (раз в неделю) 10 г несортového мяса⁶.

В управлении каждого лагеря были созданы отделы: абвер, организационный, пропагандистский, производственный и санитарный. Абвер вербовал агентуру среди военнопленных; выявлял советских разведчиков; лиц, скрывавших принадлежность к политическому и командному составу РККА; евреев; а также враждебно настроенных к немцам и готовивших побег заключенных. Вместе с отделом пропаганды и службой безопасности абверовцы вели работу по созданию сети доносчиков, вербовке военнопленных в антисоветские воинские формирования. Возглавлял отдел офицер контрразведки. В функции заместителя офицера контрразведки входил контроль за внутренней и внешней охраной лагеря, проведение допросов.

Именно тяжелые условия содержания, а фактически – выживания, активно использовались абверовцами при вербовке. Тем, кто соглашался на сотрудничество, давали дополнительное питание, одежду, переводили в теплые помещения, освобождали от работ. В немецкой разведке считали, что агентуру из военнопленных можно быстрее подготовить для разведывательной работы и легче внедрить в части советской армии. Кроме того, многие красноармейцы соглашались на сотрудничество для того, чтобы затем вернуться в действующую армию.

Кадровый сотрудник немецкой разведки Пауль Леверкюн в своих воспоминаниях указывал: «Чаще всего в качестве агентов использовались военнопленные. Многие абверкоманды, пользуясь пе-

⁵ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 33 а. Д. 62. Л. 35.

⁶ Решин Л.Е. «Wlassow-Aktion», или Как германское командование пыталось разложить Советскую армию и ее тыл в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1992. № 3. С. 22.

риодами затишья на фронте, организовывали небольшие тренировочные лагеря и склады боеприпасов, где можно было инструктировать и оснащать перед заданиями агентов и диверсантов»⁷. Другой немецкий разведчик Эрвин Штольце после войны показал: «В целях расширения агентурной работы я предложил Канарису идею: развернуть вербовочную деятельность среди военнопленных Красной армии. Выдвигая такое предложение, я обосновывал его тем, что военнослужащие Красной армии морально подавлены успехами германских войск и фактом своего пленения, и что среди военнопленных найдутся лица, враждебные советской власти»⁸.

Например, на территории рейхскомиссариата «Остланд» сотрудники немецкой разведки активно работали в лагерях военнопленных в Риге, Каунасе, Вильнюсе, Шяуляе, Минске, Елгаве, Лиепае. Офицер контрразведки в Шталаге-350 (Рига) Вальтер-Отто Вагнер в 1948 г. на следствии показал: «В моем ведении находился специальный лагерь в Риге..., в котором содержались советские военнопленные, завербованные в качестве агентов-диверсантов из числа выявленных агентурным путем специалистов. По существу, этот спецлагерь представлял собой школу по подготовке агентов-диверсантов со специальными отделениями (как, например, радистов, подрывников и т. д.) и специально подобранными преподавательскими кадрами. Оттуда выпускались хорошо подготовленные агенты-диверсанты, которые по мере надобности забрасывались в тыл Красной армии на самолетах или использовались для ближней разведки»⁹.

Активное привлечение советских военнопленных к разведывательно-диверсионной работе начиналось с осени 1941 г. на территории всего Восточного фронта. Так, в сентябре 1941 г. в спецшколах Валга и Стренчи (Прибалтика) начиналась подготовка агенты, значительная часть которой вербовалась из числа пленных красноармейцев. Одновременно в школах обучалось до 150 человек,

⁷ *Левекюн П.* Германская военная разведка. М., 2011. С. 176–177.

⁸ Цит. по: *Гладков Т.* Тайны спецслужб III Рейха. М., 2004. С. 314–315.

⁹ *Крысин М.Ю.* Латышские «лесные братья» и немецкие спецслужбы. 1941–1956. М., 2016. С. 196.

длительность обучения составляла 2–3 месяца¹⁰. В ноябре 1941 г. советскими органами госбезопасности был арестован некто Смирнов, уроженец Калининской области, который на допросе показал, что немцы в лагерях военнопленных в Великих Луках и Торопце из числа заключенных красноармейцев готовили диверсионные группы для направления в советский тыл¹¹. На территории БССР военнопленные впервые стали привлекаться к разведывательной работе в спецшколе в Борисове. По показаниям прибывшего из тыла разведчика Родина-Орлова было установлено, что «перед вербовкой в школу военнопленные проверяются в лагерях на практическом деле. Можно привести такой пример: военнопленный назначается из желающих быть охранником лагеря и когда уже немцы убедятся, что он действительно им служит честно, ему предлагают вступить в эту школу. Срок обучения 3 месяца. Курсанты распределены по разным группам. Обучение происходит группами по 2–3 человека не больше»¹². В конце 1941 г. подготовка агентуры из военнопленных осуществлялась в Полтавской школе и в учебном центре в селе Волноваха (Украина)¹³. Только за период с 22 июня по 28 декабря 1941 г. особым отделом НКВД Западного фронта было арестовано и разоблачено 505 агентов немецкой разведки, из них 380 – из военнопленных, переброшенных через линию фронта¹⁴.

Еще более активно к агентурной работе советские военнопленные стали привлекаться с весны 1942 г. В это время они обучались в учебных центрах в Кайла-Юа (Эстония), Артемовске, Мелитополе (Украина), Тавеле (Крым)¹⁵. Отметим, что в местечке Тавель (18 км от Симферополя) подготовка разведчиков, диверсантов и радистов велась по национальному принципу. В первую очередь вербовались

¹⁰ Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь, 2011. С. 303.

¹¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 12–13.

¹² НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1296. Л. 10–10 об.

¹³ Белоусов М.А. Об этом не сообщалось...: Записки армейского чекиста. 3-е изд. М., 1989. С. 56.

¹⁴ Плеханов А.М., Плеханов А.А. Солдаты незримых сражений. М., 2015. С. 305.

¹⁵ Белик И.К. Немецкая разведка является довольно сильным противником // Исторический архив. 2000. № 5. С. 49.

уроженцы Грузии, Армении, Азербайджана и Северного Кавказа. Всего в школе насчитывалось до 150 курсантов¹⁶. Агентура готовилась для действия по двум основным направлениям: для отправки в тыл Советского Союза и части Красной армии, а также для внедрения в партизанские формирования и подпольные структуры.

В разведывательной сводке штаба партизанского движения на Калининском фронте от 18 марта 1943 г. сообщалось: «В Смоленске и Ярцево работают школы разведчиков. В Смоленской школе обучаются лица, отобранные в лагерях русских военнопленных из числа бывших командиров РККА по званию от лейтенанта и выше. Отбор производился офицерами гестапо. Летом 1942 г. из этой школы было выпущено 32 человека, которые предназначались для засылки в наш тыл с различными заданиями, в том числе внедрение в РККА на командные должности. Некоторые были посланы в партизанские отряды Смоленщины с легендой бежавших из лагерей военнопленных»¹⁷.

В отчете одного из партизанских отрядов, действовавших на территории БССР, за первые семь месяцев 1943 г. указывалось, что в Гомеле, Минске, Могилеве, Бобруйске, Борисове работали специальные школы гестапо, готовившие агентуру для засылки в партизанские формирования. Набирали в эти школы в основном военнопленных. Там они изучали историю окружения на территории Беларуси частей Красной армии, составляли легенды и группами в 3–5 человек высылались в партизанские отряды под видом военнопленных с целью разведки и террора. Далее в отчете сообщалось: «Столкнулись мы также с таким фактом. В мае 1943 г. был задержан в Черкесских лесах военнопленный Власов Николай Ильич, искавший местонахождение партизанского отряда Федорова. На допросе Власов показал, что побег из Черниговского лагеря военнопленных № 120 слегендирован гестапо. Ему и его товарищам была поставлена задача – проникнуть в соединение Федорова, разведать все, что необходимо[,] и при первой возможности бежать. Все были расстреляны. Получили также агентурные данные, что из Гомельского лагеря военнопленных во время бомбежки Гомеля

¹⁶ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. Книга 1. СПб., 2003. С. 252.

¹⁷ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 857. Л. 37 об.

советскими самолетами был слегендирован побег 150 военнопленных – агентов гестапо, засланных в партизанские отряды Гомельщины и Полесья»¹⁸.

В спецлагерях и секретных школах готовилась агентура широкого профиля. Учебные дисциплины различались, однако можно привести перечень «типовых» предметов, которые преподавались курсантам: организация, комплектование и вооружение Красной армии; политико-моральное состояние личного состава Красной армии; транспорт СССР; промышленные и военные объекты; военная топография; организация и деятельность советской контрразведки; способы переброски агентуры в тыл Красной армии и методы легализации; добыча и передача разведывательных данных; методы конспирации; радиодело и работа на ключе (для радистов); история партизанских отрядов; составление радиограмм, донесений и отчетов; развитие слуховой и зрительной памяти; физическая подготовка; история НСДАП и «Новый порядок» в Европе. В ряде школ преподавали основы фармакологии и работу с отравляющими веществами¹⁹.

Обмундирование курсантов также значительно отличалось в зависимости от поставленных задач. Приведем пример снабжения агента-радиста, обучавшегося в разведшколе в Борисове. При отправке в тыл все агенты снабжались черным хлебом крестьянской выпечки, салом, колбасой и копченостями, спиртом, шоколадом в плитках, махоркой, спичками, газетами, карандашами, бритвами, ножами. Радисты-телеграфисты в обязательном порядке снабжались компасами (русскими и немецкими), немецкими карманными фонариками двух марок и часами. «Все парашютисты имели по две пары белья, одна – на себе, другая – в запасе. Белье исключительно русское. Для работы в тылу Красной армии радисты-телеграфисты снабжаются следующей аппаратурой. Радиостанцией двух типов: а) советской типа «Север»; б) немецкой коротковолновой радиостанцией мощно-

¹⁸ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 254. Л. 34 об.

¹⁹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 36. Л. 16–17; Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150. Л. 12–22.

стью в три ватта с диапазоном волн приема-передатчика от 43 до 83 метров, передатчик кварцевый, работает дуплексом»²⁰.

Подготовка агентов-военнопленных еще более активизировалась с конца 1943 г. Начальник Белорусского штаба партизанского движения П. Калинин в спецсообщении на имя П. Пономаренко отмечал, что «в г. Рославль находится школа гестапо, шпионско-диверсионного направления со сроком обучения в 6 месяцев. В школе обучаются военнопленные из числа лиц среднего состава Красной армии. По окончании школы слушатели направляются через линию фронта с задачей проникновения в ряды Красной армии под видом партизан, бежавших из лагерей военнопленных, беженцев из оккупированных городов с целью совершения террористических актов по отношению к офицерскому составу путем отравления, морального разложения и организации массовых переходов бойцов Красной армии на сторону немцев в период их наступления»²¹.

Имели место случаи, когда военнопленных привозили из лагерей на территории Германии и Польши, а затем обучали в спецшколах «на месте», либо могли доставлять уже подготовленных агентов и распределять им задания на территории СССР. Так, 7 ноября 1943 г. в Минск из Германии прибыл эшелон с русскими военнопленными в количестве 300 человек. Захваченный партизанами из этого числа военнопленных Яков Моногаров показал, что все 300 человек, прибывшие в Минск из Германии, окончили специальные разведывательные школы в городах Кельн, Штатгард и других, после чего были направлены в БССР для разведывательной и террористической деятельности против партизан, а также для переброски на советскую территорию²².

Несколько выпусков агентов-военнопленных было в 1944 г. из школ в Минске. В начале января один из учебных центров окончило 1600 агентов, в том числе большое количество военнопленных²³. В мае этого же года из школы, расположенной в военном городке Козырево, состоялся выпуск 17 агентов, которые под видом красно-

²⁰ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 21. Д. 150. Л. 40 об. – 43, 49.

²¹ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56. Л. 1–3; Ф. 1450. Оп. 21. Д. 1. Л. 131; 133 об. – 134.

²² НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 102. Л. 9; Ф. 1450. Оп. 2. Д. 56. Л. 7.

²³ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 30. Л. 539.

армейцев и командиров были заброшены в тыл СССР с задачей разведки аэродромов²⁴.

Подводя итог, укажем, что на протяжении всего периода Великой Отечественной войны военнопленные красноармейцы и офицеры составляли основную базу для вербовки немецкими спецслужбами своей разведывательно-диверсионной агентуры. Эта ситуация была характерна для всех регионов СССР. Обучение происходило в специальных школах и на курсах, которые отличались объемом и сроками подготовки и часто имели узкоспециализированный профиль. Точная цифра подготовленной агентуры пока в исторической науке не установлена. По приблизительным подсчетам автора, агенты-военнопленные составляли от 60 до 70 % от общего количества подготовленных шпионов. Укажем на то, что немецкая агентура после отправки в тыл СССР и части Красной армии часто добровольно сдавалась советским органам госбезопасности. До середины 1942 г. каждый третий агент, перейдя линию фронта, спешил сдать милиции, чекистам или представителям власти. К 1943 г. их количество увеличилось до 45 процентов²⁵. В партизанских соединениях такая тенденция практически не наблюдается.

²⁴ НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 62. Л. 74–74 об.

²⁵ Разин А.В. Становление и развитие радиоигр на начальном этапе Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 2005 год. М., 2006. С. 43.

А.В. Колобова

Санкт-Петербургский государственный университет

**Взаимодействие Межпарламентской Ассамблеи СНГ
с общественностью государств-участников СНГ
в 1992–1995 гг.**

В статье рассматривается взаимодействие Межпарламентской Ассамблеи СНГ (МПА СНГ) с общественными объединениями государств Содружества. Отмечается, что общественное мнение сыграло важную роль при образовании межпарламентской организации. Указывается на стремление МПА СНГ сплотить вокруг себя заинтересованную в сотрудничестве общественность СНГ, оказывать ей поддержку. Обращается внимание на привлечение профессионалов из среды общественных организаций к разработке модельных актов Ассамблеи, влиявших на национальное законодательство государств Содружества. Делается вывод о том, что МПА СНГ придавала большое значение сотрудничеству с общественными организациями стран Содружества, видя в этом залог будущей политической интеграции.

Ключевые слова: СНГ, МПА СНГ, интеграция, общественные объединения, парламентаризм.

После распада Советского Союза многие граждане новых независимых государств надеялись на активное сотрудничество между бывшими союзными республиками, сохранение личных связей между людьми, проживающими ныне в разных государствах. Это становилось важным фактором, влиявшим на политику правящих кругов, и побуждало органы власти стран СНГ искать способы взаимодействия друг с другом. Одним из механизмов развития связей стала Межпарламентская Ассамблея СНГ (МПА СНГ). В настоящее время в условиях сложных отношений между государствами Содружества представляется важным обратиться к опыту Межпарламентской Ассамблеи, который может оказаться полезным при решении проблем в деле развития связей между республиками СНГ, разработки механизма общественного участия в принятии конкретных решений по волнующим граждан вопросам.

Темы, связанные с работой Межпарламентской Ассамблеи СНГ, являются мало изученными. Из крупных исследований, посвященных непосредственно данной организации, можно назвать кандидатскую диссертацию В.И. Балакиревой¹, касающуюся общих вопросов деятельности Ассамблеи. Некоторые сведения о работе МПА СНГ можно почерпнуть из трудов, рассматривающих проблемы интеграции стран СНГ в целом². Прояснить ряд вопросов позволяют исследования, посвященные самому феномену межпарламентских организаций в современном мире вообще и на постсоветском пространстве в частности³. В основном же деятельность Ассамблеи приходится восстанавливать на основе источников, основной массив которых представляют материалы, хранящиеся в фонде МПА СНГ Центрального государственного архива Санкт-

¹ Балакирева В.И. Межпарламентская Ассамблея СНГ как международный институт политической консолидации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. СПб., 2002. 17 с.

² Барковский А. Н. Модели внешнеэкономических связей стран СНГ и их влияние на интеграционные процессы в Содружестве. М., 2003. 92 с.; Состояние и перспективы развития межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников СНГ (информационно-аналитический доклад). М., 2004. 126 с.; Айбазова Ф.У. Содружество Независимых Государств – новая форма межнациональной интеграции // Вестник РУДН. Серия: История России. 2008. № 2. С. 125–133; Касюк Л.А. Активизация интеграционных процессов на постсоветском пространстве как фактор противодействия политике США в условиях перехода от биполярного к многополярному миру // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 25. С. 51–73; Бельянинов А.Ю., Мантусов В.Б. Интеграция стран СНГ: этапы, условия и предпосылки взаимодействия. М., 2012. 144 с.; Косов Ю.В., Торопыгин А.В. Содружество Независимых Государств: интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М., 2012. 296 с.; Тиунов О.И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Журнал российского права. 2012. № 8. С. 92–98.

³ Хабаров С.А. Международные парламентские организации (правовые аспекты). М., 1995. 250 с.; Саидов А.Х. Межпарламентские организации мира. М., 2004. 352 с.; Виноградова А.А. Межпарламентские институты: критерии и классификации // Обозреватель–Observer. 2012. № 6. С. 90–106; Она же. Межпарламентские институты: динамика развития // Обозреватель–Observer. 2012. № 12. С. 75–92; Мурзакулова А.Д. Межпарламентские институты в процессе интеграции СНГ // Евразийская экономическая интеграция. 2012. № 2. С. 62–67; Калинина Н.В. Межпарламентское измерение интеграционных процессов на постсоветском пространстве // Вестник КРСУ. 2016. № 6. Т. 16. С. 150–154; Сергеев А.И. Межпарламентская Ассамблея СНГ как фактор укрепления интеграционного взаимодействия // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1. С. 12–25.

Петербурга (ЦГА СПб)⁴. Данные источники впервые вводятся в научный оборот. Углубить исследование помогают и разные виды опубликованных источников, нормативные и делопроизводственные документы, периодическая печать, мемуары, статьи и интервью.

Одной из причин создания Межпарламентской Ассамблеи СНГ стало достаточно распространенное среди населения бывших союзных республик представление о необходимости сближения между ставшими независимыми государствами. Люди присылали письма в газеты, в которых выражали свою позицию по вопросу дальнейших отношений суверенных республик друг с другом. Например, З. Калинина из Новокузнецка писала в «Российскую газету»: «Я приветствую Соглашение о создании Содружества независимых государств. Но главное, что надо понять политикам (люди это понимают), – мы должны быть вместе»⁵. Другое письмо принадлежит С. Волгину из Астрахани, который так оценивал образование Содружества: «Возродился новый союз – СНГ. Возродилась надежда народа на улучшение политической и экономической ситуации, на счастливую жизнь»⁶. Причем авторы писем винули политических лидеров государств Содружества в том, что процесс налаживания контактов в рамках СНГ оказался довольно сложным. Так, Е. Леонтьева вслед за З. Калининой указывала, что «интересы политиков оказываются превыше кровных связей»⁷. Показательно, что подобные интеграционные настроения довольно долго держались в общественном сознании. Так, согласно данным социологического опроса, проведенного в 1997 г. после состоявшейся в Кишиневе встречи руководителей стран-членов СНГ, подавляющее большинство россиян (81 %) полагало, что России нужен союз с бывшими республиками СССР⁸. Исследователи уже в 1994 г. обращали внимание на преобладание тенденции к большей интеграции, которая основывалась «на чувствах и настроениях десятков миллионов людей в бывших совет-

⁴ Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 10152.

⁵ Мы должны быть вместе // Российская газета. 1992. 23 января. С. 3.

⁶ Строки из писем // Российская газета. 1992. 28 января. С. 3.

⁷ По второму заходу // Российская газета. 1992. 26 марта. С. 7.

⁸ Докторов Б.З., Ослон А.А., Петренко Е.С. Эпоха Ельцина: Мнения россиян: Социологические очерки. М., 2002. С. 50.

ских республиках, сохраняющих и сейчас культурную, духовную и историческую общность»⁹.

Такой общественный настрой не мог не влиять на позицию парламентариев, ответственных перед своими избирателями. Это подводило их к мысли о необходимости создания органа межпарламентского сотрудничества.

С момента своего образования 27 марта 1992 г. Межпарламентская Ассамблея позиционировалась парламентариями именно как организация, выражающая интересы большинства населения, заинтересованного в расширении контактов между бывшими союзными республиками. В определенной степени можно говорить, что акцентирование внимания на представительной составляющей МПА СНГ являлось средством идентификации представительного органа Содружества. Например, Председатель Межпарламентской Ассамблеи Р.И. Хасбулатов на пресс-конференции по окончании первого пленарного заседания 16 сентября 1992 г. следующим образом оценивал итоги ее деятельности на тот момент: «Ассамблея приняла очень серьезные решения, можно даже сказать – стратегические решения. Наверное, это тоже объективно обусловлено, в этом выражалась воля наших народов»¹⁰. Упор на данный компонент помогал парламентариям найти свое место в системе органов СНГ, позволял определить сферу действия МПА СНГ, ее полномочия и механизмы деятельности. Во многом процесс становления Ассамблеи проходил через сравнение с исполнительными структурами Содружества. Представительный компонент становился важнейшей отличительной особенностью данного института, позволявшей ему рассчитывать на собственное место в СНГ. Не случайно Председатель Верховного Совета Казахстана С.А. Абдильдин отме-

⁹ Адамишин А.Л. Приоритетные направления внешней политики России // Переходные процессы. Проблемы СНГ (альманах «Форум»). М., 1994. С. 87.

¹⁰ Пресс-конференция Председателя Совета МПА СНГ, Председателя Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатова, руководителей парламентских делегаций государств-участников СНГ, 16 сентября 1992 года // Стенографический отчет. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. Первое пленарное заседание, 15–16 сентября 1992, г. Бишкек, Республика Кыргызстан. М., 1992. С. 54.

чал: «Президенты делают свое дело. Но только депутаты, высшая представительная власть, могут встать на защиту прав человека, его жизненных интересов»¹¹. Впоследствии новый Председатель Совета МПА СНГ В.Ф. Шумейко в программной речи на четвертом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи 18 марта 1994 г. говорил, что Парламенты и Ассамблея обладали уникальными возможностями как органы, в которых «представлены интересы широкого спектра политических и общественных сил»¹².

Необходимо отметить, что связи с общественностью стран СНГ проявлялись не только в формировании национальных парламентов путем демократических выборов, в ходе которых граждане государств Содружества отдавали свое предпочтение конкретным политическим деятелям или определенным политическим объединениям. Сама Межпарламентская Ассамблея немало сделала для привлечения общественности к своей деятельности. Регламент МПА СНГ, принятый на первом пленарном заседании в сентябре 1992 г., установил возможность предоставления статуса наблюдателя представителям парламентов государств Содружества, не являвшихся членами Межпарламентской Ассамблеи, и представителям парламентов зарубежных государств, не входивших в СНГ, а также общественным организациям этих стран¹³. За период 1992–1995 гг. статус постоянных наблюдателей получили такие организации, как Союз организаций ветеранов независимых государств, Международная конфедерация театральные союзов. Ассамблея активно сотрудничала с Всеобщей Конфедерацией Профсоюзов, с Советом руководителей информационных агентств, Комитетом ветеранов подразделений особого риска. При выборе организаций, претендовавших на статус постоянного наблюдателя, парламентарии руководствовались принципом их нейтральности. Как указывал Генеральный секретарь МПА СНГ М.И. Кротов, «в наблюдатели нужно принимать

¹¹ Разгуляев Ю. Объединения требует народ // Правда. 1992. 17 сентября. С. 1.

¹² ЦГА СПб. Ф. Р-10152. Оп. 1. Д. 35. Л. 101.

¹³ Регламент Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: www.cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=135 (дата обращения: 22.06.2018).

организации, которые в политической борьбе не участвуют»¹⁴. В связи с этим вполне понятно, почему Межпарламентская Ассамблея не искала более тесного взаимодействия с политическими партиями, пусть даже и выражавшими свою поддержку ее деятельности. Например, в 1993 г. на заседании Правления Международного движения демократических реформ было принято решение «обратиться в Межпарламентскую Ассамблею стран СНГ с предложением учредить при Ассамблее комиссию по связям с политическими партиями»¹⁵. Однако МПА СНГ не рассматривала подобное предложение.

Это было связано с тем, что Ассамблея ставила перед собой несколько другие задачи. Она стремилась привлечь к своей работе широкий круг общественных организаций стран СНГ, видя в них интеграционный потенциал. Не случайно В.Ф. Шумейко говорил по этому поводу: «Еще олимпийское движение подтянуть – спорт. И женщин, без женщин вообще нельзя. Все, что объединяет, надо привлекать»¹⁶. По существу речь шла о создании социальной опоры Межпарламентской Ассамблеи СНГ. Учитывая же специфику деятельности данной организации, нужно признать, что парламентарии пытались сплотить вокруг МПА СНГ людей, заинтересованных в сближении государств Содружества. Именно от их активности во многом зависело будущее развитие отношений между странами СНГ. По сути парламентарии сделали ставку на интеграцию на низовом уровне. Такая позиция соответствовала распространенному в те годы представлению, согласно которому ход интеграции по большей части зависел не от действий политических органов, а от сотрудничества общественных организаций, предпринимателей. Так, исследователями указывалось, что освобождение от жесткой политической зависимости дает возможность интеграционным процессам «идти снизу – в сторону экономического, информационного, культурного сотрудничества»¹⁷.

¹⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-10152. Оп. 1. Д. 36. Л. 68.

¹⁵ Хроника многопартийности // Обозреватель–Observer. 1993. Вып. 9. С. 8.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-10152. Оп. 1. Д. 36. Л. 69.

¹⁷ Жилин Ю.А. СНГ: вехи развития // Переходные процессы. Проблемы СНГ (альманах «Форум»). М., 1994. С. 103.

В этой ситуации за политическими институтами оставалась задача обеспечения необходимых условий, благоприятных для развития контактов между разнообразными объединениями стран СНГ. Межпарламентская Ассамблея же стремилась оказывать еще и материальную поддержку их деятельности. Для этих целей был создан Гуманитарный фонд Содружества, который учреждался как неправительственная некоммерческая организация, аккумулировавшая денежные и материальные средства для «оказания гуманитарной помощи и содействия развитию науки, культуры и образования в странах-участницах СНГ»¹⁸. Помимо прямой задачи фонда, нельзя не отметить, что с образованием подобной организации МПА СНГ получила возможность принимать решения, связанные с финансовыми затратами, не имевшим отношения непосредственно к организации работы Ассамблеи, независимо от исполнительных структур Содружества. Гуманитарная деятельность создавала Межпарламентской Ассамблее положительный имидж в глазах общественности стран СНГ, способствовала популяризации деятельности Ассамблеи в бывших союзных республиках.

Более того, МПА СНГ привлекала общественные организации к своей работе. Здесь следует указать, что основным инструментом деятельности Межпарламентской Ассамблеи был рекомендательный (модельный) законодательный акт, представлявший собой модель регулирования определенных правоотношений, которая могла использоваться национальными парламентами при создании собственного закона по затрагиваемой модельным актом проблеме. В условиях отсутствия собственного законодательства по многим вопросам общественной жизни, объяснявшегося недавним образованием независимых государств, модельные акты МПА СНГ оказывали серьезное воздействие на национальные законы государств Содружества. В теории призванные способствовать гармонизации законодательств государств Содружества, на практике модельные законы Ассамблеи часто ложились в основу национальных нормативно-правовых актов стран СНГ. В результате, как отмечал

¹⁸ Информация к вопросу об учреждении Гуманитарного фонда Содружества Независимых Государств // Информационный бюллетень МПА СНГ. 1994. № 4. С. 21.

М.И. Кротов, долгое время занимавший пост Генерального секретаря МПА СНГ, модельные акты Ассамблеи, по сути, составляли «основу для подготовки национальных законов, согласованных в рамках Содружества»¹⁹.

К разработке рекомендательных законодательных актов привлекались представители общественных объединений стран СНГ. По свидетельству секретаря Постоянной комиссии МПА СНГ по вопросам культуры, науки, образования и информации К.А. Пшенко, в этом вопросе существовала взаимная заинтересованность: представители общественных организаций хотели быть услышанными, хотели, чтобы их мнение было учтено при разработке того или иного документа, затрагивавшего сферу их профессиональной деятельности, а разработчики модельных законов нуждались в специалистах, которые были «в теме»²⁰. В результате этого, учитывая влияние модельных законов Межпарламентской Ассамблеи на национальное законодательство государств Содружества, оказалось, что общественные деятели вносили свою лепту в создание национальных законов. Принимая во внимание то, что перед парламентариями стояла задача создания нового законодательства, отражавшего реалии перехода к рыночным отношениям во всех сферах общественной жизни, можно говорить об участии представителей общественных объединений в процессе обновления законодательства, ухода от практики советского времени.

Итак, получается, что Межпарламентская Ассамблея СНГ активно взаимодействовала с общественностью государств Содружества. С одной стороны, она привлекала представителей общественных объединений, профессионалов своего дела, к разработке модельных законов, которые часто становились основой национальных нормативных актов. С другой стороны, МПА СНГ стремилась объединить вокруг себя политически нейтральные организации, поддерживала их деятельность, так как была заинтересована в усилении связей между республиками. Во многом парламентарии исходили из того,

¹⁹ Кротов М.И. Реформы и интеграция: опыт и результат // Рабочая трибуна. 1995. 15 сентября. С. 4.

²⁰ Из диктофонной записи интервью К.А. Пшенко, записанного автором статьи 19.12.2017 // Из личного архива автора.

что именно за счет налаживания подобных контактов будет идти процесс интеграции, который спустя время, возможно, приведет к образованию некоего политического объединения стран СНГ. Причем само решение о переходе к более высокой форме интеграции должны были принимать граждане государств Содружества. Не случайно Председатель парламента Республики Молдова П.К. Лучинский на пресс-конференции по итогам заседания Совета МПА СНГ говорил, что по прошествии времени, с ходом постепенного сближения республик «произоидет тот естественный процесс, который уже выберет сам народ»²¹. Это свидетельствует о подчеркнутом стремлении органа межпарламентского сотрудничества к большей демократичности, к проявлению именно представительного характера своей деятельности, вытекающего из выборного способа формирования национальных парламентов.

²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-10152. Оп. 1. Д. 49. Л. 249.

Теория и методология истории

Т.А. Кебак

Новосибирский государственный педагогический университет

Репрезентации «иностранческого» населения Сибири на страницах изданий Русского географического общества 1920-х – 1930-х годов: методология и источники

В статье представлен опыт реконструкции образов «иностранческого» населения Сибири в изданиях Русского географического общества (РГО) в первые два десятилетия советской власти. На основе анализа периодических изданий РГО и его сибирских отделов, к которым практически не обращались историки, автор приходит к выводу о том, что, во-первых, количество этнографических исследований в основных изданиях сокращалось в связи с запросом новой власти на изучение экономического потенциала региона и другим пониманием науки географии по сравнению с дореволюционным периодом. Этнографические исследования начинали публиковать в специальных периодических изданиях. Во-вторых, представления об «иностранцах» по сравнению с дореволюционным периодом претерпели небольшие изменения, добавив идеологический аспект. В статье также рассматривается потенциал применения новой интеллектуальной истории к научным текстам.

Ключевые слова: репрезентации «иностранческого» населения Сибири, Русское географическое общество.

Исследование сибирских «иностранцев» имеет давнюю традицию, которую заложили во второй половине XIX в. представители областнического движения. Стремление изучить и спасти туземное население от негативного влияния русских и вымирания стало одной из ключевых идей сибирских интеллектуалов дореволюционного периода. В условиях становления новой власти после 1917 г., когда еще не была ясно сформулирована политика в отношении «иностранческого населения», об их положении первыми заговорили этнографы. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся исследо-

вателями на страницах периодической печати и в официальных документах, был вопрос о возможностях «включения» коренного населения в изменившиеся условия. Ученые приняли участие в создании специальных учреждений советской власти, которые должны были вовлечь коренные народы в советское строительство, содействовать их экономическому, культурному и политическому развитию: например, Постоянный Комитет Севера (1920 г.), Комитет Севера (1924 г.), Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока (1924 г.)¹. В 1920-х годах, несмотря на сложности в финансировании исследований, количество этнографических экспедиций увеличивалось. Для публикации массива статей создавались специализированные издания, одним из которых был журнал «Сибирская живая старина», организованный иркутскими профессорами и членами Восточно-Сибирского отдела РГО Г.С. Виноградовым и М.К. Азадовским. Отмечу, что сотрудники Русского географического общества приняли активное участие в изучении сибирских «иностранцев», однако в основные издания общества – «Известиях» и «Записках» – этнографические статьи попадали редко по сравнению с дореволюционным периодом. Это было связано с изменением понимания термина «география», который уже не включал изучение народов, а также с созданием этнографических отделов и подразделов в рамках научного общества. Изменившаяся политика государства по отношению к «малым народам», активное участие ученых в этнографических экспедициях, публикации на их основе исследований, создавали своеобразные репрезентации «иностранческого населения» Сибири.

В современной историографии не было обнаружено исследований, в которых анализировался образ «иностранца» в первые годы советской власти на основе научных изданий. Однако периодическая печать для реконструкции политики молодого государства по отношению к народам Севера фрагментарно привлекалась американским исследователем Ю. Слезкиным. Автор работал с официаль-

¹ Данилейко В.А. Научные организации 1920–1930-х гг. и их роль в изучении севера Сибири // Вестник ТГУ. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 166–169.

ной печатью органов государственной власти². Отмечу, что за полтора десятилетия вышло несколько исследований, авторы которых анализировали представления об «инородцах» на страницах столичных и региональных газет и журналов второй половины XIX – начала XX века³.

Цель публикации – охарактеризовать репрезентации сибирского «инородческого» населения в изданиях Русского географического общества 1920-х – 1930-х годов.

Методологической базой работы стали – концепция «текста-источника» М.П. Мохначевой и «новая интеллектуальная история».

В рамках работы продуктивно обращение к концепции коллективного авторства периодических изданий, сформулированной исследователем М.П. Мохначевой. Суть теории состоит в том, что журнальный или газетный текст представлял собой коллективное творчество автора, редактора, издателя и читателя.

По замечанию Л.П. Репиной, на современном этапе интеллектуальная история перешла на новую ступень, для которой характерна междисциплинарность и многообразие методологических подходов⁴. Важным отличием в «новой интеллектуальной истории» от предшествующего периода стало осознание зависимости идей от культурного, социального, политического, религиозного контекстов, в которых идеи возникали, развивались и распространялись. Подход «новой интеллектуальной истории», предполагающей признание большой роли языка, текста и нарративных структур в построении исторической реальности и использование анализа дискурсивной практики, позволяет выявить роль изданий географического общества и его сибирских отделов в создании образа сибирских «инородцев». Репрезентации туземцев Сибири 1920-х – 1930-х

² Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2008.

³ См., например: Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX века – начала XX века. Новосибирск, 2006. 343 с.; Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М., Сенина Е.А. Образ «инородцев» на страницах сибирской периодической печати. Иркутск, 2007. 320 с.; Ледовских А.Ю. Сибирский «инородческий вопрос» на страницах российской журнальной прессы во второй половине XIX – начале XX вв. автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 2008. 22 с.

⁴ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историко-географическая практика. М., 2011. С. 334.

годов являлись интеллектуальным конструктом, создаваемым публикациями сибирских ученых в изданиях географического общества. В данном случае было актуальным обращение к сформулированной Р. Бартом теории дискурса, предполагающей не отражение прошлого, а его интерпретацию⁵.

Источниковой базой исследования стали публикации об «инородцах» Сибири в изданиях Русского географического общества и его восточных отделов 1920–1930-х годов: «Известиях Русского географического общества» (с 1926 г. «Известия государственного Русского географического общества») (1923–1939 гг.), «Известиях Восточно-Сибирского отдела РГО» (1921–1929 гг.), «Известия Западно-Сибирского отдела РГО» (1924–1930 гг.), «Сибирской живой старины» (1923–1928 гг.).

В рамках методологии важной идеей становится концепция «текста-источника», а именно выявление авторского состава публикаций, их биографической связи с регионом, характеристика политики редакторов и пр. Отмечу, что в «Известиях РГО» за два десятилетия не встретилось ни одной публикации профессионального этнографа, посвященной сибирским «иногородцам» исследуемого периода. Эпизодические упоминания о туземцах севера Сибири встречаются в трех статьях ученых, которые проводили свои экспедиции в дореволюционный период или в период гражданской войны⁶. Последняя была организована на деньги колчаковского правительства в 1919 г. и возглавлялась известным путешественником В.В. Сапожниковым, который приводил описания «инородцев» и их быта фрагментарно. Бессменным секретарем столичного географического общества и редактором журнала в 1920-е – 1930-е годы был ботаник и географ В.Л. Комаров. Он был прекрасно знаком с восточной окраиной, так как на протяжении своей карьеры совершил несколько научных экспедиций в Сибирь и на Дальний Восток.

⁵ Барт Р. S/Z. М., 2001. С. 20.

⁶ Сапожников В.В., Никитина Е.В. Обь и Обская губа в 1919 г. // Известия РГО. 1923. Т. 54. С. 125–181; Соколов В.Ф. Очерк юго-восточной части Якутской области // Известия РГО. 1923. Т. 54. С. 181–237; Соболев А. На реке Тамане // Известия РГО. 1924. Т. 56. Вып. 1–2. С. 119–143.

В «Известиях ВСОРО» статей, посвященных этнографическим исследованиям, было найдено три⁷. В публикации этнографа и краеведа Г.С. Виноградова, которая была приурочена к юбилейным торжествам регионального научного сообщества, дается обзор этнографической деятельности Восточно-Сибирского отдела географического общества за 75 лет его существования. Статья известного антрополога и этнографа Б.Э. Петри посвящена промыслам тофалар. Публикация доктора медицинских наук и профессора А.Д. Григорьева описывала исследования волос некоторых сибирских туземцев в антропологическом и судебно-медицинском отношении. Основной массив статей в журнале был посвящен узкоспециализированным географическим исследованиям Сибири. До 1926 г. главой редакционной комиссии журнала был сосланный в Сибирь профессор Т.П. Кравец, затем – председатели отдела П.К. Казаринов, М.К. Азадовский. Отмечу, что, несмотря на все сложности экономического характера (отсутствие средств на проведение экспедиций, издание журналов, содержание здания, музея, библиотеки и пр.), в 1920-х годах Восточно-Сибирский отдел переживал расцвет своей деятельности. Иркутск, в котором располагалось отделение географического общества, стал научным и образовательным центром Восточной Сибири благодаря открытому в 1918 г. университету. В отделе увеличилось количество сотрудников, имевших высшее образование: преподаватели университета, которые приехали из Европейской России на волне бегства интеллигенции от революции, и их студенты, подготовленные преподавательским составом нового учебного заведения. Профессионализм членов отдела привел к увеличению количества публикаций на основе исследований, при этом существенную часть составляли этнографические работы. Однако весь массив этих изысканий был направлен в журнал «Сибирская живая старина» и ряд тематических сборников, например, «Бурятоведческий сборник».

⁷ Виноградов Г. Этнографические изучения ВСОРО (1851–1926) // Известия ВСОРО. 1927. Т. 50. С. 3–35; Петри Б.Э. Промыслы карагас // Известия ВСОРО. 1928. Т. 53. С. 35–68; Григорьев А.Д. Изучение волос некоторых народностей Восточной Сибири // Известия ВСОРО. 1928. Т. 54. С. 37–74.

«Сибирская живая старина», как было указано выше, являлась журналом ВСОРГО, выходящим с 1923 по 1928 г. с периодичностью раз в год. Редакторами издания были члены географического отдела, преподаватели Иркутского университета Г.С. Виноградов и М.К. Азадовский. Они сумели привлечь к работе над изданием профессиональных этнографов, профессоров, таких как Б.Э. Петри, Н.Н. Козьмин, Г.Ю. Маннс, а также их учеников Я.Н. Ходукина, П.П. Хороших, В.И. Подгорбунского.

В «Известиях Западно-Сибирского отдела РГО» не было опубликовано ни одной статьи этнографического характера.

Сибирские отделы, как и их издания, просуществовали до конца 1920-х – начала 1930-х годов: в 1929 г. центральными властями было принято решение о ликвидации отделов географического общества и реорганизации их в региональные краеведческие общества. Однако в 1931 г. СНК РСФСР принял постановление «О мерах по развитию краеведного дела», что означало ликвидацию массовых краеведческих организаций. В 1931 г. ВСОРГО, как и ЗСОРГО, прекратило свою работу, которая возобновилась уже в послевоенный период. Центральный отдел продолжил свою работу в последующие годы, но проводимые им исследования касались только географической науки.

Из 22 публикаций, посвященных сибирским «инородцам», основная часть статей (12) концентрируется на описании северных народов Сибири: ненцев, эвенков, хантов, юкагиров, якутов и др. Об «инородцах» севера исследователи стали больше писать после создания в 1924 г. Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитета Севера). Профессор Н.Н. Козьмин на Первом Восточно-Сибирском краеведческом съезде, следуя политике Комитета, заявил, «что туземцев чересчур долго и чересчур много изучали без всякой пользы для них», а значит, пора перейти к практическим мерам – вовлечь «трудовые массы в дело строительства своей жизни»⁸. Основной метод, с помощью которого малые народы должны были принять участие в создании советского

⁸ Козьмин Н.Н. Об изучении туземных племен (основные положения) // Сибирская живая старина. 1925. Вып. 3–4. С. 314–315.

государства, – хозяйственное и культурное строительство, осуществляемое под непосредственным контролем «ответственных работников». Именно последние точно знали, что сибирским туземцам необходимы школы, больницы и торговые пункты.

Исследователи признавали факт вымирания малых народов Сибири и призывали власти к незамедлительным мерам, таким как кредит, снабжение предметами первой необходимости, запрет на охоту других народностей на территории малочисленных племен, культурно-просветительская работа⁹. Как отмечали этнографы, не все северные племена находились на грани вымирания: якуты были исключением. Они не только не ассимилировались, но и сумели «подвергнуть обьякучиванию некоторые племена», например, племена эвенков¹⁰.

В отдельный блок можно выделить публикации, посвященные бурятам¹¹. Внимание к изучению этого народа сотрудниками Восточно-Сибирского отдела объясняется несколькими факторами. Во-первых, его территориальной близостью к Иркутску. Во-вторых, многочисленностью и умению адаптироваться к новым условиям: принятие русской культуры, появление собственной интеллигенции, являвшейся «проводником интересов народа». Замечу, что этнографы обратили внимание на вопрос о туземной интеллигенции Сибири. Профессор Н.Н. Козьмин, сопоставляя биографии представителей «иностранческой» интеллигенции, отмечал, что большую часть «образованных умов» прошлого уже было сложно отнести к «иностранцам», они «денационализировались», «растворились в русской среде». Но чем ближе к новому веку, тем все отчетливее бы-

⁹ Ходукин Я.Н. Комитет содействия народностям северных окраин // Сибирская живая старина. 1925. Вып. 3–4. С. 320–321.

¹⁰ Пекарский Э. Предание о том, откуда произошли якуты // Сибирская живая старина. 1925. Вып. 3–4. С. 137–144.

¹¹ Козьмин Н.Н. О времени водворения бурят около Байкала // Сибирская живая старина. 1925. Вып. 3–4. С. 113–132; Проф. Б.Э. Петри. Собрание преданий по истории заселения Прибайкалья бурятами // Сибирская живая старина. 1925. Вып. 3–4. С. 317–318; Хороших П.П. Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири // Сибирская живая старина. 1925. Вып. 3–4. С. 410–417; Он же. Бирки иркутских бурят // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 1 (5). С. 97–112.

ло видно, что национальные и общесибирские интересы для местных интеллигентов становились приоритетными¹².

Анализ публикаций показывает, что первые советские этнографы активно продолжили изучать сибирских туземцев, обращая внимание на вопросы, которые не интересовали дореволюционных ученых. Например, анализ детских рисунков, изучение волос в рамках антропологического и судебно-медицинского интереса, исследование фольклора и сказок, детских игрушек и прочего¹³. Практической стороной научных изысканий ученых в рамках работы Комитета Севера стали исследования и прогнозы жизнеспособности типов хозяйствования сибирских туземцев.

Итак, РГО после революции продолжило свою исследовательскую, издательскую и просветительскую работу, несмотря на все сложности финансового и организационного характера. Одним из приоритетных направлений в научных изысканиях географического общества (в основном его сибирских отделов) становится изучение туземцев Сибири. Особенно способствовала этим изысканиям деятельность Комитета Севера, созданного в 1924 г. Концентрация внимания этнографов на практической стороне исследования стимулировала появление публикаций, тематически отличавшихся от предшествующего периода. Однако анализ источников показал, что практически не изменился язык описания «иностранцев», они все еще оставались «необразованными», «отсталыми», «влачащими жалкое существование».

¹² Козьмин Н.Н. Туземная интеллигенция Сибири // Сибирская живая старина. 1923. Вып. 1. С. 72–89.

¹³ Хороших П.П. Об изучении детских рисунков туземных племен Сибири... С. 410–417; Орлова Е.Н. Юрацкие игрушки // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 1. С. 145–152; Григорьев А.Д. Изучение волос некоторых народностей Восточной Сибири... С. 37–74.

В.Е. Болдырев

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток)*

Проблемы гуманитарных корреляций в новейшей социально-политической истории США

Статья посвящена проблеме практического применения гуманитарного корреляционного анализа, основанного на данных, которые не могут быть формализованы с помощью математической модели. На основе анализа различных подходов к прогнозированию социально-политических трендов в США сделан вывод, что таковое возможно развить только в рамках ориентированных на практику исторических исследований. В соответствии с темпоральным подходом процессы разделены на три группы. В отношении каждой из них предложены параметры построения гуманитарной корреляционной зависимости. Проанализированы алгоритмы и результаты прогнозных исследований социально-политических трендов и внешней политики США, осуществленных с использованием этого метода. Выявлены преимущества и пределы прикладного корреляционного прогнозирования.

Ключевые слова: США, социально-политическое развитие, внешняя политика, Д. Трамп, корреляция, историческое время, циклы американской истории.

Обращение к проблеме гуманитарных корреляций как к соотношениям социально-политических явлений и процессов, которые нельзя выразить с помощью языка математики, соответствует одному из трендов современного развития гуманитарной науки, историческому осмыслению глобальных процессов. Оно продиктовано необходимостью активнее использовать достижения и возможности исторической дисциплины для исследования современности и прогнозирования отдельных перспективных процессов. Поскольку анализ социально-политических процессов в США на протяжении последних десятилетий находится в центре междисциплинарного анализа историков, политологов и социологов, эта исследовательская область позволяет выявить и проанализировать методо-

логические проблемы, предложить их преодоление на основе более широкого синтеза между дисциплинами.

По объективным причинам прогнозные исследования социально-политической динамики Соединенных Штатов осуществляются преимущественно политологами, как в США, так и в России (СССР). Большинство из предложенных ими аналитических подходов заключались в интерпретации процессов с помощью конкретных моделей¹ или в соответствии с процедурой определенного метода, которая ставилась в зависимость от определенного формального фактора². Это ориентировало исследователей на понимание социально-политических процессов, как типичных, сводимых к готовым шаблонам, но независимых друг от друга кейсов. Ответом стали интенсивные кейс-стадис, которые анализировали примеры социально-политического взаимодействия как некие уникальные явления.

Впоследствии американские историки и политологи предложили три варианта их объединения в целостные системы. Первый осуществил Ф. Гринстейн, систематизировав президентские стили управления и их воздействие на политический курс США как последовательные, сменяющие друг друга кейсы³. Бихевиоризм, который был выбран в качестве теоретико-методологической основы этой классификации, не позволил выявить какие-либо типичные, соотносимые друг с другом параметры.

Второй вариант связан с использованием математических методов. Внедряя их в аналитический инструментарий, исследователи стремились перевести социальные механизмы на язык математических формул. Предполагалось, что они позволят не просто провести корреляционное сопоставление между кейсами, но и обеспечат аналитиков надежным прогностическим инструментарием. Однако

¹ Allison G.T. Conceptual Models and the Cuban Missile Crisis // The American Political Science Review. 1969. Vol. 63. № 3. P. 689–718; Беппу Н.О. Почему американскую внешнюю политику так трудно понять? // Международная жизнь. 1998. № 11–12. С. 33–49.

² США: внешнеполитический механизм. Организация, функции, управление / под ред. Ю.А. Шведкова. М., 1972. 368 с.; Механизм формирования внешней политики США / под ред. Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесного. М., 1986. 216 с.

³ Greenstein F.I. The Presidential Difference. Leadership Style from F.D.R. to George W. Bush. Oxford–Princeton, 2004. 317 p.

развитие этого метода выявило ту проблему, что математические формулы тяжело адаптировать к постоянно меняющемуся и усложняющемуся социальному механизму. Показательным в этом контексте является исследование Дж. Энелоу, посвященное взаимодействию президента и Конгресса США⁴. Если для анализа взаимодействия Белого дома и Капитолия в период правления Р. Никсона (1969–1974 гг.) потребовалось 12 интегральных уравнений, то для исследования этого процесса в период президентства Р. Рейгана (1981–1989 гг.) – уже не менее 20.

В начале XXI в. Дж. Бьюсмейер и П. Бруза⁵ предложили решить эту проблему, заменив уравнения совокупностью их систем и алгебраических матриц. Но, теоретически описав применение своего математического подхода, они не проверяли его практическую применимость к анализу процесса принятия решений, что ставит под сомнение практическую значимость этой методологии.

Третий вариант был предложен в рамках структурного анализа и предполагал поискпохожих черт нескольких несвязанных кейсов, чтобы выявить зависимость, обеспеченную формальными параметрами, например, законами и правоприменительной практикой⁶.

Тем не менее, во всех трех случаях не удалось выявить неформальные причины возможных соотношений между кейсами. Это стало следствием того, что ни один из названных исследователей не рассматривал историю как временной процесс.

В соответствии с классификацией Е. Топольского историческое время в зависимости от связанного с ним процесса может быть циклическим, направленным и нерегулярным. Первое характерно для процессов с четко выделяемыми циклами, второе для конечных явлений, третье для процессов, чья динамика описывается последовательной совокупностью сменяющих друг друга конечных трен-

⁴ *Enelow J.M.* A New Theory of Congressional Compromise // *American Political Science Review*. 1984. Vol. 78. № 3. P. 708–728.

⁵ *Busemeyer J.A., Bruza P.D.* Quantum Models of Cognition and Decision. Cambridge, 2014. 407 p.

⁶ *Moore T.M., Wilson S.A.* Presidents and the Politics of Structure // *Law and Contemporary Problems*. 1994. Vol. 57. № 2. P. 1–44.

дов⁷. Все перечисленные характеристики исторического времени применимы для интерпретации социально-политических процессов в новейшей истории США, а также позволяют выявить неформальные параметры, которыми определяется гуманитарная корреляционная зависимость. Под этим термином мы понимаем вероятностную взаимосвязь нескольких кейсов, определенную типичными временными этапами или векторами. Их типичность определяется соотносимыми друг с другом социальными, экономическими, политическими, культурно-цивилизационными и внешними параметрами. В нашем случае они выступают аналогом коэффициента соответствия.

Для анализа этой зависимости предлагается метод гуманитарного корреляционного анализа (далее – ГКА), который позволил бы выявить сопоставимость тенденций отдельных этапов общественного развития, который учитывал бы временные особенности и естественные, проистекающие из природы процессов, параметры, а также способствовал бы эффективнее прогнозировать отдельные социально-политические тенденции.

В соответствии с концепцией А.М. Шлезингера американскую историю принято рассматривать в качестве циклического процесса. Согласно ей развитие Соединенных Штатов представляет собой регулярную смену общественно-политических циклов. Она происходит по следующей схеме. Началом является период реформ, быстрых социальных изменений, или, как его характеризует А.М. Шлезингер, «период активизма». Он сменяется пиком, при котором модели развития, предложенные на начальном этапе цикла, обеспечивают стабильное развитие. На смену ему приходит «период усталости». Для него характерно инерционное следование правилам и принципам, разработанным в «период активизма», а не предложение нетривиального решения проблем. Именно в течение этого временного отрезка возникает одна или несколько проблем, которые невозможно решить с помощью устоявшихся методов. В последующем они провоцируют критику существующей логики управления. Под дав-

⁷ *Topolski J. Metodologia historii. Warszawa, 1973. S. 622–625.*

лением критических настроений модель данного цикла уходит, запуская тем самым новый цикл⁸.

На основе подхода А.М. Шлезингера российские историки-американисты В.О. Печатнов⁹ и В.Н. Гарбузов¹⁰ исследовали новейшую социально-политическую историю США. Полученные ими результаты позволяют выделить девять характерных черт смены американских исторических циклов:

1) неудовлетворенность социально-экономической обстановкой приводит к созданию обширных социальных коалиций, которые состоят из разных групп общества, объединенных желанием перемен;

2) на политическом поприще появляется лидер, берущий за основу своей политической программы ключевые вопросы протестной повестки;

3) одна из двух ведущих партий принимает эту программу;

4) растет влияние массовой организации, популяризирующей идеи сторонников реформ среди широких слоев населения;

5) происходит трансформация структуры партийного электората за счет сторонников другой партии и новых социальных групп;

6) американское общество переживает глубокий политический раскол;

7) значительное влияние приобретает новая социально-экономическая группа, чьи интересы вступают в противоречие с экономическим курсом правительства;

8) временно усиливается роль Конгресса при решении ключевых внутри- и внешнеполитических вопросов, вследствие чего исполнительная власть действует, учитывая настроения законодателей;

9) внутренняя трансформация может сопровождаться внешним кризисом, чувствительным для национальных интересов США.

Учет этих характеристик в качестве корреляционных параметров, соотнесение с ними непосредственных трендов американского развития позволили нам в конце 2016 г. спрогнозировать отдельные

⁸ Schlesinger A.M., Jr. *The Cycles of American History*. Boston–New York, 1999. P. 28, 46.

⁹ Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. 503 с.

¹⁰ Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. М., 2008. С. 65–460.

векторы курса Д. Трампа и тренды политической жизни США, которые реализовались к настоящему времени. Во-первых, первоначальный состав правительства и администрации отражал спектр разноликкой «новой консервативной коалиции», которая поддержала кандидата от Республиканской партии на выборах. Этот фактор был оценен, как причина вероятных отставок в течение первых двух лет президентства Д. Трампа. Во-вторых, анализ интересов ключевых социально-экономических сил, на которых ориентировался Д. Трамп, позволили спрогнозировать применение ограничительных экономических мер посредством перезаключения торговых соглашений, введения пошлин, а также других регулирующих мер. Главным объектом этого курса, по нашим оценкам, должен был стать Китай. Наконец, основываясь на данных об интересах групп, которые являются социальной основой современного американского курса, мы охарактеризовали как наиболее вероятную тенденцию рост оборонных расходов, сопровождаемый воинственной, агрессивной риторикой в отношении КНДР. В этом контексте нами указывалось на высокую вероятность укрепления военно-политических союзов США в АТР¹¹.

Все из перечисленных трендов, обусловленных циклическим характером американской истории, которые мы спрогнозировали с помощью ГКА, реализовались в течение 2017 – первой половины 2018 г.

Построение гуманитарной корреляционной зависимости в случае с направленным процессом применялось при прогнозировании политики Д. Трампа в отношении КНДР. Здесь в качестве потенциального коррелята, позволяющего составить прогноз, была выбрана политика Р. Рейгана в отношении СССР. На этот выбор повлиял ряд факторов, которые свидетельствовали о типичности ситуации. Оба курса соответствуют начальному этапу американского исторического цикла. Оба президента представляют Республиканскую

¹¹ Болдырев В.Е. Факторы успеха Д. Трампа и Республиканской партии на прошедших выборах // США–Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 3. С. 34–47; Он же. Политика США в АТР при Д. Трампе: системные условия и вероятные перспективы // У карты Тихого океана. Новая администрация и вероятная трансформация двусторонних отношений США со странами АТР. № 47 (245). С. 3–7.

партию, соответственно во внешней политике они придерживаются понятия «баланс сил», контролируют его, но используют возможность, чтобы изменить его в свою пользу¹². Подобно тому, как Р. Рейган создавал образ Советского Союза как «империи зла», Д. Трамп формировал негативный образ КНДР и ее лидера в течение 2017 г. Для обоих курсов характерна резкая интенсификация направленной военной активности. В обоих случаях политика проводилась в отношении государств с однопартийной политической системой, централизованной плановой экономикой, монополией режима на средства массовой информации и пропаганды. И для русских, как титульной нации СССР, и для корейцев характерно сплочение вокруг национального лидера в трудные времена.

Следующим шагом стало построение корреляционной модели. В качестве ее основы мы выбрали описание политики Р. Рейгана в отношении Советского Союза, которое приводится в американской директиве NSDD № 75¹³, мемуарах О.А. Гриневского¹⁴, исследованиях П. Швейцера¹⁵ и Ю.П. Бокарева¹⁶. На первом этапе курс США заключался в изматывании советской системы посредством искусственно нагнетаемой напряженности и усилении автаркии советского хозяйства с помощью обширного набора экономических мер. Второй этап характеризовался разрядкой и дипломатическим, а впоследствии и экономическим сотрудничеством. Это способствовало изменению статус-кво в пользу Соединенных Штатов.

В соответствии с ней, составляя в июне 2017 г. прогноз, мы разделили курс Д. Трампа в отношении КНДР на два этапа. Первый

¹² См. подробнее о партийных подходах к внешней политике США: *Берри Н.О.* Почему американскую внешнюю политику так трудно понять? // *Международная жизнь.* 1998. № 11–12. С. 33–49.

¹³ National Security Decision Directive Number 75. U.S. Relations with the USSR [Электронный ресурс] // FAS. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nsdd/> (дата обращения: 21.05.2009).

¹⁴ Приводится по: *Гриневский О.А.* Перелом. От Брежнева к Горбачеву. М., 2004. С. 112–116.

¹⁵ *Швейцер П.* Победа. Роль тайной стратегии США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995. 464 с.

¹⁶ *Бокарев Ю.П.* СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970–1980-е годы. М., 2007. С. 356–372.

характеризовался как период напряженности, в ходе которого США, используя политические, экономические, дипломатические и информационные инструменты, изолировали Северную Корею, провоцировали ее режим на рост оборонных расходов в условиях возрастающего валютно-финансового дефицита. Следствием этого этапа должно было стать существенное ослабление хозяйства КНДР. В этих условиях она оказалась бы вынуждена пойти на диалог с внешним миром, в том числе с Соединенными Штатами. Это, по нашим прогнозам, свидетельствовало бы о начале нового этапа, который характеризовался бы готовностью Вашингтона взаимодействовать с Пхеньяном с использованием нового дипломатического формата, снижением антиамериканской пропаганды в КНДР и вынужденным расширением северокорейских международных контактов¹⁷.

Этап напряженности был пройден в 2017 г. События, развивающиеся с начала 2018 г., вероятно, свидетельствуют, что политика США в отношении Северной Кореи достигла точки перехода. Но вопрос о наступлении разрядки и трансформации статус-кво в пользу Вашингтона пока остается открытым, хотя итоги встречи в верхах Д. Трампа и Ким Чен Ына свидетельствуют, что Соединенные Штаты имеют таковые намерения. В частности об этом свидетельствует готовность американской стороны пойти на отмену санкций по мере проведения дискуссий о соблюдении прав человека в КНДР.

Социально-политический процесс, который обладает нерегулярным циклическим развитием, был исследован В.Н. Гарбузовым¹⁸. Им были проанализированы американские консервативные волны, как повторяющиеся циклы жизни общества, которые лишены какой-либо регулярности. Как следует из его работы, каждая из волн стала реакцией на какие-либо события во внешнем мире или, что бывало чаще, внутри страны. В качестве характерных индикато-

¹⁷ Болдырев В.Е. Динамика политики США в Северо-Восточной Азии в первой половине 2017 г. // У карты Тихого океана. Динамика международных и политических процессов в Северо-Восточной Азии в первой половине 2017 г. № 48 (246). С. 3–7.

¹⁸ Гарбузов В.Н. Американские консервативные волны // США–Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 5. С. 3–16.

ров начала новой консервативной волны, по мнению В.Н. Гарбузова, выступают наличие у Республиканской партии программы, оппонирующей курсу демократического правительства, и формирование массовых движений в поддержку консервативных идей. Эти факторы могут быть маркерами начала нового цикла, как самостоятельно, так и в совокупности друг с другом.

Весной 2016 г. по результатам произведенного анализа В.Н. Гарбузов сделал два прогнозных вывода, которые реализовались до конца года. Первый из них касался Д. Трампа, который оценивался как единственный консервативный лидер, способный сплотить вокруг себя Республиканскую партию. Второй был связан с высокой вероятностью того, что выборы 2016 г. пройдут в условиях идейно-политического доминирования «Великой старой партии». По их итогам Д. Трамп одержал победу, набрав 304 из 538 голосов выборщиков, «слоны» сохранили большинство в обеих палатах Конгресса, в 24 штатах установилось объединенное республиканское правление, 33 губернатора представляли «Великую старую партию», в 32 штатах легислатуры оказались под ее контролем¹⁹.

Возможно, глубже понять причину краткосрочности прогноза, позволяет исследование В.О. Печатнова, посвященное истории Демократической партии²⁰, которую можно трактовать как нерегулярное циклическое партийное обновление. Проведенный им анализ, при котором предмет исследования дробится на этапы, свидетельствует о возможности сделать прогноз, который не выходит за рамки, как самого предмета, так и исследуемого этапа.

Таким образом, опыт анализа нерегулярных социально-политических процессов показывает, что в данном случае применение ГКА может ограничиваться прогнозированием партийно-политического развития.

¹⁹ In Further Blow to Democrats, Republicans Increase Their Hold on State Governments [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: http://www.nytimes.com/interactive/2016/11/16/us/elections/state-legislature-change-in-control.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=b-lede-package-region®ion=top-news&WT.nav=top-news&_r=0 (дата обращения: 12.11.2016).

²⁰ Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтон: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008. 503 с.

Осуществленные американистами прогнозные исследования с помощью гуманитарной корреляции немногочисленны, но они позволяют сделать некоторые предположения о возможностях и пределах использования метода в прикладных исследованиях.

Наиболее перспективным является ГКА циклических процессов. Каждый из этапов цикла обладает набором специфических характеристик. Выявление этих параметров и анализ механизма их влияния на последующую фазу цикла позволяют составить вероятностный прогноз отдельных политических тенденций США.

Сложнее с помощью ГКА делать прогнозы направленных процессов. Их сопоставление возможно, в случае если соотносится друг с другом большое количество исходных условий. В описанном нами примере потребовалось учесть восемь таких параметров и иметь историческую аналогию, чтобы составить частично реализованный прогноз.

Наиболее ограничено применение этого метода для прогнозирования нерегулярных процессов. Пока построение гуманитарной корреляции позволяет дать краткосрочный прогноз, ограничивающийся сферой партийно-политического развития.

Е.С. Ермаков

*Гомельский государственный университет
им. Франциска Скорины (Беларусь)*

**Единая теория сепаратизма:
философско-методологические основания
и перспективы создания**

Статья посвящена исследованию социальных форм сепаратизма, выявлению их социально-культурных истоков и оснований. В контексте задачи построения единой теории сепаративных процессов рассматриваются концепты «теоретической истории» Н.С. Розова и П.В. Турчина, анализируются теории социального конфликта Л. Козера, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга и геополитической динамики Р. Коллинза. Автор предлагает собственные структурные дефиниции сепаративных процессов, очерчивает концептуальное поле дальнейших исследований. Особое внимание уделяется проблемам, связанным с формированием фактологической базы, на основании которой осуществлялась бы последующая корреляция исторических форм сепаративных процессов с методами и формами их социально-философской интерпретации.

Ключевые слова: теоретическая история, сепаратизм, парадигма, социальный конфликт.

Современный мир представлен многообразием политических, социальных, культурных и иных форм организации человеческой жизни. В настоящее время, несмотря на усиление процессов интеграции и глобализации, наиболее стабильной формой организации социума является государство. В процессе его жизни возникают конфликты и кризисы разного рода и характера, среди которых свое место имеет сепаратизм.

В актуальности исследования сепаратизма можно выделить два аспекта – теоретический и практический. Первый направлен на построение теоретического знания о сепаратизме с помощью целостных и систематических исследований. Второй заключается в том, чтобы с помощью построенной теории добиться минимизации последствий, а в идеале – предсказать развитие явления в тех или

иных условиях его возникновения и развития. Однако невозможно построить теорию без определения подхода, концептуального аппарата и методов исследования. В современной науке имеется множество направлений, которые позволяют решить данную задачу, но наиболее перспективным, на наш взгляд, является теоретическая история.

Теоретическая история является по своей сути исследовательской программой. Данный термин был введен философом науки И. Лакатосом в 1970 г. Под ним он понимал всю совокупность теорий, развивающихся на базе единых исследовательских и методологических принципов¹. Теоретическая история, с этой точки зрения, дает определенную совокупность основополагающих идей, принципов и методов, необходимых для разработки теорий в истории. В настоящее время данный термин приобретает значение целостного философского концепта, вбирающего в себя исторические, социально-политические и культурные формы человеческого бытия.

Н.С. Розов выделил два подхода к пониманию теоретической истории. С широкой точки зрения – это «совокупность направлений, характерных применением научной логики теоретических понятий и гипотез, моделей и теорий к выявлению закономерностей исторического развития в относительно крупных социально-пространственных и временных масштабах»². С узкой же – это «научная дисциплина, направленная на изучение закономерностей, результатов и направленности крупных качественно-количественных изменений в истории <...> путем заимствования из других наук, синтеза и проверки гипотез, моделей и теорий, через сопоставление их с данными традиционной эмпирической истории»³.

Данное видение теоретической истории отличается от взгляда П.В. Турчина, который, в свою очередь, считал, что теоретическая история – это «область междисциплинарных исследований, направленная на математическое моделирование социально-исторических

¹ Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга первая. Прологомены. М., 2002 [Электронный ресурс] // Новосибирский государственный университет. URL: <https://nsu.ru/filf/rozov/publ/fti.htm> (дата обращения: 24.05.2018).

² Там же.

³ Там же.

процессов для дальнейшей разработки долговременного стратегического прогноза»⁴. Не опровергая математического моделирования в истории, отметим, что в дальнейшем разработка единой теории сепаратизма будет идти в рамках того подхода, который был определен Н.С. Розовым.

С момента зарождения концепта «теоретической истории» до настоящего времени появились конкретные результаты: теории, не только объясняющие различные аспекты социально-исторического бытия, но и способные предсказывать их развитие⁵. Среди авторов данных теорий следует выделить Р. Коллинза, из теоретических разработок которого наиболее известна теория геополитической динамики, предсказавшая коллапс Советского Союза⁶.

Наши дальнейшие изыскания будут направлены на разработку единой теории сепаратизма в контексте теоретической истории. Для того чтобы данная работа была успешной, необходимо будет провести не одно исследование в данной области. Их основу мы попытаемся задать сейчас, опираясь на разработанную Н.С. Розовым серию методологических процедур.

Задача данного и последующих исследований состоит в выявлении закономерностей и условий зарождения, хода и развития сепаратизма. Под сепаратизмом в дальнейшем будем понимать класс явлений, возникающих вследствие кризиса внутри определенного государства, но не внешней агрессии, и направленных на отделение от этого государства определенной его части с целью ее дальнейшей институционализации. Данное определение, во-первых, отделяет сепаратизм от стремления одного государства аннексировать определенную часть другого государства; во-вторых, не сводит сепаратизм к конфликту этнического и/или конфессионального характера; в-третьих, включает в понятие сепаратизма сецессионизм и ирредентизм одной части государства по отноше-

⁴ Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. 2-е изд. М., 2010. С. 21.

⁵ См.: Розов Н.С. Историческая макросоциология: становление, направления исследований и типы моделей // Общественные науки и современность. 2009. № 2. С.151–161.

⁶ См.: Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса // Время мира. 2000. Вып. 1. С. 234–278.

нию к другому государству, но не автономизм⁷. В соответствии с этим можно обозначить цель исследования так: на основании имеющихся эмпирических, предтеоретических и теоретических знаний о сепаратизме сформулировать общую теорию сепаратизма.

Кроме этого, стоит дополнить актуальность изучения сепаратизма с точки зрения теоретической истории. Теория, которую мы задались целью построить, является одним из этапов к пониманию закономерностей протекания политико-правовых, социальных и культурных кризисов, которые возникают на протяжении всей многовековой истории человечества. Это нужно для понимания тех условий, которые являются необходимыми для преодоления данных кризисных явлений или их переориентации для повышения возможности реализации общечеловеческих ценностей и более стабильного развития цивилизации⁸. Исходя из этого, следует констатировать, что значимость данной проблемы носит фундаментальный характер.

С целью выявления достижений предшествующих исследователей, а также выбора той парадигмы (или по И. Лакатосу – исследовательской программы), в соответствии с которой и будет в дальнейшем сформулирована общая теория сепаратизма, необходимо провести реструктуризацию теоретического поля. Поэтому и проблема, и цель исследования будут переформулированы с учетом дальнейшей реструктуризации. Решению данной задачи будет посвящено отдельное исследование.

Кроме этого, наблюдаются следующие проблемы, имеющие теоретический и методологический характер, которые необходимо решить для дальнейшего продвижения исследования. Суть их можно свести к следующим вопросам:

– какие аспектные парадигмы наилучшим образом помогут раскрыть суть изучаемого феномена?

⁷ Автономизм направлен не на отделение, а на завоевание определенных прав, например, самостоятельности в управлении. Но данный феномен может перерасти в сепаратизм в случае радикализации основных его сил при невозможности достижения поставленной цели.

⁸ Розов Н.С. Философия и теория истории. Книга первая...

– на каких условиях будет произведен выбор исторических случаев сепаратизма с целью их содержательного анализа?

Под аспектными парадигмами Н.С. Розов понимает «либо группировки концепций, прямо относящихся к проблеме исследования и имеющих общее концептуальное ядро, либо специально выделенные стороны известных макросоциологических парадигм, имеющих прямое отношение к данной проблеме»⁹. Во-первых, аспектные парадигмы являются одним из источников предоставления исследователю факторов для объяснения класса явлений. Во-вторых, они задают принципы работы с этими факторами, определяют контекст их использования, а также могут подсказать исследователю нетривиальные подходы к самым разным проблемам¹⁰.

Далее попытаемся рассмотреть две макросоциологические парадигмы (теории социального конфликта и геополитической динамики), выбор которых был основан на исследовательской интенции и явном определении исследуемого класса явлений.

Теории социального конфликта были разработаны Л. Козером, Р. Дарендорфом, К. Боулдингом, Р. Коллинзом и другими исследователями в XX веке¹¹. Концепция, разработанная Л. Козером, рассматривает причины конфликта, остроту, длительность и функции. Причины конфликта он связывал с дефицитом ресурсов, что приводит к нарушению принципа социальной справедливости. Виновниками эскалации конфликта Л. Козер называл тех, кто считает себя социально ущемленными¹². В отличие от него, немецкий социолог Р. Дарендорф считал, что в основе конфликта лежит различие интересов его участников. Исходя из этого, чтобы полноценно его изучить, необходимо рассмотреть суть и степень несовпадения данных интересов. Среди последних он выделял явные

⁹ Розов Н.С. *Философия и теория истории*. Книга первая...

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Boulding K.E. Conflict and Defence: A General Theory*. New York, 1963. 349 p.; *Дарендорф Р.* Элементы теории социального конфликта // *Социологические исследования*. 1994. № 5. С. 142–147; *Козер Л.А.* Функции социального конфликта / пер. с англ. О. Назаровой. М., 2000. 295 с.

¹² *Мясоедова Ю.И., Одинцова О.В.* Теории социального конфликта // *Проблемы современного гуманитарного образования глазами молодежи: сборник материалов второй всероссийской конференции молодых исследователей*. М., 2014. С. 72–73.

и латентные¹³. Дарендорф также считал, что конфликты принципиально нельзя разрешить, то есть нельзя снять противоречия, но можно их регулировать для уменьшения насильственности и жертв¹⁴.

К. Боулдинг предпринял попытку разработать общую теорию конфликта, в которой конфликт есть универсальная категория, характерная для всей живой природы. Его развитие происходит и зависит от того, как участники конфликта реагируют на внешние стимулы, в том числе и на реакцию оппонента. Также он не только не отрицал, но и предполагал, что конфликт можно контролировать и прогнозировать¹⁵. Исходя из всего вышеперечисленного, конфликтная парадигма предоставляет нам большие эвристические возможности.

Указанные выше теории хотя и имеют различия, иногда и существенные, но их объединяет одно – стремление найти причины конфликта. Теории нам подсказывают, что их следует искать в установках, мотивах и интересах конфликта, причем необходимо изучать степень их несоответствия у участников конфликта. Это, в свою очередь, подводит нас к возможности применения шкалирования при их изучении.

Из всего разнообразия геополитических теорий рассмотрим теорию геополитической динамики Р. Коллинза, которая на практике доказала свои прогностические возможности. Развивая тезис М. Вебера о том, что легитимность власти связана с позицией ее собственного государства на международной арене, он сформулировал следующие принципы геополитической динамики:

– преимущество в размерах и ресурсах благоприятствует территориальной экспансии: при приблизительно равном соотношении прочих факторов более крупные, более населенные и более

¹³ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–143.

¹⁴ Там же. С. 145–146.

¹⁵ Мясоедова Ю.И., Одинцова О.В. Теории социального конфликта... С. 72–73; Решина Н.Г. Международный конфликт в социальном и геополитическом измерениях // Актуальні проблеми політики: зб. наук. пр. Одеса, 2015. Вип. 55. С. 84–85.

богатые ресурсами государства расширяются военным путем за счет более мелких и бедных государств;

– геопозиционное, или «окраинное», преимущество благоприятствует территориальной экспансии: государства, имеющие врагов на меньшем количестве фронтов, расширяются за счет государств, имеющих врагов на большем числе границ;

– государства, расположенные в центре географического региона, имеют тенденцию со временем дробиться на более мелкие единицы;

– кумулятивные процессы приводят к периодическому долговременному упрощению с массивными гонками вооружений и решающими войнами между немногими соперниками;

– чрезмерное расширение приводит к ресурсному напряжению и государственной дезинтеграции¹⁶.

Эвристические возможности данных принципов имеют большой потенциал и должны быть как минимум учтены при разработке единой теории сепаратизма.

Итак, обобщим вышеизложенное. Не отрицая роли внутренних факторов, могущих привести к сепаратизму, для полноценного понимания данного феномена необходимо учитывать и такие геополитические факторы, как расположение государства (окраина – центр), его ресурсоспособность (большая – меньшая), наличие стремления к расширению территорий. Данные факторы собраны почти во всех геополитических принципах, теперь же необходимо выявить связь данных принципов с внутренними факторами сепаративных процессов.

Правильный выбор случаев сепаратизма во многом предопределяет успешность дальнейших исследований. Он необходим, во-первых, для рационального использования исследовательских возможностей и времени, а во-вторых – для определения последующих процедур исследования и их успешного осуществления. С проблемой выбора случаев прямо связаны еще две: определение пространственно-временных границ, негативных и контрастных явлений.

¹⁶ Коллинз Р. Предсказание в макросоциологии: случай советского коллапса...

Пространственно-временная граница необходима для сужения исследуемого класса явлений до той совокупности, которую возможно будет изучить в полной мере. Как отмечает Н.С. Розов, «резонность ограничения состоит в необходимости для теории иметь твердую опору, пусть в локальных рамках, после чего уже в новых исследованиях можно их расширять или даже замахиваться на всю человеческую историю»¹⁷. С выявлением границы связано и определение в ней центра и периферии: в центре будет сосредоточено основное внимание исследователя, к периферии же можно будет обращаться при необходимости, например, для дополнения анализа случая из центра. Для исследования сепаратизма резонно выделить в качестве центра XIX в. (сепаратизм Юга США, распад Великой Колумбии, отделение Южных провинций от Нидерландов), а в качестве периферий – распад древних империй и современных государств¹⁸.

Под контрастными явлениями понимаются такие явления, которые не входят в класс объясняемых явлений, но систематическое сравнение с которыми способствует пониманию их особенностей и теоретическому объяснению¹⁹. Наиболее значимыми для исследования будут аннексии части территории одного государства другим и случаи добровольного присоединения одних государств к другим.

Негативные явления также полезны для исследования изучаемого класса явлений. Под ними понимаются те явления, которые «попадают в класс объясняемых явлений, но характеризуются противоположными значениями переменных-экспланандумов по отношению к основным интересующим явлениям»²⁰. Согласно нашему определению, к признакам (переменным) сепара-

¹⁷ Розов Н.С. *Философия и теория истории. Книга первая...*

¹⁸ Предполагается, что правильно построенная теория должна дополнить теорию геополитической динамики Р. Коллинза и объяснить весь спектр распада государств от древности до современности. Если же в процессе исследования станет ясно, что распад государств в древности и современности невозможно объяснить в рамках одной теории, то данная граница будет пересмотрена.

¹⁹ Розов Н.С. *Философия и теория истории. Книга первая...*

²⁰ Там же.

тизма относятся наличие кризиса внутри страны, наличие предпосылок к отделению части/частей государства и к дальнейшей ее/их институционализации. К негативным явлениям отнесем те явления, которые имеют противоположные значения признаков явления, то есть неудачные случаи сепаратизма, когда отделение не произошло, но кризис и предпосылки к этому были, а также когда произошло отделение без последующей институционализации²¹.

Таким образом, на основании концепта «теоретической истории» были рассмотрены возможность и перспективы создания единой теории сепаратизма и определены следующие узловые моменты. Во-первых, была сформулирована проблема и цель исследований в данной области; во-вторых, даны собственные структурные дефиниции сепарационных процессов и рассмотрены вопросы формирования фактологической базы; в-третьих, показаны теории социального конфликта и геополитической динамики как наиболее перспективные для использования их в последующих исследованиях; в-четвертых, очерчено концептуальное поле дальнейших исследований в рамках теоретико-исторического подхода.

²¹ Исследование неудачных случаев сепаратизма поможет узнать, при какой совокупности факторов сепаратизм отдельной территории будет успешным.

Сведения об авторах

Бахарев Дмитрий Сергеевич – магистр истории, аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

e-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

Бобров Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета (Барнаул).

e-mail: BDS-eureka@yandex.ru

Болдырев Виталий Евгеньевич – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток).

e-mail: boldyrev89@list.ru

Васильева Дарья Сергеевна – магистр истории, аспирант Института истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург).

e-mail: darya2310@ya.ru

Вишневецкая Анастасия Вячеславовна – лаборант-исследователь Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

e-mail: anastasia.v.vishnevskaya@gmail.com

Головачева Ульяна Евгеньевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

e-mail: ulia-golovacheva@ya.ru

Дементьев Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

e-mail: dementjev.ap@yandex.ru

Егоров Станислав Олегович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Новосибирского государственного медицинского университета.

e-mail: segorov752@gmail.com

Ермаков Евгений Сергеевич – магистрант Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины.

e-mail: ermakovgeka@gmail.com

Калашников Андрей Алексеевич – студент Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).

e-mail: astralnykeks@gmail.com

Кебак Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета.

e-mail: kta_06@list.ru

Киселев Михаил Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, старший научный сотрудник Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

e-mail: mihail.a.kiselev@gmail.com

Колобова Анастасия Вячеславовна – студент Санкт-Петербургского государственного университета.

e-mail: kolobova.asia@mail.ru

Конев Кирилл Александрович – магистр истории, ассистент Национального исследовательского Томского государственного университета.

e-mail: konev-k-92@rambler.ru

Копылов Иван Владимирович – старший преподаватель Сибирского государственного университета науки и технологий им. М.Ф. Решетнева (Красноярск)

e-mail: Kopilov_ivan@mail.ru

Куденко Наталья Валерьевна – магистр истории, сотрудник научно-исследовательской компании «kuko.science» (Барнаул).

e-mail: natashakudenko@yandex.ru

Кулинок Святослав Валентинович – заведующий отделом Белорусского государственного архива научно-технической документации (Минск).

e-mail: svkulinok@tut.by

Манин Даниил Олегович – студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

e-mail: daniil-manin@mail.ru

Мартынов Алексей Сергеевич – аспирант Донецкого национального университета (Донецк).

e-mail: project2070@mail.ru

Морозова Полина Анатольевна – студент Санкт-Петербургского государственного университета.

e-mail: polina_2312@bk.ru

Морозова Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск).

e-mail: mti137@yandex.ru

Новикова Арина Дмитриевна – студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва).

e-mail: arinaco17@gmail.com

Олейник Руфина Рушановна – лаборант Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета.

e-mail: timkaq1@mail.ru

Плясуля Антон Александрович – независимый исследователь (Новосибирск).

e-mail: antonplyasulya1991@gmail.com

Сердюк Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент Омского государственного университета путей сообщения.

e-mail: a.serdyuk@mail.ru

Соловьева Елена Вячеславовна – магистрант Удмуртского государственного университета.

e-mail: alientotchka@yandex.ru

Старышкина Анастасия Андреевна – аспирант Института истории СО РАН (Новосибирск).

e-mail: staryshkina@mail.ru

Тарабрин Сергей Юрьевич – магистр истории, аспирант Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

e-mail: tarabrin.serzh@yandex.ru

Тиникова Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан).

e-mail: lena.tinikova@mail.ru

Тупицина Елизавета Евгеньевна – студент Дальневосточного федерального университета (Владивосток).

e-mail: zevashka73@gmail.com

Фенько Елизавета Юрьевна – студент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону).

e-mail: liza.fenko.98@mail.ru

Филиппенко Ольга Вячеславовна – научный сотрудник, докторант Йенского университета им. Фридриха Шиллера (Германия).

e-mail: olga.filippenko@uni-jena.de

Чернова (Козлова) Ирина Сергеевна – магистр истории, аспирант, стажер-исследователь Института истории СО РАН (Новосибирск).

e-mail: chernovairina0611@mail.ru

Шайхутдинова Диляра Василевна – магистрант Тюменского государственного университета.

e-mail: Delora12@yandex.ru

Швецов Юрий Андреевич – студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

e-mail: Schwetsov.yury@yandex.ru

Шевченко Сергей Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель Национального исследовательского Томского государственного университета.

e-mail: shevchenkovskrs@yandex.ru

Шестопалова Анна Сергеевна – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета.

e-mail: chestopalova94@mail.ru

Шматов Михаил Юрьевич – магистрант Новосибирского национального исследовательского государственного университета.

e-mail: shmatov2009@yandex.ru

Юршина Виктория Александровна – магистр истории, аспирант Тюменского государственного университета.

e-mail: 18tara@mail.ru

Содержание

Источниковедение и историография

- В.А. Юршина.* Герменевтический анализ летописных известий о присоединении уделов братьев Ивана III к Москве.....3
- У.Е. Головачева.* Конфликты о земле в Русском государстве XV–XVI вв. в историографии: столкновение частных интересов, социальная борьба или государственная политика?.....14
- Д.С. Бобров.* Г.Ф. Миллер о складывании государственной границы России на юге Западной Сибири.....24
- М.А. Киселев.* Геополитическая конкуренция как фактор развития абсолютизма в России: советская историография.....33
- Д.С. Васильева.* Рабочие танковой промышленности в годы Великой Отечественной войны: историографическая ситуация.....44
- С.О. Егоров.* История в картинках: проблемные вопросы болгарской истории в детском комиксе «Дъга» (1979–1989 гг.).....53

Демографическая история

- А.В. Вишневская.* Православное население Екатеринбурга по материалам метрических книг (конец XIX – начало XX в.).....63
- Д.С. Бахарев.* Младенческая смертность в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в.: опыт пространственного анализа.....75
- Е.Е. Тиникова.* Динамика численности городского населения национальных республик Южной Сибири в 1945–2017 гг. и обусловившие ее факторы.....83
- И.В. Копылов.* Распределение браков горожан Красноярского края по возрасту жениха и невесты в 1960-е – 1980-е годы как характеристика репродуктивной стратегии.....95

Общество и власть в мировой истории: проблемы взаимоотношений

- И.С. Чернова.* Характерные черты профессиональной деятельности сибирских журналистов второй половины XIX – начала XX в.....106

<i>А.А. Калашников.</i> Начало реорганизации структур ведомства бывшего Кабинета на Алтае в контексте ликвидации кабинетского землевладения (декабрь 1917 – январь 1918 г.).....	117
<i>А.П. Дементьев.</i> Характеристика левых и правых политических сил в публицистике А.М. Гневушева (1917–1919 гг.).....	130
<i>К.А. Конев.</i> Официальные банкеты в контексте публичной политики Временного Всероссийского правительства и Российского правительства А.В. Колчака: презентация образа иностранных союзников.....	141
<i>Т.И. Морозова.</i> Социокультурные и политические характеристики членов Сибирского областного бюро РКП(б) – Сибирского бюро ЦК РКП(б) (3 декабря 1919 – 11 мая 1924 г.).....	152
<i>М.Ю. Шматов.</i> Дискурс военной угрозы в массовых политических кампаниях в Западной Сибири (1936–1938 гг.).....	170

**Социально-экономические процессы в мировой истории:
тенденции, содержание, результаты**

<i>Е.В. Соловьева.</i> Особенности семейных отношений в России XVI в. глазами иностранцев.....	183
<i>В.А. Сердюк.</i> Использование женского труда на железных дорогах Российской империи в 1860-е – 1880-е годы: социально-правовые аспекты..	193
<i>А.А. Старышкина.</i> Актуализация гендерной идентичности в эго-документах журналисток конца XIX – начала XX в.....	207
<i>А.С. Шестопалова.</i> Отражение «социального самочувствия» офицеров Российской армии после русско-японской войны и Первой русской революции 1905–1907 гг. в отечественной публицистике.....	219
<i>С.А. Шевченко.</i> Использование труда заключенных на строительстве автомобильных дорог в штате Вашингтон в 1907–1911 гг.....	228
<i>П.А. Морозова.</i> Влияние Первой мировой войны на мировоззрение и повседневную жизнь российских школьников (1914–1918 гг.).....	240
<i>Н.В. Куденко.</i> Положение заключенных в алтайских исправительно-трудовых домах в 1920-е годы.....	250
<i>Р.Р. Олейник.</i> Дорожное хозяйство Башкирской АССР в 1920-е годы.....	261
<i>А.А. Плясуля.</i> Институциональные изменения в структуре совхозных трестов Сибири в конце 1920-х – середине 1930-х годов.....	271
<i>Д.В. Шайхутдинова.</i> Становление и развитие советской системы общественного питания в Тюмени в 1920-е – 1930-е годы.....	284

<i>О.В. Филиппенко.</i> Социализация и социальная адаптация спецпереселенцев через систему средне-специального и высшего образования (Томск, конец 1940-х – начало 1950-х годов).....	295
<i>Е.Е. Тупицина.</i> Отражение повседневности советского общества в личных дневниках и мемуарах творческой интеллигенции 1970-х – начала 1980-х годов.....	308

История культуры, науки и образования

<i>С.Ю. Тарабрин.</i> Ордынская политика ростовских епископов Кирилла и Игнатия.....	318
<i>А.Д. Новикова.</i> Московские праздники Екатерины II: символика и значение.....	327
<i>Ю.А. Швецов.</i> Модернизация образовательной деятельности военно-учебных заведений в период правления Николая I.....	336

Военная история и международные отношения

<i>Д.О. Манин.</i> Проект франко-русского договора 1668 г. и его значение для развития франко-русской торговли.....	345
<i>Е.Ю. Фенько.</i> Плен во времена Кавказской войны в источниках личного происхождения (1817–1864 гг.).....	355
<i>А.С. Мартынов.</i> Украинский военный коллаборационизм в городе Горловке в период нацистской оккупации Донбасса (1941–1943 гг.).....	365
<i>С.В. Кулинок.</i> Подготовка немецкой разведывательно-диверсионной агентуры из числа советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны.....	379
<i>А.В. Колобова.</i> Взаимодействие Межпарламентской Ассамблеи СНГ с общественностью государств-участников СНГ в 1992–1995 гг.....	388

Теория и методология истории

<i>Т.А. Кебак.</i> Репрезентации «инородческого» населения Сибири на страницах изданий Русского географического общества 1920-х – 1930-х годов: методология и источники.....	397
<i>В.Е. Болдырев.</i> Проблемы гуманитарных корреляций в новейшей социально-политической истории США.....	405
<i>Е.С. Ермаков.</i> Единая теория сепаратизма: философско-методологические основания и перспективы создания.....	415
<i>Сведения об авторах</i>	424

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Сборник материалов
Всероссийской молодежной научной
школы-конференции с международным участием
(27–29 сентября 2018 г.)

Литературный редактор, корректор:
К.Л. Захарова

Верстка, допечатная подготовка
В.В. Введенский, Д.В. Ильина

Подписано в печать 08.11.2018 г.
Формат 60x84/16. Гарнитура PT Serif
Уч.-изд. л. 21,36. Усл.-печ. л. 25,11
Тираж 120 экз. Заказ № 250

Издательско-полиграфический центр НГУ.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2